

**ВЗГЛЯД ЗАПАДА
НА РОССИЮ**



Джеффри Хоскинг

РОССИЯ И РУССКИЕ



Книга 1



**Джеффри
Хоскинг**

РОССИЯ И РУССКИЕ

ВЗГЛЯД ЗАПАДА НА РОССИЮ



Джеффри Хоскинг

Джеффри Хоскинг

**РОССИЯ
И РУССКИЕ**

Книга 1

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
Москва
2003

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Х84

Geoffrey Hosking
RUSSIA AND THE RUSSIANS. A HISTORY
2001

Перевод с английского
Р.А. Арсланова, О.Р. Арслановой (предисловие, введение, ч. I—II),
Е.А. Богачевой (ч. III—IV)

Печатается с разрешения автора
и David Higham Associates Limited c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 12.06.2003. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 2 500 экз. Заказ № 2404

Хоскинг Дж.

Х84 Россия и русские: В 2 кн. Кн. 1: Пер. с англ. / Дж. Хоскинг. —
М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. — 494,
[2] с.: 28 л. ил.

ISBN 5-17-020088-9 (Кн. 1)

ISBN 5-17-013407-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9578-0325-1 (Кн. 1)

ISBN 5-9578-0135-X (ООО «Транзиткнига»)

Как ни парадоксально это звучит, наиболее интересные — в смысле оригинальности и нетрадиционности взгляда — исследования истории НАШЕЙ СТРАНЫ всегда, с древнейших времен, создавали ИНОСТРАНЦЫ

Почему?

Возможно, здесь сказывается суровая непредвзятость ОБЪЕКТИВНОГО НАУЧНОГО КРИТИЦИЗМА? Возможно, нам любопытна сама попытка «понять Россию умом»? Возможно

Впрочем, прочитайте в чем-то явно спорную и неоднозначную, но в чем-то — бесконечно точную книгу специалиста по истории России, профессора Лондонского университета Джеффри Хоскинга «Россия и русские» — и решайте сами!

.. Спорьте Не соглашайтесь. Размышляйте!

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Geoffrey Hosking, 2001

© Перевод Р.А. Арсланов, О.Р. Арсланова, 2003

© Перевод Е.А. Богачева, 2003

© ООО «Издательство АСТ», 2003

Предисловие

Россия — одно из самых великих в истории государств, выживших несмотря ни на что. В той или иной форме она существовала более тысячи лет и часть этого времени была самой обширной по территории державой на земле. Ныне Россия является одной из самых значительных держав Евразии и останется таковой.

Эти факты необходимо подчеркнуть особо, ибо в последние годы западные политики начали утверждать, будто Россию больше не стоит воспринимать всерьез, что как противник или потенциальный союзник она не заслуживает никакого внимания. В этом отношении наши взгляды менялись даже в течение последнего десятилетия. Чуть более десяти лет назад Россия — тогда еще Советский Союз — представлялась главам западных государств партнером, готовившимся к принятию демократии и рыночной экономики, а также к вступлению в большой альянс, чтобы создать мир во всем мире и полную гармонию. Этим надеждам не суждено было быстрое осуществление, а Россия в процессе их реализации стала заметно слабее. И теперь мы предполагаем, что ее можно игнорировать и не принимать в расчет при решении международных дел.

Как сегодняшнее, так и десятилетней давности отношение к России является иллюзией и базируется на незнании сущности России, ее природы. Именно этот пробел в знаниях и призвана заполнить данная книга. Россия не исчезнет, не сойдет с мировой арены — она продолжит играть главную

роль в формировании мира XXI в. и, бесспорно, роль отрицательную.

В этом заключается еще один повод для более полного изучения России. Большинство европейцев и североамериканцев она воспринимается как великая Другая, понятная, но до конца непонятая, как культура, через призму которой мы начинаем больше ценить свою собственную. Россия достаточно близка нам и достаточно похожа на нас, и поэтому ее судьба имеет важное для нас значение. Когда мы разговариваем с русскими коллегами, когда читаем Толстого или слушаем Чайковского, мы знаем, что соприкасаемся с частью нашей цивилизации. Мы больше узнаем о высокой культуре России и понимаем, что ее истоки, как правило, самобытны и не схожи с нашей культурной традицией. Русская музыка и литература продолжают пользоваться неизменной популярностью в большинстве западных стран, а богатство ее изобразительных искусств мы открыли для себя в XIX и XX вв.

Это сочетание отдаленности и близости означает, что мы не должны питать стойких иллюзий по отношению к России, похожих на те, в которых нас подозревает и обвиняет Эдвард Саид по отношению к Востоку. Нашим противоречивым чувствам существует историческое объяснение. На протяжении тысячелетий Россия множество раз меняла свою сущность и свои границы. Ее народы сами кардинально меняли свое мнение о том, что они подразумевают под «Россией». В июле 1998 г. последний русский император Николай II и его семья были похоронены в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости. Можно сказать, что русские люди разных убеждений пришли на церемонию, чтобы одновременно и оплакать, и воспеть свою историю. Политики же из большинства партий не явились, так же, как и Патриарх Московский и всея Руси; даже президент решил посетить крепость лишь в последний момент. Прошлое все еще разделяет русских так же сильно, как и настоящее. До сих пор продолжают споры о национальном флаге, тексте национального гимна, даже о названии страны: многие россияне не отождествляют нынешнюю Российскую Федерацию с тем, что они понимают под словом «Россия».

Эта книга — попытка отыскать корни нашего противоречивого отношения к России и противоречивого отношения русских к их собственной стране. Она сфокусирована на разнообразии форм самосознания, которые менялись в России в течение веков. В ней изложены основные факты, необходимые для читателя, впервые знакомящегося с темой. В то же время она разбита по темам, так чтобы читатель, ищущий определенную информацию, мог свободно это сделать.

Школа славянских и восточноевропейских наук Университетского колледжа Лондона, особенно факультет истории и Центр русских наук, предоставили мне нужную поддержку и близких по духу коллег во время моей работы над книгой. А вклад библиотеки колледжа переоценить невозможно. Я выражаю благодарность издательству «Харпер Коллинз» за разрешение воспроизвести текст работ «История Советского Союза» (третье издание, 1992) и «Россия: народ и империя, 1552—1917»; «Славянскому и восточноевропейскому обозрению» за позволение использовать материал моей статьи «Патронат и русское государство» (том 78, апрель 2000). Я особенно признателен Бобу Сервису за прочтение и комментарии черного варианта, а также Роджеру Барлетту, Питу Дункану, Сьюзан Моррисси и моей дочери Кате за их комментарии к той части. Любые ошибки и недоразумения прошу считать следствием моего упрямства. Сердечное спасибо Мюрэю Поллинджеру и Брюсу Хантеру, неутомимым литературным агентам; Аиде Дональд и Стюарту Проффиту, преданным своему делу, опытным и внимательным редакторам; Кэролайн Ньюлав, администратору, с легкостью выполнявшей рутинную работу, которую авторы ненавидят, но обычно вынуждены делать; и более всего моей жене Анне и дочери Дженет, которые годами терпели раздражительного, сварливого, постоянно занятого и часто отсутствовавшего мужа и отца.

*Университетский колледж, Лондон
Март 2000*

Введение: геополитическое положение, природа и национальный характер

Равнина Северной Евразии не только географическое место расположения России, но и фактор, во многом определивший ее историческую судьбу. От Карпатских гор на западе до Большого Хингана на востоке простирается обширная равнинная территория, которая, в свою очередь, делится на четыре природные зоны. На юге находится пустыня с оазисами у рек, берущих начало в горах и текущих вдоль южной и восточной границ. Далее находится степь — территория с умеренной влажностью, покрытая травами и кустарниками, иногда прерываемыми оврагами и речными долинами. Севернее тянутся хвойные леса, сменяющиеся лиственными; лишь к западу от Уральских гор полоса смешанного леса превращается в обширную и изолированную природную зону. Наконец следует тундра: болотистая малонаселенная территория с очень холодным климатом. По тундре текут широкие реки, впадающие в Северный Ледовитый океан и большую часть года покрытые льдом.

Всю вышеупомянутую территорию можно отнести к «Внутренней Евразии», состоящей из земель, входивших до 1990 г. в состав Советского Союза, а также из Монголии и района Синьцзян. Окруженное горами на востоке и юге и океаном, постоянно скованным льдом, на севере, это пространство не имело естественных границ на западе. С другой стороны, Уральские горы, расположенные на западе и обра-

зующие условную границу между Европой и Азией, были слишком низки и легкопреодолимы, то есть не могли служить серьезным барьером для проникновения извне. Полноводные и протяженные реки России — подобные редко встречаются в мире — протекали преимущественно по открытой равнинной территории и являлись удобным транспортным путем. Азиатские торговцы, заплывавшие в Волгу из Каспийского моря, полагали, что такая величественная река должна брать начало в высоких горах. На самом же деле ее исток находится на скромной Валдайской возвышенности, расположенной южнее Новгорода.

Два самых южных природных пояса, особенно степь, представляли собой типичное для кочевников место обитания. Редкая растительность, малое количество осадков и открытость территории сделали эти регионы неблагоприятными для сельского хозяйства, несмотря на высокую плодородность большей части их земель. Без использования систем орошения земледельцы собирали очень скудный урожай. К тому же они постоянно подвергались набегам кочевников. А стада крупного рогатого скота, овец, коз и кое-где верблюдов могли кормиться травой и листьями, передвигаясь с места на место. Кочевники пользовались продуктами скотоводства, например, молоком, мясом, кожей, но это не обеспечивало всех их потребностей. Поэтому кочевники были вынуждены сотрудничать с обитателями оазисов, вступать в контакт с иными культурами, находящимися за пределами их пастбищ. Внутренней Евразии приходилось вступать в контакт с Внешней Евразией. Но, торгуя с земледельцами и ремесленниками, скотоводы оказывались в менее выгодном положении, ибо они могли предложить весьма ограниченный выбор товаров — лишь то, что получали от своих стад. А эта продукция пользовалась небольшим спросом, так как производилась и оседлыми народами. В результате кочевникам-скотоводам оставалось лишь совершенствоваться в военном деле, дававшем им возможность обеспечить себе нормальное существование за счет подчинения других народов.

Чтобы защищать свои земли и стада, родственные этнические группы кочевников (числом от пятидесяти до ста)

объединялись, уделяя самое серьезное внимание военной подготовке наездников и лошадей. Особенный ужас конница кочевников стала внушать своим врагам после изобретения стремени, примерно в середине первого тысячелетия нашей эры. Стремя позволило искусному наезднику освободить обе руки для действия оружием — копьем или луком со стрелами¹.

Кочевники оказались непревзойденными воинами, но плохими строителями. (История могущественной Монгольской империи вполне может служить тому подтверждением — постройки были весьма непрактичными и недолговечными и начинали рушиться еще до окончания их возведения.)

Первое государство восточных славян было основано на юге Восточно-Европейской равнины, с центром в Киеве, второе на севере — в Москве. Цель их создания — защита от набегов кочевников. Особенно хорошо справлялась с защитной функцией Москва, что, возможно, и определило в дальнейшем ее доминирующую роль. В целом же расположение России — «прочнейшей» империи Внутренней Евразии — на крайнем ее западе, к западу от Волги, кажется вполне естественным.

Первое восточнославянское государство сформировалось благодаря главным образом внешней торговле. Через его земли с севера на юг проходили торговые пути из Скандинавии в Византию. Они пересекались с маршрутами, шедшими с востока на запад, то есть из Персии, Индии и Китая в Западную Европу. Эти пути были небезопасными из-за кочевников. Отчасти поэтому с XI по XIII в. центр восточнославянской цивилизации передвигался на северо-восток, в район с неблагоприятными для сельского хозяйства условиями. Однако этот недостаток компенсировался возможностью заниматься рыбной ловлей, пчеловодством, лесозаготовками и торговлей мехом.

Государство, пришедшее на смену племенным союзам, обладало качествами, обусловившими его долговечность: обширной территорией, богатыми ресурсами и выгодным стратегическим положением. Благодаря этому правители и их подданные могли стойко выживать, без конца отступая,

и продлевать свое существование, используя слабости соседей и не особенно страдая от собственных.

Территория, на которой создавалось Российское государство, имела и свои недостатки. Большая ее часть была неплодородной и отрезанной от моря (а следовательно, и от внешнего мира); существовали также препятствия для развития внутренних коммуникаций. Все это затрудняло передвижение людей и материальных ресурсов. Кроме того, границы России оставались уязвимыми и незащищенными, а ее территорию заселяли многочисленные народности, говорившие на разных языках, имевшие различные традиции, обычаи, законы и вероисповедания. Создать государство, которое смогло бы ассимилировать их всех, соединить в единое целое, казалось делом нелегким и временами практически безнадежным.

Парадоксальная комбинация необычайной силы и практически фатальной слабости обусловила характерные особенности Российской империи.

1. Из всех важнейших мировых империй Россия занимала самую обширную и самую разнообразную территорию. Ее границы охватывали тысячи километров. Она могла в равной степени завоевывать и быть завоеванной — и в течение веков поочередно страдала от нападений и нападала сама. За исключением нашествия монголов в XIII в., Россия более всего претерпела от вторжений с запада. В то же время с юга и востока исходила постоянная угроза, обусловленная «открытыми воротами» между Каспийским морем и Уралом. Тысячелетиями Россия была вынуждена тратить огромные усилия и средства на защиту границ: с XVI по XVIII в. как минимум половину своих войск она держала на *засечной черте* — укрепленной южной границе в степи. Используя относительную слабость разобщенных племен кочевников и даже больших этнических групп, Россия завоевывала и поглощала их территории. Это впоследствии ослабляло ее собственные границы и открывало дорогу для завоевания русских земель. С исторической точки зрения ситуация, складывающаяся в России с 1989 г., не является беспрецедентной. Во все времена люди, проживающие вдоль границы, от башкир и казаков до поляков, неоднозначно относились к самой идее империи. Соседи были то добрыми и пре-

данными друзьями, то сдержанными союзниками, то яркими противниками. В этой связи вышеупомянутый период — не отклонение от привычного пути, а, наоборот, проявление приверженности исторически типичному образцу.

2. Россия всегда была полиэтническим государством, не имела доминирующей нации, по крайней мере до попыток в XIX в. превратить русских в господствующий этнос. В стране сложилась династическая система правления, основанная на привлечении к государственным делам аристократии разных народов. Несравнимая ни с одной империей (может, единственное исключение — Британская) с точки зрения этнических и религиозных различий, Россия успешно управлялась многонациональным главенствующим классом, образованным из многих, если не из всех, подчиненных национальностей. К тому же такой подход обеспечил возможность разграничить внутреннюю и внешнюю политику России, помогая властям добиваться определенных целей на международной арене. Национальная терпимость и отсутствие дискриминации были позже унаследованы Советским Союзом, который до 1943 г. осуществлял связь с другими странами частично через Народный комиссариат иностранных дел и частично через Коминтерн, отпрыск коммунистической партии. Недаром один историк назвал Сталина «последним степным политиком»².

3. Российское государство было экономически неразвитым. Причина этой отсталости объяснялась расположением в природной зоне с экстремальными температурами, а также удаленностью с XV в. от основных мировых торговых путей. Из-за обширности территории государству с трудом удавалось мобилизовать и в полном объеме использовать все ее разнообразные и обильные ресурсы. Относительная экономическая отсталость обуславливалась не только природными недостатками (иначе отсталой могла бы быть и Канада), но и характерной для России цикличностью исторического развития. Огромные земельные и людские средства тратились на содержание армии и громоздкой политической верхушки. Экономический рост достигался скорее за счет расширения территории, чем внедрения новых технологий, которые в большинстве своем заимствовались за границей.

4. Российская империя находилась на стыке двух (по другой версии — трех) цивилизаций. Административное структурирование напоминало азиатскую империю, похожую и на китайскую, и на древние «степные» империи. В духовной и культурной областях Россия представляла собой по крайней мере в течение трех последних веков европейское государство, заимствуя многое у протестантских и католических стран. Религией же России являлась православная форма христианства, пришедшая в страну из Византии — восточной части Римской империи, более не существующей, но оставившей свой след на карте Европы. В разное время московские цари выбирали различные формы правления в соответствии с этими тремя элементами. Например, в XVI в. Иван IV был одновременно ханом (азиатским правителем) и базилевсом (христианским императором) и сопротивлялся искушению поддаться одной из крайностей. Так, он настороженно отнесся к концепции «Третьего Рима» как основы внешней политики государства, ибо ее принятие могло спровоцировать недовольство среди мусульманского населения страны.

Сочетая эти три цивилизационные традиции, Россия нередко уязвляла своих соседей. Московия в XVI в. описывалась одним путешественником-европейцем как «жестокая и варварская страна» и была вычеркнута из списка христианских государств, возглавляемых Ватиканом. В конце XVIII в. Россию осуждали за вмешательство во внутренние дела Польши с целью подорвать ее строй и уничтожить это государство (подобная стратегия часто использовалась при борьбе со степными соседями начиная с Казанского ханства). Однако недовольство Россией не помешало Пруссии и Австрии вместе с ней участвовать в разделах Польши, поэтому эти возмущения кажутся несколько лицемерными³.

Из-за огромной территории и уязвимости границ Россия нуждалась в авторитарном режиме. На практике же размеры страны и неразвитость экономики приводили к тому, что большинство населения оставалось без государственного контроля. Да и правительство нередко формировалось при неблагоприятных обстоятельствах, а следовательно, в спешке, что приводило к ненужности создания постоянных законов. Зато появлялась

возможность переписывать их каждый раз под новый установленный личной властью порядок. В этом отношении Россия несколько напоминала Древний Рим, правители которого были вынуждены руководить огромной империей посредством военной силы, укреплением личной зависимости и патернализма (однако законность и гражданские права были в Древнем Риме развиты сильнее, нежели в России)⁴. Подобные отношения были характерны для системы «дружины» и «кормления» в Киевской Руси и Московии, феодального крепостничества в имперской России и «номенклатурной» (назначение на должность) системы в Советском Союзе. Основная функция князя/царя/генсека сводилась к уничтожению независимых личностей, обладавших определенной силой и влиянием; и Иван Грозный, и Сталин посредством террора пытались или истребить их, или установить над ними полный контроль, но все попытки оказались безуспешными⁵.

В результате в российском обществе сложилась сильная власть, являющаяся его фундаментом, но обладающая слабыми политическими институтами, зависящими в основном от конкретных лиц. По мнению многих исследователей, в России отсутствовало «гражданское общество». Появление структур, используемых государством для набора рекрутов и сбора налогов, ухудшало обстановку, истощая ресурсы и ослабляя потенциально независимые институты. Даже сегодня, когда стратегическое положение России вызывает куда меньше опасений, отдельные структуры и в целом менталитет нации, связанные с прошлым страны, стали определенной помехой для установления рыночной экономики, гражданского общества и функциональной демократии. С политической, социальной и экономической точек зрения Россия до сих пор является страной, опутанной сетью патерналистских отношений, действующих по принципу «хозяин и слуга». В этом заключается причина трудностей постсоветской России, мешающая ей сформировать свое понимание гражданского сообщества.

Россию окружали страны, меньшие по площади, но влиявшие на ее развитие и являвшиеся сердцевинной (по выражению Ханфорда Маккиндора) других цивилизаций: 1) Скандинавия, сначала занятая викингами, потом датчанами, затем шведами;

2) Польша; 3) Турция (или Османская империя); 4) Персия; 5) Китай. В результате миграций и экспансии славянские племена, а затем и население Руси освобождались от чужеродного влияния этих территорий, образуя свое государство и свою народность. Благодаря уникальной способности к выживанию Россия могла пережить периоды слабости этих стран, занимать их окраинные территории или даже центр, как вышло в случае с Польшей. Сама же Россия пережила татаро-монгольское иго (XIII — XV вв.), нападения поляков и шведов в начале XVII в. Однако после этих ударов Русь/Россия поднималась на ноги, набирая все большую и большую силу. Россия доказала свою способность выживать в самых трудных ситуациях, смогла выстоять даже в период падения империи в начале XX в.

Россия выбрала политику централизации власти, призванную обеспечить стабильность, мирную торговлю и дипломатические отношения в стране. Слабая же власть на границах являлась одновременно и угрозой, и благом: угрозой потому, что создавала потенциальный вакуум или центр беспокойства, который мог уничтожить границы; благом — так как могла способствовать расширению территории государства. Для того чтобы избежать угрозы, но и не упустить блага, Россия должна была тесно сотрудничать с племенными и этническими лидерами, находившимися в зоне беспокойства, — получать нужную информацию, а затем влиять на них или приводить к раздору, потом объединять некоторых из них или же всех и, наконец, если возможно, подчинять себе. Таким образом, российская экспансия приводила к укреплению принципа «хозяина и слуги» в пограничных областях⁶.

Сельское хозяйство, жилье и пища

Задача центра — обеспечивать мощную экономическую базу и налаженные связи внутри страны. В этом плане евразийский центр был далек от идеала. Он всегда оставался малоперспективным, хотя и не безнадежным, для развития. Более плодородные южные территории подвергались засухе,

что приводило к неурожаю в неудачные годы. Кроме того, именно эти регионы были наиболее открыты для набегов кочевников. Северная же зона, покрытая густым лесом, оказалась менее уязвимой, но с холодным климатом, болотистыми и неплодородными почвами. Вообще можно сказать, что только широкий пояс лиственных лесов к западу от Урала позволил Руси стать колыбелью цивилизации. На этой территории можно было без труда вырубать деревья. Несмотря на тонкость подзолистого слоя, почва здесь была плодородной, так как палая листва образовывала достаточное количество гумуса. Первое восточнославянское государство, Киевская Русь, расположилось в лесостепи на юге страны. Однако со временем стала очевидной его чрезмерная уязвимость перед нападками кочевников. Именно поэтому центр Руси был перенесен на северо-восток, на территорию ополей, необычно плодородных для этой зоны земель. Располагалась эта территория между реками Клязьмой и Волгой, где появились города Владимир, Ростов и Суздаль. Москва, будущий центр Руси, лежала между последними двумя городами, но ближе к северной границе зоны.

До XVIII в. русские крестьяне жили по большей части в лесу или около него, как можно ближе к обильным запасам древесины. Именно из-за этого почти весь домашний скарб делался из дерева, за исключением топора, считавшегося ценнейшим орудием. Плуги и бороны были деревянными, хотя иногда их оковывали железом. Вся мебель также делалась из дерева, без гвоздей и шурупов, равно как и утварь: ложки, миски, тарелки и корыта. Телеги, сани и лодки — основные средства передвижения и перевозки — тоже изготавливались из древесины. Само жилище крестьянина — *изба* — строилось из бревен, тщательно отобранных, обрубленных, вытесанных, подогнанных под нужную форму, плотно сложенных и скрепленных друг с другом по углам дома. Обычно на окнах у избы были расписные или резные *наличники*. Даже после расселения крестьян в безлесной степи в XVIII в. основа жилища оставалась деревянной. Снаружи дом обмазывался глиной, смешанной с соломой, и был выбелен. Такая конструкция называлась *хатой*⁷.

Печь, единственная недеревянная часть дома, являлась самой важной его составляющей. Если все в жилище строилось членами семьи, то печь выкладывалась специалистами, так как ее неисправности могли серьезно осложнить жизнь всех обитателей избы. Обычно она делалась из кирпича или глины и занимала довольно много места в доме. В этом было свое рациональное зерно — печь использовалась не только для приготовления пищи, но и для сна. Один путешественник, посетивший Россию в XVIII в., описывал русское жилище таким образом:

«Крестьянские дома целиком и полностью сделаны из дерева, без применения камня, металла или стекла. У них удивительно широкие печи, занимающие четверть комнаты. Печь растапливается и закрывается вечером, и вся семья ложится на нее спать (и нужно сказать, довольно сильно обжигается). Если все они на печи не помещаются, то под потолком есть специальные полки, на которые и ложатся. На полу никто никогда не спит»⁸.

До XVIII столетия города на Руси тоже возводились из дерева. Энтони Дженкинсон, английский купец, посетивший русский север в 1557 г., сообщал, что в Вологде, «большом городе... дома построены из ели, без железа и без камня. Снаружи они покрыты березовой корой». Даже боярские городские дома и дворцы строились из дерева. Именно поэтому они не дожили до наших дней. Для сооружения церквей использовались кирпич и камень, но сохранились и старые деревянные церкви. Особенного внимания заслуживает потрясающая по красоте церковь Преображения в Кижях, расположенная на берегу Онежского озера. Украшена церковь двадцатью двумя небольшими куполами, установленными в несколько рядов друг над другом и венчающимися вверху куполом большего размера.

Скудная земля России тем не менее давала урожай. Изначально сельское хозяйство носило скорее экстенсивный, чем интенсивный характер. Лесной покров уничтожался путем вырубки и сжигания, и из почвы за короткий промежуток времени «выжималось» все, что возможно. Затем земля

истошалась, и сельскохозяйственные работы переносились на другой участок по соседству. Для возделывания земли крестьяне использовали соху, деревянный плуг (иногда с металлическим наконечником), который разрыхлял лишь верхний слой почвы, но зато вспахивал за день достаточную площадь земли. Этот метод приносил скромные результаты — обычно три колоса пшеницы на каждый посеянный, чего вполне хватало для пропитания. Однако в случае неурожая запасов не оставалось. А лето в России было коротким и непредсказуемым. Так, например, в Вологодской губернии в XIX в. время вызревания посевов длилось всего лишь с 8 июня до 20 июля (с 20 июня до 1 августа по григорианскому календарю). Сезон сбора урожая мог затянуться, но в любом случае морозы были неизбежны. Они могли повредить урожай или даже полностью уничтожить его. А скудные запасы приводили к тому, что в следующем году просто нечего было сажать⁹.

Наряду с голодом свирепствовали эпидемии болезней, усилившиеся после переселения части жителей на открытую Евразийскую равнину. Бубонная чума оставалась серьезной проблемой до конца XVIII в. Особенно тяжело пришлось русским людям в периоды с 1654 по 1656 и с 1770 по 1771 г. Последняя эпидемия чумы уничтожила почти 20 процентов населения Москвы и прилегавших к ней земель. После ослабления чумы появилась холера, унеся четверть миллиона жизней в 1830—1831 гг. и миллион жизней в 1847—1851 гг. Жертвами таких болезней, как тиф, туберкулез, пневмония и дизентерия, становилось очень много людей. Особенно тяжелыми были эпидемии в городах, где крайняя перенаселенность усугублялась плохой системой водоснабжения и частично загрязненными водными источниками. Заражение нередко происходило через грязную воду. С 1770 г. государство пыталось принимать профилактические меры, но практически безрезультатно. Сказывались и отсутствие достаточных средств, и подозрительность крестьян, с опаской относившихся к «гигиеническим» нововведениям, которые противоречили их традиционным представлениям и воспринимались как факторы, обострявшие болезнь¹⁰.

Если учесть постоянную угрозу пожаров в городах и деревнях, то можно сказать, что в стране складывалась крайне

тяжелая ситуация. Едва ли вызывает удивление, что в ту пору русские крестьяне устраивали свою экономическую и социальную жизнь так, чтобы снизить риск и заручиться помощью и поддержкой сородичей. Для этого и существовала община с ее *круговой порукой* или совместной ответственностью, с совместным принятием решений о земельных полосах. В земледелии существовала система чересполосицы, получившая особенное распространение в XVII и XVIII вв. в связи с ростом государственных налогов. Земля делилась между жителями деревни, а с течением времени перераспределялась. Таким образом, многие факторы, мешавшие развитию экономики, явились результатом тяжелых природных условий, что, в свою очередь, вело к попыткам крестьян всячески избегать риска и решать только насущные экономические проблемы¹¹.

Основную часть рациона русских крестьян составляли зерновые культуры, в первую очередь рожь (в некоторых регионах известная под названием *жито*, которое произошло от русского слова «жизнь»), растущая в основном в прохладной и влажной почве. Из ржаной муки пекли вкусный, питательный и несколько сыроватый хлеб, который стал традиционным дополнением к любому русскому блюду. Пшеница же и ее главное производное — белый хлеб считались роскошью даже после того, как в конце XVIII в. сельским хозяйством стали заниматься и в южных степях. Повсеместно выращивали гречиху, из нее варили *кашу*, до сих пор служащую гарниром к мясным блюдам. Овес предназначался для корма скота и для каш. Все зерновые культуры использовали для приготовления клецок и блинов, а также для загущения супов и для тушеных блюд. Из льна и конопли, в обилии растущих на севере страны, делали масло и ткани.

В отличие от Китая и некоторых западноевропейских стран в России не регулировались цена и качество злаковых культур. Правда, в конце XVI — начале XVII в. постоянная угроза голода приводила к попыткам это сделать, чтобы поддержать общественный порядок. По указу, вышедшему в 1734 г., в обязанности землевладельцев входила помощь своим крестьянам в случае неурожая. Но на практике мало кто поддерживал крепостных в

тяжелое для них время. В середине XVIII в. граф Шувалов предложил государству создавать зернохранилища на случай голода и в целях обеспечения армии, а также чтобы сдерживать рост цен на хлеб во время его нехватки. Но ничего не было сделано либо из-за трудностей, связанных с созданием хранилищ, либо потому, что землевладельцам высокие цены были на руку. В неурожайные 1785 и 1786 гг. отмечались случаи, когда люди питались листвой, сеном и мхом. Более эффективные меры по борьбе с голодом начали приниматься с 20-х гг. XIX в. Однако страшный голод повторялся и в 1891, 1932—1933, 1946—1947 гг. В XX в. положение ухудшилось, в первую очередь из-за политического режима в стране. Сказывалась и вечная проблема недостаточного количества скота, вынуждавшая русских крестьян делать ставку только на зерно как на основной объект купли-продажи. К тому же для удобрения земли постоянно не хватало навоза¹².

Земледельцы слишком сильно зависели от урожая зерновых культур. Случался то переизбыток хлеба, то недостаток. Это бы не так сильно отражалось на жизни крестьян, если бы молочные и мясные продукты играли большую роль. С наступлением зимы в лесу исчезали грибы и ягоды, меньше становилось овощей. Это вынуждало крестьян рассчитывать лишь на зерно и на то, чем удалось запастись на зиму¹³.

Государство пыталось разнообразить пищу крестьян путем «введения» картофеля (достоинством этого нового для России овоща являлась его питательность). Однако выращивание картофеля требовало больших и постоянных физических затрат, к тому же для земледельцев проблема заключалась даже не в нехватке земли. Они не хотели отказываться от привычных сельскохозяйственных работ в пользу новой культуры. Тогда их стали силой заставлять сажать картофель, что вызывало крестьянские бунты¹⁴.

Любопытен тот факт, что впоследствии его все же стали выращивать в центре и на севере России, притом абсолютно добровольно. Возможно, это было связано с острой нехваткой земли во второй половине XIX в., а картофель давал больший урожай, чем зерновые. Восстания же вспыхивали на востоке и севере, где земли было вдоволь¹⁵.

Основным овощем в течение многих веков оставалась репа, которая являлась своеобразным эквивалентом картофеля, пока последний не был завезен в Россию. В избытке выращивали свеклу и капусту, из которых варили супы. Капусту солили для длительного хранения; такая капуста называлась кислой. Солили также и огурцы. Чеснок и лук использовались для придания различным блюдам особого вкуса и запаха, которые многим иностранцам казались неприятными. В XVII в. Адам Олеарий заметил о русских: «Они часто добавляют в еду лук и чеснок. Поэтому во всех домах, даже в царских хоромах в Кремле, пахнет для нас, немцев, невыносимо!»¹⁶

Яблоки, груши и сливы издавна выращивали повсюду, в то время как вишни — в основном во Владимирской области. Леса изобиловали грибами и ягодами; многие русские и по сей день гордятся своим умением их собирать, несмотря на то что они постепенно исчезают из лесов вокруг больших городов из-за загрязнения воздуха.

Многочисленные реки и озера обеспечивали свежей речной рыбой, которую можно было солить, надолго сохраняя ее пригодной для еды. Рыбачили даже зимой: проделывали отверстие во льду и опускали туда удочку. Рыба была основным компонентом *закуски*, например селедка; из рыбы варили супы. Простые люди редко видели мясо на своем столе. К тому же Православная церковь запрещала есть мясо в посты, которые занимали почти полгода, разрешая есть рыбу практически круглый год.

Веками русские крестьяне держали в личном хозяйстве коров и коз. Благодаря этому у них была возможность готовить различные молочные и кисломолочные продукты: сметану, творог, варенец, простоквашу.

Традиционный напиток — водка — появился в середине XV в. после посещения московскими священнослужителями Ферраро-Флорентийского собора. За границей они познакомились с технологией изготовления очень крепкого спиртного напитка и легко ее переняли. Водка делалась на основе зерна, и употреблять ее начали именно в русских монастырях.

В течение XV в. в Московии получила распространение система трехполюя, благодаря которой повысились урожаи зерновых. Излишки же шли на изготовление спирта¹⁷.

Кроме водки, русские пили брагу, медовуху, мед для которой собирали на лесных пасеках, а также квас, который изготовлялся из слегка забродившего зерна.

Государство и Церковь были в равной степени заинтересованы в монополии на алкогольную продукцию частью из-за потенциальной прибыли, частью чтобы не упускать из виду общественные беспорядки. Они всячески использовали тягу русских людей к спиртному.

В древней летописи приводились слова князя Владимира, объяснявшие его отказ от принятия ислама как государственной религии: «Руси есть веселье питие, не можем без того быть»¹⁸. В монастырях алкоголь употребляли в умеренных количествах, но простые люди во время семейных торжеств пили много. И порой не могли остановиться. Закон, принятый в середине XV в. и распространявшийся на зависимых крестьян, гласил: «Если у кого-то в деревне праздник, туда могут идти только приглашенные. Выпившие гости не должны оставаться ночевать в доме хозяина»¹⁹.

К XVI в. церковные служители были крайне обеспокоены увеличением числа посетителей кабаков. По мнению священников, русские попойки заканчивались недопустимым с точки зрения христианской морали поведением их участников. К тому же празднества с употреблением алкоголя очень напоминали им языческое «беснование». «Мужчины и женщины предаются преступным удовольствиям, не знают меры в питье дурманящего напитка. Затем все начинают кощунствовать и святотатствовать, поют непристойные песни, играют на разных инструментах. Звучит дьявольская музыка и затеваются позорные игрища, выходки, шутки. И каждый мужчина наливает чужой жене и целует ее, а она одобряет это. Вокруг праздные разговоры и дьявольский разврат»²⁰. И это были не единственные последствия чрезмерного употребления алкоголя. В XIX в. стали проводиться серьезные социологические исследования, которые доказывали, что тяга к спиртному вела как к мелким, так и очень серьезным преступлениям. Кроме того, у любителей выпить развивалась своего рода зависимость, в жертву которой приносилось все — благополучие, здоровье, семья²¹...

Хотя государство и разделяло озабоченность Церкви, оно никогда не пыталось ограничить продажу алкоголя или радикально бороться с пьянством. Причина этого очевидна — деньги, вырученные за продажу спиртного, составляли немалую долю государственного дохода. Как заметил Александр I в начале XIX столетия: «Никакие деньги не поступают в казну так регулярно, пунктуально и легко, как прибыль от продаж алкогольной продукции; благодаря постоянной ежемесячной прибыли проблема затрат на различные нужды практически отпадает». В XVIII в. «пьяный» доход составил чуть ли не половину всех налогов, а в течение почти всего XIX в. — около трети или немного менее²².

В течение нескольких веков *кабаки* сдавались в аренду концессионерам или целовальникам, официальным лицам, которые обслуживали также двор, полицию и собирали налог на соль. Они, в свою очередь, отдавали казне часть прибыли. Система эта, конечно же, была далеко не идеальной. Она давала широкие возможности для обмана, так как во времена примитивных коммуникаций средства для проверки были довольно скудные и недобросовестные владельцы питейных заведений могли и извлекали громадные прибыли от утаивания истинных доходов или от продажи спиртного по завышенным ценам. При обнаружении обмана арендаторы давали назойливым чиновникам взятки и тем самым улаживали дело. Так, в 1805 г. губернатор Самарской области докладывал, что «все полицейские чины и большинство государственных регулярно получали деньги... от держателей питейных заведений»²³.

Позже государство пыталось связать налогообложение непосредственно с экономикой, испытывавшей недостаток денежных средств. Однако эти попытки вызвали лишь недовольство и не решили проблемы пьянства в России. В XVIII — XIX вв. землевладельцы были основными производителями спиртных напитков и, используя крепостной труд, получали приличную прибыль²⁴.

Чрезмерное употребление алкоголя являлось не только следствием гнета высоких налогов, но и результатом приверженности традициям. С давних времен восточные славяне пили во время празднеств. Возможно, такой ритм жизни был

продиктован и климатическими условиями — долгий период тяжелейшего труда сменялся не менее долгим периодом бурного отдыха. Пьянство помогало русским людям забывать о трудностях и монотонности их жизни, хотя, возможно, это мнение людей XX в. о совершенно отличном от нас мире. Алкоголь играл немаловажную роль и в жизни общин. Люди сближались, выпивая вместе. Русские мужчины считали алкоголь обязательным атрибутом общения, независимо от того, что по этому поводу думали их жены и дети.

Таким образом, пагубное взаимодействие народных обычаев, тяжести налогов и заинтересованности помещиков и государства в прибыли приводило русских людей к постоянному пьянству. Нужно отметить и некоторые крайности самого процесса питья — русские предпочитали употреблять или очень крепкие напитки (водку), или совсем легкие (квас), вместо того чтобы отдавать предпочтение чему-то среднему, например вину или пиву, как было в большинстве европейских стран. Квас изготавливался в домашних условиях из солода или хлеба, содержал менее 2 процентов алкоголя и был повседневным напитком простого населения. Водка же производилась с помощью определенного перегонного оборудования и требовала некоторых затрат. Фигурально говоря, она являлась роскошью. После употребления водки опьянение наступало очень быстро, особенно если сразу выпивался целый стакан. Отказ составить компанию воспринимался (да и сейчас воспринимается) как оскорбление. Квас пили каждый день, водка предназначалась для особых торжеств. Именно таким образом проводилась четкая линия между буднями и праздниками в жизни русских крестьян.

К концу XVIII в. в России стал распространяться чай, пришедший из Китая и составивший альтернативу алкоголю. Поначалу чаепитие считалось элементом мещанского быта и служило как бы мерилom, отличавшим богатых купцов от аристократии. С середины XIX в. на Черноморском побережье Кавказа, в Грузии, появились уже свои плантации, напиток сильно подешевел и стал доступен практически каждому. Существует мнение, что первым эти плантации завел некий шотландец, взятый в плен в период Крымской войны и не

представлявший жизни без чашечки чая. Самовар же (который, несмотря на то что считается квинтэссенцией русского быта, кажется, произошел от английского или голландского кофейника) стал символом домашнего уюта. К концу XIX в. самовар превратился в важнейший атрибут жилищ простого народа как в городе, так и в деревне. Церковнослужители и социальные реформаторы надеялись, что чаепитие сможет хоть немного отвлечь людей от распития водки²⁵.

Другим важным составляющим русской пищи являлась соль. Она использовалась как приправа, но больше всего ценилась ее способность консервировать продукты. Это имело особенное значение в случае длительных переездов и в те времена года, когда овощи почти не росли. Соли всегда было достаточно, к тому же это простой минерал, получить его — дело несложное, и добыча соли стала одной из наиболее важных сфер несельскохозяйственной деятельности вплоть до XVIII столетия. Например, для этого использовались морская вода или соляные растворы, выкачиваемые из-под земли. Жидкость подвергалась кристаллизации и последующему испарению на солнце. Эта техника была известна еще с древности по всему побережью Белого моря. Соловецкий монастырь являлся тогда важнейшим производителем и поставщиком соли. Помимо побережья, минерал получали на территориях вдоль рек Сухоны, Вычегды, Северной Двины и на большом протяжении Камы и Волги.

В XVI в. у этих регионов появились конкуренты — район низовья Волги и Астрахани, где располагались соляные озера. Как отмечал Олеарий, «соль находится в озерных лагунах и соляных топях. На поверхности под воздействием солнца выступает слой чистейших кристаллов соли толщиной в палец... Русские делают на этом неплохие деньги: отправляют соль в большом количестве к берегам Волги, грузят ее там и везут по всей России»²⁶. Великие князья облагали торговцев солью налогом. Его размер варьировался в зависимости от времени и места, но в целом был небольшим. Когда в середине XVII в. царь Алексей Михайлович попытался значительно повысить его в военных целях, это вызвало массовые народные восстания.

Менталитет. Ключевые понятия — «мир» и «правда»

Проживание в зоне рискованного земледелия, к тому же уязвимой для врагов, сформировало ряд особенностей русского менталитета, который стал кардинально меняться лишь на пороге XXI в.

Вопрос шел о выживании. Во время посевов и сбора урожая крестьянам приходилось работать на износ. Весь комплекс сельскохозяйственных работ назывался *страда* (возможно, именно от этого слова произошло более позднее — страдания). С другой стороны, в течение шести-семи месяцев в году земледелие становилось невозможным из-за погодных условий: мороза и снега. Чтобы как-то прожить, крестьянину приходилось заниматься чем-то еще, кроме сельского хозяйства: делать мебель, шить одежду, мастерить какие-то вещи для дома или на продажу на местных рынках. Идеальным стал тип разносторонне развитого, гибкого, энергичного, но необязательно готового к постоянному труду человека. Как отмечал историк XIX в. Василий Ключевский: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»²⁷. Разносторонняя развитость и выносливость при очень тяжелом труде частично объясняют то, что при хорошем руководстве русские становились прекрасными солдатами.

Следует отметить, что любая, даже интенсивная или долговременная работа, могла оказаться безрезультатной. Случалось это из-за неблагоприятных природных условий, когда, например, обильные дожди и град уничтожали посевы и весь непосильный труд земледельцев оказывался напрасным. Крестьяне стремились избежать подобных неожиданностей, изучая «сигнальную систему природы» — изменения неба, солнца, луны, то, как качались деревья и текли потоки воды. Вообще языческая вера в духов леса, полей и рек довольно долго сохранялась на территории России. Но как бы умело

ни распознавали крестьяне знаки природы, они были бессильны перед внезапным несчастьем. Русские люди не стремились планировать все заранее, просчитывать возможность неудачи в каждом деле. Они предпочитали надеяться на судьбу и вместе с тем боялись «злых духов», способных навредить в любой момент.

Во время *страды* любые помехи — болезнь, потрава, пожар, обязанность работать на барина — могли стать угрозой для всей хозяйственной продукции за целый год. Крестьяне нуждались в общине. У семьи было больше шансов выжить, если в экстренном случае она могла рассчитывать на чью-то помощь и соответственно помогать соседу в трудную минуту. Обычай «помочи» сложился не из-за всеобщего альтруизма, а в результате осознания крайней необходимости взаимовыручки. Крестьяне участвовали в постройке чужого сгоревшего дома или в сборе урожая для ослабленного больного. Если это было возможно, тот, кто принимал помощь, угощал тех, кто ее оказывал. Таким образом, работа переходила в празднество: распитие водки, танцы, пение. Если семья была слишком бедна для того, чтобы устраивать торжества, она обязывалась, в свою очередь, оказывать любую помощь²⁸.

Взаимоподдержка была необходима не только в экстренных случаях. Ограниченность средств существования вынуждала односельчан искать соглашения по различным вопросам. Например, договариваться об использовании лесов, общих земель, дорог, мостов и водных ресурсов, а также о праве на сбор колосьев после жатвы. Конфликты могли угрожать жизни не только отдельных людей, но и существованию всей общины. Не случайно крестьянская община называлась *мир* — это слово обозначало ее главный идеал. В Англии «королевский мир» устанавливался «сверху», через шерифов и королевский двор. В средневековой Руси князь был слишком далек от народа, а общины слишком бедны. В результате они сами обеспечивали свой внутренний порядок. Источники не сообщают об используемых ими методах самоуправления, хотя регулярные собрания глав семей могли являться одним из них. Эти собрания помогали решать многие проблемы и находить согласие в спорных вопросах, стараясь не слишком

ущемлять личные интересы. Общая ответственность (*круговая порука*) существовала в качестве обычая задолго до ее закрепления в форме закона. В XVII в. она использовалась для сбора налогов, а затем и для рекрутского набора²⁹.

Внутри общины довольно часто случались конфликты между бедными и зажиточными крестьянами, молодежью и стариками, мужчинами и женщинами. Простой народ, опиравшийся на принципы равенства, господствовавшие в общине, с подозрением относился как к очень богатым, так и к очень бедным людям, так как бедные жили за счет помощи других, а богатые просто ни в ком не нуждались, кроме себя. Народная поговорка гласит: «Богатство — грех перед Богом, бедность — перед людьми»³⁰. Таким образом, равноправие и всеобщая гармония оставались недостижимыми идеалами для жизни общины.

Принцип общей ответственности накладывал отпечаток на деятельность всех социальных институтов, на законы, власть, традиции, собственность крестьян. Особенно это было заметно в отношении к земле. Крестьяне воспринимали землю как нечто принадлежащее Богу, а не человеку. Она являлась источником существования для всех, кто возделывал и был готов ее возделывать. В некоторых регионах с XVII в. мир воплощал эту идею в жизнь, перераспределяя полосы земли между членами общины и отдавая большие участки большим семьям, меньшие — меньшим. Налоги разделялись соответственно. Даже там, где этот принцип не действовал, оставалась вера в землю как в источник жизни. Когда во второй половине XIX в. в России стала утверждаться рыночная экономика, эта вера не помешала крестьянам продавать и покупать наделы. Крестьяне продолжали верить в то, что в случае войны, революции или голода они получат необходимый им минимум земли или она вся будет востребована общиной³¹.

В постсоветской России отношение к земле остается противоречивым. В то время как президент и правительство выступают за возможность свободной продажи земли, Госдума и немалая часть общества продолжают считать частную собственность на землю аморальной.

С тех пор как образовалась крестьянская община, русский народ начал разделять людей на тех, кто входил в нее, и тех, кто был вне общины. Разница между *мы* и *они* являлась довольно значимой, а суждение *он не наш* было сродни проклятию. Слова «у нас» (в нашей деревне, на нашей работе, в нашей стране) употребляются очень часто, а русские обычно удивляются, узнав, что в английском языке нет соответствующего эквивалента.

В каком-то смысле деревенская община была демократической, так как все ее члены принимали участие в принятии того или иного решения. Но, по сути, демократии, как мы сейчас ее понимаем, там не существовало. Все решения принимали главы семейств, доминирующие в общине старшие мужчины. Более юные представители мужского пола и женщины исключались или играли второстепенную роль в деревенской жизни. Принадлежность к общине предполагала самоконтроль, воздержание от конфликтов, которые могли бы ослабить семью или подорвать ее экономическое положение. Нарушение же норм пагубно отражалось на положении семьи и вызывало злые сплетни. И Православная церковь, и крестьянские обычаи предусматривали строгое соблюдение поста и целомудрие. Это обуславливалось как бедностью, так и необходимостью поддерживать моральные ценности общины³².

Эти ценности объединялись в понятие *правды*, довольно широкое, обозначавшее все праведное: справедливость, мораль, закон Божий, совесть. Правда являлась главным критерием в принятии общиной того или иного решения. Она была коллективной мудростью, накопленной многими поколениями. Вся жизнь рассматривалась как борьба правды с *неправдой*, *кривдой*. *Правда* отождествлялась с красотой и порядком, с чистым и аккуратно прибранным домом, засеянными полями и вовремя снятым урожаем. *Неправдой* являлся мир беспорядка и скверны, где в семьях случались постоянные конфликты, дом был грязным и неаккуратным, поля пустыми, а люди голодными. Правильный мир создавался Богом и находился под покровительством святых, в неправильном царил *нечистая сила*, дьявол. Государственные деятели оценивались общинниками по тому, в какой мере их поведение

соответствовало понятию правды. Царь — помазанник Божий — был призван олицетворять собой правду. Если же он этого не делал, то воспринимался в народном сознании как *лжецарь*, что приводило к поискам настоящего правителя³³.

Строгие нормы общественной жизни вызывали у крестьян подсознательное желание вырваться из-под их гнета и начать новую жизнь, полную *воли*. Многие молодые люди так и поступали: меняли семейный уклад или вообще покидали родное селение, отправляясь на границу, дабы пополнить ряды разбойников или примкнуть к казакам (слово «казак» происходит от тюркского «вольный человек»; казаки действительно были свободны от крепостной зависимости). В результате в стране росла миграция. Воля — это не то, что можно отнести к ценностям современного демократического общества (для этого существует слово *свобода*), а скорее отсутствие любого принуждения, возможность скакать в широкой степи, диком поле и жить там не смиренным трудом, а рыбалкой, охотой, иногда разбоем и грабежом. Воле нельзя найти эквивалент: это свобода кочевников, а не граждан. Ученый Дмитрий Лихачев увидел в ней «свободу плюс открытые пространства». Это определение помогает понять, почему так быстро вошла в состав России Сибирь, земля, по словам писателя Валентина Распутина, «сложившаяся из беглых крестьян и казаков»³⁴.

Члены общины нуждались не только друг в друге, но и во внешнем защитнике, представителе элиты, который смог бы предоставить им хотя бы минимальные средства к существованию, помочь в случае несчастья и немилости властей. Возможно, причиной крепостного права в России стало то, что в нем нуждались как помещики, так и крестьяне. Однако не все владельцы крепостных душ справлялись со своей ролью. Некоторые просто эксплуатировали и мучили своих крестьян. Вместе с тем они были заинтересованы в том, чтобы их работники жили и трудились. Часть душевладельцев содержала амбары с едой, чтобы накормить крестьян в случае голода, или давала работу бедным нетрудоустроенным жителям деревни. Связь между хозяином и его крепостными осуществлял избранный *староста*. Он рассказывал барину о нуждах крестьян, передавал приказы помещика и следил за их исполнением³⁵.

Миграция и колонизация

Трудности в ведении сельского хозяйства, с которыми сталкивались русские люди в центре государства, были обусловлены открытостью границ; к тому же безжалостные требования сборщиков налогов и вербовщиков на военную службу привели к тому, что с XVI в. многие крестьяне стали покидать родные места и отправлялись искать счастья на юг и восток. В течение веков этот нескончаемый поток, то ослабевавший, то усиливавшийся, представлял собой сильнейший двигатель имперских завоеваний и в немалой степени способствовал перенесению центра России в восточном и южном направлениях. Ключевский называл миграционный и колонизационный процессы «основной характерной чертой» российской истории³⁶.

Согласно налоговой записи, произведенной в 1678 г., около 70 процентов крестьян проживали на территориях Московии, сформировавшихся до XVI в., в то время как двумя веками позже, в 1897 году, там находились лишь 40 процентов, а около 60 процентов переселились на земли, осваиваемые с середины XVI в. (Центральное Черноземье, средний и нижний бассейны Волги, Южный Урал и Сибирь). В ходе этого перемещения люди, покидая общину, отправлялись в длительное и трудное путешествие. Крестьяне уезжали из леса в степь, где почва была более плодородной, а жизнь — более опасной (всегда оставалась угроза набегов кочевников). Переселенцы оказывались в регионе, связь которого с Русским государством вольно или невольно была менее прочной.

По прибытии крестьянам приходилось осваивать новую технику ведения сельского хозяйства. Почва действительно была лучше, но и намного тяжелее: *соха*, предназначенная для разрыхления легкой северной земли, не могла справиться с черноземом. Вот почему ее место занял *плуг*. Одновременно потребовалась тяговая сила (волы), что влекло за собой развитие скотоводства. Лес здесь был крайне редким, так же, как рыбный промысел, поэтому выращивание зерновых было основой земледелия. Крестьяне, привыкшие к заболоченной почве, осознали, что засуха несет с собой куда большую уг-

розу. Но постепенно труд стал приносить неплохие результаты: появились урожаи пшеницы, кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы, табака, которые можно было продать намного выгоднее, чем рожь и овес, выращиваемые на севере³⁷.

С XVI в. многие поселенцы направлялись государством на защиту границ, строительство засечных линий — цепей укрепленных городов, крепостей, блокгаузов, сваленных деревьев, крепостных валов и траншей. Эти засеки простирались с юго-запада на северо-восток. В течение последующих трех веков они стали проходить южнее и восточнее. Беглые крестьяне, обедневшие служилые дворяне, разбойники, казаки и даже татары, желавшие иметь земли и источник доходов, ехали туда и беспрепятственно устраивались на защиту границ. Условия службы предполагали некоторое ограничение свободы: нужно было занимать охранные посты, вести дозор и быть готовым присоединиться к конным войскам, отражавшим нападения врагов. За службу полагались земельный надел, защита и прибавка к доходу в случае голода. Некоторым позволялось иметь нескольких крепостных, но крупные крестьянские поселения там так и не сформировались до начала XVIII в., когда граница передвинулась дальше к юго-востоку. Те, кто жил вдали от крепости, собирались в большие деревни со значительным населением. Дома там располагались вдоль дороги, что давало доступ к источнику воды и помогало защищаться в случае нападения. Избы строились не из дерева, а из обожженной глины или кирпича³⁸.

В регионах, где находились поселения оседлых нерусских жителей, велась активная торговля. Там получили широкое распространение смешанные браки. Культурный уровень русских и местных жителей был примерно одинаковым, поэтому религия и образ жизни «туземцев» не казались прибывшим чем-то принципиально новым. В итоге образовалась единая синкретичная культура, с элементами шаманства и анимизма в верованиях, перемешанных с христианскими мотивами. Иногда русские перенимали кухню, одежду и даже язык местных жителей³⁹. Степь соединяла и разделяла людей; нашествие русских не принесло с собой вируса какой-либо неизвестной болезни, которой могли заразиться местные

жители. Обратная ситуация складывалась, например, в Северной и Южной Америке с XVI по XVIII в.

Однако процесс колонизации не был безболезненным. Русское государство предпочитало оседлое население кочевникам, так как оно было более мирным и легче уплачивало налоги, и поэтому кочевникам навязывался оседлый образ жизни и делалось все возможное, дабы закрепить за ними земельные участки, одновременно пастбища предоставлялись новым владельцам. Такая политика вызывала жестокую враждебность местных жителей. Особенно яростно против русского вторжения выступали башкиры, которые многократно восставали в конце XVI и в конце XVIII в.⁴⁰ Жители Северного Кавказа, особенно чеченцы, в течение десятилетий упорно воевали против русского господства, пока не были побеждены в 1860 г. Калмыки, вынужденные отдать свои пастбища новым хозяевам, а дома — армии, окруженные линиями укрепления и поселениями, оставили надежду на нормальное существование в низовьях Волги и в 1770 г. попытались в массовом порядке мигрировать на землю предков в Центральной Азии. Но дошла до цели только треть из них. Остальные (около 100 000) умерли во время долгого перехода через пустыню от голода, болезней, жары, холода и нападений кочевников-казахов⁴¹.

Парадоксальная ситуация складывалась в центре русских поселений и на их окраинах. Крестьяне, ненавидевшие государство и убегавшие от него, в результате становились его действенной силой. Эти «колонизаторы», которым Ключевский отвел главную роль в истории России, пытались уйти от государства и в то же время искали его поддержки. Мотивы покинувших родные пенаты походили на мотивы англичан, отправившихся в американские колонии: нужно было строить новую жизнь на новых, опасных территориях, родина должна была оказывать им всяческую поддержку, а они — приветствовать эту охранявшую их руку. Процесс миграции влиял на громадный рост населения, в результате которого к XVIII в. русские стали чуть ли не самым многочисленным народом в Европе. К тому же этот рост происходил без повышения уровня развития сельского хозяйства. Как отметил Дэвид Мун: «...осваивая и вспахивая участки леса и степи...

большинство русских крестьян продолжало использовать традиционные методы экстенсивного сельского хозяйства и интенсивного труда»⁴².

Ситуация на российских границах

Открытость, которая благоприятствовала практически безграничной колонизации, делала Россию восприимчивой к различным культурным влияниям, исходившим от всех частей Европы. В первые века своего исторического развития Россия была страной скорее азиатской, нежели европейской, унаследовавшей анимизм и шаманство от Монголии, ислам от Персии и Турции и восточный вариант христианства, возникший на границах Европы и Азии.

Россия разрывалась между Востоком и Западом по крайней мере начиная с XVI в., что не могло не сказаться на ее политической и культурной жизни. Большинство народных социально-политических институтов сформировалось до этого рубежа по азиатским аналогам. Особенно яркими примерами могут служить системы коммуникации, сбора дани, налогообложения, переписи, воинской повинности. Отдельные черты восточной цивилизации отразились и в деревенской общине с ее духом общей ответственности и взаимопомощи. С XVI в. Россия начала ориентироваться на Западную Европу. Именно с ней она связывала надежды на развитие торговли, одновременно испытывая страх военной угрозы. Русские прекрасно осознавали существование восточно-западного антагонизма, но в XIX и XX вв. излишне упрощали его, отождествляя Запад с уверенностью в своих силах, динамизмом и развитием, а Восток — с суевериями, фатализмом и застоєм⁴³.

Позднее культурологи и социологи выявили феномен «двойной природы» русской культуры, ее тенденцию к принятию крайних решений проблем и переходу от одной культурной традиции к прямо противоположной. Три наиболее показательных примера, подтверждающих эту мысль, мы подробнее рассмотрим ниже. Однако стоит сказать, что к ним, несомненно, относятся замена язычества на православие в конце X в., ре-

формы Петра I в начале XVIII в. и революция 1917 г. Постсоветские реформы тоже можно считать подобным примером. В каждом случае новое представлялось как полная замена старого. Абсолютное зло якобы искоренялось и воцарялись справедливость и абсолютное благо. Юрий Лотман и Борис Успенский отметили: «Двойственность и отсутствие компромисса вели к восприятию нового не как продолжения существующего, а как окончательного замещения всего, что было... Естественным результатом такого подхода стало то, что это самое новое выросло на старом, только вывернутом теперь наизнанку. Таким образом, все перемены повторялись, и все это вело к регенерации архаических форм»⁴⁴.

В подобном обществе все попытки элиты изменить что-то к лучшему наталкивались на недоверие и консерватизм масс. К тому же в стране с такими тяжелыми климатическими условиями и своеобразным географическим положением любое новаторство и эксперименты могли стать крайне разрушительными. В результате возникал постоянный и неразрешимый конфликт между элитой и массами, между государством и местными общинами. При таких условиях все перемены приводили к насилию, отчуждению и повторению старого, в том числе и старых ошибок⁴⁵.

Такой социум порождает одновременно и утопии, и антиутопии. Первой утопией стала православная литургия, принятая окончательно и бесповоротно в X в. Русский посол, впервые услышавший ее, сказал, что не знал, был ли «на небе или на земле...». Литургия воплощала идеалы красоты, порядка и правды, которые можно только созерцать со стороны. Прихожане оказывались не участниками службы, а сторонними наблюдателями, притом не всегда внимательными. Во время действия они могли входить и выходить, расхаживать по церкви, ставить свечи, кланяться иконам и даже — хотя это и возбранялось — осторожно переговариваться. Происходящее было театральным представлением, таинством, но никак не обрядом, в котором должен духовно участвовать каждый. Подтверждением может служить тот факт, что все приготовления к литургии проходили за закрытыми дверями.

Слово «икона» обозначает изображение, для православия характерно изображать на иконах святого или событие. Од-

нако это не простое воспроизведение феномена, икона ставит перед собой бóльшую задачу — помочь смотрящему войти в контакт с тем духовным миром, который в ней воплощен. Говоря словами Иосифа Волоцкого, богослова XVI в.: «...рисую лики святых, мы не благоговеем перед объектом. Созерцая его, наш разум и дух воспаряются к Богу, олицетворению нашей любви и помыслов»⁴⁶.

Для неграмотного большей частью населения визуальное воздействие было очень важным, как например, в наши дни телевидение или реклама. Различные иконы стали неотъемлемой частью богослужения в церкви. Более того, их обычно вешали и в домах, даже в крестьянских избах. Иконе отводился угол, называвшийся красным, то есть красивым. Находился он в лучшей из комнат, где обычно принимали гостей и отмечали семейные празднества. Многие люди имели небольшие складные образки, которые можно было всюду носить с собой наподобие талисмана. Делалось это для защиты от несчастья. Таким образом, икона являлась не просто картиной, а представляла скорее очень важную часть жизни русских людей и огромную духовную ценность.

Церковное здание также являлось святыней, в том смысле, что оно зрительно передавало священные истины и продолжает делать это по сей день. В строительстве храмов получила распространение крестово-купольная композиция. Прихожане заходили внутрь через нартекс, или притвор, находившийся с западной стороны и служивший местом, где мирское и священное сосуществуют. Входя непосредственно в церковь, или среднюю ее часть, посетитель видел самую светлую часть строения, расположенную под главным куполом. Вокруг на колоннах были развешаны иконы, освещаемые свечами, поставленными верующими, которые хотели помолиться или кого-нибудь помянуть. По бокам располагались нефы, или приделы, менее освещенные, но с большим количеством икон.

Напротив входа находился иконостас — ряд икон с изображениями патриархов и пророков, апостолов и святых, библейских сказаний и церковных праздников. В центре помещалась фигура Христа, благословляющего паству. С одной стороны от него — Дева Мария, с другой — Иоанн Креститель. Вверху, на самом куполе, изображался Христос Пантократор (Вседержи-

тель), Властитель всего на свете, вззирающий вниз на прихожан. В центральной части иконостаса располагалась двустворчатая дверь — врата. За ними находилось особое место в церкви — алтарь — святилище, где приготавлилась чаша для причастия. Эти врата носили название царских, или святых, и открывались только в самый торжественный момент службы, когда принималось причастие. По словам Павла Флоренского, теолога начала XX в.: «Иконостас есть граница между миром видимым и миром невидимым, и осуществляется эта алтарная преграда, делается доступной сознанию сплотившимся рядом святых, облаком свидетелей, обступивших Престол Божий, сферу небесной славы, и возвещающих тайну»⁴⁷.

Внутреннее расположение церкви также свидетельствовало, что слово здесь значило меньше, чем в западных церквях, особенно протестантской. Для прихожан не делалось скамей, а проповедь произносилась с амвона — небольшого возвышения перед алтарем. Службы длились долго, и выставлять их до конца было довольно утомительно. Музыкальное сопровождение обычно осуществлял регент, который нараспев произносил слова Писания, а хор их подхватывал. Прихожане к хору не присоединялись, не было в православном храме и органа, так как считалось, что только человеческий голос мог возносить хвалу Богу. Внутренность храма, закрытые врата, хор, благовония — все говорило о том, что прихожане являлись свидетелями божественного действия, а не его участниками. Они должны были скорее восхищаться, наслаждаться, достигая духовного умиротворения и молитвенного состояния, в процессе богослужения, а не рационально воспринимать или привносить в нее что-либо.

Несмотря на то что мы, представители западной цивилизации, постепенно привыкли к иконам, их суть мы понять так и не смогли. Фигуры на иконах были удлиненными, а жесты неестественными. Задний план не всегда было возможно определить — неясно, стояли ли персонажи на земле или нет, а их лица были тщательно выделены и резко очерчены. Свет на иконе был чистым, однородным, лучистым. Однако источник этого света не виден. Перспектива смещена — ее линии, казалось, сходились в точке перед картиной, а не на ней самой, что было свойственно постсредневеково-

му западному искусству. Все эти приемы говорили о том, что человеческая фигура изображалась для вовлечения зрителя (обратная перспектива) и для утверждения неких истин за пределами человеческого понимания.

Как уже говорилось, русская культура опиралась на противопоставление правды неправде. Последняя, в лице нечистой силы, могла «напасть» в любом месте и в любое время. Особенно могущественна она бывала в лесах и болотах, в темное время года, в период беременности и деторождения, то есть в тех местах и условиях, в которых и при которых человек оказывался наиболее уязвимым. Нечистая сила даже имела своеобразный плацдарм — баню, бревенчатое строение, расположенное неподалеку от жилища. *Банник* (банный дух), если его обидеть, мог стать особенно опасным. Он был способен наслать пожар, который перекидывался и на дом. Боясь его, люди предпочитали не ходить в баню поодиночке и ночью, а также в знак благодарности оставляли для банника мыло, дрова и немного воды⁴⁸.

Народные песни и сказки также свидетельствуют о представлениях русских людей. Трагедийный или комедийный сюжет базировался на контрасте между миром порядка и культуры и миром бедности, лишений, голода и пьянства. В последнем, «кромешном мире», церковь заменялась кабаком, одежда — лохмотьями, правильная речь — косноязычием и непристойностью, благонравное поведение — пьяными скандалами. Однако эти две системы в жизни были смещены и перевернуты. Сцены, жесты, речь из антимира использовались для раскрытия правды о том мире, который мы привыкли понимать в качестве правильного. Эту функцию носителей правды выполняли *шуты* и *скоморохи*, против которых выступала церковь, но простой народ их любил. Они вызывали смех, который помогал бороться со страхом перед нечистой силой, насмехались над представителями элиты. Как известно, даже цари (Иван IV, Петр I) внимательно прислушивались к шутам как к носителям правды об истинных ценностях⁴⁹.

Парадоксальную связь между двумя мирами представляли юродивые. Обычно это слово переводится на английский как «блаженные дураки». Феномен юродивых наблюдался лишь в Византии и России с XV по XVII в. Это были «святыс

люди», которые могли ходить по улицам в лохмотьях или голыми, иногда с грязными лицами, в веригах (цепях), с язвами на теле. Они противоречили всем людским представлениям о человеческой привлекательности и даже приличиях. Юродивые нередко поступали аморально — богохульничали, бросались камнями, непристойно и жестоко шутили. Московский юродивый Василий, с именем которого связан Покровский собор на Красной площади, однажды ослепил нескольких девушек, хотя впоследствии восстановил их зрение. Это был странный и удивительный аскетизм — отказ от красоты, комфорта, жизненных условий, иногда даже морали и разума.

Подобное самоотречение привлекало внимание и вызывало определенную симпатию среди бедных и угнетенных людей. Юродивые приставали к прохожим, просили милостыню, пели псалмы или пророчествовали. Они пользовались своей отрешенностью от любых иерархий и лицемерия для того, чтобы разоблачать пороки богачей и сильных мира сего. Люди, следовавшие социальным условностям, не могли позволить себе подобного. Блаженные же использовали приемы мира тьмы, чтобы пролить свет на мир приличий и условностей. Это была сложная и опасная задача, которая, кстати, не одобрялась Церковью. С другой стороны, аскетизм и приверженность правде приводили к тому, что некоторых юродивых чтили и даже возводили в ранг святых⁵⁰.

Юродивые, возможно, являлись результатом открытости России (как и Византии) для религиозных влияний Востока. Эти люди чем-то напоминали шаманов, бродяг-аскетов, собиравших различные железные предметы, делавших предсказания и совершавших безнравственные и кощунственные действия⁵¹. Однако русский юродивый не был лишен индивидуальности, занял определенное место в русской культуре и был единственным посредником между миром порядка и миром тьмы.

Биполярный мир нашел свое отражение в русской политике и культуре, в поведении царей, планах реформ, мечтах революционеров, в произведениях искусства и литературы. Лишь немногие оказались способны существовать между этими двумя полюсами. Жесткое противопоставление правды неправде, «нас» — «им», государства — общине во многом определило ход русской истории⁵².

I. РУСЬ ДО СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ И В НАЧАЛЕ ЕЕ ЗАРОЖДЕНИЯ

1. Киевская Русь, татаро-монголы и возвышение Московии

Славяне и викинги

Славяне неожиданно вошли в исторические хроники во время правления византийского императора Юстиниана, появившись на Дунае и следуя скорее всего со стороны Карпатских гор. В 626 г. вместе с аварами, тюркским народом, или монголами, они пытались осаждать столицу самой Византии, правда, безуспешно. В течение последующих двух веков славяне проживали на территории Балкан. Объединившись в племена, они стали проникать в Европу, в бассейн реки Эльбы и северную Баварию, где встретились с франками. На протяжении нескольких веков весьма слабо очерченная граница, разделявшая славянские и германские поселения, проходила вдоль рек Эльбы и Заале и через богемские леса. Другие же славяне жили вокруг озер и в лесах, расположенных на юге и востоке от Балтийского моря, в верховье Днепра, вдоль рек Неман, Западная Двина и Волхов. Там они смешивались с балтийскими и финскими племенами.

Прародиной славян была, по-видимому, территория между реками Бугом, Припятью и Днепром. В результате миграции из азиатских степей ими были заняты регионы, окруженные горами и лесами. Занимались славяне пахотным земледелием и скотоводством, которым не мешали условия северного климата. Археологические раскопки указывают на заимствова-

ние славянами более передовой римской техники обработки земли, удобрения ее навозом и севооборота. Сельское хозяйство стало гораздо эффективнее как после внедрения плуга с металлическим наконечником, так и в результате выращивания озимых, особенно подходящих к влажному северному климату. От урожая озимой ржи оставались излишки, которые помогали ремесленникам и купцам обеспечивать себя средствами к жизни.

В этот период в черноморской и кубанской степях, от Днепра до Каспия, доминировал Хазарский каганат, полиэтническое государство племенного типа, управляемое полукочевой тюркской аристократией. Оно обеспечивало славянам и финно-угорским народам определенную защиту от нападений с юга и востока, что позволяло им относительно спокойно заниматься сельским хозяйством и жить в своих поселениях. Обустраиваясь в степи, они сооружали небольшие каменные крепости и платили хазарам дань за охрану. Территория Хазарии включала будущий Киев, а на юге это государство соперничало с Аббасидским халифатом за контроль над Кавказом и с Византией — за Крым. Со временем хазары стали союзниками Византии в борьбе с кочевниками. Помимо Хазарии существовал еще один каганат, населенный тюркским народом — булгарами. Он располагался в среднем бассейне Волги¹.

В этой обстановке славяне встретились с «русами», когда те пришли с севера. Происхождение русов вызывало многочисленные споры среди историков. Сейчас практически достоверно установлено, что это были скандинавские викинги, «варяги» (так их называли славяне), купцы-воины, искавшие торговые пути на территориях, заселенных славянскими, балтийскими и финно-угорскими народами. Слово «викинг» изначально обозначало «пират». Викинги прибыли из государств, где население росло очень быстро, а земля из-за климата и гористой поверхности приносила низкие урожаи. С VIII по X в. они хлынули на территорию всей Северной и частично Южной Европы в поисках земли, торговых путей, добычи, рабов или просто ради военной славы. Их отличие от предшествовавших и последующих завоевателей состояло в том,

что они являлись не кочевниками, а оседлым народом с довольно высоким уровнем материальной культуры².

Викинги были заинтересованы в торговых речных путях по Волге с ее многочисленными притоками; особенно их привлекала Кама. Место, где она впадала в Волгу, являлось точкой пересечения транспортных путей, ведущих одновременно на запад, в Европу, и на восток, в Центральную Азию. Именно там болгары создали основную торговую сеть. покупали меха, воск и мед у северных народов и везли эти товары на юг, в Хазарский каганат, которому они к тому же выплачивали дань. На этот рынок русы и поставляли меха в обмен на серебро³.

С конца VIII в. русов заинтересовал другой торговый путь, шедший от Финского залива и Ладожского озера вниз по рекам Нарве, Волхову и Ловати, через короткий отрезок Западной Двины волоком в Днепр, а из Днепра — в Черное море. Однако на этом пути было серьезное препятствие: цепь крутых гранитных скал в низовьях Днепра, протянувшихся поперек реки и опасных для движения судов. То быстрое течение швыряло беспомощные суда на скалы, то, когда вода спадала, они могли сесть на мель, и тогда их приходилось тащить до 70 километров по суше. Для того чтобы пересечь этот отрезок, каганату требовалась сильная армия.

Но все же русы сумели преодолеть эти препятствия и получили доступ по Днепру к Византии, богатейшему мировому рынку. Туда стали везти рабов, шкуры, меха, мед и воск, а возвращались на север с зерном, вином, шелком и предметами роскоши. В «Повести временных лет» говорилось о том, что славянские племена, жившие вдоль этого пути, приветствовали появление русов. Отказавшись с самого начала платить дань, славяне решили не приглашать правителя со стороны, а установить принцип самоуправления, и вот что из этого получилось:

«...и встал род на род, и была в них усобица, и начали воевать друг с другом. И сказали они: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к

варягам, к руси. [И они] сказали руси: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»⁴.

Эти летописные сведения появились двумя веками позже, и в них прослеживается тенденция к восхвалению династии Рюрика, старшего из трех братьев, откликнувшихся на просьбу славян и поселившихся среди их племен. Но возможно, это лишь приукрашенный вымысел. Известно, однако, что относительно неразвитые народы для искоренения распрей иногда приглашали иноземного правителя — носителя более высокой культуры, чтобы положить конец междоусобным распрям, наладить торговлю и обеспечить защиту от внешних врагов. Позднее потомки русов нередко использовали этот исторический опыт по отношению к другим народам.

Пришедшие викинги установили укрепленные торговые поселения вдоль пути «из варяг в греки» (из Скандинавии в Византию). Одно из них находилось в верховьях Ладожского озера, от которого расходилось два пути: южный вел к Днепру, юго-восточный — к Волге и Каспию. Укрепленные города располагались также вдоль реки Волхов, особенно там, где она впадала в озеро Ильмень, рядом с нынешним Новгородом. Когда это стало возможным, викинги передвинулись дальше к югу, к середине Днепра, где он протекал между лесистыми холмами, поднимавшимися примерно на 100 метров над поверхностью реки. Это место располагалось ближе к Черному морю и было в определенной степени защищено от нападений кочевников. Здесь русы построили свой главный южный город — Киев, очевидно, названный так в честь паромщика — основателя этого города. Город находился там, где в Днепр впадали его основные притоки, в самом центре плодородного района.

Русский каганат середины IX в. существовал как независимая федерация, управляемая военной элитой, жившей за счет торговли, награбленного добра и дани от славянских, балтийских и финских народов, занимавшихся сельским хозяйством в лесных и лесостепных районах. Судя по словам арабского путешественника Ибн-Русты,

«...у [русов] нет земель для сельского хозяйства. Они питаются лишь тем, что им дает земля Саклаба [принадлежащая славянам, балтийцам и финнам]. Когда рождается ребенок, отец кладет ему в руки обнаженный меч и произносит: «Я не завещаю тебе никакого богатства, а ты помни: все то, что добудешь этим мечом, — твое». У них нет ни земельной собственности, ни деревень, ни возделанных земель; торговля мехом серой белки и других животных — их единственное занятие»⁵.

К середине IX в. каганат русов с его славянским населением и торговыми контактами представлял собой довольно мощную силу. В 861 г. он даже попытался вторгнуться в Византию, однако эта попытка была безуспешной. И все же она показала, что у империи появился новый серьезный и опасный соперник. В 907 г. каганат заключил соглашение с Византией, что дало ему постоянное право на ведение торговли в самой столице империи. Взамен Русь ограничивала численность купцов, посещавших город, а те обязывались оставлять оружие у его ворот. Таким образом, Византия пыталась обезопасить себя от незнакомого и воинственно настроенного народа.

Русь подтверждала свою мощь и другими способами. Князь Святослав (962—972) отдал на разграбление своим воинам Итиль, столицу Хазарского каганата, положив тем самым конец его господству в степи и обеспечив удобный доступ к Дону и берегам Азовского моря. Это, в свою очередь, открывало новые перспективы для развития торговли. Однако ослабление хазарского влияния открыло дорогу для набегов кочевников — печенегов, которые вскоре лишили русских всех вышеперечисленных завоеваний⁶, исключая часть Азовского побережья (Таманский полуостров), где было расположено Тмутараканское княжество.

К середине X в. варяги добились определенных успехов и заручились поддержкой многих восточнославянских племен. В результате получивших распространение смешанных браков исчезали различия между викингами и славянами, пока они не слились в единый народ. Доминирующими остались язык и культура восточных славян. «Славяно-викинги» сформировали своего рода племенной союз с центром в Ки-

еве, предназначенный для отражения угрозы со стороны печенегов и проведения походов, нацеленных на различные объекты, включая саму Византию.

С одной стороны, этот союз был добровольным, продиктованным геополитическими нуждами, с другой — навязанным богатым и властным киевским князем. Для того чтобы стать долговременным и прочным, ему необходимо было выйти за рамки племенных отношений и споров местных правителей и образовать независимое государство, по крайней мере такое, как в средневековой Европе. История Киевской Руси — это история порой удачных попыток создать государственность, которые, однако, заканчивались так же, как и в случае с ранней империей Каролингов в Западной Европе, — раздробленностью и неудачей. Осмысливая причину этого, следует учесть протяженность территории Киевской Руси во время ее расцвета, несравнимую ни с одним государством в Европе (кроме территории империи Каролингов). Более того, Русь стала первым некочевым государством, сформировавшимся в степях Внутренней Евразии.

Основу общества составляла местная община, которая в ходе развития сельского хозяйства и становления государства перешла от родственных к соседским отношениям. Этот важный переход особенно ярко проявился в IX и X вв., когда названия племен перестали упоминаться в летописях, указывая тем самым, что родственные отношения перестали быть основой политической организации. Чем больше развивались сельское хозяйство, ремесла и торговля, тем ощутимее становились различия между богатыми и бедными. А также между сильными и слабыми: князь с его *дружиной* оказались оторваны от остальной общины и представляли собой привилегированный, хорошо вооруженный слой. Однако они не стали феодальным правящим классом (как утверждали советские историки), так как не владели обширными землями, а имели всего лишь небольшие участки с домами. Таким образом, привилегированность базировалась не на земельном, а на силовом преимуществе. Князь обеспечивал своим старшим дружинникам (боярам) *кормление*, право собирать дань с общины, отдавая одну часть князю, а другую как законный доход ос-

тавляя себе. Бояре взимали дань не с каждого дома в отдельности, а с общины в целом, по принципу круговой поруки. Правосудие же должно было вершиться следующим образом: каждая община расследовала серьезные преступления, передавала преступников дружинникам или платила коллективный штраф⁷.

Судебные и военные дела общины решались на собраниях, которые назывались «вервь» (слово, означающее «связь, крепления»), потом появилось слово «мир» (которое, как мы знаем, означает «покой, гармония»). В городах, ставших военными, административными и религиозными центрами племен, получило распространение слово «вече» (произошедшее от «ведать»). Собрания не выходили за рамки племен и не имели ничего общего с парламентом. И тем более — с собранием представительным: слово на собрании давалось любому взрослому мужчине — члену общины, обычно обладавшему землей или небольшим делом. Рабы, женщины и иммигранты не могли принимать участия.

Самым низшим классом общества являлись рабы (не васалы). Крестьяне и ремесленники платили дань и оставались свободными. Государственная система напоминала скорее систему древнегреческих городов-полисов, чем западноевропейскую феодальную систему: финансы пополнялись в первую очередь за счет торговли, а во вторую — за счет сельского хозяйства. Города и пригороды объединялись в единое политическое образование, все члены этого образования имели право на защиту и сами должны были принимать участие в вооруженной охране общины.

В источниках содержится довольно скудная информация об этих местных образованиях: все дела решались путем устных выступлений, и поэтому осталось мало сведений. В летописях встречаются иногда упоминания о том, что князь «имел совет с людьми». Вероятно, князь советовался не только со своими приближенными и старейшинами, но и с простыми общинниками. Это было естественно в том случае, когда князь собирал народ для борьбы с врагами. Именно тогда он не мог игнорировать интересы и мнение народа, которое нередко становилось решающим на собрании горожан.

В наиболее развитой форме вече созывалось князем или кем-то из членов общины звоном церковных колоколов. Так, жители Новгорода, которые особенно гордились своей традицией, использовали для этой цели специальный колокол. Обычно горожане собирались на ярмарочной площади, или у церкви, или в поле за городскими стенами. Какой-то определенной процедуры проведения веча не существовало, как и постоянного председателя, поэтому на собраниях доминировали сильнейшие, богатейшие или старейшие жители города. Иногда расхождения во мнениях доходили до крайностей, но предпринимались попытки прийти к согласию. Если же это в той или иной ситуации не удавалось, то мог разгореться конфликт, нередко заканчивавшийся дракой между собравшимися. Сохранилось упоминание о собрании в Киеве в середине XII в. Согласно ему порядок там поддерживался князем, митрополитом и *тысяцким* (предводителем городского народного ополчения)⁸.

Главными задачами веча являлось принятие решения об установлении мира или ведении войны, а также, если необходимо, о выборе нового князя. Не все князья избирались подобным образом, некоторые захватывали власть силой. Процесс выборов мог вызывать разногласия, особенно если он шел вразрез с соглашениями князей между собой⁹.

Вопрос о войне был весьма щекотливым для соглашения между князем и вечем. Князь с одной лишь дружиной не представлял значительной силы, он нуждался в поддержке многочисленного и иногда лучше вооруженного народного ополчения. Особенно остро эта необходимость ощущалась в борьбе с кочевниками. Недавние исследования свидетельствуют о том, что все свободные мужчины имели право (более того, были обязаны) носить доспехи, шлемы и оружие: меч, копье, топор, лук и стрелы, что делало их, с одной стороны, потенциально опасными, а с другой — полезными для князя. Городское народное ополчение включало наряду с пехотой и кавалерию, хотя к XII в. право воевать на конях стали получать только избранные дружинники. Ополчение делилось на *сотни*, возглавляемые *сотскими*, или «центурионами». Войска больших городов могли состоять из нескольких *тысяч*, руководимых *тысяц-*

ким — авторитетной фигурой в общине, который избирался на вече или назначался князем¹⁰.

Как греческие города-полисы, которые со временем столкнулись с трудностями объединения жителей для совместных действий и поддержания влияния на бывшие колонии, разбогатевшие в результате торговли или успешных войн, так и основные города Руси постепенно начинали дробиться и терять периферии: пригороды или подчиненные города. Пригороды хотели независимости, своей власти, которую они могли узаконить, приглашая князя для управления. Отпрыски правящей династии Рюрика обычно были только рады принять такое приглашение.

Крещение славян

Для стабилизации жизни государства его правителю необходимо было выполнять некие «сверхъестественные» санкции. В 972 г. после смерти Святослава начались распри между его сыновьями. Владимир, младший сын, низверг своего брата Ярополка, чтобы захватить Киев и стать князем. Для придания этому незаконному захвату власти хоть какого-то правового обоснования, он развернул широкую религиозную кампанию, пытаясь объединить народ, веровавший в различных богов. На холме, возвышавшемся над Киевом, он возвел идиолов этих многочисленных богов — норманнского, славянского, финского и даже иранского происхождения.

Но после этого Владимир неожиданно отошел от эклектичных языческих верований и принял христианство. Пожалуй, данное решение далось нелегко предводителю воинственного народа. Его отец Святослав, когда его вынуждали обратиться в другую веру, сказал следующее: «Да ведь надо мной моя дружина смеяться будет!»¹¹ Однако христианство имело два преимущества в глазах князя, желавшего не только вести войну, но и мирно управлять обширной территорией, населенной различными народностями. Во-первых, эта религия осуждала кровавые распри и междоусобицы, а во-вторых, она располагала

письменным сводом законов, утверждавших порядки и поддерживавшихся с помощью власти монарха, данной ему Богом.

Кроме того, христианство обеспечивало перспективы тесных отношений с Византией. Византийцы были связаны со славянами так, как в свое время римляне с германскими племенами, то есть посредством военных контактов, торговли, дипломатии и евангелизации (обращения в христианство). Их цель заключалась в том, чтобы сделать из славян мирных соседей, возможно, включить их в состав империи, но только после крещения и «окультуривания». В течение IX в. византийцы достигли в этом направлении заметных успехов.

Очень большую роль в христианизации Руси сыграли братья Кирилл и Мефодий, которых в 860 г. прислали из Византии с важной миссией: они должны были крестить славян. Их миссионерская деятельность началась в королевстве Моравия, к северу от Дуная. Братья привнесли в процесс христианизации новый элемент, значительно способствующий успеху. Кирилл и Мефодий выучили славянский язык, на котором говорили в Моравии, и разработали алфавит (глаголический). Именно благодаря этому стал возможен перевод молитв и литургий. Германские священники из этого региона настаивали на латыни как на единственно возможном «священном» языке для служб. Подобное мнение преобладало в Моравии. Однако Кирилл отправился в новое балканское государство Болгарию, где хан Борис и его сын Симеон приняли христианство византийского толка и вместе с ним новый алфавит, основанный на греческом. Этот алфавит получил название кириллицы, а его использование было призвано подчеркнуть связь между славянской церковью и греческой христианской культурой. Новый болгарский патриархат появился в 924 г.

Византийское христианство было не единственной религией, которую могла выбрать Русь. Благодаря дипломатическим и торговым отношениям она познакомилась с исламом персов и арабов и иудаизмом хазар, а на Западе с католичеством. Княгиня Ольга, бабка Владимира, поддерживала отношения с римским императором Оттоном I. В летописи отмечено, что Владимир послал своих подданных в разные страны для изучения обычаев ислама, иудаизма, католиче-

ства и православия. Посланники сообщили о том, что католические ритуалы не произвели на них впечатления, а ислам запрещал употребление алкоголя, что делало невозможным принятие мусульманства дружиной, любившей выпить. Иудаизм они обошли молчанием. А православное богослужение настолько поразило подданных Владимира, что те «и не знали — на небе или на земле мы»¹².

Даже если не воспринимать летописи буквально, все же очевидно, что Владимир сознательно выбрал веру, исходя из геополитического положения Руси, а также находясь под сильным впечатлением от православной литургии, как средство, способное оказать влияние на его подданных. Но более всего он желал поддерживать близкие отношения с Византией, с которой у него установились торговые связи и которая казалась священнее и внушительнее, нежели полукочевые каганаты или недавно возникшие и раздробленные королевства Западной Европы.

Приняв это решение, князь начал действовать незамедлительно. Он демонстративно разрушил идолов языческих богов: Перуна стащили с холма с помощью лошадей, потом двенадцать человек высекли его розгами и скинули в Днепр. Владимир приказал всем жителям Киева выйти к реке, чтобы погрузиться в воду для крещения, говоря: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб, — будет мне врагом»¹³. Насколько «добровольной» была церемония принятия христианства, можно только догадываться: когда священники в Новгороде попытались низвергнуть Перуна, в городе вспыхнули массовые восстания. Юрий Лотман и Борис Успенский в этой грубой и категоричной смене веры увидели первый тревожный симптом угрожающей тенденции русского общества к поиску изменений через крайности, к противоречивым действиям, а не к последовательной эволюции¹⁴. Несмотря на княжеские приказы, языческие ритуалы оставались действенными еще не для одного поколения русских людей. Особенно привязаны к своим многочисленным языческим богам были крестьяне. Именно они нередко вплетали языческие элементы в принятое ими христианство, тем самым создавая «двоеверие», свойственное почти всей средневековой Европе.

Владимир сам принял титул великого князя, аннулировал свои многочисленные браки, отрекся от наложниц и женился на принцессе Анне, сестре византийского императора Василия. Император, в свою очередь, согласился на этот брак, так как его государство переживало тяжелый кризис и остро нуждалось в поддержке для борьбы с повстанцами в Анатолии. Владимир с готовностью прислал подкрепление, которое успешно помогло защитить императорскую столицу.

Греческие мастера посылались из Византии на Русь для строительства церквей. Болгарские священнослужители привозили книги на славянском языке, написанные кириллицей. В то же время греческие священники приезжали на Русь в качестве епископов, дабы встать во главе новой Церкви. Однако на более низких уровнях их места заняли местные церковники.

К концу X в. православное христианство распространилось из Византии на Балканы, Русь и часть Центральной Европы. У этой религии были некоторые особенные черты, отличавшие ее от западноримского христианства. Прежде всего язык, на котором велись службы и писались священные книги, был близок общеупотребительному языку местных жителей, что облегчало процесс *крещения*, но и отчуждало Православную церковь от римской и даже греческой культур, а также от культурно и интеллектуально развивающейся Европы. Как отметили Симон Франклин и Джонатан Шепард: «Старославянский церковный язык оказался одновременно и мостом, и барьером: мостом для веры, барьером для других европейских языков»¹⁵. Эта тенденция к изоляции усилилась после появления ряда национальных церквей, каждая из которых возглавлялась своим патриархом или даже монархом. Более того, восточные церкви не претерпели григорианских реформ X и XI вв. и сохранили возможность брака для духовенства, более склонного к мирской жизни, нежели католическое.

Все увеличивавшаяся разница между восточной и западной Церквями в XI в. достигла своего апогея. В 1040 г. патриарх Византийский закрыл все столичные церкви римского толка, объявив их еретическими. Папа Лев IX ответил тем, что направил в Константинополь легатов, требуя, чтобы эти меры были

отменены и чтобы Византийская церковь признала папу главным лицом христианской Церкви. Патриарх отказался признать статус легатов и отверг претензии папы. За это он был отлучен от Церкви в папской булле, возложенной легатами на алтарь Софийского собора. В итоге был созван совет Греческой церкви, который, в свою очередь, постановил отлучить от Церкви легатов и осудил еретическую Римско-католическую церковь. Этот раскол никогда не был преодолен, и противоречия между Православной и Католической церквями и по сей день остаются самыми острыми в христианстве.

Христианство, окончательно укоренившееся на Руси с конца X в., было принято как единое целое, без анализа исторической ситуации, без какой-либо эволюции, без внутренних конфликтов, просто как нечто красивое и не требующее обсуждений и улучшений. Русь не знала столетий теологических и церковных споров, не созывала вселенских соборов, не вычерчивала постепенно и последовательно контуров символов веры. На Руси правители (да и сам народ) безоговорочно приняли новую веру, отвечавшую их умственным и духовным потребностям, приняли целиком во всей ее гармонии. Вера находила полнейшее отражение скорее в службе, чем в догме. В православии фактически не было догматических суждений о Боге; предполагалось, что Бог — это нечто не поддающееся рационализации и путь к Нему возможен лишь через покаяние и молитву, — именно к этому и побуждает верующих символика церковной службы. Таким образом, восточнославянское христианство обладало чувственным, священным и непоколебимым достоинством, свойственным этой религии на протяжении веков. Песнопения и молитвы во время служб, фрески, мозаика и иконы раскрывали суть веры. Именно эти атрибуты стали основной чертой русского христианства, а никак не теология или выраженная словами вера индивида.

Стоит отметить и то, что христианство приспособлялось к идеологии мировой империи и тем самым становилось союзником абсолютной (или по меньшей мере потенциально абсолютной) мировой власти. На протяжении веков оно включало в себя миссионерскую церковь, возглавляемую иностранцами и нуждавшуюся в поддержке князя, так как простые люди все

же в большинстве своем оставались язычниками. Христианство становилось политической религией, призванной гарантировать долгожданный и длительный мир, а также стабильность в обществе. Именно православие знакомило молодое государство с традицией патриархов, пророков и апостолов, возвещало второе пришествие Христа и Судный день, а также в определенной степени влияло на историческое развитие России. Несмотря на то что князья нередко были вынуждены жестко и настойчиво обозначать свои позиции во внешней политике с Византией, церковная и светская элита относилась ко Второму Риму с большим теплом.

Во времена Киевской Руси между князем и Церковью практически не было серьезных разногласий. Оба института — и государственный, и религиозный — нуждались друг в друге и опирались друг на друга. В *Notosanon*, или Кормчей книге, византийском своде канонических законов, говорилось о том, что император являлся главой Церкви и обязался защищать как ее неприкосновенность, так и чистоту догматов. Эти установки были перенесены в Киев, а роль императора начал исполнять великий князь. Церковь, в свою очередь, подчинялась земному правителю.

Идея единства правящей династии была настолько важна для Церкви, что та способствовала распространению легенд о Борисе и Глебе, сыновьях Владимира, которых силой заставили отказаться от прав на престол. Когда Борис услышал о намерении своего брата Святополка убить его, чтобы захватить право на престол, он не стал противостоять злу, а провел ночь в молитвах: «Господи Иисусе Христе! Как Ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание». Глеб умер позже, также молясь перед гибелью. Братьев канонизировали — они стали первыми святыми восточных славян. Борис и Глеб были названы «защитниками земли Русской» за то, что принесли себя в жертву идее единства государства. Основным же в русской вере стал мотив смиренного принятия страданий во имя общественных интересов и «земли Русской»¹⁶.

Игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий поддерживал принцип династической власти в 1076—1078 гг. и отказывался признать право Святослава на престол, которым обладал его старший брат Изяслав. Священнослужитель убедил в своей правоте и киевлян. В итоге горожане свергли узурпатора и пригласили Изяслава взойти на трон¹⁷.

Церковь играла главенствующую роль в общественной жизни. Определенные слои населения, включая беглых, выкупленных рабов и нищих, назывались *церковными людьми* и управлялись при помощи духовного закона. Именно этот закон в целом определял многие аспекты частной жизни: бракосочетание, отношения в семье, наследование.

С самого начала в центре восточнославянского христианства стояло монашество. Оно возникло в период обновления и распространения византийского монашества, после окончательной победы *истинной* веры над богоборческой ересью. Залогом удачного возрождения стал самый большой и устойчивый религиозный институт Византии — монашеская республика на горе Афон. В X в. она образовалась на гористом полуострове, протянувшемся от Фракии до Эгейского моря. В свое время Афон стал средоточием силы восточнохристианского духовенства (и остается таковым до наших дней). Там развивались традиции иконописи, аскетизма и обета молчания.

Многие ранние монастыри на Руси основывались князьями и знатью, которые заботились о собственной славе и долгой о себе памяти. Исключением стал Печерский монастырь, созданный в 1051 г. на днепровских песчаных холмах около Киева. Его основатель, монах Антоний, проведший какое-то время на горе Афон¹⁸, нашел все остальные монастыри слишком беспокойными для уединенной жизни, полной созерцания и преданности Богу. После того как новое прибежище было воздвигнуто, к Антонию потянулись послушники. Позже этот монастырь стал излюбленным пристанищем православных монахов, жаждавших духовной жизни в сообществе иноков и возможности уединения, необходимого для молитв и размышлений.

Стремление к объединению Киевской Руси

Для объединения государства Владимир отправил своих сыновей в разные города: Вячеслава в Новгород, Изяслава в Полоцк, Святополка в Туров и Ярослава в Ростов. У каждого сына были дружина и право на кормление, что позволяло им собирать с местного населения дань и требовать поддержки в обмен на защиту от набегов кочевников. Однако местные общины продолжали жить по своим законам и обычаям и вести хозяйственную деятельность.

Отношения с печенегами, обитавшими в те времена преимущественно в южных степях, были непростыми. А от этих отношений зависело развитие торговли с Византией. К тому же Киевская Русь получала определенную прибыль и от торговли с самими печенегами: их скот они использовали и как транспортное средство, и как источник пищи и одежды. И все же, как все кочевники, печенеги время от времени нападали на территорию Руси, увозя с собой зерно, предметы роскоши и рабов. Особенно опасными эти соседи стали после падения Хазарии во второй половине X в. Тогда в целях безопасности Владимир приказал построить оборонительные укрепления вдоль Днепра и в нижнем течении реки.

К 1015 г. (год смерти князя) Владимир достиг заметного успеха в объединении некогда разрозненных земель, обращении русов в единую веру и в создании хотя и примитивной, но единой административной и налоговой системы. Кроме того, он обеспечил Русь надежным союзником и ограждал ее от опасных врагов. Рюриковичам оставалось принять все эти достижения и впредь быть не хуже своего предшественника в управлении огромной и теперь единой страной.

Сын Владимира, великий киевский князь Ярослав (1019—1054), продолжил завоевательную политику, совершенствование административной системы и внедрение христианства, хотя он не считался единоличным правителем до 1036 г. Он возвел новые укрепления для своего города и построил величественные Золотые ворота на въезде. За воротами лучшие мастера построили дворцы и церкви, спроектированные византийскими архитекторами. Самым впечатляющим был

собор Святой Софии, соперничавший по красоте с одноименным храмом в Константинополе и выдержанный в том же архитектурном стиле.

Чтобы укрепить верность своих потомков, Ярослав пытался найти исторические корни Руси. При нем монахи Печерского монастыря начали вести летописи, запечатлевшие основные вехи эволюции восточных славян и преподносившие их прошлое как важнейший период мировой истории и как божественный промысел. Летописцы решали непростую задачу теологического, общественного и государственного характера.

Древнейшая летопись, «Повесть временных лет», была составлена в 1037—1039 гг. и продолжена монахом Никоном в 1060—1070-е гг. Развивавшая в техническом и тематическом планах византийские образцы, «Повесть временных лет» стала основным, базисным текстом для всех последующих русских летописей. И Владимир, и Ярослав понимали необходимость подобной летописи, которая смогла бы дать Руси возможность самоопределения, осознания своего места и своей роли в восточной христианской цивилизации. Отсюда и подзаголовок: «Повесть о прошлых годах, откуда есть пошла Русская земля и кто начал править в Киеве». Летопись обращалась к древнейшей истории, ко временам сыновей Ноя, и приписывала русские корни апостолу Андрею, который пришел не в Крым, а на Днепр, где, оказавшись на месте будущего Киева, предвещал: «На этих холмах воссияет милость Божия, будет здесь великий город, и возведет Господь тут множество церквей»¹⁹.

Это же мнение разделял Иларион, первый славянский митрополит Киева²⁰. В своей проповеди «Слово о законе и благодати» в конце 1040-х гг. он представил появление Руси как исполнение божественного провидения и залог окончательной победы христианства над иудаизмом и исламом. Дети Авраама от его служанки Агари изображались как люди рабства, закона и Ветхого Завета, а дети от его жены Сары — как потомки свободы, благодати и Нового Завета. По словам Илариона, Владимир, как и Константин Великий, явился для основания новой Церкви. Он был призван для «перенесения

Креста Господня из Константинополя и воздвижения его на Руси» и для строительства великого города, «сияющего в великолепии, как в венце». Ярослав же продолжил историческое дело отца²¹.

Другим памятником правления Ярослава стал свод законов, известный как «Русская правда», опиравшийся скорее на местные обычаи, чем на византийские прецеденты. В переработанной и дополненной форме свод сохранял свою силу до конца XV в.²² Как уже говорилось, под словом «правда» понималось «то, что правильно», то есть истина, справедливость, честность и т.д. Самым важным нововведением свода можно считать ограничение кровавой мести как способа улаживания конфликтов. Убийство, оскорбление, ранение, посягательство на собственность наказывались штрафом. В «Русской правде» много говорилось о размере штрафа в зависимости от тяжести преступления, а также от социального положения человека, его совершившего, и жертвы. Предполагалось, что с введением свода законов в общине воцарится хоть какая-то справедливость. В дальнейшем позиции князя, следователей, судей и суда заметно укрепились, кровная месть была совсем запрещена, а великий князь стал верховным судьей²³.

Ярослав пытался также установить принцип династической власти: престол отныне мог наследоваться лишь потомками Рюрика. После смерти его отца и деда между братьями начиналась борьба за власть. Ярослав стремился предотвратить подобные распри, которые могли начаться и после его смерти. В своем завещании он наставлял сыновей: «Если пребудет меж вами мир — с вами пребудет Господь, сделает врагов союзниками вашими и будете жить в мире. Но коли начнете вражду да ссоры, то сами себя погубите и разрушите землю предков ваших, которая им далась с таким трудом!»²⁴ Полный текст завещания не сохранился, но известно, что Ярослав установил иерархию главных городов государства и поделил их между сыновьями. После смерти любого из них право на престол получал следующий по старшинству брат. Остальные же соответственно поднимались на ступень выше.

Такова обычная трактовка завещания Ярослава. В сохранившихся текстах много недомолвок, намеков и образов, по-

этому взгляды Ярослава не совсем ясны. И все же известно, что он считал Киевскую Русь не просто объединенным государством, а скорее федерацией, управляемой членами династии. Подобная модель была бы невозможной, если бы князья обладали землями княжеств как своей собственностью, — тогда они не смогли бы ездить по всей стране, оставляя свои надель. Менталитет жителей оставался скорее племенным, чем родовым, а основные доходы шли от торговли и даней. Предполагалось, что все пойдет по намеченному Ярославом плану.

Однако события развивались иначе. Вскоре после смерти Ярослава государство вновь содрогнулось от междоусобиц, войн между родными и двоюродными братьями, хотя, конечно, периодически предпринимались попытки объединить Русь. К тому же Русь столкнулась с новой угрозой — теперь она исходила от кипчаков (известных также как куманы или половцы), кочевников, пришедших из степи в 1050-х гг. Они оказались более опасными, нежели их предшественники, преодолевая защиту, воздвигнутую Владимиром и Ярославом. Помимо набегов и грабежей, половцы нападали на города, захватывали жителей в плен, для того чтобы продать их на черноморском рынке как рабов. Кочевники в своих интересах также подрывали торговые связи Руси с Византией. Как и в случае с печенегами, отношения русских с кипчаками были весьма противоречивыми и включали как торговлю и сотрудничество, так и враждебные действия. В 1094 г. великий князь Святослав женился на дочери хана кипчаков. Этот факт наряду со многими другими свидетельствовал о желании достичь согласия с опасными соседями. Но это стремление вкупе с разобщенностью князей стало помехой для ведения единой оборонительной политики.

В конце концов князьям удалось объединить усилия для борьбы с кипчаками. Во время встречи в Любече в 1097 г. правители южных территорий согласились на взаимодействие. В 1103 г. Святополк из Киева и Владимир из Переяславля провели совместную военную операцию в степи, принесшую первую победу над кипчаками. Далее последовали довольно удачные оборонительные кампании и наступательная операция 1111 г. Таким образом, князья обеспечили безопасное существование будущим поколениям русских людей, но имен-

но из Руси теперь осуществлялись набеги, захватывались добыча и рабы.

Этот общий успех русских правителей укрепил за Киевом статус политического центра. После смерти Святослава в 1113 г. жители Киева пренебрегли династическими условиями и пригласили Владимира уехать из Переяславля и править ими. Во многом это стало результатом его успехов в борьбе с половцами. Победы князя давали ему огромное преимущество перед другими возможными претендентами на киевский престол. Существует предание, что от византийского императора он получил отороченную мехом шапку Мономаха, ставшую символом великих русских князей и впоследствии русских императоров.

В это время в Киеве вспыхнуло восстание, вызванное проблемой долгов и появлением долгового рабства. Долги росли из-за усиления социальной дифференциации, ставшей признаком экономического развития и обогащения горожан. В Киеве было много ремесленников, производивших стеклянные, глиняные, керамические и эмалевые изделия, украшения, иконы, которые начинали пользоваться спросом на мировом рынке. Владимир отреагировал на проблему задолженностей подобно древнегреческому реформатору Солону в Афинах: он ликвидировал самые старые долги, ограничил власть владельцев над их работниками и определил условия, при которых должники могли попасть в рабство. Киев переживал тот же социальный кризис, что и ранний афинский полис. Кризис этот возник из-за смены аристократического общественного строя, основанного на родстве, более открытым, в основе которого лежала торговля. Не только огромная разница между материальным положением жителей и долговое рабство угрожали общественному порядку и стабильности. Порабощение горожан ослабляло военный потенциал города — рабам запрещалось носить оружие. Решая проблему долгов, Владимир обеспечивал горожанам, по крайней мере на какое-то время, мирное существование и основные меры безопасности²⁵.

Владимир Мономах был самым образованным из всех киевских князей. Он покровительствовал монастырям, в которых

велись летописи и собирались рукописи. Его «Поучение» стало попыткой рассмотреть княжескую власть на Руси с точки зрения морали. Он восхвалял Бога, наказавшего своим наместникам жить в мире, защищая бедных и несчастных. «...лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех.

Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу.

...ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию»²⁶. Однако эти принципы так и не стали основополагающими в управлении государством. Но они создавали образ смиренной и миролюбивой христианской веры, призванной стать идеалом в далеко не идеальном, жестоком мире.

После 1130-х гг. Киевское государство утратило некогда свойственное ему единство и начало распадаться на отдельные, временами воюющие княжества. Эта тенденция наблюдалась во всей средневековой Европе, где новые государства были еще недостаточно сильны и неизбежно переживали периоды раздробленности. Так распались империя Карла Великого, многие другие королевства и самопровозглашенные империи: Бургундия, Польша, Богемия, Сербия и Болгария. Русь не стала исключением.

Однако на Руси в силу многих причин раздробленность приняла несколько иные формы. Основные центры получали прибыль благодаря не только военным удачам, но и развитию торговли и промышленности. Новые города, основанные в период между X и XI вв., искали собственные источники доходов, создавали свои пригороды. Последние научные исследования показали, что доходы этих городов были намного больше, чем предполагалось предыдущими поколениями историков²⁷. Таким образом, новые города становились экономически и политически менее зависимыми от Киева. Но он оставался самым богатым городом и символическим центром Руси, ее сердцем. И все же его значение несколько уменьшилось после того, как «дочерние» города укрепились и стали требовать причитавшуюся им землю.

Изменения торговых потоков также способствовали раздробленности. К XII в. Византия потеряла свое экономическое мировое значение, что привело к падению роли пути «из варяг в греки». После начавшихся в конце XI в. крестовых походов за освобождение Гроба Господня и завоеваний территорий Леванта торговля между Европой и Азией стала проходить не через Русь, а через Средиземноморье и Ближний Восток. Русские земли становились экономически второстепенными. В результате основной доход Русь начала получать от сельского хозяйства и мелкого производства.

Перемены, произошедшие в XII в., разрушили все надежды на создание объединенного государства или даже стабильной конфедерации. Власть единого князя была ослаблена, а местные князья рассматривали свои земли не как собственность династии, а как свои личные вотчины, переходившие от отца к сыну (с обеспечением наследования по женской линии). Землевладение начало вытеснять торговлю и владение торговыми путями как основными рычагами власти, а земельная рента вместо дани превратилась в основной источник дохода землевладельца. Право бояр на сбор дани превратилось в нечто большее — феодальную повинность. Местная же община становилась структурой чисто крестьянской, а представители других слоев общества, вышедшие из ее состава, заботились о своем доходе и правах на собственность. Уже до татаро-монгольского нашествия Русь стала феодальным государством, в котором князья и бояре владели вотчинами и взимали плату с крестьянских общин за пользование землей. Общины сохраняли свои права только на крайнем севере. Там было мало пригодных для пашни земель, а соответственно не было и частных землевладельцев²⁸.

До своего окончательного распада киевская цивилизация успела создать необычное литературное произведение, в котором явно прослеживались языческо-христианские корни. Речь идет о «Слове о полку Игореве», написанном примерно в конце XII в. неким приближенным князя, возможно, придворным поэтом. В этом произведении описывался неудачный поход новгород-северского князя Игоря против половцев, закончившийся пленением главного героя. Автор восхвалял храбрость и

мужество Игоря, но сожалел о том, что ему не хватило поддержки других князей и что без такой поддержки он действовал слишком неосторожно. По сравнению с летописями того же времени в «Слове» практически отсутствовали христианские мотивы. Наоборот, упоминались дохристианские боги, а дружины Игоря сравнивались с животными и птицами. Действие происходило на фоне передвижения небесных тел, а в кульминационный момент случилось солнечное затмение. Основная концепция «Слова» по сути своей языческая и пантеистическая, а его основная идея — идея земли Русской²⁹.

Монголы — хозяева Евразии

В середине XIII в. у Руси появился новый враг, еще более опасный, чем все предыдущие. Это был народ Чингисхана, выдающегося предводителя урало-алтайских племен, обитавших в степи, между озером Байкал и Великой Китайской стеной. Типичные обитатели центральных степей Евразии, они жили за счет скотоводства, искали пригодные равнинные территории для пастбищ, нападали на соседние земли, но и сотрудничали с жителями этих земель. У кочевников существовала племенная социальная организация. Мужская часть населения, особенно самые юные ее представители, занималась военным делом и сильно в этом преуспела. Воины собирались в особые названные братства (*анды*), которые, в свою очередь, объединялись вокруг одного правителя, *хана*, обладавшего либо незаурядными военными способностями, либо даром привлекать к себе людей. Существовала и аристократия, владевшая большим количеством скота или другой собственности. Однако военные командиры выбирались не по принципу принадлежности к аристократии — решающими оставались качества воина и вождя, так как жизнь кочевников зависела от способности вести победоносную войну.

В конце XII в. в обществе кочевников произошли кардинальные перемены: на племенном уровне была установлена стабильная система правления. Можно сказать, что появи-

лось своеобразное примитивное государство кочевников. Его создателем стал Темучин, выбранный в 1206 г. Чингисханом (то есть всемирным ханом). Его отец, пытавшийся объединить урало-алтайские племена в рамках монгольского клана, был убит завистливыми соперниками. Темучин сумел привлечь воинов на свою сторону как военными успехами, так и личными качествами, и с их помощью разгромить племя убийц отца, а потом победить и в других кампаниях.

Эти первые военные успехи Темучина привели к формированию новой империи. Если бы не завоевания, кочевники скорее всего вернулись бы к прежнему строю. Множившиеся победы, возможно, внушили Чингисхану мысль о его особой, предназначенной Высшим Существом Небесным роли в мировой истории. Свою миссию он видел в объединении воюющих племен и народов под его началом — только после этого могла настать эра мира и преуспевания. Неизвестно, откуда у хана взялись подобные глобальные идеи. Возможно, здесь сказалось влияние Китая, где Темучин провел часть своей юности. А может быть, эти идеи стали результатом вдохновенных размышлений о центральном географическом положении степной империи и соответственно ее решающем историческом значении.

Для выполнения своей миссии Чингисхан нуждался в преданных сторонниках, независимо от их положения. Согласно монгольскому уставу о воинской обязанности все молодые люди должны были обучаться военному мастерству и регулярно тренироваться, чтобы быть способными к воинской службе вплоть до 60 лет. С пяти-шести лет мальчика учили ездить верхом, развивали его силу и выносливость. Ему полагалось целый день скакать на лошади, лишь изредка останавливаясь для кратковременного отдыха или приема пищи. Время от времени кочевники охотились: с большой территории животных сгоняли к месту, где ждал хан. Затем военачальники со своими войсками поражали зверей стрелами.

Правила военного монгольского государства распространились не только на всех его жителей, но и на жителей захваченных земель. Они не могли участвовать в принятии важных решений, однако платили дань и проходили воен-

ную службу. Наказание за несоблюдение правил было очень суровым. Покоренные народы могли рассчитывать на «мир» и «гармонию» с монголами лишь в случае беспрекословного повиновения их власти. Все законы были внесены в Великую ясу, монгольский свод законов, начатый еще при Чингисхане и законченный после его смерти.

Монголы проявляли крайнюю религиозную терпимость. По их мнению, все веры несли частицу священного знания и вносили свой вклад в миропорядок. Церкви и храмы получали *тарханы*, или грамоты на неприкосновенность, которые освобождали их от уплаты налогов и других обязанностей, возложенных на остальное население.

Избрание Чингисхана произошло на *курултае*, собрании лидеров племенных группировок. Чтобы не допустить соперничества, Темучин казнил своих ближайших родственников мужского пола. Он также провел ряд реформ, придавших поселениям монголов некоторые черты оседлости и укрепивших государственность: разбил армию на десятки (обычно они составлялись из семей), сотни и тысячи, каждая из которых имела свои функции, управляющих и пастбища. Кроме того, Темучин сформировал и десяти тысячное подразделение, *тиумен*. Он окружил себя охраной из элитных войск, освобожденной от выполнения ряда правил племенной системы (как, кстати, и управляющие тиуменами). Таким образом, он целиком освободил себя от племенных ограничений. В конце жизни Чингисхан писал даосскому монаху: «Я смотрю на нацию как на новорожденное дитя, а о своих солдатах забочусь как о родных братьях»³⁰. Темучин, объединив некогда разрозненные племена, создал новую форму общества, высвободившую необычайную мощь степных жителей.

Еще более важна и такая деталь: неграмотный правитель неграмотного народа осознал необходимость письменности для утверждения своей власти над обширной территорией и многочисленными народами. Он принял уйгурское письмо, совместил с монгольским языком и приказал доверенным людям выучить его и использовать для написания указов. У китайцев Чингисхан перенял практику переписи населения и ведения рекрутского и налогового учетов. Он усовершен-

ствовал систему сообщений и почтовую связь. Без этих нововведений даже кратковременное управление огромной империей было бы невозможно³¹.

В 1211—1215 гг. монгольская конница напала на северную часть Китая, захватив столицу Пекин. Монголы заимствовали у китайцев новейшее и более усовершенствованное вооружение, и таким образом богатства Китая перешли к монгольской правящей элите. Это еще больше укрепило Чингисхана в его далеко идущих планах занять главенствующее положение в сердце Евразии. В результате монголам удалось создать самую обширную в истории человечества империю, просуществовавшую, однако, недолго³².

Военным успехам монголов способствовало несколько факторов. Один из них — многочисленность монгольской армии. Но возможно, русские летописи несколько преувеличивали количество воинов, ведь для того чтобы добраться до Руси, им нужно было пройти тысячи километров по степи в разных погодных условиях. Монголы тщательно готовились к своим походам. Они (в отличие от русских князей³³) собирали сведения о народе — будущей жертве, посылали специальных людей, сеявших распри во враждебном им государстве, применяли психологические факторы (нападали неожиданно и беспощадно). Их лошади были быстрыми и сильными, а наездники опытными и, кроме того, великолепно стреляли из лука. В Китае монголы овладели техникой и стратегией ведения осадной войны, которую они использовали при взятии городов Руси. Подобной организации многочисленных войск в условиях наступательных операций на обширной территории мир не знал вплоть до появления армии Наполеона. Весьма эффективной была и монгольская система мобилизации населения и ресурсов; историк XX в. Лидделл Харт назвал монголов первым народом в мировой истории, способным вести «тотальную войну»³⁴.

В 1219—1220 гг. монгольские войска двинулись на империю Хорезм-шахов, занимавшую территорию Центральной Азии и Персии. Затем они обогнули южный берег Каспия и вышли к Кавказу и Крыму. Оказавшись в черноморских степях, они столкнулись с кипчаками. Те обратились за помо-

щью к русским князьям со словами: «Сегодня они захватили наши земли, завтра захватят ваши!» В сложившейся ситуации для победы над врагом необходимо было сплотить все наличные силы. Однако создать альянс оказалось фактически невозможно: среди самих князей отсутствовало согласие, не говоря уж о кипчаках, традиционно воспринимавшихся как злейшие враги. Но вероятно, князья просто недооценили опасность, исходившую от новых захватчиков.

Как бы там ни было, когда князь Мстислав из Галича собрал совет в Киеве, только два князя присоединились к нему. Это были его тезки из самого Киева и из Чернигова. Узнав о воинственных намерениях русских князей, монголы послали своего гонца со словами: «Прослышали мы, что вы направляете на нас войска и сотрудничаете с половцами. Мы же не напали на ваши земли. Мы пришли, посланные Богом, не для войны с вами, а для борьбы с варварами — половцами. И вы должны жить с нами мирно». Но русские князья не поверили монголам, посчитав это послание степной хитростью воинственного народа, направленной на раскол союзников. И действительно, подобный прием уже использовался монголами для того, чтобы поссорить кипчаков с осетинами. Мир был отвергнут, а посол убит³⁵.

Русь оказалась расколотой. Даже трем Мстиславам не удалось объединиться и достичь взаимодействия. Двое из них присоединились к кипчакам и были повержены в 1223 г. в битве на реке Калке, недалеко от Азовского моря. О том, что бы произошло, если бы действовали с большими и соединенными силами, можно судить по тому факту, что изможденные тяжелым степным путем монголы не решились напасть на Волжскую Булгарию и вернулись в Монголию.

Чингисхан вскоре умер, и в 1228 г. курултай избрал ханом его сына Угедая. В 1235 г. другой курултай решил возобновить кампанию против Волжской Булгарии и Руси. Западные земли, включая Русь, предполагалось сделать улусом (автономной территорией) Батая, внука Чингисхана.

Русские князья не смогли воспользоваться временным затишьем. До конца 1230-х гг. они продолжали вести ожесточенную борьбу за Киев. Силы их были подорваны, а сами

они перессорились между собой, когда зимой 1237 г. на Русь пришли тиумены Батыя, которые уже пересекли Волгу, покорили Волжскую Булгарию и стали наступать на границы рязанской земли. С Рязани монголы потребовали своеобразную дань: десятую часть всех мужчин и оружия. Рязанский князь Юрий Игоревич отказал им и позвал других князей на помощь. Однако помощи не последовало, и рязанские отряды оказались разгромлены, а их главный город опустошен. Около Коломны, в месте впадения Москвы-реки в Оку, были повержены и дружины владимирского князя, запоздало отправленные на помощь.

Опыт Рязани повторился во многих других городах. В течение следующих трех лет монголы нападали на города, убивали жителей, разрушали постройки. Во Владимире многие жители спрятались в Успенском соборе, где и были сожжены живьем или изрублены при попытке покинуть укрытие. Подобная участь ждала и Суздаль: «Татары разграбили церковь Святой Богородицы, и двор княжеский огнем сожгли, и монастырь святого Дмитрия сожгли, а других разграбили... Старых монахов и монахинь, и попов, слепых, и хромых, и горбатых, и больных, и всех людей убили, а юных монахов и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жен их, и дочерей, и сыновей — всех увели в станы свои...»³⁶ Некоторые города, такие, как Козельск и Смоленск, какое-то время сопротивлялись, но тоже были захвачены монголами. Однако армия Батыя никогда не пыталась взять Новгород, самый богатый город Руси, представлявший собой заманчивую добычу. Монголы не были сверхлюдьми, поэтому вполне возможно предположить, что сопротивление несколько ослабило их и они были вынуждены отступить на 18 месяцев для восстановления сил.

Батый продолжил наступление далее на запад: в Молдавию, Венгрию и Трансильванию. Ему удалось одержать ряд побед над поляками, богемцами и тевтонскими рыцарями в Лейгнице, возле Бреслау (1241). Однако вскоре выявилась слабость политических структур монголов: когда хан Угедей умер, Батый решил вернуться в Каракорум (столицу Монголии), дабы пресечь династические амбиции сына умершего,

Гуюка. В результате Батый потерял контроль над завоеванными в конце военной кампании территориями и основал город Сарай-Батый в низовье Волги, столицу своеобразной ветви Монгольской империи — Кипчаковского ханства, более известного историкам как Золотая Орда.

Монгольское иго

Каким был результат монгольского завоевания? Бесспорно, с психологической точки зрения оно сильно повлияло на русский народ. Летописи свидетельствуют об этом, хотя записи нередко носят скорее риторический, нежели исторически точный характер. Считается, что на самом деле разрушительное воздействие нашествия было несколько меньшим, чем полагали летописцы. Монголы грабили далеко не *все* города Руси, а многие из разграбленных не разрушались или восстанавливались довольно быстро. Экономическая жизнь продолжалась, равно как и торговля с Западом (в основном она осуществлялась через Новгород и Псков), освободились некоторые восточные пути благодаря, например, покорению Волжской Булгарии. Золотая Орда обеспечила стабильность караванных маршрутов, идущих через Центральную Евразию. Таким образом, у Руси появились многообещающие торговые возможности — теперь она могла поддерживать экономические отношения с Азией. Особого внимания заслуживал Китай, который был несравнимо богаче, чем любая европейская страна, даже Византия. Ранее Киевская Русь сотрудничала с кипчаками и печенегами, теперь она беспрепятственно могла развивать связи с более организованными монголами³⁷.

Политически Русь была унижена и подчинена высшей власти. Она стала частью Золотой Орды, а князья были вынуждены отбивать земные поклоны в Сарае Батыю, а позже — его сыну Сартаку. Так русские правители выражали свою преданность и одновременно просили *ярлык*, право на княжение. Время от времени они даже отправлялись в Каракорум к великому хану. Монголы вели перепись населения, а затем жителей Руси

облагали налогами и забирали на военную службу. К каждому князю прикреплялся *даругачий* (губернатор или вице-король), который следил за ведением князем дел и ставил свою подпись под официальными документами³⁸.

С другой стороны, монголы не оккупировали и не заселяли территорию Руси, как поступали с другими частями своей империи. Поэтому русскими землями они руководили на расстоянии, посылая своих людей для получения с Руси всего им необходимого.

Возможность приспособиться к монгольскому игу все же существовала, и ее частично реализовал Новгород. Удачно расположенный географически, то есть находившийся в некотором отдалении, окруженный густыми лесами, он сохранял определенную независимость от монголов, несмотря на то что испытывал давление со стороны Запада: шведы и тевтонские рыцари пытались утвердиться на реке Неве и Ладожском озере. Князь Александр в своей политике исходил из того, что монголы — враги более опасные и мощные, а потому старался использовать каждую возможность добиться их благожелательного нейтралитета для борьбы с западными недругами.

В начале 1260-х гг. татары изменили свой способ правления, но по-прежнему требовали от русских князей все той же преданности, уплаты дани и рекрутских наборов, а иногда насильственного людского труда для строительства дорог, мостов или почтовых пунктов. Их *ямская* (почтовая) система со станциями, расположенными примерно на расстоянии дня езды друг от друга, обеспечивала связь с помощью курьера между всеми частями империи и способствовала осуществлению постоянного контроля над ними. Местному населению полагалось кормить курьерских лошадей и достойно принимать самих гонцов.

В течение примерно 75 лет Монгольская империя доминировала во всей Внутренней Азии и сопредельных государствах, а в некоторых из них и намного дальше. Ни одна евразийская империя ни до, ни после не обладала такой обширной территорией. В будущем к этим масштабам приблизилась поздняя Российская империя, однако она не сумела в

отличие от монголов покорить Персию и Китай. За время своего существования Монгольская империя практически создала объединенную Евразию, торговые пути которой простирались от Венеции до Пекина. Благодаря этому китайские товары пользовались спросом даже на черноморском побережье. Одним из результатов этой универсализации стала болезнь под названием «черная смерть». Вирус заболевания был широко известен в Бирме и других странах Юго-Восточной Азии, однако европейцы перед его лицом оказались похожи на туземцев Нового Света после прихода конкистадоров, принесших с собой неизвестную болезнь³⁹.

Русским князьям монгольская власть казалась тяжелой. Но монголы положили конец их междоусобицам подобно варягам, поступившим так же с племенами восточных славян. Они поддерживали власть князей и в случаях народных восстаний. К тому же монголы укрепили позиции князя в его противостоянии с вечем.

Простые люди воспринимали присутствие монголов намного острее и нетерпимее. В 1262 г. в некоторых северо-восточных городах вспыхнули восстания против рекрутских наборов и налогов. Спротивление организовывало вече. В основном горожане выступали против того, чтобы забирали в рабство или на военную службу тех домовладельцев, которые не могли заплатить дань⁴⁰. Эти и другие городские восстания конца XIII и XIV вв. были вызваны не только этническим и религиозным унижением простых русских людей, но и тем, что монгольские правители заменили вече в вопросах выбора князя, войны и мира, контроля над налоговой системой и ополчением. Самые важные решения теперь принимали монголы или князья, действовавшие под их началом. Интересы правителей Золотой Орды и русских князей во многом совпадали, по крайней мере в том, что касалось умиротворения беспокойных горожан. Многие бунты по времени совпадали с проведением переписи населения, призванной создать административную базу для набора рекрутов и сбора налогов⁴¹.

С середины XIV в. Золотая Орда разрешила русским князьям самим занимать должности *даругачего* и *баскака* (сборщика дани) и время от времени приезжать в Сарай, чтобы

выполнить символический акт подчинения. Это нововведение стало первым сигналом ослабления центральной власти монголов. Русские князья могли воспользоваться моментом для укрепления своей собственной власти, хотя они и находились под тотальным контролем монголов⁴².

Выгоду из сложившегося положения получили не только князья. Под монгольским сюзеренитетом, как ни парадоксально, начала процветать и Православная церковь. Она стала единственным привилегированным социальным институтом. Церковь получала *тархан* — грамоту, освобождавшую ее от уплаты дани. Священнослужители не подвергались регистрации и не были обязаны служить в армии и принудительно трудиться. Таким образом, Церковь получила возможность развивать свои хозяйства в наиболее выгодных условиях.

Церковь выигрывала не только материально. После наступившей раздробленности, унижения власти князей и веча она единственная могла олицетворять собой идею земли Русской. Православие стало воплощением не только религиозного, но и национального и даже политического единства русского народа. В отличие от ислама, который на Среднем Востоке получил распространение несколькими веками ранее, религия монголов не могла предложить что-то особенное подчиненным народам и повлиять на их веру. Зачастую монголы сами принимали веру завоеванного народа и обращались к исламу, тогда как покоренные христиане оставались верны своей вере и укреплялись в ней⁴³.

Торговля и княжеская власть выполняли функции основных артерий организма северо-восточных земель, в то время как монастыри представляли собой сердце этой системы. В своей работе «Курс русской истории» Василий Ключевский показал, как духовные и экономические достижения монастырей положили начало Московии, ее культуре и экономическому преуспеванию⁴⁴. По мнению ученого, если Русь и являлась колонизирующим государством, то во многом благодаря монахам.

Однако само понятие «монастырской колонизации» содержало парадокс. По сути, наиболее удачливые основатели монастырей должны были пренебречь своими основными

принципами, как, например, цистерцианцы в средневековой Западной Европе. Монахи накапливали земельную собственность, природные ресурсы, получали прибыль от крестьян, живших на их территориях. В итоге монастыри, призванные олицетворять собой аскетизм, бедность и отрешенность от всего мирского, утопали в роскоши и наслаждении земными благами. После избавления русских земель от монгольского ига это внутреннее противоречие стало особенно заметным.

Филолог и историк Николай Трубецкой говорил о том, что «татарское иго было для Руси прежде всего религиозной эпохой. Обращение в монашество и создание новых монастырей стали массовым явлением»⁴⁵. Немецкий историк Гюнтер Стокль сказал, что в жизни русской средневековой Церкви было два духовных аспекта. Один из них проявлялся в относительно открытой и активной набожности киевской элиты, близкой князю. Другой же скорее ассоциировался с простым, аскетичным и более преданным вере народом, нежели с государством⁴⁶.

Монгольское иго позволило некоторым княжествам усилить свои позиции за счет других. Успех частично зависел от географического расположения, а частично — от личных характеристик правящего князя. Тремя основными княжествами стали Галицко-Волынское (находившееся под правлением Литвы и Польши), Новгородское и Ростово-Владимиро-Суздальское. Во всех трех случаях своим преуспеванием княжества были обязаны относительной отдаленности от степи или расположению в лесистой местности, что обеспечивало защиту от нападений кочевников.

Галиция, Волынь и Литва

Галиция и Волынь располагались на достаточно плодородной земле недалеко от границ с Польшей и Венгрией, на Днестре и Южном Буге, рядом с нижним притоком Дуная. Галиции естественную связь с Польшей и Балтикой обеспечивали верховья Вислы. Довольно удачное расположение двух княжеств

позволяло им вести торговлю с новыми европейскими королевствами. Связи с ними должны были заменить прежние торговые отношения с Византией и Средним Востоком. Галиция была образована потомками Ярослава Мудрого, а Волынь стала вотчиной потомков Владимира Мономаха. В 1199 г. их объединил князь Роман Мстиславич Волынский, одно время правивший Киевом. Его сын Даниил столкнулся с волынскими боярами, предпочитавшими пригласить на правление венгерского короля. Однако в 1234 г. при помощи волынских горожан Даниилу удалось вновь объединить свои земли⁴⁷.

После монгольского нашествия жителям этих княжеств понадобились союзники, и таковые нашлись на севере, в языческом литовском княжестве. В течение XIII в. литовский князь Миндовг Миндаугас смог объединить различные балтийские и восточнославянские племена бассейнов Немана и Западной Двины. Его наследники, особенно Гедимин (1316—1341), расширили владения княжества на юго-восток. Там находились территории, включавшие Волынь, Полоцк и Турово-Пинские земли (последние сейчас занимают немалую часть Белоруссии). Галиция же была присоединена к Польше.

До конца XIV в. литовские князья проповедовали воинственную веру, требовавшую кровавых жертвоприношений. Гедимин централизовал и систематизировал культ, построив храм в Вильнюсе, где располагался и княжеский двор. Он и его наследники не только разрешили принятие христианства, но и всячески способствовали его распространению. Делалось это, во-первых, для привлечения иммигрантов, во-вторых, для получения поддержки от других христианских держав. Литва находилась на границе между католической и православной Европой. И Православной, и Католической церквям разрешалось возводить свои храмы в главных городах княжества. Однако у православного христианства было больше последователей.

Хотя о системе правления Гедимины известно немного, скорее всего большую часть власти он отдал в руки военной элиты бывших племен — *боярам*, советовался с ними и с главными членами своей семьи, перед тем как начинать те или иные кампании. Новое, но все еще языческое государство, Литва пользовалась военной техникой, перенятой от соседей-христиан. Как

и впоследствии Московия, она выгадала от слабости и раздробленности Руси, которые усилились за годы татаро-монгольского ига. Литва удачно расположилась на торговых путях, связавших Северную Европу, Византию и Золотую Орду, и сама экспортировала лес, а также воск, мед и меха. Лесистость и болотистость литовской территории обеспечивали ей определенную защиту от всадников-кочевников и от тяжелой кавалерии тевтонских рыцарей. Литовские князья создали собственную подвижную и легкую кавалерию, которую усиливала и защищала партизанская пехота. Литва привлекала к себе заинтересованных в торговле, производстве или военном деле иммигрантов, покидавших более слабые и уязвимые для врагов княжества.

В период одновременного правления Ольгерда (1341—1377) и Кейстута (Кестутиса) (1341—1382) Литва, уже в союзе с Тверью, присоединила к себе Брянск, Чернигов, Новгород-Северский, Подолию, Переяславль и Киев. Под напором литовских войск в 1403 г. пал Смоленск. Все эти города являлись центрами старой Руси, а их завоевание позволило Литве не только перенять законы, культуру и традиции Киевского княжества, но и дало право назваться «объединителем земель русских». А в 1362 г. литовские войска одержали победу над монголами в битве у Синих Вод близ самой восточной излучины Днепра. В сложившихся условиях литовцы могли продвигаться далее в южные степи вплоть до черноморского побережья.

Большое по размерам, литовское государство, находившееся между православием и католицизмом, Польшей, тевтонами и Золотой Ордой, оказалось уязвимым с геополитической точки зрения. В своей основе это государство еще оставалось племенным, что могло привести его после резкого взлета к не менее резкому падению. Ягайло и Витовт (сыновья Ольгерда и Кейстута) сильно повздорили. Витовт обратился за помощью к тевтонам, а Ягайло к полякам. Польша же в то время переживала кризис власти — умер последний наследник по мужской правящей линии. Ягайло решил эту проблему, женившись на королеве Ядвиге, став королем и приняв имя Владислава Ягайло (1386—1434). Вместе с аристократией он крестился по католическому обряду и установил династическую унию Литвы с

Польшей. Ягайло уничтожил всех языческих идолов и призвал к обращению в католичество как язычников, так и православных. Боярам-католикам обеспечивались привилегии, включая право стать правителями провинций. Вот таким образом появилась Кревская уния (1385—1386), возникшая как династическая договоренность двух «корон» и двух держав. Более того, двумя веками позже она привела к настоящему объединению Польши и Литвы.

Западные территории Киевской Руси перешли к Польше и Римско-католической церкви. Там стали развиваться свои особые языки и культура, в те века известные как русинские, или рутенские, а в наши дни как белорусские и украинские. Польско-литовское государство считало себя державой-форпостом, бастионом западной католической цивилизации, борющейся с исламом, православием и грубым военным колониализмом тевтонских рыцарей. Ягайло/Владислав хотел собрать все без исключения русские земли «под вечным началом польской короны». С этой целью он принял рутенский язык как язык внешнеполитического общения, отразив тем самым и этническое происхождение своих подданных, и собственное честолюбие.

К началу XV в. Литва-Польша оказалась самым большим по территории государством в Европе. Его владения простирались до рек Угры и Оки, расположенных западнее Москвы, и южнее — вниз по Днепру до Черного моря. Продвижение дальше на восток было невозможно из-за Золотой Орды, победившей литовцев в битве на реке Ворскле в 1399 г. В 1410 г. польско-литовская армия разбила тевтонов в Грюнвальдской битве (при Танненберге) и заняла подходы к Риге. Какое-то время территория Литвы простиралась от Балтийского до Черного моря. Однако остается неизвестным, был ли постоянным ее контроль за южными регионами, так как литовская техника ведения войны не соответствовала условиям открытой степи.

Многие некогда православные литовские бояре безболезненно перешли в католицизм. С принятием новой веры росли и права польской аристократии — шляхты. Бояре и шляхта

теперь составляли единый слой, освобожденный по соглашению в Хородло (1413) от многих налогов и несения военной службы. Аристократия могла выбирать правительство, включая самого короля, занимать официальные должности и распоряжаться землей как личной или семейной собственностью. Эта часть населения стала столь могущественной в неменьшей мере и из-за своего доминирующего положения в экономической жизни государства. Особую выгоду аристократия получала от балтийской торговли зерном. Крестьяне же были обязаны нести бремя барщины на землях бояр. Вступать в монашеские ордена могла только шляхта, бедным, но образованным горожанам путь был закрыт. Аристократия командовала армией и монополизировала как королевский двор, так и королевскую администрацию. Только «благородные» становились членами сейма (парламента) и его провинциальных эквивалентов, сеймиков.

В сущности, только шляхта имела права граждан аристократической республики, а ее увеличивающаяся власть и богатства явились следствием той смешанной системы власти, которая установилась в государстве. Выбранный Польшей-Литвой путь оказался противоположным тому, по которому в XV в. шла Московия, где вся власть принадлежала узкому кругу княжеской семьи и ее приближенным.

В то же самое время в Польшу-Литву хлынули евреи, бежавшие из Западной Европы от антисемитизма и искавшие прибежища и религиозной терпимости на новой родине. Шляхта взяла их под свое покровительство, обеспечила работой. Евреи занимали должности лавочников, держателей таверн, ростовщиков, сборщиков дани, управляющих. Они получили защиту короны и даже некоторые права (право на самообложение налогами, самоуправление через собственный *кагал* — коммуну). Таким образом, евреи заняли довольно удобную нишу в польско-литовском обществе. До середины XVII в. они могли вести свой образ жизни и исповедовать свою религию. Притом евреи получили такую безопасность, какой они не имели, наверное, нигде в Европе⁴⁸.

Господин Великий Новгород

Господин Великий Новгород (как он сам себя называл) с древних времен являлся благодаря своему географическому положению основным торговым центром Руси. Он располагался в начале речного пути «из варяг в греки», недалеко от Балтийского моря и Валдайской возвышенности, где берет свое начало Волга, впадающая в Каспийское море. Главным источником богатств этого города стали леса, расположенные на востоке и на севере, вокруг Ладожского и Онежского озер, простирающиеся к Белому морю, до северной части Печоры и арктических склонов Урала. Новгород не мог постоянно контролировать балтийские и финно-угорские народы, заселявшие эти территории, однако всегда исправно собирал с них дань. До XI в. он торговал мехом, медом и воском с Булгарией по Волге, с Киевом и Византией по Днепру. Кроме того, Новгород торговал с Балтией и Скандинавией.

Двумя веками позже торговый путь по Волге стал недоступен из-за укрепившегося Ростовского княжества, а южный больше не приносил прибыли и после падения Византии потерял свое значение. Важнейшим оставался западный торговый путь, и новгородцы им активно пользовались. С другой стороны, шведы в центре Новгорода имели «готический двор», а «немецкий двор» предлагал товары Ганзейской лиги. Позднесредневековая Германия очень быстро богатела и тем самым создавала новгородцам рынок для реализации меха, золота и серебра. Ганза располагала в городе своей собственной хозяйственной территорией — Петергофом, где находились конюшни, гостиницы, большие магазины, склады и даже тюрьма. Ганза использовала как коммерческие законы, так и сложные кредитные соглашения для развития новгородской торговли, которая проходила через порты Ганзы в Риге и Ревеле (нынешний Таллин). Дважды в год купеческий караван отплывал из Ревеля к острову Котлин (нынешний Кронштадт), откуда все товары переносились на новгородские суда, для того чтобы отправиться по Неве к Ладоге и Волхову. Этот своеобразный караван получал особые привилегии и защиту от новгородских властей, а петергофские немцы жили

по своим законам, защищались своими официальными лицами и имели свою тюрьму⁴⁹.

До 1136 г. Новгород находился под властью великого киевского князя и считался вторым после Киева. А новгородский князь был первым претендентом на киевский престол. Великий князь Ярослав в знак благодарности новгородским жителям, оказавшим ему помощь в борьбе за киевский престол, разделил город на две части, одной из которых он правил сам, а другую отдал в правление боярам. В 1136 г. они в знак неповиновения выбрали своих *посадника* и *тысяцкого*, управлявших народным ополчением и «сотнями». Бояре использовали и свое право приглашать или отвергать потенциальных князей, заключая с каждым из них своеобразный договор, согласно которому князь исполнял определенные военные обязанности и получал годовой доход.

Совет господ, избранный вечем, стал основной силой в городе. Контроль за ним осуществлял архиепископ (статус был введен в 1165 г.), что символизировало тесные отношения между боярами и церковью. В боярской части города в середине XI столетия был возведен каменный собор Святой Софии, соперник киевского храма. Этот шаг должен был показать, что статус города определяет его богатство, но никак не княжеская власть. Теперь он называл себя «господин Великий Новгород» или «вотчина святой Софии».

В отличие от других княжеств Новгород управлялся не какой-то одной династией, а приглашал представителей разных, иногда воюющих между собой княжеских семей. Эта деталь наряду с богатством города делала его особо лакомым кусочком для соперничавших князей. Кроме храма Святой Софии он мог еще похвастаться каменным кремлем (а не деревянным, как в других городах). К тому же его горожане отличались довольно высоким уровнем грамотности, о чем свидетельствуют последние исследования найденных там берестяных грамот. Подобно Нью-Йорку в США или Кёльну на Рейне Новгород обладал значительными богатствами, не обусловленными политической властью, и поэтому становился главным призом для завоевателей.

После нашествия монголов (1238—1240) произошли важные перемены, как и везде на Руси, но в другом направле-

нии. Благодаря северо-западному расположению Новгорода и дипломатическим способностям его князя Александра город не был завоеван, а, наоборот, занял привилегированное положение в Золотой Орде. Его территорию не захватывали монгольские войска, с новгородцев не взимали налоги. Однако князь Александр согласился платить существенную дань за право самоуправления города.

Если монгольская угроза казалась чем-то отдаленным, то другие источники опасности были куда ближе. Шведы расположились в Финляндии и наступали в восточном направлении, к лесам и озерам между Ботническим заливом и Белым морем. В этих краях рыболовство и охота обещали солидную прибыль. Чем севернее территории и чем холоднее климат, тем мягче и ценнее мех обитающих там животных. В 1240 г. шведы приплыли вверх по Неве, чтобы напасть на Новгород, однако русские разбили врага, а князь Александр был назван Невским в честь этой победы⁵⁰.

Кроме шведов, особую опасность в XIII в. представляли тевтонские рыцари из ордена крестоносцев, созданного в свое время на Святой земле. С благословения папы они двинулись на северо-восток, к язычникам Балтийского побережья. Как их предшественники захватили Константинополь, так и эти рыцари ополчились против православия на Руси. В 1241 г. они заняли крепость Изборск и важный торговый город Псков. Александр, понимая, что монголы представляют более серьезную опасность и их нельзя тревожить, решил дать отпор западной угрозе. Во-первых, нужно было разбить тевтонов, что Невский сделал на Чудском озере в 1242 г. Благодаря фильму Сергея Эйзенштейна эта битва была представлена как одна из величайших в мировой истории. Последние исследования показали, что обе армии (русская и рыцарская) были небольшими, а силы новгородцев превышали тевтонские втрое. Однако эти факты несколько затемнены, а битвы под Нарвой и на Чудском озере представлены как важный показатель постоянного противостояния между православием и западными формами христианства⁵¹.

У политики Александра Невского были многочисленные и мощные противники в самом Новгороде, особенно среди

ремесленников и купцов, входивших в вече. Они были заинтересованы в достижении мирного соглашения с рыцарями тевтонского ордена, для того чтобы продолжать торговлю с Балтией. Младший брат Александра Андрей преуспел в поддержке и веча, и хана и правил в течение пяти лет. Александру же удалось вновь завоевать доверие хана и обезвредить своих братьев при поддержке половцев. Впоследствии он дважды обращался к ним за помощью для подавления прозападных восстаний. Поддержанный таким образом монголами, Невский получил титул великого князя Владимирского, главного князя на Руси, который он сохранил до самой смерти в 1263 г. Это был единственный случай, когда титул новгородского князя совпадал с действительным экономическим значением города.

Еще более серьезный кризис произошел в 1257 г., когда монголы попытались напрямую провести перепись населения и сбор налогов. Их представители прибыли и «начали требовать церковную десятину и *тамгу*» (таможенную пошлину), но новгородцы им отказали. Монголы вернулись на следующий год с войсками, которые парадом прошли по улицам, составив эскорт Александру. Оппозиция переписи тогда была просто уничтожена⁵².

Ростов — Владимир — Суздаль

Со временем стало ясно, что ни Литва-Польша, ни Новгород не могли стать базой для развития позднесредневекового государства восточных славян — Руси. В случае с Новгородом проблема состояла в политической разобщенности, а в случае с Литвой — в религиозных разногласиях и ориентации на западную, латинскую (римскую) культуру.

В XII в. мелкие северные и восточные княжества, расположенные в треугольнике верховья Волги и Оки, были еще менее перспективными в этом отношении. Славяне поселились там относительно поздно: только в VIII — IX вв. в этих местах появились вятичи, вытеснившие местные финно-угор-

ские племена. Вятичи и после того, как другие славянские племена приняли христианство, долгое время оставались язычниками. Советский этнограф Лев Гумилев утверждал, что смешение славянской и финно-угорских народностей создали некий новый этнический элемент, великороссов, отличных от восточных славян Киевской Руси, живших южнее и западнее. Согласно этой версии, последующее взаимодействие с татарскими и тюркскими народами в дальнейшем повлияло на формирование евразийских особенностей великороссов⁵³.

Большим преимуществом региона, расположенного между Окой и Волгой, были его отдаленность от степей и густые леса. Эти факторы обеспечивали некоторую безопасность от кочевников. Более того, он обладал большими запасами древесины, рыбы и мехов, что и привлекало колонизаторов с юго-запада. Меха пользовались неизменным спросом при европейских дворах, а в течение позднего средневековья рынки становились все богаче. Города Ростов, Суздаль и Владимир-на-Клязьме превращались в заметные коммерческие центры. В XIII в. вся их торговля практически полностью контролировалась Новгородом, и последующая борьба за нее была одной из важнейших на Руси.

Владимир Мономах отправил своего сына Юрия Владимировича править Ростовом. Юрий женился на половецкой княжне и стал известен как Юрий Долгорукий. Он получил это имя благодаря своей безжалостной и амбициозной политике расширения территорий. Юрий всячески способствовал развитию Ростовского княжества, строил церкви и дворцы в Суздале и Владимире, жаловал земли местным крестьянам и монастырям. Он выступал против болгар и Новгорода, стремясь заполучить контроль над богатствами северных лесов.

Сыновья Юрия Андрей и Всеволод превзошли отца по честолюбию. Андрей перенес столицу во Владимир и создал свою собственную резиденцию за городом, в деревне Боголюбово (отсюда и его прозвище — Боголюбский). Он вмешался в междоусобицы князей в 1169 г., чтобы свергнуть киевского князя, завоевать и ограбить город и посадить на трон своего брата Глеба Юрьевича. Из церкви, расположенной неподалеку от

Киева, он взял очень почитаемую икону Византийской Богоматери, оправил ее в золото, серебро и драгоценные камни и перенес в только что построенную церковь Спаса в Боголюбове. Впоследствии икона стала излюбленной национальной святыней. Во Владимире появились Золотые ворота, созданные по киевскому образцу, и Успенской собор, названный в честь храма в Печерском монастыре. Андрей пытался создать для своего города независимую от Киева епархию, однако эта идея была отвергнута патриархом Константинопольским. В итоге Андрей действительно поднял престиж Владимира. Особенно это было заметно в условиях символического доминирования Киева. Конечной целью князь, возможно, считал вытеснение Киева и даже соперничество с самой Византией. В этом отношении его брат Всеволод III Большое Гнездо (1175—1212) продолжил его политику⁵⁴.

Князя и местные общины

Перемены, происходившие в XII в., положили конец всем надеждам на формирование единого государства или хотя бы стабильного союза. Между князьями не было согласия. Они рассматривали свои территории как личные вотчины, а не как доверенные всей династии владения. Землевладение в большей степени, чем торговля и контроль за транспортными путями, стало показателем власти. А плата за пользование землей заменила дань, превратившись в основной источник доходов.

Эти изменения привели к разобщенности князей и местных собраний, известных теперь под названием «мир» или *волость*, управлявших большой деревней или несколькими маленькими населенными пунктами. Каждую волость возглавлял избранный старшина, *староста* или *сотский* (человек сотни). Переписка князей или монастырей со старостами свидетельствует о том, что мир должен был регулировать использование лесов, пастбищ, источников, а также назначать и собирать дань. Мир определял норму взноса с каждого двора по размеру принадлежавшей ему земли и по тем средствам,

которыми тот располагал. Также в обязанности волости входили расследование нарушений и поиск преступников. Княжий же суд разбирался с серьезными преступлениями, но и тогда «добрые люди» из мира участвовали в процессе при общем вынесении вердикта.

Мир (или *миры*, в зависимости от размера) являлся и духовным, в сущности своей приходским объединением. Его члены строили церковь, выбирали священника и давали ему участок под семейное хозяйство и церковные нужды. Иногда построенная церковь использовалась для собраний мира, там также хранились богатства. Очень часто сотский был еще и церковным стражем⁵⁵.

Так как основа русской экономики переместилась от торговли к сельскому хозяйству, князья получали все больше земель, либо силой, либо по традиции, либо благодаря экономическому превосходству. Все эти земли они рассматривали как свои личные владения. Право бояр собирать дань и право на кормление все более походили на право получать еще и плату за пользование землей. Местные же миры все больше походили на крестьянские общины.

Таким образом, уже в киевский период, а особенно после монгольского нашествия на Русь сформировалось общество, которое уже можно было считать феодальным⁵⁶.

И все же основные признаки привычного для Западной Европы феодализма на Руси отсутствовали. Между хозяевами и вассалами не было взаимоподдержки, лояльного отношения друг к другу. Самого вассалитета не существовало: подчиненные не были связаны с хозяевами никакими клятвами верности, а хозяева не были связаны никакими моральными законами или обязательствами защищать своих подчиненных или помогать им во время голода. На Руси хозяин вел себя как завоеватель, требующий прибыль, но не дающий ничего взамен. Крестьяне и горожане подчинялись до тех пор, пока у них не было другого выхода, но если угнетение становилось совсем уж невыносимым, они отправлялись на поиски более подходящего покровителя. Их право так поступать закреплялось обычаями. Кроме того, феодал мог отвергнуть службу одному князю и служить

любому другому. В этом заключалась определенная свобода, не установленная, однако, никаким законом или учреждением⁵⁷.

Историки обычно называют русские княжества в период феодальной раздробленности *уделами*. Удел был владением князя, частью отцовской собственности, владением, унаследованным сыном в результате деления этой собственности между наследниками (включая вдову и дочерей, если не было другого обеспечения). На английский этот термин часто переводится как «апанаж». Однако этот перевод по сути своей неверен, так как апанаж — это территория, даваемая для управления младшим сыновьям монархов по праву первородства и возвращаемая короне, как только надобность в ней отпадает. Удел же становился постоянной собственностью в рамках системы разделенного наследования. Если сын наследовал землю, он мог потом передать ее своим сыновьям, разделив ее на всех. Последствия оказались легко предсказуемыми: с каждым поколением уделов становилось все больше, а их размеры заметно уменьшались. Подобный процесс не мог продолжаться вечно — рано или поздно территории княжеств стали бы такими незначительными, что их защита или экономическое использование были бы абсолютно невозможны⁵⁸.

Эта система поставила князей перед болезненной дилеммой: все они нуждались в мужчине-наследнике для передачи власти и собственности, но не больше чем в одном. Иначе все их владения уменьшались бы, а споры и распри продолжались нескончаемо долго. Князья пытались решить проблему составлением завещаний для каждого из своих иногда многочисленных наследников, однако на практике это не приносило желаемого результата — завещания теряли силу после смерти князя.

Центром каждого удела являлся город большего или меньшего значения, обычно в речной долине, вдоль которой располагались торговые пути и поселения жителей. Более крупные княжества с хорошо укрепленными городами назывались великими княжествами и напрямую поддерживали отношения с ханом Золотой Орды. Великий князь Владимирский имел номинальное превосходство над всеми другими. На деле же все решал хан, который, смотря по ситуации,

выдавал ярлык и предоставлял его владельцу право действовать как доверенное лицо хана: собирать налоги, укреплять свою власть и заниматься рекрутами.

Каждый князь считался полноправным правителем своей территории, делившейся обычно на две категории: 1) земли князя, обрабатываемые его рабами и управляемые его придворными (*дворянами, дворными людьми*); 2) наделы, принадлежавшие боярам, членам княжеской дружины и обрабатываемые свободными («черными») крестьянами или монастырями, платившими дань, часть которой шла великому князю, а в основном хану. Вторая категория земель управлялась *наместниками* (заместителями) или *волостелями* (руководителями волости), которые избирались из самых доверенных слуг князя. Они взимали дань, налоги, акцизные сборы, дворовые взносы и различного рода пени и пользовались правом оставлять значительную часть, традиционно половину, собранного себе. Итак, система доходного хозяйства называлась кормлением. У облагаемого налогами населения были определенные трудовые обязанности: гужевая перевозка, ремонт дорог и мостов, обеспечение приезжающих официальных лиц лошадьми, едой и жильем. Эти обязанности осуществлялись всей общиной, вместе с денежной и другой данью, части которой делились по дворам и определялись миром. Мир постепенно менялся, менялись и его функции. Он становился скорее крестьянским учреждением, распределявшим трудовые и налоговые обязанности, оттого и ближе связанным с производственным процессом. Объем обязанностей во многом зависел от традиции. Поэтому князь старался избегать резких перемен, боясь спровоцировать недовольство⁵⁹.

Кормление было чем-то большим, нежели фискальным механизмом. Оно являлось и формой «всеобщего обмена», как его называют антропологи, средством, благодаря которому местные общины могли уживаться с князем, преподнося подарки и проверяя его реакцию. В то же время они стремились вовлечь его в сеть взаимных обязанностей и тем самым ослабить княжескую власть⁶⁰.

Князья были связаны друг с другом посредством договора, обычно определявшего вклад каждого в объединенные воен-

ные действия. Великий князь Владимирский (позже Московский) командовал главным войском, а назначенные им *воеводы* возглавляли второстепенные войска, собранные младшими князьями и боярами, и приводили их на смотр. Ополчение набиралось из городских и деревенских общин и возглавлялось тысяцким (во главе тысячи), назначенным князем. После военной кампании воины возвращались домой. На практике, если князь не видел своей выгоды в военной кампании, его невозможно было убедить принять в ней участие.

Каждый князь собирал совет, состоявший из родовитых бояр и дворян, с которыми он советовался, или индивидуально, или со всеми вместе, в зависимости от сути дела. Князь нуждался в совете и поддержке своих приближенных.

По той же причине князь давал боярам землю, как, впрочем, и самым доверенным дворянам. С некоторым упадком торговли земля стала самым ценным товаром. Однако сложные вопросы о дани и юрисдикции могли привести к конфликту. Многим князьям не нравилось то, что их бояре имели право оставлять службу, но помешать этому они не могли в связи с ограниченностью средств давления на них. Ущерб от потери бояр возрастал в силу того, что они, начав служить другому князю, вверяли ему свои надельные земли со всеми доходами. В результате многие княжеские земли превращались в лоскутное одеяло, сшитое из маленьких кусочков ткани. А власть князя приобретала скорее личный, чем территориальный характер. Вот почему большинство князей находило данные порядки крайне неудовлетворительными. В некоторых договорах, заключенных друг с другом, они даже обещали не принимать бояр, если те служили князю-союзннику. На ранних стадиях своего развития Московия была заинтересована в праве свободного передвижения бояр, бесспорно, выгодного для княжества. Но заключая соответствующие договоры, она на практике их не исполняла. Боярам не разрешалось переходить к другим князьям, а «перебежчики» из Московии считались предателями, и их старались вернуть.

Имело больше смысла привлекать бояр из соседних территорий, поэтому в XV в. Московия приложила немало усилий для привлечения бояр и князей из приграничных территорий Литвы⁶¹.

Расцвет Москвы

В первые десятилетия XIV в. никто не мог и предположить, что из всех княжеств Руси именно Московия будет играть главную роль. Изначально укрепленный пограничный форт Суздальского княжества, она впервые была упомянута в летописи за 1147 г. Скорее всего отдельным княжеством Москва стала после смерти Александра Невского в 1263 г. Престол унаследовал его двухлетний сын Даниил. В 1301—1304 гг. Московия, расширив свои границы за счет присоединения Можайска на западе, Переяславля на севере и Коломны на юго-востоке, превратилась в серьезного соперника другим княжествам. Эти приобретения дали ей контроль практически над всем побережьем Москвы-реки с ее притоками, вверх к месту ее впадения в Оку, а также над верхним бассейном Клязьмы. Московия также получила часть относительно плодородной земли на север от Клязьмы и доступ к самому Владимиру. Безопасность ее южных рубежей обеспечивала Ока, служившая естественной защитой от набегов кочевников. Эта территория могла стать безопасной зоной для развития экономической жизни.

Относительно молодое Тверское княжество крепло примерно в то же время, что и Московское, и в течение нескольких десятилетий соперничало с ним. По степени естественной защищенности оно уступало Московии, однако располагалось дальше от степей, и его географическое положение было более выгодным для ведения торговли. Княжество находилось на берегу Волги, сравнительно недалеко от Новгорода. Исторически возможный союз между Тверью, Новгородом и Литвой мог бы привести к переносу центра Руси дальше на запад, ближе к Балтийскому морю.

В начале XIV в. Тверь и Москва являлись единственными княжествами с достаточно мощной экономической и военной базой, позволявшей им претендовать на ярлык. Московские князья происходили из младшей династической линии Даниловичей (от сына Невского). По традиции наследования власти, восходившей к эпохе Киевской Руси, Москва не имела законного права на владимирский престол.

Таким образом, она вдвойне зависела от воли Золотой Орды. Когда в 1327 г. в Твери начался бунт, восстанавливать порядок туда был послан князь Иван I с многочисленным татарским войском. В награду за успешную операцию князь получил ярлык. Иван (1325—1341) оказался надежным доверенным лицом, регулярно, вовремя и полностью платившим хану дань. В результате Орда перестала высылать на Русь своих людей для сбора денег, отдав это право Московии. Именно получение фискальной власти стало для княжества переломным моментом. С тех пор ярлык почти непрерывно находился у московских князей, во-первых, потому, что хан желал создать некий противовес возможному союзу Твери, Новгорода и Литвы, а впоследствии из-за того, что княжество стало достаточно сильным для выполнения постоянной и ответственной задачи по сбору дани.

Теперь Московия обладала властью, полученной вместе с ярлыком. К тому же благодаря удаче и рассудительности князей княжеству удалось избежать раздробленности. Иван I оставил завещание трем своим сыновьям: Семену, Андрею и Ивану. Он разделил территорию на три более или менее равных участка. Семен признавался старшим в семье. Иван привез своих сыновей в Сарай и убеждал хана утвердить завещание в знак признания его заслуг (ведь князь успешно справлялся с обязанностями и поэтому мог рассчитывать на вечное владение династии московских князей ярлыком на великое княжение). После смерти Ивана его сыновья следовали договоренности, но предприняли еще один шаг: во избежание конфликтов они признали Семена главным держателем политической власти, а подвластные им территории — своей вотчиной. Тем самым они порывали с киевской традицией общего владения династией всеми землями и всей властью. Подобные соглашения оговаривались и в завещаниях последующих князей. Вотчины отныне принадлежали отдельным лицам, и любая ответственность теперь лежала на семье, но не династии в целом. И в волеизъявлении Дмитрия Донского (1389), внука Ивана I, ясно говорилось: «Благословляю сына моего, князя Василия, и вверяю ему вотчину мою, великое княжество»⁶².

Православная церковь

Во время раздробленности русских княжеств Церковь находилась в куда более выгодном положении, чем любой из светских правителей и служила центром для преданных восточных славян. Главенствующий прелат, митрополит (сначала Киевский, затем Владимирский) являлся единственным общественным деятелем, титул которого подразумевал власть над всей землей Русской: вся Руси. Церковь не зависела от князей, ее епархиальные границы не совпадали с постоянно меняющимися княжескими, а епископов обычно назначали священнослужители или миряне. Церковь получала определенные владения от Золотой Орды, а ее священники, зачастую происходившие из княжеских или боярских семей, занимали высокое социальное положение. Нередко они выступали как посредники между князьями или между князьями и ханом. Специально для этих целей в Сарае существовала особая епархия.

Решающее значение имел выбор митрополитом всяя Руси места своей резиденции. В 1299 г. митрополит Максим перенес его из Киева во Владимир, так как жизнь на юге отличалась нестабильностью, а близкое расположение к степи грозило опасностью нападений. Однако вскоре Владимир начал терять свое былое значение, столкнувшись с серьезным соперничеством в лице Твери и Москвы. В 1322 г. митрополит Петр сделал выбор в пользу Московии, поддержавшей его кандидатуру. Через год после смерти (1326) он был канонизирован, что стало последним шагом на пути превращения Москвы в центр Русской православной церкви. Захоронение митрополита стало святыней для всех верующих православных людей и способствовало укреплению положения города⁶³.

Нередко князья, бояре, купцы и другие обеспеченные люди жертвовали монастырям деньги, товары или земли, а священнослужители обязывались произносить молитвы за спасение души своих благодетелей. К XV в. благодаря подаркам Церковь стала довольно крупным землевладельцем и вносила большой вклад в торговлю и производство. Прямая связь между богатством и властью, а также обширная сфера полномочий церковных приходов привели к тому, что Церковь

стала своеобразным государством в государстве, взаимосвязанным территориально и юридически с владениями князей. Церковь нуждалась в собственных служащих: писарях, казначеях, судьях, управляющих имением, заведующих хозяйством. Митрополит Московский имел даже свой собственный полк и воеводу, которого, являясь вассалом князя Московского, он обязался отправлять на битву в случае необходимости⁶⁴. В каком-то смысле Церковь обладала самой большой политической властью на Руси. И это несмотря на то что немалая часть ее богатств уходила на помощь сиротам, вдовам, инвалидам и другим жертвам существовавших общественных порядков. Подобное сочетание богатства и власти, бесспорно, вызывало зависть князей. Вот почему церковные надели становились предметом самых ожесточенных споров в позднесредневековой Руси.

Так же остро стоял вопрос о политической власти Церкви: митрополия находилась в Москве, но распространялись ли ее права на все княжество или даже на всю православную цивилизацию, главой которой оставался патриарх Византийский? Каким должно было быть ее отношение к литовским православным христианам, находившимся под влиянием польского католицизма?

Митрополит Алексей, ставший регентом в 1359 г., когда Дмитрий (позднее известный как Донской) в девятилетнем возрасте стал правителем, пытался отстаивать интересы как Москвы, так и Церкви в целом. Возможно, из-за очевидной политической слабости Византии он видел в Москве будущее православия и делал все возможное, чтобы московская епархия была признана всеми восточными славянами, в том числе и живущими в Литве. Вначале он заручился поддержкой патриарха Византийского, но когда последний столкнулся с угрозой принятия Литвой католичества, то согласился на создание независимой митрополии в Галиции.

Наследник Алексея, Киприан, был совсем иным человеком. Алексей являлся политическим духовным лицом, привязанным к Великому княжеству Московскому, Киприана же надлежит рассматривать с учетом перемен в Византийском патриархате XIV в. Византия, так и не пришедшая в себя после

римского господства в XIII в., переживала новый удар — большинство ее территорий было захвачено османскими турками. В итоге некогда великая держава стала анклавом, небольшой территорией, окруженной мусульманским доминионом (мусульманскими владениями). После падения Византии патриархат пытался превзойти византийский двор в престиже и дипломатической важности. Показателем всевозрастающего значения духовных ценностей стало появление в середине XIV в. течения исихазма. Исихасты утверждали, что человек приближался к Богу через аскетизм, самодисциплину, а также благодаря непрестанной молитве. В частности, они считали, что, сосредоточившись на простой молитве, взывавшей к Иисусу и повторяемой в ритме дыхания, верующий достигал высшей степени познания и входил в прямой контакт с «божественной энергией».

Исихазм представлял собой одновременную реакцию на традиционную иерархическую и ритуалистическую Византийскую церковь и на новый эллинистический гуманизм, приобретающий все большую популярность среди интеллектуалов. Одной из его задач стала трансформация очевидно слабеющей мировой империи в духовную обитель посредством проповеди религиозных учений. Эти учения могли быть приняты даже на тех территориях, где сама Церковь оказалась подавленной светской властью. Нельзя сказать, что сторонники исихазма недооценивали Церковь, скорее наоборот, они стремились спасти ее, помогали ей вновь обрести важнейшие ценности, частично утерянные во время кризиса. Кроме того, они заботились о средствах, необходимых Церкви для существования. Центром движения стала гора Афон, «монашеская республика» в северной Греции, выступавшая в роли распространителя текстов и византийского учения в славянских православных общинах. Эта «республика» приобрела особенное значение после османских завоеваний на Балканах⁶⁵.

Митрополит Киприан провел несколько лет монахом на Афоне. Киприана, болгарина по происхождению, патриарх назначил дипломатом, призванным сеять раздор между Литвой и Москвой. Когда же в 1378 г. он стал митрополитом, его назначение оспаривалось Москвой, где князь Дмитрий

выбрал другого кандидата, поддержанного Золотой Ордой. Однако Киприан принялся объединять две епархии: московскую и литовскую, отказываясь подчиняться политическим целям правителей этих княжеств. Некоторые ученые полагают, что он убеждал великого князя Ягайло не помогать татарской армии в Куликовской битве. В результате Дмитрий все же его принял⁶⁶.

Несмотря на мирские устремления русских князей, Киприан всегда подчеркивал их духовное единство под символическим началом Византии. Он настаивал на упоминании императора в литургии. Когда же в 1393 г. Василий I запротестовал против подобной практики, Киприан представил ему послание от патриарха, увещевая: «У христиан не может быть Церкви без императора, так как империя и Церковь неразрывно связаны и разделить их невозможно!»⁶⁷

Идеал сильной духовной деятельности, не вполне понятный грубым, властным князьям, наполнял жизнью монашеское движение, сыгравшее столь немаловажную роль в колонизации огромных лесистых территорий Северной и Восточной Руси в XIII — XV вв. Города переживали некоторый упадок, теряли значение и часть прав на самоуправление, и монастыри все чаще основывались за городскими стенами, притом без могущественных и богатых покровителей, а следовательно, завися только от собственных усилий и ресурсов.

Причины развития монастырей имели как духовный, так и экономический характер. Большинство ранних обителей делали упор на совместную жизнь монахов. Они вместе участвовали в физическом труде, приеме пищи, службах в установленном время и в установленных местах. Позднее же начали распространяться несколько иные принципы, пришедшие из Византии и присущие монахам Афона. Особое значение теперь придавалось уединению, аскетизму, воздержанной жизни, которую каждый монах вел по-своему, посредством своей личной самодисциплины. Движущей силой стали подвижники, воодушевленные аскетизмом, созерцанием и молитвой.

Густые леса Северо-Восточной Руси предоставляли идеальные условия для принятия такого образа жизни. Отдален-

ность, непроходимость, постоянная опасность, исходившая от диких зверей, создали особые условия и атмосферу, в которых послушник мог рассчитывать только на себя, на развитие новых навыков и на укрепление своего духа⁶⁸.

«Жития» русских святых предлагают нам множество биографических примеров, благодаря которым мы можем представить себе тип святого на Руси. Рожденный в обеспеченной семье, он с ранних лет проявлял необычайную набожность, читал Писание и жаждал принятия сана. Родители далеко не всегда приветствовали подобные устремления чада и стремились приобщить его к мирской деятельности. Сын виделся им продолжателем какого-нибудь семейного дела. Против воли родителей будущий святой все же принимал постриг, выполнял в монастыре самую грязную и неприятную работу, но в итоге оставался неудовлетворенным недостаточной дисциплинированностью и излишней многословностью других послушников. Иногда еще до принятия обета он покидал монастырь и селился в уединении, где-нибудь в лесу. Жил в возведенной им же самим хижине или даже в дупле, питался ягодами и кореньями, иногда хлебом, оставленным случайными прохожими. Замерзая зимой и мучаясь от мошкары летом, он проводил все свое время в молитвах и пении псалмов. Целью этого одиночества и аскетизма было достижение духовной сосредоточенности, иногда при помощи техники созерцания, пришедшей из Византии.

Как правило, отшельник живущий в лесу, недолго оставался в уединении: к нему присоединялись либо его бывшие собратья по монастырю, либо паломники, проходившие мимо его обителища. Появлялись другие хижины, одинокие монахи формировали *скиты*, в которых жило несколько братьев, собиравшихся вместе для общих празднеств или богослужения. Иногда в итоге появлялась монашеская община. Нередко крестьяне приходили к монахам, привлеченные как перспективой обретения душевного успокоения, так и экономическими возможностями — в девственных лесах можно было вести сельскохозяйственные работы. Так постепенно возникала большая, шумная, небедная община. Однако этот результат все-таки противоречил идеалам тех, кто изначально

но образовывал уединенные поселения. Часто в суматохе этой новой жизни находился какой-нибудь недовольный послушник, возжелавший одиночества. И он отправлялся на северо-восток, заново начиная старый цикл⁶⁹.

Подобной была биография Сергия Радонежского (родился в 1314), который вместе со своим братом Стефаном покинул родительский дом, ушел в лес и построил там хижину и часовню Святой Троицы. Его брат вскоре покинул отшельника, которого теперь лишь изредка посещали забредшие монахи или священники, желавшие разделить с ним служение Богу. Постепенно Сергей приобрел репутацию святого одухотворенного слуги Господня. С другими монахами он создал скит, а впоследствии и большую общину, в которой стал игуменом. Поначалу Сергей отказывался от этой должности, не желал менять созерцательную жизнь на административные обязанности, однако после настоятельных просьб местного епископа согласился. Монастырь Сергия Радонежского располагался на территории вотчинных владений двоюродного брата князя Дмитрия, почитавшего Сергия и прислушивавшегося к его советам. Сергей стал играть определенную роль в политической жизни, беседуя с приезжавшими к нему за советом русскими князьями об их обязанностях перед Церковью, об отношениях с патриархатом Византийским, Литвой и Золотой Ордой. Свято-Троицкий монастырь (позднее к названию прибавилось и имя основателя), находившийся на северо-восток от Москвы, был основным центром подготовки монахов и духовенства. В конце XVI в. он стал местом расположения Московского патриархата, а вокруг монастыря образовалось поселение, Сергиев Посад⁷⁰.

Выбор Сергием символа Святой Троицы для монастыря не был случайным. Троица имела особое значение в исихазме, учившем, что, лишь безмолвно молясь Господу, человек сможет смирить плоть и прийти к видению не самого Бога, а его «энергии», выраженной в «Фаворском свете» (как его называл Григорий Палама, основатель доктрины). Считалось, что это причастие светом имело непосредственное отношение к Святому Духу и предназначалось не только для умиротворения души человеческой, но и для того, чтобы эта душа

смогла преодолеть земные соблазны и отказаться от злобы. Отец, Сын и Дух Святой составляли Живую Единоначальную Троицу. Биограф Сергия Радонежского Епифаний Премудрый в своей книге особенно подчеркивал этот аспект духовного прозрения русского святого⁷¹.

Верующие поселенцы также возрождали дух Кирилла и Мефодия. Стефан Пермский (1340—1396), сын священника из Устюга на Северной Двине, «полуночной земли» (как назвал ее Епифаний Премудрый), стал монахом в Ростове, выучил там греческий язык и собрал коллекцию греческих книг. Он отправился учить язычников-зырян, живших по соседству. Стефан придумал зырянский алфавит и синтезировал слова таким образом, чтобы стал возможен перевод служб и Писания. Епифаний отвел этому монаху почетное место среди распространителей православной веры, таких, например, как апостолы Павел и Петр⁷².

Исихастский дух ← поиск покоя, внутреннее сосредоточение и личная преданность — вдохновляли иконописцев на шедевры, создаваемые на протяжении конца XIV — XV вв. Именно этот период эксперты оценивают как вершину в истории русского религиозного искусства. Иконопись как жанр берет свое начало из византийского христианства. Однако уже на раннем этапе русское искусство стало развиваться в своем неповторимом направлении и приобретать особые отличительные черты. Русские иконы были менее внушительными и величавыми, человеческие фигуры казались проще, сокровеннее и ближе. Для создания икон русские мастера заимствовали византийские традиции или использовали материал повседневной жизни, подчеркивая потенциальную возможность преобразить мир. Иконописец должен был развивать свою способность духовного проникновения. Как заметил теолог XX в. Павел Флоренский: «Иконописцы — люди не простые: они занимают высшее, сравнительно с другими мирянами, положение. Они должны быть смиренны и кротки, соблюдать чистоту, как душевную, так и телесную, пребывать в посте и молитве и часто являться для советов [к] духовному отцу»⁷³. Другими словами, мастерам полагалось вести аскетический образ жизни исихастов. Только таким образом они могли достичь достаточного просветления,

нужного для работы по превращению тайны божественной в человеческую⁷⁴.

Новое направление развила группа художников московского двора и Троицкого монастыря в Сергиевом Посаде, возглавляемая Феофаном Греком. Судя по имени, он прибыл из Византии. Этот мастер с 1370-х по 1400-е гг. работал над фресками в Новгороде, Нижнем Новгороде и Коломне. Он расписывал Архангельский и Благовещенский соборы Московского Кремля. Его ученик Андрей Рублев работал вместе с ним в Благовещенском соборе, а затем продолжил свое дело в Звенигороде, во Владимире и в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря. Его самое знаменитое творение, икона «Троица», стало выражением исихастского идеала: спокойные светло-голубые тона, смиренные и непринужденные позы трех ангельских фигур говорят о стремлении к единству, гармонии и согласию посредством глубокого духовного познания⁷⁵.

По сравнению с предшественниками и Феофан, и Рублев были менее монументальными и более динамичными в создании образов. В их работах фигуры и одеяния выполнялись с большим чувством — это проявлялось в жестах, неуловимых движениях. Служба и природа на заднем фоне изображались более реалистично (хотя и без упора на детали и использования перспективы, в то время уже начинавшей распространяться в западноевропейском искусстве). Иконы Рублева были насыщены яркими красками, наполнены мягким меланхоличным лиризмом, не создававшим, однако, пессимистического настроения⁷⁶. (Полтора века спустя, в 1551 г., Церковный собор представил Рублева образцом иконописи.)

Падение Золотой Орды

Во время правления Дмитрия I (1359—1389) Москва приобрела власть над Ростовским, Суздальским и Нижегородским княжествами и расширила свои территории дальше на северо-восток. Путем финансовых сделок либо завоеваний она присо-

единила Стародуб (к востоку от Суздаля), Кострому, Галич, Углич и Белоозеро⁷⁷. Приобретение северных земель с их богатыми лесными и водными ресурсами способствовало укреплению Москвы за счет сокращения важнейших территорий, принадлежавших Новгороду.

Расширение владений Москвы совпало с периодом упадка Золотой Орды, стабильно правившей более века. До конца XIV в. она, бесспорно, представляла собой лидирующую силу в Евразии. Под ее контролем находился важнейший торговый путь, шедший из Балтики по Волге, к Среднему Востоку, Персии и Индии; она покровительствовала торговым караванам, двигавшимся вдоль степей из Центральной Азии и Китая к Черному морю и портам Средиземноморья. Размеры доходов из этих источников вместе с размерами дани с подчиненных земель свидетельствовали не только о могуществе этого государства, но и о его богатстве. С другой стороны, это богатство порождало все более усложняющуюся городскую цивилизацию, которая фактически не могла больше сосуществовать с кочевым правлением. К тому же все сложнее становилось адекватно управлять, «сидя в седле», обширными и разнообразными территориями Золотой Орды, каждая из которых развивалась по-своему. Накопленное давление привело к взрыву. Убийство хана Берди-бека в 1359 г. вызвало ряд государственных переворотов, в ходе которых ханы Сарая сменяли друг друга на троне. А Мамай, один из самых предприимчивых военачальников, собрал в степях к западу от Волги независимую орду, посчитав земли Руси частью своего улуса. Столкнувшись с требованиями признания и дани, исходившими одновременно от Золотой Орды и от орды Мамай, русские князья несколько растерялись и погрузились в раздумья. Они могли использовать противоречия между двумя хозяевами, если бы сумели объединиться и превзойти монголов.

В это время чуть далее на восток монгольский полководец Тимур (Тамерлан) захватил контроль над улусом Чагатай и использовал эту территорию как базу для построения великой Азиатской империи со столицей в Самарканде. Один из его подданных, Тохтамыш, собрал свою армию и отправился

на запад, чтобы захватить власть в Сарае и воссоединить Золотую Орду. Только Мамай мог предотвратить эту попытку.

Перед схваткой с Тохтамышем Мамай решил разобраться со своенравными русскими князьями, находившимися у него в тылу. В 1378 г. он послал к Москве свою армию, но Дмитрий разбил ее в битве на реке Воже. Неожиданное поражение заставило Мамаю провести более тщательную дипломатическую подготовку, необходимую для второй попытки. Он установил связи с купцами из Генуи, которым пообещал некоторые торговые права, связанные с путями по русским рекам, а также с Ягайло в Литве и рязанским князем. После этого Мамай направил на северо-запад куда более мощное войско и потребовал подчинения Москвы, издавна избегавшей каких бы то ни было военных конфликтов с Золотой Ордой. Теперь же Дмитрий собрал войска из нескольких княжеств и получил благословение от Сергия Радонежского на военные действия против Мамаю, являвшегося в глазах русских людей узурпатором.

Две армии столкнулись 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, в верховье Дона. Рязань же сохраняла нейтралитет, да и литовские войска не прибыли на помощь монголам. Дмитрий взял инициативу в свои руки и пересек Дон, придя к тому месту, где реки могли защитить оба фланга его армии. Там он смог противостоять татарскому войску и в итоге добиться бесспорной победы для Московии. Однако она была далеко не решающей. Вскоре Тохтамыш, одержавший верх над Мамаем, решил восстановить сюзеренитет над Русью и организовал карательную экспедицию, в ходе которой разграбил Москву (1382). Русские князья вновь оказались вынуждены платить дань хану Золотой Орды⁷⁸.

И все-таки битва на Куликовом поле стала символическим переломным моментом, так как она показала, что единство в действиях русских князей может привести к победе даже над татарскими войсками. К концу XV в. Москва стала не только религиозным центром восточнославянской Православной церкви, ее признанным покровителем, но и лидером национального движения против татарского ига.

В 1395 г. сам Тимур отправился на запад, стремясь нанести поражение бывшему протезе, а теперь злейшему врагу

Тохтамышу, который для укрепления своих позиций заключил союзы с Москвой, Польшей и Литвой. Тимур предпочитал видеть земли своих врагов опустошенными. Когда он приблизился к Москве, Василий I направил против него войско, а митрополит Киприан принес в город чудотворную икону Владимирской Богоматери. Неожиданно Тимур изменил курс и увел свои войска, что многие связывали с чудотворным действием иконы. На самом деле Тимур уже достиг своей главной цели — победы над Тохтамышем и больше не видел смысла в действиях против Москвы.

Как это часто случается со степными армиями, войско Тимура потерпело поражение в час победы. Дело в том, что один из полководцев, Едигей, восстал против Тимура и, получив власть над степными землями к западу от Волги, правил ими примерно двадцать лет. В 1408 г. Едигей осадил Москву и разграбил несколько городов вокруг нее. Нижний Новгород и Владимир были разорены татарскими воинами. Однако эти разрозненные кампании свидетельствовали о раздробленности и ослаблении Золотой Орды.

После смерти Василия I в 1425 г. династия Даниловичей оказалась в кризисной ситуации. В течение нескольких поколений установилось правило, согласно которому трон великого князя Московского после смерти князя мог занять только один реальный претендент, получавший его либо по принципу старшинства, либо в результате прямого, от отца к сыну, наследования. Дмитрий Донской попытался изменить эту систему. У Василия I были сын-наследник, Василий II, и несколько братьев. Один из них, Юрий Дмитриевич, отказался признавать новую систему и претензии Василия II на княжеский престол. У него, в свою очередь, было двое сыновей, Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Оба они приняли сторону отца и после его смерти продолжили борьбу уже в своих интересах. Гражданская династическая война, несмотря на попытки Троице-Сергиева монастыря положить ей конец, длилась непрерывно 30 лет. Победа Василия II укрепила вертикальную систему наследования, хотя на протяжении последующих двух веков она так и не была признана окончательно.

Раскол в Православной церкви

Некоторые византийцы видели свою задачу в сохранении и защите православия, которое само неспособно было это сделать. Они также хотели объединить две христианские церкви — константинопольскую и римскую. По мере того как положение Византии становилось все более критическим, она все больше надеялась на военную помощь католических государств. В 1430-х гг. прошел ряд переговоров по подготовке Вселенского собора. Собор должен был состоять из представителей католицизма и православия. В 1436 г. Исидора, одного из греческих участников переговоров, патриарх Иосиф назначил митрополитом всея Руси, несмотря на то что в Москве уже выбрали другого кандидата, Иону, и ждали только благословения патриарха. Василий II принял Исидора, как он позже сам утверждал, без особого расположения, неохотно, однако позволил ему приступить к своим обязанностям.

Сразу после этого Исидор уехал на Феррарский собор (позже перенесенный во Флоренцию, 1438—1439), где решался важнейший вопрос об объединении двух церквей: Католической и Православной. Политическая слабость Византии предопределила превосходство римских делегатов. Православные же, включая Исидора, должны были принять римскую позицию в целом, не только «филиокве» (добавление к христианскому символу веры, которое заключалось в утверждении, что Святой Дух исходит от Бога Отца и от Бога Сына) — камень преткновения двух вер, приведший к расколу в XI в., но и чистилище, евхаристию (причащение) и папскую власть, то есть все, что противоречило канонам Православной церкви.

С военной точки зрения религиозная капитуляция перед Римом дала Византии немного. Папа Евгений IV призывал всех верующих принять участие в крестовом походе. Однако в 1444 г. армия, которую ему удалось собрать, была разбита при Варне султаном Мурадом. Греческие же послы по возвращении домой заметили, что их капитуляция католикам воспринималась с негодованием, и некоторые из них даже отреклись от своего решения. Исидор повел себя довольно самонадеянно. Он вступил в Москву, «неся перед собой ка-

толическое распятие», хотя вполне мог догадаться, какая реакция его ожидала. Исидора арестовали и заточили в Чудов монастырь, откуда он впоследствии сбежал, возможно, с молчаливого согласия Василия, и через Литву отправился в Рим⁷⁹.

Гражданская война в Московии мешала выбрать замену Исидору. И лишь в 1448 г. митрополитом был официально назначен Иона, так неожиданно лишенный этой должности одиннадцать лет назад. Решение о назначении было принято без участия Константинополя или патриархата. По сути дела, Московская церковь объявила себя автокефальной (административно независимой).

В том же году Василий II, желая устранить династический беспорядок, так мешавший его правлению, назвал своего старшего сына Ивана наследником. Более того, при принятии этого решения он не согласовывал свои действия с золотоордынскими ханами. Еще он стал называть себя государем, то есть единым правителем, не признававшим над собой никакой земной власти⁸⁰. Для укрепления этой позиции в последние годы правления Василий II фактически ликвидировал большинство удельных княжеств своих двоюродных братьев. Он принудил Новгород платить большую контрибуцию за то, что тот поддерживал его врагов. Василий II, обеспечив себе власть над этим городом, потребовал изображать на монетах только великого князя и запретил вечно заключать договоры с иностранными державами.

В 1462 г., к концу своего правления, Василий II, обладавший несметными богатствами и множеством титулов, являлся бесспорным главой государства. Он даже имел право решать, как должны вести себя остальные члены династии. Он сохранил эти права и для своего старшего сына. Наконец, Василий II окончательно заменил ступенчатую систему наследования системой первородства, при которой на престол мог претендовать только старший сын. В 1452—1453 гг. Василий II создал Касимовское ханство, став, таким образом, первым русским князем, взявшим татарского хана на службу⁸¹.

В мае 1453 г. все эти преобразования и успехи были несколько омрачены падением Византии под натиском осман-

ских турок. Великая и единая Православная церковь, частью которой являлась и Русская церковь, оказалась в униженном и раздробленном состоянии. Даже сама Русская церковь делилась между митрополичьими кафедрами Москвы и Литвы. Унижение православной ойкумены и церковный раскол привели православных верующих к кризису, принимавшему апокалиптические масштабы. Русская церковь и русский народ должны были сами выбрать свою судьбу без опоры на духовного отца, у которого до этого они нередко искали защиту.

В то самое время, когда Москва укрепляла свою власть, ее жители теряли духовную опору. Москва теперь являлась единственным суверенным государством, населенным православными. Должен ли был великий князь Московский заменить византийского императора и стать им земным защитником? И как он должен был поддерживать свою власть над такими уязвимыми и беспокойными землями? Религиозная и геополитическая дилеммы были очень важными и сложными для решения. Неудивительно, что в ходе последующих десятилетий москвичи чувствовали тоску перед апокалиптическим роком и одновременно испытывали неслыханное воодушевление.

2. Иван IV и расширение Московии

Московия — независимое государство

В 1460-х годах Москва начала приходить в себя после династического кризиса и взяла курс на территориальную экспансию. Ее ранние стадии имели аналоги в Европе эпохи Возрождения, например, в землях Габсбургов и Польше или в Англии и Франции. Но в итоге эта политика приобрела несравнимые масштабы. Москва была так геополитически расположена, что ее завоевания стали более обширными (весь путь от Балтики и Черного моря до Тихого океана и оазисов Центральной Азии) и долговечными (до конца XX в.), чем у любого европейского государства.

Однако те условия, благодаря которым Москве удалось так расширить свои владения, а точнее, отсутствие естественных границ на севере и в центре Евразии постоянно подвергали ее опасности нападения. Кроме того, эти факторы определяли как многонациональный состав населения Московии, так и нестабильность, изменяемость ее границ. Все это влияло на административную структуру и культурные ценности России да и сегодня продолжает на них воздействовать, обуславливая как величие, так и слабость России.

В конце XV в. оставалось много нерешенных вопросов, связанных с идентификацией Москвы как государства. Было ли оно наследником Чингисхана, членом степного монгольского союза? А может, истоки правления московского князя

стоило искать в византийской традиции, только недавно прерванной османами? Если так, каково же было отношение к этой традиции? Заключалось ли ее основное значение в православной вере или в императорской власти?

На протяжении конца XV — XVI вв. Москва продолжала сталкиваться со стратегическими дилеммами, возникавшими из-за ее геополитического положения. Постоянная опасность исходила с двух сторон: с запада, от Польско-Литовского государства, и с юга и востока, от Золотой Орды, Крыма, Сибири, Казани и Астрахани. Территориальные завоевания не решили эту проблему, наоборот, они сделали Москву соперником Швеции, Дании, Османской империи и рыцарей Тевтонского ордена. Чем обширнее становились московские земли и богаче ресурсы, тем незащищеннее оказывались ее границы и многочисленнее потенциальные враги.

С окончанием династической войны XV в. Москва провозгласила себя сторонником единства всех православных людей и восточных славян, несмотря на неблагоприятные последствия, связанные с падением Византии. Церкви хотелось, чтобы великий князь назывался самодержцем (автократом) и царем (базилевсом, императором). Эти титулы были призваны символизировать как религиозное, так и имперское наследие Византии, однако князья не спешили идти навстречу пожеланиям Церкви. Сначала они одобрили титул царя (в тот период это слово было ближе к слову «хан») и использовали его в документах, обещавших безопасное передвижение по территории Руси (наверное, в этом качестве они заменили хана Кипчака). Потом этот термин был осторожно расширен и к нему был добавлен титул «государь всея Руси», который, с одной стороны, был созвучен титулу митрополита, а с другой — притязания Литвы на киевское наследие. Князья также начали использовать для государственной княжеской печати эмблему двуглавого орла в ее византийском варианте. В 1547 г. во время коронации Ивана IV титул «царь» был впервые употреблен в конкретном церемониальном обозначении великого князя Московского. Однако и тогда оставалось не совсем ясно, был ли он ближе к «хану» или к «базилевсу»¹.

Иван III (1462—1505) был талантливым, хитрым, гибким и жестоким политиком, подчинившим все достижения глав-

ной цели — обладанию властью над всеми территориями Руси. Ради этого он даже мог пожертвовать семейными связями, что и продемонстрировал разводом со своей первой бездетной женой и отношением к дочери, которую он выдал замуж за литовца и фактически обрек на заточение и смерть в принявшей ее стране. Следует заметить, что Василий III (1505—1533), выбранный отцом как наследник лишь после долгих колебаний, стал достойным продолжателем отцовского дела. С 1460-х по 1520-е гг., во время правления Ивана и Василия, посредством династических браков, давлений или завоеваний, Москва завладела территориями Ярославского, Ростовского, Тверского и Рязанского княжеств.

Самой же большой наградой стал Новгород. Положение этого мощного с экономической и слабого с политической точки зрения центра зависело от покровительства Золотой Орды. Ее ослабление в период с XIV по начало XV в. привело и к некоторому падению новгородского статуса. Спустя примерно полвека после смерти Александра Невского, в начале XIV в., горожане отвергли титул князя Новгородского и вместо этого признали формальный сюзеренитет за внешним правителем, обычно тверским или московским князем. Отсутствие местного правителя привело к тому, что распри боярских кланов ослабили военную мощь города. С ростом Москвы и Литвы жители Новгорода оказались перед выбором союзника. С одной стороны, Москва была православной, как и сам Новгород, а Литва сначала языческой, а потом католической. С другой стороны, Литва представляла большие возможности для тесных отношений с торговыми партнерами из Европы и контакт с европейской культурой позднего Средневековья и эпохи Возрождения.

К концу XV в. Московия стала намного могущественнее, и в Новгороде борьба между ее сторонниками и сторонниками Литвы приняла еще более ожесточенный характер. После бурного обсуждения в 1471 г. вече решило отклонить московские притязания и пригласить на правление литовского князя Казимира IV. Иван III ответил тем, что послал карательные отряды, которые разбили более многочисленное, но менее опытное новгородское ополчение. В итоге в Новгороде установилось московское правление.

Победа Ивана говорила о многом: Москва столкнулась с самым большим государством на Руси, к тому же близким ей по социально-политическому строю. Узнав о том, что не только бояре, но и простые горожане могли влиять на принятие решений, великий князь позаботился об их политическом воспитании и стал проповедовать идею московской религиозной и национальной миссии. Иван временно признал право Новгорода на самоуправление, по крайней мере на словах, ища в жителях скорее союзников, чем подчиненных. Однако в городе все еще существовала и продолжала активно действовать пролитовская партия, собравшаяся вокруг семьи Борецких, а вече не разорвало связей с Литвой. И в 1478 г. Иван решил окончательно присоединить Новгород. Он послал туда новое войско, которое захватило город, у вечевого колокола демонстративно «вырвали язык» и увезли его в Москву. Иван лишил собственности и сослал немало состоятельнейших бояр, а в 1494 г. закрыл Немецкий двор, изгнав оттуда торговцев².

Даже после уничтожения самоуправления Новгород переживал период интеллектуального и духовного расцвета, одним из результатов которого стало появление нескольких еретических движений. На их развитие оказали влияние западные религиозные течения позднего Средневековья. Возникновение ересей совпало с политическим и экономическим кризисами, а затем, в конце XV в., они сами вызывали нестабильность в обществе. Когда-то богатый и независимый город был теперь покорен и доведен если не до бедного, то довольно скромного экономического состояния. Политически же Новгород теперь полностью подчинился Москве, в результате чего Русь потеряла возможность развиваться как федерация самоуправляющихся олигархий³.

В Новгороде Иван III конфисковал свыше миллиона гектаров сельскохозяйственной земли, включая владения самых состоятельных бояр, которых он изгнал. Эти территории он отдавал своим приближенным за их верную военную или гражданскую службу. Создание такого земельного фонда было необходимо для постоянно расширяющегося, а потому нуждающегося в средствах коммуникации и управления государства. Так было положено начало *поместьям*, то есть земельным владениям, данным за службу. Эта система позволила вели-

ким князьям московским присваивать новые земли и управлять ими, привлекать слуг и обеспечивать их наделами, а также финансировать большую армию.

В 1509—1510 гг. Василий III захватил Псков, низвергнув его традиционную систему городских собраний. По его приказу вечевого колокол был сорван, а многие влиятельные жители изгнаны. Он передал псковские земли своим приближенным, а местных торговцев привез в Москву, чтобы повлиять на городскую торговлю.

Литва была слишком сильным противником и не могла быть повержена таким же образом. Но Иван III спровоцировал несколько инцидентов на ее границах и развязал ряд войн, проходивших на восточной территории литовского государства. В итоге в 1514 г. был отвоеван Смоленск. В то же время аристократию восточных территорий Литвы привлекали выгодные условия службы московскому князю, и несколько важных боярских семей перешли в Московское государство.

В то же время Москва отразила мощное нападение с юга. В 1460-х гг. один из степных полководцев — хан Ахмат собрал кланы с низовьев Волги. Эти кланы представляли собой остатки Золотой Орды. Не признанный ханом другими правителями «осколков» Орды, Ахмат все же предпринял попытку обложить Москву данью. В 1480 г. он заключил союз с Литвой и попробовал заручиться помощью братьев Ивана III Андрея и Бориса, надеявшихся возродить династические распри в Москве. Хан собрал внушительное войско и двинул его вверх по реке Угре, притоку Оки. Иван же пошел на союз с крымским ханом, представлявшим теперь для Ахмата такую же угрозу в тылу, какой в свое время Литва являлась для Руси. Затем великий князь использовал свои растущие административные ресурсы и главенствующее положение на Руси для того, чтобы собрать достойную армию. После неудачной попытки пересечь реку татарское войско стало менее дисциплинированным, воины начали грабить близлежащие районы. Иван не терял твердости и выжидал момент, когда Ахмат осознает, что помощи со стороны Литвы и Бориса с Андреем не последует. В итоге хан увел свои войска обратно в степь.

Несмотря на то что татары представляли собой серьезную опасность и еще в течение трех последующих веков осуществ-

ляли набеги, нередко оставлявшие города опустошенными, никогда более они не угрожали суверенитету Руси. Историки часто считают эту несостоявшуюся битву 1480 г. моментом полного прекращения монгольской власти над Русским государством. И ни одно из монгольских государств — наследников Орды — не было достаточно сильным для требования дани. Лютой зимой 1502 г. Золотую Орду захватил Менгли-Гирей, крымский хан, который стал сосредоточивать оставшиеся ресурсы кочевого мира с юга и запада на своей территории⁴.

Власть и общество в Московском государстве

Для того чтобы управлять обширной и постоянно растущей территорией Московии, обеспечивать военные силы, необходимые для защиты открытых границ, великие князья должны были мобилизовать все ресурсы и создать такие административные органы, какие и не снились их более скромным предкам. Сам размер территории давал государству достаточные ресурсы: пахотными землями, полезными ископаемыми и рабочей силой. Трудность состояла в доставке этих ресурсов туда, где в них возникала насущная потребность. Для реализации этой цели была необходима гражданская и военная бюрократия, которая действовала бы в соответствии с установленными нормами и составляла подробные записи. В новых условиях монарх не мог лично знать всех своих слуг; он нуждался в специальных учреждениях, которые бы действовали в его отсутствие. Как и в средневековых европейских государствах, поначалу у великого князя просто увеличилось число домочадцев и одновременно расширился круг их обязанностей. Посты дворецкого, конюшего и казначея потеряли «семейный» характер и стали официальными должностями. Дьяки, государственные секретари, вели корреспонденцию и несли ответственность за бумаги и записи. Для беспристрастного ведения дел эти люди не должны были являться членами боярских кланов, а для работы с книгами и корреспонденцией от них требовалась достаточная образованность⁵.

В конце XV в. были сделаны первые шаги, чтобы связать отдаленные территории расширившегося государства, создав систему коммуникаций. Иван III, бесспорно, опирался на монгольский образец почтовой системы и даже использовал то же обозначение — *ям*. Ямом являлось почтовое отделение, станция, где путник мог получить пищу, ночлег, лошадей, а также карету или сани в соответствии со временем года. Ямы располагались вдоль важных путей, например, из Москвы в Псков и Новгород, в Смоленск через Можайск и Вязьму, в Муром, а также в Нижний Новгород и Казань через Окско-Волжский водный путь. Великий князь и его ближайшее окружение могли обеспечить путешественника (официального курьера, иностранного посла или просто человека с положением) особой *подорожной*, при наличии которой владелец каждого яма обязан был предоставить пристанище, пищу и лошадей.

Габсбургский посол Сигизмунд фон Герберштейн сообщал о том, что благодаря этой системе он добрался до Москвы из Новгорода за 72 часа, преодолев около 500 км. При этом он заметил, что данное путешествие оказалось намного быстрее, чем где-либо в Европе. За небольшую плату можно было получить все необходимое:

«Каждому позволялось скакать на предельной скорости, а если лошадь случайно падала или не могла больше бежать, разрешалось безнаказанно взять другую из близлежащего дома или у любого встретившегося на пути (за исключением лишь правительственных гонцов). За оставленными в пути лошадьми смотрел *ямщик*, он же возвращал лошадь тому, у кого ее взяли, и платил ему в зависимости от расстояния»⁶.

Иван III и Василий III постепенно превращали московское войско из разношерстной дружины и местных ополчений, управляемых боярами и удельными князьями, в более или менее единую силу, подразделения которой можно было быстро мобилизовать и направить туда, куда нужно. Великие князья никогда не доверяли боярам из окружения своих младших братьев, удельных князей, и давали им лишь второстепенные задания на границах. Важнейшие же поручения исполняли вой-

ска, управляемые боярами и дворянами самого великого князя. Крупнейшие аристократы из присоединенных к Руси земель поначалу обычно оставались на своих землях, но после того как они доказывали свою преданность, им позволялось свободно перемещаться из одной части растущего государства в другую. Командные должности даровались детям боярским и дворянам, получавшим поместья за военную службу. Среди старых московских родов, отпрыски которых взяли на себя ответственность за судьбу Москвы, были Оболенские, Сабуровы, Кошкины, Ховрины, Челяднины и Морозовы. К ним присоединились Холмские из Твери и Ярославские (фамилия указывает на место происхождения этого рода). А из Литвы — Бельские, Воротынские, Мезецкие и Новосильские. Одна из таких семей, семья Патрикеевых, стала настолько могущественной и богатой, что в 1499 г. Иван III заставил ее главу, князя Ивана Юрьевича, уйти в монастырь. Сыновья Ивана Юрьевича были заточены в темницу. В итоге линия прекратилась, и род вымер. Однако подобные решительные меры принимались редко и являлись следствием как зависти одного боярского клана другому, так и недовольства самого Ивана III⁷.

Конечным результатом подобной политики стало создание служилой аристократии, только небольшая часть которой имела фамилии, связанные с местом происхождения рода, и которая не была прикреплена ни к какой определенной области и не имела эквивалентов «де» и «фон» в своих фамилиях. Эти слуги князя являлись более сговорчивыми, чем феодалы, которых западноевропейские монархи пытались в то время привлечь в свои свиты. Дворяне напоминали скорее командиров степного войска. Поместье стало фактическим аналогом *икты*, позволявшей кавалерии мусульман завоевывать и присоединять обширные территории в VI и VII вв., и *тимара* османов времен их имперской экспансии: части недавно завоеванной территории, дарованной за верную службу⁸.

С тех пор как князь Московский начал претендовать на титул государя, одновременно обладавшего как властью, так и собственностью, вотчины также стали вручаться за службу и конфисковываться в случае ее окончания. Преданные князю боярские семьи теперь могли получить новые поместья,

компенсируя тем самым потери от разделенного наследования. Различие между поместьем и вотчиной состояло лишь в том, что поместье нельзя было продать, отдать в залог или подарить⁹.

Одной из главных задач дьяков являлось создание земельных регистров, так называемых *писцовых книг*, сначала для новгородских земель, а затем и для других территорий, в целях справедливого распределения военных обязанностей¹⁰. Горожане и «черные» крестьяне (не трудившиеся во владениях бояр, служилых людей или монастырей) облагались прямым налогом доверенными лицами государя и обязались пополнять пехотные и запасные войска полностью обмундированными и экипированными. С развитием огнестрельного оружия из городского населения набирались аркебузьеры, мушкетеры и артиллеристы. Первая пушка была отлита в Москве в 1475 г., но в течение многих десятилетий артиллерия использовалась редко и только с установленных позиций, обычно из укреплений, так как еще не было оборудования, необходимого для передвижения тяжелых орудий¹¹.

Московская политическая система на практике представляла собой компромисс между великим князем и его основными слугами — дворянами. Это нужно подчеркнуть, так как и современники, и историки способствовали созданию впечатления, что к XVI в. великий князь/царь был абсолютным автократом, способным заставить все государство исполнять любую его прихоть. Например, в начале XVI в. Герберштейн писал: «В том, как князь правит своими людьми, он превосходит монархов всего мира»¹². Это мнение было выражено с особым изяществом и силой в 1970 г. Ричардом Пайпсом, который для характеристики царской власти использовал термин «вотчинная монархия». Пайпс полагал, что это была абсолютная монархия деспотического вида, в которой не существовало разницы между суверенитетом и собственным владением. Все подданные монарха являлись его рабами¹³.

Можно согласиться с тем, что русский термин «государство» означает «власть», «владение» и таким образом, стирается граница между владением и государственной властью. Однако толкование Пайпса кажется мне основанным на не-

верной интерпретации слова «вотчина», которое он переводит как «доминиум». На латыни это значило «абсолютное владение, включающее все последующие приобретения, а также право пользования, злоупотребления и разрушения по желанию хозяина»¹⁴. По сути же дела, собственник вотчины не имел подобных прав, особенно последних двух. Зато у него были некоторые обязательства, в частности использовать землю для пользы своей семьи и крестьян, живших на ней. В целом концепция владения в Московии XV — XVI вв. была куда более расплывчатой, чем в следующих веках¹⁵, и сочетала многочисленные пересекающиеся права.

Завещания великих князей свидетельствовали о том, что вотчины рассматривались как вверенные Богом надель, а соответственно влекли за собой и большую ответственность. При составлении волеизъявления князья не забывали получить благословение митрополита, дабы продемонстрировать свою признательность церкви и подчеркнуть ее важность для судьбы родины. Так, Василий II начал свое завещание 1461 или 1462 г. следующим образом: «Во имя Святой Троицы, Отца, Сына и Святаго Духа, с благословения отца нашего Феодосия, митрополита всея Руси, я, грешник, жалкий раб Божий, Василий, в здравии и в трезвом уме, пишу сие завещание». Затем следовал список территорий, которые оставались сыновьям и вдове, подчеркивались обязательства всех членов семьи друг перед другом и оговаривались права подчиненных князей на беспрепятственное правление своими территориями. Подобным образом Иван III в завещании 1504 г. особенно подчеркнул, чтобы бояре и князья имели свои вотчинные владения, а его сын Василий не должен был вмешиваться в управление ими¹⁶.

В коротком термине «вотчина» заключалось сложное понятие, которое не ограничивалось простым определением полного обладания. Это понятие являлось частью религиозного, морального и традиционного миропорядка, которому не доставало институционального подкрепления, характеризовавшего, например, высшую стадию феодализма во Франции, но имевшего свои собственные, присущие ему ограничения.

Термин «вотчинная монархия» лучше интерпретировать не как крайнюю форму абсолютизма, а скорее как систему, соз-

данную для обеспечения местной элите возможности мобилизации всех ресурсов любыми доступными им средствами. Это было своего рода огосударствление личной власти¹⁷. Символы абсолютной власти должны были поддерживать личную власть, даже личную прихоть местного землевладельца или представителя городской элиты. Эти символы позволяли простым людям воспринимать государство или по крайней мере власть в той форме, которая была нужна для эффективного осуществления княжеской власти. Из-за обширности территории и уязвимости границ Московское государство нуждалось в быстрой мобилизации населения, несмотря на недостаточное развитие своих институтов управления по сравнению с другими европейскими странами. Пока же на Руси отсутствовала бюрократическая система, приходилось использовать для управления страной все доступные средства. Огосударствление личной власти и стало одним из таких средств. Но оно по своей сути было явлением догосударственным, сравнимым с национализмом, который, по словам Эрнеста Геллнера, предшествовал появлению самой нации¹⁸.

Эта преждевременная форма «построения государства» мешала дальнейшему образованию более зрелой и стабильной властной структуры. Она препятствовала установлению закона и прочных социальных институтов, так же как и возникновению различий между публичной и личной сферами жизни. Центр был силен, сильны были и местные общины, однако требовалось немного больше, чем личное желание властных должностных лиц, чтобы понять их отношения¹⁹.

Великий князь Московский безоговорочно полагался на сотрудничество боярских родов, наследников титулов, обязывавших не меньше, чем титул князя. (Термин «боярин» изначально означал «великий человек», «богатый человек» или «воин».)²⁰ Они представляли собой серьезную силу, без поддержки которой князь вряд ли мог достичь каких-то долгосрочных результатов. По ряду причин он был вынужден приспособливаться, считаться с боярами. Не в последнюю очередь из-за того, что поколение — два назад их праотцы были свободными воинами, имевшими право служить какому угодно владыке, а затем уйти со службы, податься к дру-

гому, если его условия казались более выгодными. Уничтожение этого «права на уход» было постепенным и нерешительным, поскольку ни один князь не желал спровоцировать вооруженное восстание.

И наоборот, бояре нуждались в великом князе, так как из-за обычая разделения земель между наследниками их надель неизменно сокращались и раздроблялись. Поэтому были необходимы периодические пополнения земельных запасов. К тому же без постоянного и сильного правителя распри между боярскими родами могли выйти из-под контроля, принять угрожающие масштабы и стать причиной раскола государства. Летописи отчасти создавались для напоминания о плачевной судьбе Киевской Руси. В результате к концу XV в. у великого князя и бояр появился общий интерес, заключавшийся в создании мифа об абсолютной монархической власти. В этом кроется ключ к пониманию московской политической системы.

Бояре обладали правом быть принятыми ко двору. Старшие же из них принимали участие в регулярных совещаниях с великим князем, которые можно назвать Боярской думой (хотя этот термин стали употреблять только в XIX в.). Любой официальный документ принимался согласно следующей формулировке: «Бояре посоветовали, и великий князь решил». Эти слова обозначали, что абсолютная власть монарха основывалась на коллегиальном опыте, опираясь на мнение старейших бояр.

Статус боярина получали только молодые люди, принадлежавшие к существующей боярской семье и являвшиеся следующими в очереди в соответствии с наследственной семейной системой. Право на постоянное участие в заседаниях Боярской думы давалось только боярам, проведшим годы или даже десятилетия в безупречной военной и гражданской службе. До конца XV в. состав думы обычно не превышал пятнадцати человек. Затем он стал быстро расти, что отражало растущее разнообразие административных нужд и военных задач. Символическая важность членства в думе заключалась в том, что бояре не имели своих собственных учреждений: им не даровались титулы, они не обладали щитами с гербами или геральдическими знаками, не прибавляли к своей фамилии названий поместий.

Так как родословная и служба князю являлись основными критериями для вступления в думу, бояре заботились о том, чтобы их генеалогия и государственное положение отмечались в дворовых записях (родословных и разрядных книгах). Развивающаяся система *местничества* вела к тому, что официальные посты давались в соответствии со старшинством каждого рода. Она была аналогична системе рангов у ханских воинов, согласно которой для каждого участника удачной военной кампании определялась соответствующая доля награбленного добра. Жесткие условия местничества отражали силу, влияние и власть боярских родов. В соответствии с этой властью и происходило назначение на ту или иную должность (среди военного состава подобная система соблюдалась менее строго). Однако необходимым условием для поддержания хрупкого единства государства являлось сглаживание конфликтов между самими родами. Как и деревенской общине, великокняжескому двору был нужен свой мир²¹.

Стремясь заменить удельных князей, Иван III и его наследники посылали в провинции своих представителей, выбранных из Московского двора. *Наместники* несли ответственность за сбор налогов, сохранение общественного порядка, судейство и хорошее состояние коммуникаций. Исполнение возложенных на них обязанностей требовало сотрудничества с местными общинами. Князь устанавливал сферы деятельности наместников и волостей, одной из которых являлась обязанность обеспечивать княжеских представителей кормлением²². У городов не было отдельного статуса, и они подчинялись тем же властям и той же налоговой системе, что и деревни. Кормление стало решающим аспектом в процессе этиатизации личной власти: оно позволило князьям наблюдать за местными общинами, не платя при этом жалованья своим официальным представителям, а общинам — самим договариваться с местными держателями власти, частично неофициально²³.

Роль мира, или волости, в местном управлении оставалась важнейшей. Отдельные хозяйства арендовали и обрабатывали пахотные земли, но мир регулировал доступ к рыбным ресурсам, лесам, лугам, пастбищам, ручьям и псекам. Таким образом, он мог обложить налогом своих членов, учи-

тывая использование всех этих ресурсов каждым двором. Мир должен был поддерживать общественный порядок, ловить опасных преступников и вершить правосудие в соответствии с местным обычным правом. Наместник, или *волость*, не имел достаточного штата помощников, чтобы исполнять все эти функции. Да и действовать приходилось на огромных территориях. Избранный в волости староста нередко выступал как низший по рангу представитель наместника. Общины были связаны круговой порукой, которая распространялась до уровня дел государственной службы, включая налоги и набор в рекруты. Если какой-то дом не мог платить, остальные добавляли недостающую сумму. Подобным же образом, если какой-то солдат из деревни оказывался негодным или дезертировал, община брала на себя обязательство найти кого-нибудь на его место²⁴.

Иван III попытался объединить обычаи и законы княжеств в единый свод, Судебник 1497 г. Его основное содержание сводилось к определению сферы полномочий различных судов, призванных утвердить и распространить действие единых законов на всей территории, находившейся под властью московской короны²⁵.

На самом же деле внутреннее управление осуществлялось во многом благодаря компромиссу между князем, официальными лицами (боярами) и местными общинами. Все они нуждались друг в друге из-за опасностей жизни на открытых, незащищенных территориях, и каждый надеялся на другого при христианском отношении друг к другу. Христианская культура стала особенно развиваться во время татаро-монгольского ига, а на рубеже XV — XVI вв. переросла даже в некую идеологию. Великокняжеский двор, превратившийся в центр, где распределялись поощрения и наказания, был также средоточием сети личной власти, распространявшейся и на местное управление. В основе этого компромисса, обеспечивавшего прочные внутренние связи между государством и землевладельцами, были великий князь/царь, московские боярские семьи, бояре и князья, пришедшие из других княжеств, а также служилые люди. Западная историография недооценила эти связи, являвшиеся одной из особенностей развития Московии. Благодаря этим

связям на рубеже XV — XVI вв. удалось построить преуспевающее, достаточно сильное государство, пережить кризисы конца XVI — начала XVII в., достигшие кульминации в Смутное время, а затем создать обширнейшую империю в мире, которая просуществовала на несколько веков дольше, чем Британская, и исчезла не так уж давно.

Эту систему во многом поддерживала особая политическая культура, возникшая в середине XV в., во время династического кризиса²⁶. Гражданская война рода Даниловичей грозила Москве новым периодом раздробленности и подчинением какой-нибудь чужой власти. Трагический опыт, напоминавший князьям и боярам о смертельной опасности неразрешенных споров, толкал их к достижению согласия.

Первостепенное значение имела княжеская власть, благодаря которой можно было избежать постоянной угрозы разобщенности.

У бояр не было своих учреждений. Они мыслили категориями «род», «родство», «родословная». Каждый заботился в первую очередь об интересах своего рода, но не забывал и о необходимости подчиняться царю. Благодаря преданной службе появлялось больше шансов удовлетворить и свои интересы. Как отмечал Эдвард Кинан, «это были сплоченные кланы, из которых формировалась тяжелая кавалерия и которые составляли ядро военной силы московских князей; кланы, которые мобилизовали ресурсы русской деревни, и получали с этого прибыль; кланы или, скорее, сверхкланы, которые управляли политической игрой при Московском дворе и являлись в ней главными игроками»²⁷.

Бояре с помощью своих слуг были управляющими и судьями, покровителями и эксплуататорами большинства крестьянских общин (некоторые же находились на монастырских землях или являлись «черными» общинами, расположенными в лесах, на берегу рек и озер на севере). Князь не мог понастоящему сдерживать эту эксплуатацию крестьян, но бояре сами ограничивали ее, так как хотели нормально жить и были заинтересованы в преуспевании своих деревень.

Бояр отличало чувство чести, во многом благодаря которому они и выполняли свои обязанности. Московский закон пре-

дусматривал защиту от бесчестья (обида словом или делом) посредством ряда наказаний. Система разделенного наследования вызывала у мужчин материальную заинтересованность в богатстве и чести их семей. С другой стороны, важно было не делить владения рода слишком часто, поэтому в семьях, где было много сыновей, право на наследование больших долей земли признавалось за немногими сыновьями. Семьи заботились о том, чтобы хотя бы один из них получил достаточно средств. Тогда он мог достойно содержать себя при дворе и оказывать покровительство всему роду²⁸.

Женщины играли важнейшую роль в жизни рода. Когда глава семьи уходил на войну или отсутствовал по делам, жена вела хозяйство и нередко участвовала в управлении помещьем. Брак и рождение детей становились решающими событиями для рода, а кодексы чести и морали передавались по наследству. По этой причине семьи пытались сделать так, чтобы женщина, если она не была обеспечена мужем или отцом, могла наследовать собственность. Традиционно женщина владела собственностью и после брака и отделяла свою часть от владений мужа. Благодаря этому после его смерти жена обеспечивалась средствами к существованию. По заключению одного ученого: «К концу XV в. большинство замужних женщин и вдов из обеспеченных слоев населения обладали правом владеть и распоряжаться движимой и недвижимой собственностью практически наравне с мужчиной»²⁹.

В XV — XVI вв. с укреплением централизованного государства свобода и в какой-то степени права женщин знатного происхождения оказались урезаны. Поместные земли вручались мужчинам в награду за службу. В теории женщина не могла ими владеть и управлять, хотя на практике семьи старались сделать так, чтобы она обладала usufrukтом (правом пользования чужой собственностью без причинения ей ущерба). Что касается вотчинных земель, то разделение между мужской и женской частями здесь оказалось несколько размытым из-за того, что собственник был обязан поставлять воинов со всей площади владения. Бесспорно, это не играло на руку женщинам³⁰.

В XVI в. женщины знатного происхождения обычно спали и ели отдельно от мужчин, находясь в изолированной и защи-

щенной части дома, носившей название «терем», надежном укрытии от нежелательных посетителей мужского пола. Как заметил один из наблюдателей, «она сидит за тридевятью замками, закрытыми на тридевять ключей, где ветер никогда не дует, солнце не светит, да добры молодцы ее не видят»³¹.

Подобное уединение, возможно, практиковалось под влиянием византийского опыта³². Мотивировалось же оно желанием уберечь женскую честь, которая защищалась законом еще строже, чем мужская. Особенно тщательно предотвращалась возможность незаконного рождения ребенка, из-за которого могла нарушиться система наследования и владения собственностью, столь важная для функционирования государства³³. В то же время подобное «заточение» отражало растущее влияние Церкви на повседневную жизнь, а особенно на брачные отношения в боярских семьях. Церковь устанавливала очень строгие правила сексуального поведения, и любое отклонение от норм приличия могло на всю жизнь испортить репутацию женщины.

Значение иерархичности и стабильности в семейной жизни москвитов отразилось в популярной книге, своеобразном справочнике, известном как «Домострой» и посвященном религии, морали, семейной жизни и ведению хозяйства. Он был написан в 1550-х гг., однако точно установить его автора (или же нескольких авторов) не удалось. Традиционно предполагалось, что книгу написал Сильвестр, духовник Ивана IV. Но ему скорее всего принадлежали лишь статьи религиозного характера. Вряд ли Сильвестр составлял статьи, дающие практические советы по торговле, сельскому хозяйству и экономии. Вероятнее, что автором этих разделов являлся какой-нибудь состоятельный купец, связанный с международной торговлей и читавший книги по этикету и ведению домашнего хозяйства. Подобные сочинения пользовались определенным успехом у европейской элиты эпохи Возрождения.

«Домострой» отразил желание московской элиты внедрить закон Божий в повседневную жизнь, заменив обычай законом, а местные традиции — едиными предписаниями³⁴. Такого рода работа была по силам лишь человеку с достатком, державшему слуг, привыкшему к хорошему мясному обеду на столе и мехо-

вой шубе зимой. Он рассматривал общество как иерархию, где человек, расположенный на высшей ступени, имел право требовать повиновения от тех, кто стоял ниже, но и брал на себя обязательство заботиться об их благосостоянии и спасении душ. У мужчин и женщин были свои четко разделенные владения и в практических делах, и в духовной жизни. «Подобает поучити мужем жен своих с любовью и благорассудным наказанием; жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии: како душа спасти, Богу и мужу угодити и дом свой добре стоити и во всем ему покорятися; и что муж накажет, то с любовью приимати и со страхом внимати, и вторити по его наказанию. Перьвие — имети страх Божий и телесная чистота, якоже впереди указано бысть»³⁵.

Осталось неизвестным, насколько же широко был распространен «Домострой» и как много семей его читали. Возможно, его аудитория ограничивалась малограмотностью населения, ведь даже в высших слоях Московии мало кто умел читать. Предположительно его главными читателями являлись купцы, должностные лица, священники, грамотные бояре и дворяне.

В крестьянской же культуре идеи «Домостроя» рассматривались несколько с иных позиций и сформировались при иных обстоятельствах. Деревенская община была вынуждена действовать в довольно неблагоприятных условиях: работать на неплодородной земле, пережидать длинную, холодную, темную зиму, завершающуюся весенними паводками. Приходилось заниматься сельским хозяйством и среди мрачных лесов, дававших кров и пищу, но скрывавших и множество опасностей в виде диких животных, разбойников и даже вражеских солдат. В подобной ситуации люди начинали представлять, что они окружены различными злыми духами, присутствующими повсюду. По мнению простых жителей, мир находился в руках дьявола. Такой взгляд на вещи приводил к постоянному и жесткому самоконтролю, усмирению страстей, чтобы уменьшить риск, остаться в безопасности, следуя проверенным способам ведения сельского хозяйства, занятия рыболовством, постройкой избы и т.д. Урожай и доход были скромными, но надежными и регулярными, а нововве-

дения хоть и могли принести большую прибыль, но могли и навлечь беду. В течение веков этот консерватизм и нежелание рисковать заставляли общину противостоять переменам, особенно когда инновации приносились извне благонамеренными реформаторами.

Крестьяне, как и большинство русских людей, особое значение придавали понятию морали. Они осознавали, что последствия человеческих слабостей и грехов — пьянства, лени, жадности, похоти — разрушали нормальную жизнь и планы семьи, мешали домашнему хозяйству и в итоге грозили существованию всей общины. В деревнях для поддержания спокойствия и во избежание любого риска принимались негласные правила поведения. Нарушители правил наказывались, что уменьшало пагубное воздействие какого-либо проступка. В подобных условиях принятие решений являлось коллегиальным, общим, с вовлечением всех дворов, с предоставлением каждому права свободно высказаться на ту или иную тему. Притом старались всячески избегать открытого столкновения мнений, авторитарного поведения и давления. Эта система гармонировала с практикой круговой поруки, распределением налогов и набором рекрутов в общине.

Существовала тенденция изображать московское общество XV — XVI вв. как отсталое и крайне бедное. Действительно, завоеванные земли лежали далеко от основных международных торговых артерий. Вот почему эти владения Москвы не особенно оспаривались, за исключением, возможно, лишь Балтики, расположенной близко к коммерческим путям. Однако Русь производила ряд продуктов, пользовавшихся на мировом рынке высоким спросом. Для того чтобы спрос встретился с предложением и торговля, например собольим мехом (высоко ценным при европейских дворах эпохи Ренессанса), велась удачно, москвиты расширили свои территории до Вятки, Вычегды и Камы. Завоевания происходили в конце XV — начале XVI в. и благодаря им государство бросало своеобразный вызов Новгороду, а впоследствии и Казанскому ханству. Великий князь требовал с местных жителей — зырян, пермяков, вогулов (манси) и югров (ханты) — выплаты дани мехами, а также разрешал ограниченному числу купцов вести отсюда выгодную торговлю³⁶.

Всегда активно велась местная торговля рыбой, мясом, солью, спиртными напитками, медом, воском, дарами леса, деревянными изделиями. Таким образом, сформировалось два вида купцов: богатых, обладавших специальным разрешением на ведение внешней торговли или владение официальной монополией, и мелких торговцев, без какой-либо специализации, в основном крестьян и/или ремесленников. Купцы второй категории обычно продавали то, что производили сами, иногда в течение долгих зимних месяцев, что могли поймать в лесу или реке либо купить по более низкой цене³⁷.

Москва — Третий Рим

Благодаря стечению обстоятельств Москва освободилась от татарского ига вскоре после того, как Византия пала под натиском османских турок. Это сыграло значительную роль в ее судьбе. Несчастье, произошедшее с колыбелью восточного христианства, повергло православных верующих в глубокую печаль и бездну безысходности. Великое Московское княжество, которое всегда играло роль младшего партнера в религиозных делах, неожиданно оказалось в особом положении. Теперь оно несло ответственность за весь православный христианский мир. Освободившееся от Золотой Орды княжество стремилось обрести новую основу государственности. Важно учесть и то, что осознание Русью своей исторической роли происходило во время напряженных эсхатологических ожиданий конца света в 7000 г., то есть в 1492 г. (православный календарь считал годы со времени сотворения мира).

В результате началась лихорадочная переоценка миссии Православной церкви на Руси, особенно ее отношений со светской властью. Церковь владела обширными землями, населенными множеством крестьян и горожан. Кроме того, она являлась главной духовной властью, посредником между людьми и Богом, представителем всего русского народа, то есть тем, кем не был еще ни один князь. Теперь же московский князь стремился заменить Церковь, выбрав тот момент, когда главный духов-

ный наставник, патриарх Византийский, оказался ослаблен сначала расколом в Православной церкви, а затем падением Константинополя и торжеством ислама.

Московская церковь теперь могла вступить на тот трудный и узкий путь, который завел в тупик Византию — ее старшего наставника. Принятое на Флорентийском соборе решение Византийской церкви объединиться с Римом и согласиться с римской доктриной выглядело как отступничество, за которое затем Бог и покарал государство. Именно такое мнение сложилось в русских церковных кругах после возвращения Исидора с собора в Москву. Во многом из-за этого Москва не подчинилась священнической власти патриарха и в 1448 г. выбрала митрополитом Иону. Духовный же разрыв с Византией произошел несколько раньше, чем фактический. В итоге Московская православная церковь оказалась более зависимой от великого князя Московского. И настало время пожинать плоды этой зависимости.

Происходившие на Руси изменения требовали, чтобы князь нашел новую, законную, основу своей власти. Роль Церкви в создании этой основы была хоть и важной, но не доминирующей. До определенного момента московские князья Даниловичи не решались проследить свою родословную, уходившую во времена домонгольской Киевской Руси, так как являлись представителями младшей линии и поэтому согласно старому династическому принципу не имели права на престол. Теперь же в летописях и при дворе они всячески подчеркивали свое происхождение от правящей династии святого Владимира и вспоминали о византийской символике Владимира Мономаха. Первое подобное утверждение появилось в «Житии Дмитрия Донского», предположительно написанном в Троице-Сергиевом монастыре в 1454 или 1455 г., то есть сразу после падения Византии. Оно описывало Дмитрия как «самую плодоносную ветвь и самый прекрасный цветок из сада Господня царя Владимира, нового Константина, что крестил землю русскую и был родным Борису и Глебу чудотворцам»³⁸.

Московские князья не спешили следовать теории *translatio imperii* (переноса империи), означавшей переход император-

ской власти из Византии в Москву. В ином случае они взяли бы на себя обязательство завоевать Константинополь, освободить его от неверных, о чем время от времени им напоминали византийские послы.

Москва же, рассуждая о своем «происхождении», представляла две версии «выдуманного прошлого»³⁹. Кроме византийского, она вспоминала еще и наследие Золотой Орды и даже линию Чингисхана, правда, без династических на нее претензий. Законное правление разнообразными степными народами подразумевало формирование особого вида религии, не исключительно православного, а скорее смешанного, эклектичного вида.

Одно оставалось очевидным: какой бы ни была версия законности московской власти — византийской или монгольской, — сама новая великокняжеская власть нуждалась в создании многочисленной армии. А для того чтобы содержать воинов и награждать их, князю требовались сельскохозяйственные земли. Очевидным источником, откуда он мог их добыть, являлась Церковь. (Бесспорно, в Московии располагались обширные неводеланные территории, но владельцы поместий — *помещики* — нуждались в таких угодьях, которые использовались бы сразу, без какого-либо промедления.)

Поэтому новая роль Москвы обернулась для Церкви двойной опасностью. Во-первых, Церковь могла потерять значительную часть земель и богатств, а во-вторых, стать всего лишь одной из нескольких официальных религий на Руси.

Сначала эту угрозу в полной мере оценили в претерпевшем столько унижений Новгороде, духовенство которого ранее обладало огромными наделами и полной независимостью. Ведь Новгород поддерживал тесные отношения с Балтийскими странами и европейскими рынками и был наиболее открыт новым религиозным учениям позднего Средневековья и Реформации. Уже в XIII — XIV вв. реакцией на политический и религиозный вызов монголов стало появление в Новгороде и Пскове групп верующих, утверждавших, как важно (особенно духовенству) знать Писание и вести духовно чистый образ жизни. Они призывали христиан исповедоваться друг перед другом и самим принимать причастие перед

крестом, если священники не могли выполнять своей священной обязанности участия в таинствах. Эти фанатики позже приобрели название стригольники⁴⁰.

В 1470-х гг. появилась новая секта, известная как ересь жидовствующих и состоявшая как из священников, так и из мирян. Название секте дали ее противники, и оно вовсе не означало иудейского вероисповедания ее сторонников. Никакие записи жидовствующих не сохранились, поэтому их вера могла истолковываться как угодно и использоваться против ее же носителей. Судя по всему, они являлись анти-тринитариями, то есть отрицали существование Святой Троицы, считали Христа скорее человеком, а не божеством, не признавали икон и подобно стригольникам считали иерархию Православной церкви испорченной и развращенной, а саму Церковь — недостойной ведения таинств. К тому же жидовствующие выступали против монашеских ценностей и (если читать между строк обвинений в их адрес) искали «мудрости» и образа жизни, предполагавшего «любовь к ближнему своему». Списки книг, найденных в домах жидовствующих, говорили о высокой культуре их обладателей: помимо писаний, сектанты читали классическую греческую литературу, работы на арабском и иврите, тексты по философии, праву, риторике, истории, астрономии и математике. Людей, имевших список таких книг, можно сравнить с гуманистами эпохи ранней Реформации Западной и Центральной Европы, такими, например, как представители Общежитийного братства в Нидерландах⁴¹.

Очевидно, движение пользовалось поддержкой городского населения и «белого» (приходского) духовенства. Им симпатизировал Иван III, возможно, потому, что секта призывала к законопослушной набожности, а царь был заинтересован в хорошо образованных и космополитично настроенных людях, которые могли занять официальные и церковные должности. Кроме того, осуждение обогащения священников давало ему дополнительные аргументы для изъятия церковных земель. В 1480 г. после визита в Новгород Иван взял двух жидовствующих духовников для служб в храмах Кремля. В то же самое время один из его ведущих дипломатов, Федор Курицын, яв-

лялся важнейшей фигурой в кругах московских гуманистов-реформаторов.

Оппозицию жидовствующим, естественно, составили церковные иерархи. Новгородский архиепископ Геннадий (1484—1504) активно противостоял новому веянию и отстаивал право Церкви на разоблачение ереси и борьбу с ней. Он начал с подготовки церковного идеологического оружия, направленного против еретиков. Архиепископ собрал вокруг себя авторов и переводчиков, которые сделали новейший славянский перевод Библии, и послал на Запад своего человека, Дмитрия Герасимова (ранее московского посла), для того чтобы тот изучил последние духовные учения. Геннадий также провел беседу с Йоргом фон Торном, послом Священной Римской империи, о ереси, с которой сталкивалась и боролась Католическая церковь. Особое впечатление на архиепископа произвели рассказы об испанской инквизиции. В результате он выступил с инициативой созыва церковного собора, чтобы осудить ереси и создать на Руси инквизицию. Собор состоялся в 1490 г., но Иван III согласился не со всеми пунктами программы Геннадия: никакой инквизиции не появилось, а самое худшее, что разрешалось делать с еретиками, — это сажать их задом наперед на лошадей в вывернутой наизнанку одежде и в колпаке с надписью «Смотрите на войско Сатаны!» Таким образом, до 1504 г. ересь не получила полного осуждения⁴².

Кроме других текстов, Герасимов привез из своего путешествия «Легенду о белом клубуке», взятую из византийских архивов, а возможно, и сочиненную им самим с учетом интересов архиепископа. Это была популярная легенда, рассказывавшая о том, как белый клубук — головной убор священников, олицетворявший истинную веру и «святое воскресение», — ушел из Рима, отказавшегося от православия и принявшего аполлинарианизм, в Византию, также отвергнувшую эту форму христианства на Флорентийском соборе.

«Древний Рим отверг славу и веру Христову из-за гордыни и самолюбия своего. А в новом Риме, Константинополе, вера Христова погибнет от рук неверных сыновей агаровых [мусульман]. В третьем же Риме, которым станет земля русская, сияние Свя-

того Духа будет вечным. Знайте же... все христиане рано или поздно объединятся на Руси в веру своей. Ведь еще в древние века по велению Константина, императора земного, имперская корона была отдана из имперского города русскому царю. Но белый клобук по воле царя небесного Иисуса Христа будет отдан архиепископу Великого Новгорода. И белый клобук более почетен, чем царский венец, так как это имперская корона архангельского духовного порядка»⁴³.

То, о чем говорилось в тексте, было скорее не «переносом империи», а передачей духовной власти в православном мире. Эта идея высказывалась и остальными священнослужителями, однако в особом, апокалиптическом контексте. Самым известным примером могло служить послание Филофея, игумена Елезарова монастыря в Пскове, адресованное Мисирю Мунехину, секретарю, входившему в псковскую администрацию после присоединения республики к Москве. Дата послания точно не установлена, однако в нем Филофей высказывает обеспокоенность намерением великого князя конфисковать часть псковской земли. Кроме того, он советовал правителю уничтожить распри между священнослужителями и помогать бедным. Таким образом, его восхваление Москвы и высокая оценка ее роли в православном мире были не без шпильки в конце. «Если будешь править своей империей верно, станешь сыном света и жителем небесного Иерусалима... А сейчас скажу тебе: храни осторожность, внимание и дальновидность... Все христианские империи объединены... в твоей, так как два Рима пало, а третий стоит и поныне. Четвертому же не быть»⁴⁴.

Предупреждение ясно говорило о лежавшей на Москве ответственности за судьбу истинного христианства. Эту ответственность ей вручили Рим и Византия. Если великий князь Московский окажется недостойным столь высокой миссии, другого шанса не предвидится («Четвертому же не быть»), и конец света станет неизбежным. Видя в этом Божье провидение, Москва переняла власть у Византии, но могла использовать эту власть правильно лишь в том случае, если бы согласилась быть ведомой церковью.

Теория «Москва — Третий Рим» возникла благодаря новгородским и псковским священникам, пытавшимся защитить земельные владения и прерогативы церкви. Их метод заключался в превознесении государства, однако делать это предполагалось так, чтобы стало ясно — величие государства зависело от церкви. Как заметил один ученый, эта теория «восхваляла княжескую власть», но и «подчеркивала ее обязанности», притом не обязательно в благоприятной для правителя форме⁴⁵.

И для теории государства, и для отношений государства и Церкви самым важным оставался вопрос о церковном землевладении, которое на рубеже XV — XVI вв. оказалось предметом горячих споров. Традиционно ученые полагают, что существовали две группы среди высшего духовенства, обсуждавшие этот вопрос: стяжатели и нестяжатели. Обе эти группы столкнулись на Церковном Соборе в 1503 г., когда Иван III поддержал нестяжателей и попытался установить программу по секуляризации церковных (в основном монастырских) земель. Главой стяжателей предположительно являлся Иосиф Волоцкий, игумен большого монастыря в Волоколамске и протезе Геннадия. Во главе нестяжателей находился пришелец из отшельнических поселений на севере страны Нил Сорский, выдающаяся фигура среди «заволжских старцев».

Последние научные исследования источников поставили под сомнение бесспорность ранее утвердившегося мнения, что церковные владения стали на Соборе главным предметом обсуждения и что две противоборствующие партии вели ожесточенную полемику; более того, в своих работах ни Иосиф, ни Нил не высказывали ясных точек зрения по поводу монашеских земель⁴⁶.

Трудно сказать, принял ли Собор 1503 г. какое-либо решение о наделах, ясно одно — к концу XV в. великие московские князья пытались установить контроль над процессом сосредоточения родовых земель и живущих там крестьян в руках монастырей. Церковники получали владения от набожных прихожан, оставлявших их в наследство, или просто покупали земли. Князья не могли остановить этот процесс, поэтому они пытались добиться хотя бы регистрации земель-

ных поступлений в собственность Церкви. Кроме того, Иван III после присоединения Новгорода к Москве экспроприировал его монастырские земли. Наследники великого князя могли в любое время продолжить эту политику, Церковь же стремилась ее сдерживать.

Довольно горячие споры внутри самой Церкви специально не касались монастырских земель, но влияли как на саму религиозную жизнь, так и на отношения между Церковью и государством. Иосиф высказал «квазипапскую», близкую Геннадиию точку зрения по поводу этих отношений. Он даже писал о том, что церковь являлась охранителем моральных принципов и стандартов во всем мире и имела право осуждать земного правителя, неверующего богохульника, погрязшего в грехе и разврате, так как «подобный царь — не Божий слуга, а дьявол и мучитель». Позже, однако, он отказался от идеи морального суда Церкви над правителем. Иосиф пришел к выводу, что будущее Русской церкви тесно связано с великим княжеством Московским, ибо оно могло гарантировать право на борьбу с ересью, а также поддержать ее земельные владения и власть над крестьянами и горожанами, жившими на монастырских землях. Иосиф считал, что монашество должно подчиняться строгим правилам, и уделил много внимания составлению этих правил. Земельную же собственность и другие богатства монастырей он отстаивал в первую очередь для того, чтобы церковь подобающим образом выполняла свои функции, включая помощь немощным и страждущим. При этом он полагал, что собственность должна носить коллективный характер, а сами монахи должны быть связаны узами бедности и не иметь собственности. Иначе говоря, Церковь для исполнения своих обязанностей должна была обладать средствами, а лично монах — быть нищим. По его мнению, перед лицом сретического вызова священнослужители обязаны были сохранять чистоту духа, а монастыри оправдывать свои богатства благотворительностью и наблюдением за физической и духовной сферами жизни своих крестьян⁴⁷.

Более традиционной точки зрения о месте и роли Церкви придерживались Нил Сорский и «заволжские старцы». Рассматривая ее как часть православной цивилизации, возглавляемой патриархом Константинопольским, они полагали, что

Церкви надлежит избегать слишком тесных контактов с земными правителями, сохраняя тем самым за собой право наблюдать со стороны и судить действия князей с позиций закона Божия. Хотя в принципе Нил не возражал против жизни в обители, все-таки его идеалом являлся скит, уединенное жилище, где совместно обитали двое или трое братьев, полностью себя обеспечивавших и не использовавших наемный труд. Такова была древняя сирийская традиция, распространенная и на горе Афон, где в юности Нил пробыл некоторое время. Работы Сорского наполнены духом поздне-византийского исихазма, расцвет которого он успел застать. Нил акцентировал внимание не на правилах общежития, а на необходимости индивидуального поиска каждым верующим своей дороги спасения посредством аскетизма, созерцания и постоянной безмолвной молитвы⁴⁸.

Возможно, наиболее ярким выразителем этой же идеи выступил Максим Грек, образованный монах, приглашенный в 1518 г. Василием III в Москву для перевода религиозных текстов на славянский язык (для продолжения работы, начатой приближенными Геннадия). Грек по происхождению, он родился около 1470 г., обучался во Флоренции во времена Лоренцо Медичи и некоторое время был монахом-доминиканцем. Но, пообщавшись с мыслителями-гуманистами эпохи Возрождения и изучив греческих и римских классиков, Максим вернулся к вере своих отцов и в Ватопедиев монастырь на горе Афон. Там в его распоряжении оказалась прекрасная библиотека, содержащая работы отцов Церкви. Прожив годы на горе Афон, Максим пришел к выводу, что монахи должны вести аскетический и созерцательный образ жизни, поддерживая себя работой. Он писал, что на горе Афон монахи «живут без деревень, своим производством и беспрестанным трудом. В поте лица добывают они себе все, что нужно для ежедневного использования. Нет у них в сокровищницах несметных богатств, равно как и у монастырских людей. Так тут принято»⁴⁹.

На Афоне и после переезда в Москву Максим создал множество научных трудов, написанных под сильным влиянием исихазма. Убеденный сторонник православного экумениз-

ма, Грек считал, что правитель должен быть помазан священнослужителями и ведом божественным законом, а митрополит всея Руси — избираться только с согласия патриарха Константинопольского.

Подобное мнение не приветствовалось Василием III, желавшим подчеркнуть независимость светской власти и право Московской церкви самой заниматься своими делами. В 1525 г. Максим был арестован по обвинению в ереси. Он провел оставшиеся тридцать лет жизни в заточении, хотя к нему и продолжали относиться как к источнику мудрости. Его советами пользовался сам Иван IV⁵⁰. Арест Максима обозначил момент, когда государство окончательно дистанцировалось от еретиков и пошло на компромисс с последователями Иосифа. Василий III согласился принять церковное мнение о еретиках. Взамен Церковь отреклась от наследия исихазма и поствизантийских амбиций и согласилась, по сути дела, стать Московской государственной церковью, находившейся под покровительством великого князя/царя.

Это утверждение нашло свое отражение в собраниях текстов и символов, составленных в ранние годы правления Ивана IV митрополитом Макарием, родом из Новгорода, являвшимся учеником Геннадия и Иосифа. Он составил две компиляции, сравнимые с коллекциями текстов китайских императоров, в которых говорилось об императорском «небесном мандате». Книгами митрополита являлись «Великие Четьи-Минеи» и «Степенная книга царского родословия». Вместе они демонстрировали как светскую, так и духовную родословную московского царя. Первая книга включала жития святых, решения церковных соборов, проповеди, послания (в том числе и Филофея Псковского) и выдержки из исторических документов, отредактированные и изданные таким образом, чтобы их можно было читать с амвона во все дни церковного календаря. Они выбирались и систематизировались таким образом, чтобы показать: со времен сотворения мира Бог пытался найти истинно христианскую империю на земле, и такой империей отныне стала Русь.

Москва же символично называлась «Третьим Римом» и «вторым Иерусалимом», наследницей как Римской империи, так и

христианской Церкви. Верующие прихожане каждый день слушали о том, как русские князья происходили от Пруса, брата римского императора Августа, и о том, как Владимир Мономах получил регалии от византийского императора Константина, признавшего его статус царя. Макарий начал сличать и готовить летописи, составленные в различных русских землях. Все они были собраны в «Лицевой свод» — последовательное и полное повествование, проследившее московское наследие со времен Киевской Руси, Римской империи и древних евреев⁵¹.

Теория «Москва — Третий Рим» в сущности своей являлась скорее не политической, а моральной и религиозной доктриной. Она должна была восприниматься как часть комплекса символов и рассказов, подчеркивавших особенное, уникальное наследие, доставшееся Руси. Сама теория обладала парадоксальным и двусторонним потенциалом, так как могла рассматриваться с пессимистической и оптимистической точек зрения и использоваться либо как выражающая интересы светской власти, либо как оппозиционная ей. По сути, светские лица Москвы редко обращались к этой теории из-за ее противоречивости и из-за того, что она укрепляла позиции Церкви, в их глазах и так уже достаточно сильные. Проповедуемая с кафедры, идея «Москва — Третий Рим» оказалась, однако, довольно популярной среди простых православных людей, убежденных в уникальности и неповторимости миссии, предназначенной их стране. Для людей, живших на уязвимой территории и вынужденных постоянно быть готовыми к войне, это было и утешительное, и потенциально возбуждающее мировоззрение⁵².

Иван IV: личность и идеология

В 1533 г., когда Иван IV сел на престол, Москва строила все более грандиозные геополитические и религиозные планы. Завоевание великой Новгородской республики было завершено, и Москва претендовала на то, чтобы стать главой не только наследников Киевской Руси, но и всех христианских держав.

Однако государство оставалось довольно уязвимым и не могло стать великой азиатской или европейской державой, не обеспечив себе большей безопасности. В Балтийском регионе тевтонские рыцари представляли еще заметную силу, Дания и Швеция постепенно крепили, а Литва превратилась в серьезного соперника, обладавшего примерно такой же территорией, но с более плодородными землями. А ее претензии на наследие Киева были не менее убедительны, чем московские. Более того, Литву поддерживала католическая Польша: вместе они формировали самое обширное государство в Европе.

В какой-то степени еще большую опасность представляли наследники Золотой Орды: Крымское ханство, Ногайская Орда и ханства Сибири, Казани и Астрахани, являвшиеся исламскими государствами, переходившими к оседлости, но не терявшими удивительной силы своих предшественников-кочевников. Их поддерживала Османская империя, самое могущественное государство на Среднем Востоке, находившееся в зените славы и в полном расцвете сил после подчинения Балкан и окончательного завоевания Византии. Защита открытых южных границ степи от набегов крымских татар постоянно требовала немалых усилий и вложений от Московского государства, с его еще малонаселенной и относительно неплодородной землей.

Обстоятельства, при которых Иван вступил на трон в 1533 г., показывали, что Московии грозила не только внешняя опасность, но и разрывавшие ее внутренние проблемы. Отец Ивана умер, когда тому исполнилось всего три года. Ребенок с матерью-вдовой остался на попечении ее семьи, Глинских. Регентство — всегда нелегкий период для монархии, и этот случай не стал исключением. Глинские, Бельские и Шуйские, в то время наиболее сильные боярские семьи, ожесточенно боролись за влияние на маленького князя, за богатство и покровительство двора. Таким образом, среда, в которой рос Иван, была далеко не благоприятной, что стало особенно заметно после смерти его матери в 1538 г. Самому Ивану никогда не угрожала непосредственная опасность, и он не подвергался никакому насилию, ибо, несмотря на свои распри, бояре продолжали испытывать благоговейный трепет перед *государем всея Руси*.

Иван же мог видеть и понимать, что его придворные, находясь и действуя под властью великого князя, ему самому эту власть практически не оставляли. Таким образом, еще в детстве он начал испытывать постоянную затаенную злобу по отношению ко всем боярским кланам. Это чувство перманентно теплилось в нем, иногда перерастая в пламя.

В январе 1547 г. во время коронации в Успенском соборе Кремля молодой Иван получил титул «Царь и великий князь всея Руси». Он стал первым московским князем, официально нареченным царем в самом начале своего правления. Митрополит Макарий перекрестил Ивана и надел ему на голову шапку Мономаха как символ двойного происхождения его власти — и от церкви, и от Византийской империи. Иван претендовал не только на суверенитет, независимость от других держав, но и на превосходство своего государства — универсальной христианской монархии — над всеми остальными в мире. Он убедил патриарха Константинопольского, старшего среди православных церковников, прислать ему документ, ратифицировавший статус Руси. Однако Иван отказался от того, чтобы византиец возлагал венец на его голову. Он нуждался в публичном признании патриархом статуса государства, но не желал прямого подчинения Греческой церкви, носившей пятно поражения неверными⁵³.

С другой стороны, Иван хотел сохранить связь с наследием Византийской империи (отсюда и византийские регалии, и шапка Мономаха). Позже в Золотом зале Кремлевского дворца и в Архангельском соборе появились фрески и иконы, изображавшие Ивана в длинном ряду князей, начинавшемся с израильских правителей времен Ветхого Завета и включавшего римских и византийских императоров. Там были и картины крещения Руси при Владимире, а также фрески, изображавшие вручение византийских регалий Владимиру Мономаху. Князья изображались с непокрытой головой и с нимбом в византийском духе, символизировавшим святость⁵⁴.

Эти фрески отражали осмысление Иваном IV своей миссии, заключающейся в том, чтобы вести человечество сквозь трудности, невзгоды и обман современной эпохи нестабильности к спасению или проклятию. Таким было понимание вели-

ким князем идеи святости его земли. Этой идее, сформулированной Макарием и другими наставниками, он привык верить. Однако представления Ивана несколько отличались от учения Макария, и это различие в годы правления нового царя становилось все более заметным. Макарий, как и Иосиф Волоцкий, верил в то, что монарх прежде всего должен быть набожным и представлять собой идеал добродетели, богобоязненности. «Он остается чистым перед Богом в любых ситуациях... он никогда не пропускает церковные службы... Оставляя охоту и все остальные царские развлечения, он обязан исполнять волю Христову, сохранять вверенное ему государство, поддерживать справедливость и защищать от варваров и римлян». Таким образом, царь оказывался связанным законом Божиим. «Если царь, что носит алые одежды и корону, надеется на свое высокое происхождение и начинает гордиться собой и своим положением, то наполняется он ненавистью к другим и не исполняет наказов святых отцов; если осмеливается он так вести себя, то будет он осужден как любой, кто борется против слова Божьего»⁵⁵.

Таково было мнение не только Макария. Церковь благодаря обширным земельным владениям и объединяющей национальной роли, которую она приняла на себя еще под монгольским владычеством, оставалась влиятельной силой в Московии. Публичный церемониал подчеркивал ее роль. Например, во время водосвятия на Крещение царь стоял с непокрытой головой на льду замерзшей Москвы-реки среди своих бояр. А митрополит в это время освящал воду и кропил ею собравшихся. В Вербное воскресенье в ходе процессии в центре Москвы, изображавшей вхождение Христа в Иерусалим, царь вел осла, на котором восседал митрополит. Церемония водосвятия проводилась по византийской модели, процессия в Вербное воскресенье — по католической: в обоих случаях царская набожная, благоговейная униженность намеренно преувеличивалась⁵⁶.

Иван же (особенно когда стал старше и увереннее в своих силах), наоборот, полагал, что ответственность давала ему право на неограниченное распоряжение человеческой жизнью и собственностью, даже на отказ, если потребуется, от морального закона. «Пристало ли царю подставлять другую щеку, когда

его ударили по одной? — задавал он вопрос князю Андрею Курбскому. — Это, конечно, идеальный поступок, но как же сможет управлять своим государством тот, кто позволит обесчестить себя?!» Следовательно, его моральные качества как простого человека отличались от его моральных качеств как монарха, и одни не должны были сравниваться с другими. «Хоть как человек я грешен, но как царь я праведен»⁵⁷.

Вполне возможно, что на формирование концепции Ивана значительное влияние оказало учение мелкого литовского дворянина Ивана Пересветова, служившего в свое время османскому султану. Поступив на военную службу в Московию, Пересветов настрадался от жадных и ссорившихся между собой бояр, которые, в свою очередь, оставили его без средств к существованию. Воспоминания о жизни в Османской империи легли в основу двух трактатов, которые Иван представил царю, — «Сказание о падении Царьграда» и «Сказание о Мехмет-салтане». В них автор, описывая завоевание в 1453 г. Византии турками, размышлял и о факторах, «подорвавших» некогда великую империю.

Пересветов придерживался особого мнения о причинах падения Византии, которое отличалось от точки зрения Макария или создателей «Легенды о белом клобуке». Фатальная слабость Византии, на его взгляд, заключалась не в отступничестве Церкви, а в жадности, распрях и изменах аристократии, которые сделали невозможным создание единого фронта, чтобы достойно противостоять османской агрессии. Вместе с тем Пересветов, проводя очевидную параллель между поведением византийской аристократии и московских бояр, противопоставил слабость и мягкотелость последних византийских императоров жесткому и мудрому правлению Мехмета II, который пренебрегал родословным принципом и выбирал себе советников только в соответствии с их заслугами. Пересветов полагал, что правитель должен внушать трепет или «благоговейный страх», как это делал жесткий, бесстрастный и временами жестокий Мехмет II. «Без благоговейного страха невозможно установить справедливость [правду] в государстве. А справедливость — это когда царь не прощает даже своему любимцу, если тот виновен... Царствование без грозы (устрашения) подобно лошади без узды»⁵⁸.

Однако Пересветов не слепо восхищался опытом Османской империи и кое-что все же подвергал критике. Например, он полагал, что полководцы вовсе не должны становиться царскими слугами. В его работах чувствовалось влияние представителей европейского Ренессанса, особенно Макиавелли. Неизвестно, читал ли его произведения сам Иван Пересветов, но влияние итальянского автора оказывало значительное влияние на политическую мысль того времени, и кто-нибудь из окружения московского идеолога, вероятно, испытал его на себе. Оба высказывали следующее предположение: правитель, снисходительно относившийся к человеческим слабостям, порождал зло, приходившее в форме анархии и гражданской войны. И это зло было куда большим, чем порождаемое жестким, даже жестоким царем, подавлявшим амбиции, жадность и бунтарский дух своих подчиненных. Другими словами, государство являлось автономной сферой со своей моралью, своим смыслом существования (*raison d'état*), не обязательно совпадавшим с церковным⁵⁹.

Пересветов не был религиозным мыслителем. В основном он обосновывал идею необходимости эффективной мобилизации людских и земельных ресурсов. Армия, как полагал он, должна финансироваться монархом, что позволит ей оставаться рекрутской и хорошо подготовленной и не быть орудием того или иного боярского рода в случае распрей. Полководцы должны были назначаться в соответствии с заслугами, а не родословной или по принципу местничества. Однако он не дал конкретных рекомендаций, за счет чего должны содержаться армия и ее военачальники⁶⁰, хотя сама система служебных поместий соответствовала бы логике его доводов.

Попытки реформ Ивана IV

Иван начал свое самостоятельное правление при неблагоприятных обстоятельствах. В Москве вспыхнули пожары, и большая часть центра деревянного города сгорела. Ходили упорные слухи о причастности к пожарам Глинских. Дядю Ивана, Юрия

Глинского, толпа выволокла из Успенского собора и растерзала прямо на ступенях храма. Иван IV, столкнувшись с толпой, категорически отказался от выдачи остальных членов семьи и потребовал от москвичей успокоения. После этого оставшиеся Глинские бежали в Литву.

Иван повел себя в этой ситуации как человек серьезный, крайне религиозный и желавший идти на контакт с простым людом. Восприятие пересветовской концепции монархии требовало от него создания такого государства, которое стало бы свободным как от утомительного морализаторства духовенства, так и от разрушительных ссор бояр. Это означало пойти в обход священников и бояр и укрепить связи с местными элитами, с *землей* как противоположностью *государства*.

Концепция *земли* являлась решающей для московской политики, обращенной к местным общинам и их главам, столь отличным от двора и официальных лиц центра. Сбор налогов, правосудие и управление той или иной территорией воспринимались князьями и боярами как вынужденное дополнение к вотчинам, как часть поместных административных функций. Притом они не делали никаких различий между личными и общественными делами. Именно таким было кормление, и именно оно составляло тот центр, где пересекались интересы местных общин и князя.

В соответствии со своим амбициозным видением миссии Москвы Иван IV хотел не только полностью мобилизовать ресурсы общин, но и установить более близкие отношения между ними и государством. Преследуя эти две цели, царь попытался положить конец кормлению или по крайней мере урезать его права, ограничив власть наместника и вверив его обязанности (сбор налогов, свершение правосудия и местное управление) местным собраниям, известным как *земства*, и судам, известным как *губы*. Таким образом, Иван IV предоставлял официальный статус существующим городским и деревенским собраниям — *мирам* и их избранным старостам. Все эти новые положения нашли свое отражение в новом своде законов — Судебнике 1550 г.⁶¹

Однако на практике реформа оказалась труднореализуемой (именно поэтому ее так часто пытались заново прово-

дить и в следующих столетиях). Члены мирских собраний были связаны общей ответственностью за налоги и другие пошлины, что обязывало их покрывать все недостачи из своего кармана. Старшины оказались в незавидном положении и служили неохотно. К тому же не сложилось никаких промежуточных звеньев между местными собраниями и центральной властью, не формировались горизонтальные связи между самими местными собраниями. Из-за больших расстояний и слабой системы сообщения указания «сверху» плохо доходили до адресата, равно как и сигналы «снизу» до центральной власти. В результате приходилось возвращаться, особенно в случае войны, к старым испробованным методам. Да и старые «кормленщики» еще не исчезли, и чтобы заручиться их преданностью, достаточно было просто вернуть им власть⁶².

В 1549 г. Иван созвал так называемый Собор примирения, чтобы попробовать «все начать сначала», провести моральные и институциональные реформы, так необходимые после происшедших в начале его царствования беспорядков. Перед Собором Иван IV босиком совершил 60-километровое покаянное паломничество в Троице-Сергиев монастырь. Очистив таким образом душу перед Богом, царь осудил бояр за жадность и отсутствие преданности, признав в то же время и свои грехи и призвав к всеобщему покаянию и примирению. Так, в стиле Макария, то есть на принципах набожности и богобоязненности, он и пытался строить свое правление. В некоторых случаях Иван советовался с представителями местных элит. Например, в 1566 г. он обсуждал вопрос о продолжении войны в Ливонии и о расходах, связанных с ней. Иногда историки называют эти собрания Земским собором, но в то время такого определения не существовало, а собрания происходили нерегулярно и не являлись неким социальным институтом. Однако их созывы подчеркивали понимание Иваном отличия государственных дел от дворовых интриг, его стремление скрыть государевы заботы от завистливых глаз бояр и иметь дело напрямую с *землей*⁶³.

С той же целью Иван заменил своих советников-бояр избранными людьми из более низких социальных слоев. Некоторые историки называют этих приближенных Избранной

радой. Он также старался координировать процесс центрального управления при помощи укрепления и увеличения постоянных государственных учреждений. *Поместный приказ* следил за распределением служебных поместий и владением ими, *Разрядный приказ* — за назначением на военные должности, *Посольский приказ* занимался иностранными делами и т. д. Некоторые приказы прикреплялись к конкретным территориям, подобно старым управлениям удельных княжеств. Главы трех вышеперечисленных приказов и начальник казны получили право на посещение собраний Боярской думы и, следовательно, сами являлись боярами. Как отметил русский историк Р.Г. Скрынников: «только с формированием системы *приказов* Боярская дума окончательно стала высшим органом государственной власти»⁶⁴.

В государстве с такими религиозными требованиями было необходимо, чтобы Церковь неплохо обеспечивалась, но в соответствии с державными целями. Более того, Иван хотел взять под контроль земельные поступления в Церковь и, если возможно, завладеть их определенной частью. В 1551 г. он созвал Церковный Собор и представил на рассмотрение в общей сложности сто вопросов. Собор получил название «Стоглав». Дебаты прошли в византийском духе — в них принял участие и сам царь. Большое внимание уделили стандартам грамотности и нравственности священников и монахов. Собор резко выступил против широкомасштабной секуляризации церковных земель, но согласился вернуть те земли, которые оказались в руках Церкви с начала правления Ивана IV, и обязался далее принимать новые поступления только с согласия царя. Обсуждался также и вопрос об освобождении монахов от уплаты налогов.

Сторонники более тесных отношений разных церквей православной экумены подняли тему изменения славянских писаний и славянской церковной службы согласно греческим образцам. Собор, однако, предпочел придерживаться существующих традиций, например, привычной для православных манеры креститься двумя пальцами, а не тремя⁶⁵.

Не менее важной задачей Иван считал создание большой, хорошо оснащенной и подвижной армии, способной к боевым

действиям в случае конфликтов на границах государства. В первую очередь это означало, что военачальники — бояре — были обязаны не только нести службу, но и получать за все время ее прохождения определенное пожалование.

Иван собрал «избранную тысячу» конных воинов, предоставив поместья боярским и княжеским семьям или даже людям попроще. Поместья в 200 четей (100 десятин) находились в пределах 70 верст от Москвы. Получить место в армии и одновременно поместье считалось большой честью: те, кто уже владел поместьем, его не лишались, к тому же они заносились в специальный список («Книгу тысячников»). С другой стороны, условия службы были крайне обременительными. От военных требовалось постоянное проживание на своих территориях, откуда их могли послать на выполнение любого военного или гражданского задания — руководить воинским подразделением, командовать гарнизоном на границе, принять должность наместника или возглавить делегацию за границу⁶⁶.

На Стоглавом соборе Иван поднял вопрос о секуляризации церковных земель, чтобы получить земли для своей «избранной тысячи». В 1551 и 1562 гг. Иван сократил число вотчинников и таким образом увеличил площадь свободных земель. Владельцам запрещалось продавать или дарить свои вотчины без официального разрешения, а право передавать их по женской линии было урезано. Поместья без прямого их наследника переходили в казну.

В 1556 г. Иван IV издал указ (Уложение о службе), призванный упорядочить перечень военных обязанностей всех владельцев поместных земель и вотчин. Теперь каждый, кто имел 150 десятин «хорошей плодородной земли», должен был снаряжать для царской службы одного полностью оснащенного воина с лошастью.

Этот декрет стал вехой в русском законодательстве, так как по нему вся земля считалась находившейся во власти царя, определявшего и условия службы. Однако на практике этот принцип утверждался крайне непоследовательно, ибо на его пути стояло поместье, находившееся в руках одной и той же семьи. Но с другой стороны, сам этот принцип способствовал накоплению у царской власти дополнительных сил⁶⁷. Ядром армии оставались «дети боярские» (служилые

люди, а также младшие сыновья из боярских семей) с их шлемами, доспехами, мечами, луками и стрелами. Оружие и обмундирование оставались довольно архаичными для того времени, но достаточными для устрашения степных противников — кочевников. Перед лицом угрозы со стороны армий европейских держав Иван был вынужден усилить свои войска *стрельцами*, набранными из посадских общин. Как и служилые дворяне, стрельцы получали источник доходов в виде мастерских и надельных земель. Таким образом они могли прокормить себя, занимаясь торговлей и не забывая при этом о военной подготовке. К началу 1560-х гг. войско включало 7000 стрельцов для полевой армии, а еще 3000 охраняли загородную резиденцию царя в подмосковном селе Воробьеве.

К началу XVII в. стала применяться линейная тактика фронтального огня, использовавшаяся также и другими европейскими армиями. Для растущей артиллерии набирались опытные бомбардиры. Существовал и *Пушечный приказ*, обеспечивавший производство артиллерийского оружия и проводивший его регулярные испытания⁶⁸.

Казачи

Иван IV — первый русский правитель, попытавшийся решить серьезную проблему южных границ посредством заключения постоянного союза с казаками. Казаки были охотниками и разбойниками, наездниками и скотоводами, которые скитались по Дикому полю, оставшемуся после падения Золотой Орды. Не имевшая четких границ территория степи была окружена государствами: Московией, Польшей, Османской империей, Крымским ханством, Ногайской Ордой и северокавказскими племенными «королевствами». Казаки не имели государства как такового, они жили в вольных военных братствах, развивая искусство верховой езды, столь необходимое для жителей степей. Слово «казак» тюркского происхождения, означало «вольный человек». По сути, «вольные люди» вели кочевой образ жизни.

Первые казачьи поселения появились в низовьях двух великих рек — Дона и Днепра. На раннем этапе своей истории казачество в основном состояло из татар, возможно, наследников Золотой Орды или других кочевников. Однако среди них присутствовало и много славян, охотников, рыболовов и торговцев, которые скитались по границам Московии и Польши, а также крестьян или даже землевладельцев, сбежавших из родных мест от правосудия или несправедливости. Со временем славяне стали преобладать, и большинство казаков приняло православие⁶⁹.

Казаки жили сначала в поселениях из кожаных шатров, похожих на юрты кочевников. Когда образ жизни стал более стабильным и оседлым, начали появляться деревянные или глиняные дома, *курени*, формировавшие *станицу* (деревню или укрепленный лагерь). Казаки использовали острова или даже церкви как крепости, где они могли скрыться со своими стадами в случае вражеской атаки. Политический строй представлял собой смесь примитивной демократии с жестким авторитаризмом, то есть систему, характерную для общин, находившихся на незащищенной территории, жители которой зависели друг от друга. Казаки гордились статусом вольных людей и были готовы защищать свою волю до конца. В подготовке и проведении военных кампаний они беспрекословно подчинялись своим предводителям, а недисциплинированность жестоко наказывалась, иногда даже смертью.

Со временем их социальные институты становились более развитыми и сложными, но база всегда оставалась прежней, степной. Собрание всех членов отряда или подразделений казачьего войска называлось *кругом*. Там избирался глава (*гетман* на Днепре, *атаман* на Дону) и принимались наиболее важные решения, притом чаще всего при помощи согласия, а не голосования. Войсковой круг донских казаков в Черкасске представлял собой фактически высший независимый орган: он вел переговоры с иностранными послами, заключал союзы, объявлял войну или провозглашал мир. Круг также избирал войскового атамана, который являлся военным и административным главой.

Примерно до конца XVII в. казаки презирали сельское хозяйство и считали это занятие недостойным вольных лю-

дей и по крайней мере бесполезным на столь незащищенной территории. Как и все кочевники, они были вынуждены либо завладеть чужой сельскохозяйственной продукцией, либо покупать ее. Сами казаки продавали рыбу, мясо, кожи и мед. Случалось, что они грабили торговые суда, особенно часто на Каспии. Иногда совершались набеги и на прибрежные поселения, в результате которых казаки забирали с собой различные товары, сельскохозяйственную продукцию и пленных. Такие кампании возглавлялись опытными казаками-гребцами на маленьких, но очень маневренных лодках. Вожаки могли использовать для неожиданного нападения темноту, штиль или попутный ветер. Против организованных морских сил или хорошо защищенного торгового судна они были бессильны и сами могли потерпеть поражение при столкновении с ними⁷⁰.

Жизнь казаков характеризовалась экономической нестабильностью. Несмотря на принцип воли, они сильно зависели от внешнего мира в экономическом отношении (в том числе и от успеха грабежей), а также обращаясь к нему в поисках защиты. У днепровских казаков была договоренность с польским королем, в соответствии с которой они служили ему как пограничные войска, а взамен получали деньги или продовольствие.

Иван IV заключал подобные соглашения с донскими казаками, вовлекая их тем самым в войны Москвы против Казани и Астрахани. А в 1570 г. этот союз приобрел постоянный характер: Иван IV дал казакам грамоту, согласно которой они охраняли границы и отражали набеги кочевников, а царь за это признавал их право на территории в низовьях Дона. В начале XVII в. Русское государство заключило сделку по регулярным поставкам на Дон зерна, огнестрельного оружия и амуниции, то есть всего того, что казаки раньше были вынуждены получать в результате обмена или грабежа. Это стало началом длительного процесса, в ходе которого казаки постепенно превращались в неотъемлемую часть русской имперской армии и административной системы, теряя большую часть собственных институтов самоуправления⁷¹.

Завоевание Казани

В 1552 г. Иван IV благодаря реформам армии и союзу с казаками достиг наибольшего триумфа в своем правлении. В течение как минимум полувека его предшественники пытались найти способ справиться с Казанским ханством, сильнейшим наследником Золотой Орды, которое перекрыло доходный торговый путь на Средний Восток вниз по Волге и через Каспийское море. Временами князья вмешивались во внутренние конфликты казанских правителей, стремясь утвердить своих кандидатов на ханский трон, но чаще им оставалось только беспомощно смотреть на то, как престол занимали противники московского влияния⁷².

В конце концов Иван решил прекратить политику дипломатического маневрирования. В подтверждение правильности своего решения он привел ряд взаимоисключающих аргументов. Он утверждал, что Казань в прошлом признала сюзеренитет Москвы как наследницы власти Золотой Орды, а отрицая сейчас эту власть, ханы нарушали свою собственную клятву. В целом его аргументы были непоследовательны. Уже после одержанной победы Иван подчеркнул свой статус православного победителя над неверными и то, что как русский царь он нес ответственность за воссоединение наследия династии Рюриковичей и «земли русской», в которую «с древних времен» входила и Казань⁷³.

Царь воспользовался восстанием черемисов, чтобы построить крепость в Свияжске, на западном берегу Волги. В октябре 1552 г. крепость стала опорным пунктом для решающего успешного взятия города. В ней располагались артиллерия и стрельцы, сыгравшие ключевую роль в кампании.

Это был поворотный момент в истории, который прочно и надолго определил власть Москвы над евразийскими степями. Непрочный союз наследников Золотой Орды был разрушен, а Ногайская Орда, сибирский и астраханский ханы, князья Пятигорья и Кабарды признали себя вассалами царя. Более того, несмотря на то что ранее Русь в ходе территориальной экспансии включила в состав своего населения многие нерусские народы, именно завоевание Казани ознаменовало

первое поражение и присоединение нерусского суверенного государства. Укрепившись на Средней Волге, Москва сумела, с одной стороны, установить через Каспийское море и Кавказ стабильные торговые отношения со Средним Востоком, а с другой — продолжить дальнейшие завоевания, теперь Сибири.

Чтобы укрепить свою власть над Казанью, Иван выслал из нее большинство мусульманского населения, а вместо них поселил русских купцов и ремесленников. В последующие годы он неоднократно сталкивался с восстаниями недовольных татар, жестоко подавляя их. В честь победы Иван приказал построить в центре Казани огромный православный храм. В самом сердце Москвы, на Красной площади, он воздвиг Покровский собор (известный также как собор Василия Блаженного) с восемью храмами, каждый из которых символизировал московскую победу. Все вместе они были сгруппированы вокруг восьмиугольного нефа. Луковицы куполов, венчающих храмы, придают всему сооружению незабываемую роскошь. Этот уникальный памятник архитектуры делает Красную площадь столь неповторимой вплоть до сегодняшнего дня.

Иван положил также начало новому стилю иконописи, который наиболее полно выразился в иконе, известной как «Воинствующая Церковь». Она изображала победоносную христианскую армию, ведомую святыми воинами старой Руси и Матерью Божией. Войска шли в сторону Москвы, а на заднем плане полыхала огнем неверная Казань. Новым веянием стала попытка наполнить иконы политическим смыслом, и это лишало их чисто духовного содержания, характерного для старой манеры иконописи, присущей Рублеву и др. Иван Висковатый, один из наиболее выдающихся должностных лиц при Иване IV, считал подобные иконы, например, изображавшие распятого Христа в доспехах, откровенно еретическими. Однако церковный собор 1554 г. отверг его аргументы⁷⁴. Более того, вполне правомерным стало считаться использование священных изображений в государственных интересах.

В последующие годы, несмотря на клятвы верности, оставшиеся татарские ханства попытались взять реванш у Москвы. В 1555 г. Крымская Орда напала на территорию

Московии и почти разбила русскую армию Ивана Шереметева, который сам был серьезно ранен. Астраханский хан Дервиш-Али при поддержке турецких янычар и артиллерии вытеснил русские войска с низовьев Волги и Дона. В ответ казаки Нижней Волги напали на центры управления ханства и разрушили их. Дервиш-Али не только не успел воспользоваться своей победой, но и был вынужден бежать из страны. Астраханское ханство стало частью Московии. Иван хотел развить этот успех еще и покорением Крыма, чтобы искоренить источник постоянной опасности. На Дону и Днепре, занятых стрельцами, началось возведение флота. Однако Иван IV был вынужден отказаться от этого плана из-за недостатка сил для его завершения⁷⁵.

Балтийские войны

Теперь Иван обратил свое внимание в сторону Балтики. Он полагал, что государство с такими территориями и таким значением, как Московия, нуждалось как в торговле с европейскими державами, так и в строительстве стратегически важных опорных пунктов, необходимых для защиты в случае конфликта с этими самыми державами. Именно поэтому Иван надеялся взять под контроль часть береговой линии Балтийского моря вместе с одним (или больше) портовым городом. К середине 1550-х гг. единственным европейским торговым партнером Московии, имеющим соответствующий договор, являлась Англия. Начало торговых связей положил Ричард Ченслер, который в 1553 г. в поисках морского пути в Китай был вынужден укрыться от шторма в Белом море. В следующем году королева Елизавета с помощью специально созданной для торговли с Россией «Российской компании» решила воспользоваться новыми перспективными торговыми возможностями, а английские купцы получили торговые привилегии и освобождение от налогов внутри Московии. Англия нуждалась в большом количестве лесоматериалов, пеньки и смолы для строительства кораблей и надеялась найти новый

путь в Азию по Волге. Русские же, в свою очередь, покупали английскую металлургическую и химическую продукцию для снабжения армии⁷⁶. Недостатком являлась трудность и опасность длинного пути через Северный Ледовитый океан, а также отсутствие «московского» контроля над балтийскими портами.

К 1550-м гг. тевтонские рыцари оказались в состоянии окончательного упадка. Их политика по христианизации местного прибалтийского населения потеряла какое-либо значение, ибо к тому времени не осталось больше язычников, которых можно было крестить. Последний наследник рыцарства, Ливонский орден, правил Ливонией, установив там более или менее нормальные феодальные порядки и власть. Однако государство раздиралось внутренними противоречиями как из-за религиозных распрей, вызванных Реформацией, так и из-за политического конфликта, связанного со всевозрастающим влиянием городского населения. Так для Москвы появился удачный момент отстоять свои интересы на Балтике⁷⁷.

В 1558 г. Москва потребовала невмешательства ливонских купцов в ее балтийскую торговлю, производимую в основном через Ригу и Ревель. Не получив удовлетворительного ответа, Иван послал русскую армию под командованием А.Д. Басманова, которая захватила основной торговый порт — Нарву и возвела на противоположном берегу вокруг крепости Ивангород новое поселение. Начало балтийской кампании было явно удачным. Далее в течение нескольких лет последовали и другие успехи, включая захват Полоцка и Дерпта. После побед в Ливонии и Литве, как в свое время в Казани, Иван отдал земли местных землевладельцев русским служилым людям.

Однако полностью реализовать свои планы ему не удалось, так как агрессия Москвы спровоцировала реакцию других балтийских держав, обеспокоенных своим отстранением от раздела Ливонии. В войну вступили Дания и Швеция. Дания захватила большой остров Эзель, а Швеция завоевала Ревель и северную Эстляндию. Густав Кеттлер, глава Ливонского ордена, перешел под протекторат Литвы. Более того,

действия Москвы окончательно укрепили союз Польши и Литвы, которые в 1569 г. заключили Люблинскую унию. Воинственность Ивана разворошила осиное гнездо, а от русских войск все чаще отворачивалась удача. Свою роль сыграла и незащищенность южных границ, на охрану которых Москва должна была направить часть своей армии. В конце концов Москва потеряла Полоцк, Нарву, Ивангород и Дерпт, захваченные во время войны, а также стратегически очень важную территорию в Карелии и на востоке Финского залива, взятую московской властью под контроль у Новгорода еще задолго до начала действий на Балтике.

Между тем в 1571 г. армия крымских татар под предводительством Девлет-Гирея миновала южные защитные рубежи и напала на Москву. Татары разграбили монастыри и купеческие предместья, а затем предали город огню. По рассказам очевидцев, дым заволок улицы, на которых столпились испуганные жители, раздавался тревожный звон колоколов из всех церквей и монастырей. Затем колокола стали падать на землю и умолкали один за другим, по мере того как пламя настигало церкви⁷⁸.

Эти ощутимые неудачи привели к тому, что теперь тенденция перехода литовских бояр на службу в Москву стала принимать обратный характер. С тех пор как права вотчинников стали урезаться, а монархия все более бесцеремонно посягала на привилегии людей знатного происхождения, некоторые из них решили воспользоваться прерогативой предков самим выбирать место службы. Перешедшая на московскую службу литовская знать учитывала также то, что близкая им по социальному статусу польско-литовская *шляхта* обладала большими правами, вплоть до права выбора монарха.

Ярким примером этой тенденции стала история с личным другом Ивана князем Андресом Курбским, военачальником и членом Боярской думы. В апреле 1564 г. он «отъехал» в Литву, откуда написал серию посланий, обличавших тиранию Ивана, противоречившую закону Божию. Иван ответил ему, приводя библейские примеры, указывавшие на происхождение всей земной царской власти от Бога. Он утверждал, что правители несли особую ответственность и выполняли

ряд обязанностей, освобождавших их от узкого истолкования закона Божия. Иван посчитал отъезд Курбского не почетным правом феодала, а скорее предательством своего государства и его великих целей⁷⁹. Постоянная смена мест военной службы и очевидная неверность бояр еще больше укрепили намерение царя стать абсолютным монархом. По его мнению, именно таким его и хотел видеть Господь.

Растущие властные амбиции Ивана вызывали недовольство Церкви. Филипп, митрополит Московский, публично обвинил царя в «пролитии крови невинных христиан... Татары и язычники, да и все в мире могут сказать, что любой народ имеет право на справедливость и законы, только на Руси — нет!». Иван не сразу ответил на этот выпад, но позже Филиппа арестовали и заточили в монастырь⁸⁰. После этого случая ни один прелат не осмеливался открыто упрекать царя.

Но существовали религиозные движения, чей вызов Церкви и государству был куда более радикальным. Один из «избранной тысячи» Ивана, Матвей Башкин, оказавшись, под влиянием взглядов антиринитариев из Новгорода, проповедовал, что Христос являлся не Божьим сыном, а простым смертным, а церковь — не храмом, а «собранием верующих». Для того чтобы воплотить эти убеждения в жизнь, он освободил своих холопов и призвал к равенству, взаимной любви и уничтожению социальной иерархии. В 1553 г. он был арестован и заточен в Волоколамский монастырь, крепость иосифлян⁸¹.

Еще более радикально настроенным оказался Феодосий Косой, бывший холоп, сбежавший в монастырь на Белом море. Там он собрал круг единомышленников и проповедовал возвращение к Евангелию и деяниям апостолов, догматы которых, по его мнению, должны были быть доведены до каждого верующего посредством отказа от церкви со всеми святыми, иконами и ритуалами, не упоминавшимися в Писании. Он полагал, что истинное христианство заключалось не в языческих храмах и идолопоклонстве, а в созерцательной жизни, безмолвной молитве и тяжком труде в общине с равным разделением имущества⁸².

В этих учениях слышится эхо современного протестантизма, равно как и исихазма и «нестяжательства». Были и

другие заграничные еретические течения, исчерпывающие сведения о которых не дошли до наших времен и не оставили никакого осязаемого следа. Однако имеющиеся свидетельства говорят о том, что в Московии существовало учение, отвергавшее не только концепцию Церкви-собственника как союзника государства, но и любой вид иерархической, ритуалистической Церкви в пользу бедного, духовного и общего христианства. Подобные идеи остались впоследствии осязаемым скрытым течением на Руси.

Возникновение и распространение таких мыслей и болезненная реакция на них властей мешали развитию печатного дела. Первую типографию, так называемый Печатный двор, в Москве открыл в 1564 г. бывший дьякон московской церкви Иван Федоров. Его поддерживал митрополит Макарий, однако после смерти последнего Федоров испытал на себе недовольство влиятельных церковников, подозревавших первопечатника в извращении намерений Макария, то есть в распространении ереси вместо истинной веры. Федоров закрыл типографию и бежал в Польшу-Литву, где вновь открыл ее во Львове⁸³.

Опричнина и последние годы правления Ивана IV

В декабре 1564 г. Иван неожиданно перенес свой двор из Москвы в Александровскую слободу, небольшую княжескую резиденцию на северо-востоке, взяв с собой всю государственную казну и несколько почитаемых икон. Оттуда он отправил боярам и главам Церкви послание. В нем царь объявлял о своем намерении отлучиться от царствования, обвинял бояр в предательстве и массовом расточении государственного имущества, а также говорил о том, что предпринимаемые им попытки наказать виновных встречали постоянное противодействие со стороны Боярской думы и Церкви, стремившихся, по словам Ивана, мешать ему всеми силами. Если они не хотят его отлучения, то должны дать ему право установить свое независимое государство, *опричнину* (это слово использовалось в законе для обозначения женской части на-

следства), которое давало бы ему необходимые материальные средства и полную свободу в борьбе с казнокрадами, предателями и еретиками.

Неестественное, театральное поведение Ивана в утрированной форме должно было доказать то, что Москва нуждалась в жесткой и неразделенной власти. Бояре поспешили направить своих послов к Ивану, умоляя его принять обратно трон и делать то, что он считал нужным. Вернувшись в Москву, царь разделил свое государство на две части: *опричнину*, где он становился абсолютным монархом с неограниченной юрисдикцией, и *земщину* (территорию «земли»), где согласно обычаю правила Боярская дума. В опричнину Иван включил большинство оставшихся удельных владений, некоторые служилые поместья в Московии и обширные территории, находившиеся на севере и изначально принадлежавшие Новгороду.

Иван использовал доход с этих земель для создания и обеспечения нового опричного войска, которое охраняло его самого, оберегало границы и искореняло коррупцию, предательство и ересь. Солдаты этого войска получали особое право проводить расследования и арестовывать любого по сокращенной юридической процедуре, а то и вовсе без нее. Опричнина имела собственный двор в Москве и функционировала помимо всего прочего и как своего рода монастырь. Она следовала аскетическому режиму, который, правда, временами прерывался оргиями и садизмом. Иван обращался к своим *опричникам* как к «братьям». Одетые в длинные черные плащи, почти как монахи, они скакали на черных лошадях, прикрепив к седлу собачью голову и длинную метлу. «Эти символы означали то, что опричники кусаются как собаки, а затем сметают все ненужное». Принятые в эту элиту должны были тщательно проверяться на честность и порядочность: для этой цели Иван поместил при дворе ящик для письменных обличений⁸⁴.

Одной из первых задач опричнины стала экспроприация земель местной элиты из числа служилых людей и обладателей удельных владений. Их ссылали на территорию бывшего Казанского ханства. С собой не разрешали брать никакого имущества, и по дороге ссыльных сопровождали царские войска.

Однако на новых местах они обеспечивались поместьями. По сути дела, Иван относился к Казани как в дальнейшем цари к Сибири: то есть как к отдаленной части империи, развивающейся благодаря полуссылным, присутствие которых в центре являлось нежелательным. Однако спустя несколько лет Иван простил большинство опальных и позволил им вернуться в свои бывшие владения. Он понял, что не может править, попирая традиции и интересы главенствующего класса, и поэтому вернул их назад, оставив в изгнании только самых опасных. На практике многие из них не могли возобновить прошлую жизнь в уже разграбленном и запущенном владении, а потому иногда продавали свои земли монастырям, что явно противоречило ожиданиям Ивана⁸⁵.

Со временем рациональный подход, присутствовавший при создании опричнины, начал исчезать. «Братство» Ивана деградировало, все более становясь привилегированным войском алчных и жестоких разбойников, вредящих интересам государства куда больше самих бояр и удельных князей, которых они должны были смирять. Наиболее показательным и абсурдным из всех их действий стало разрушение Новгорода в 1570 г. Иван отправился туда из-за подозрения, что городские старшины вновь вступили в предательскую связь с Литвой. Его опричники блокировали городские окрестности, грабили монастыри, убивали монахов, а затем в ходе инсценированных судебных заседаний обвиняли ведущих горожан в предательстве. Наконец, две или три тысячи человек были приговорены к смерти, некогда богатейший город оказался разрушен, а его торговля подорвана на несколько десятилетий. Одновременно вспыхнула эпидемия чумы и начался голод, поэтому даже трудно определить, сколько же всего смертей повлекли за собой (прямо или косвенно) насильственные действия опричников⁸⁶.

Иван намеревался поступить так же и с Псковом, но Никола, местный юродивый, предупредил его, что тот должен прекратить мучить людей и уехать в Москву, «не то лошади твои не понесут тебя назад». Когда Иван приказал снять колокол с Троицкого собора, его лошадь неожиданно пала прямо под ним. Устрашившись, царь покинул Псков и поспешил в

Москву⁸⁷. Возможно, он надеялся стать князем эпохи Возрождения, свободным от любых норм морали, но в то же время не мог оставаться безразличным к суевериям и древней морали Руси, выражаемой в столь драматической форме.

«Божьи люди», юродивые, давно существовали на Руси и в Византии, но наибольшую популярность они приобрели во время правления Ивана IV. Даже сам царь испытывал по отношению к этим людям своеобразное уважение, столь редко оказываемое им кому бы то ни было. Возведенный по его указу Покровский собор вскоре стал известен как храм Василия Блаженного в честь одного из них. Юродивые могли восприниматься как носители крайней, даже гротескной, формы идеалов исихазма, как реакция против официальной воинствующей Церкви Иосифа Волоцкого, а также против чрезмерного соблюдения Иваном государственных интересов (*raison d'état*). Олицетворяя слова апостола Павла в Первом послании к коринфянам: «...мудрость мира сего есть безумие пред Богом», юродивые вели аскетический образ жизни, полностью отвергая гордыню и даже самоуважение, бросая вызов миру, церковной иерархии и ее нормам, странствуя обнаженными и немывтыми. Но они делали это во имя особой миссии, которая обязывала их говорить правду миру, в первую очередь властям предрежающим, и которую не мог выполнить ни один из тех, кто принадлежал к этому миру⁸⁸. Так авторитарный режим в Московии начал формировать свою собственную контркультуру.

Вскоре после возвращения из Пскова Иван распустил опричнину и запретил даже упоминать ее название. Вероятно, ему стало абсолютно ясно, что опричнина не выполняла предназначенной ей функции очищать землю и укреплять власть царя. Наоборот, она сеяла разрушение и распри, излишне усложняла саму систему управления, придавала ей авторитарный характер, крайне обременительный для страны. Историки глубоко разошлись в оценках действий Ивана. Возможно, модель опричнины в его представлении включала элементы испанской инквизиции, порядки воинствующих балтийских рыцарей и даже иезуитов. Кто-то же рассматривал опричнину как фактическое возрождение удельных кня-

жеств, где Иван мог править как на своей земле, не связанный ограничениями, присущими монархическому правлению христианских государств⁸⁹.

Понятие опричнины как удельного княжества заслуживает доверия из-за следующего факта. В 1575 г. Иван ненадолго посадил на трон Симеона Бекбулатовича, служилого татарского князя, назвав его «великим князем всея Руси» (но не царем), позволив ему править земщиной и попросив разрешения на борьбу с предателями на территории его собственного удела⁹⁰. Бекбулатович был внуком Ахмата, последнего хана, претендовавшего на правление Золотой Ордой, поэтому поступок Ивана мог расцениваться как своеобразный отказ от попыток формирования сложных институтов, нужных для растущей европейской державы, гротескным возрождением правопорядка Чингизидов и относительной простоты системы управления степных ханств. Казалось, удобнее соблюдать государственный интерес (*raison d'état*) в удельных владениях или ханстве, чем добиться согласия с церковью и Боярской думой.

Иван был очень противоречивой натурой и не только из-за своеобразного склада психики. Он пытался найти для своей власти новую базу, соответствующую как огромной и все увеличивающейся территории его государства, так и грандиозной исторической миссии Москвы, на выполнение которой Иван и претендовал. Он хотел править в соответствии с законом Божиим, но также чувствовал, что князь должен иметь и исключительные права, особые «привилегии». К тому же царь желал обладать абсолютной властью, чтобы, не потакая боярам, привыкшим получать чины в соответствии с происхождением, создать мощную и многочисленную армию. Его крайняя набожность и посвящение себя задаче, которую, как он полагал, возложил на него Господь, перемежались с периодами нелепой чувственности, садизма, разврата и пьянства. Во время этих периодов Иван проявлял необузданную гордыню, утверждая, что цари несли особую ношу и поэтому им прощались те грехи, которые другим людям прощать было нельзя. Эта внутренняя неупорядоченность говорила о том, что Иван разрывался между идеей Третьего Рима, степным ханством и подающей надежды европейской державой; между смиренным, богобо-

язненным византийским правителем, кочующим наездником-полководцем и разумным безжалостным князем эпохи Возрождения. Все политические и религиозные традиции Евразии, казалось, встретились и вступили в конфликт в личности Ивана, столь необычной и терзаемой внутренними противоречиями.

Когда царь уставал от внутреннего конфликта или когда ему становилось страшно, что враги могут его низвергнуть, он искал своеобразное «прибежище» в идее объединения с Польшей, раз уже спасшей Литовское княжество, или даже подумывал бежать в Англию. Он послал королеве Елизавете несколько писем, осторожно выясняя условия, при которых он мог бы в случае необходимости найти убежище в ее государстве⁹¹.

Правление Ивана раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагоприятной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом — была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам. Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил. Перед лицом этих трудностей Иван достиг неплохого результата, но этот результат обошелся очень дорого как ему самому, так и его несчастному народу.

К концу правления Ивана IV большая часть центральной Московии была опустошена, так как крестьяне бежали от разорительных налогов и трудовых обязательств в поиске лучших условий на монастырских землях и открытых границах. Многие бояре оказались уничтожены, но боярство продолжало существовать как класс, а его межродовые конфликты ослабляли государство и в XVII в. Молодая служилая знать, получив поместья, добилась более высокого и прочного статуса, но она оставалась еще достаточно бедной социальной группой, а ее положение отличалось нестабильностью. Духовенство было деморализовано охотой за еретиками, в то время как горожане все жестче облагались налогами и плюс к тому связывались «круговой порукой».

И наконец, Иван не закончил создание институтов, которые соединили бы сильные местные общины с центральной администрацией и таким образом обеспечили бы государство прочной публичной поддержкой. Вместо этого царь утвердил традицию, согласно которой мобилизация и объединение русской земли требовали от ее правителей не только решительности, жестокости и властности, но и нарушения закона Божия, что грозило разобщением, деморализацией и подрывом тех идеалов, которые проповедовала сама монархия. При отсутствии установленных законом промежуточных институтов, связывавших население и центральную администрацию, государственная власть на местах оборачивалась самодурством правившей там знати. То, чем занимался Иван, являлось не строительством государства, а огосударствлением личного главенства. Именно таким образом определилась особенность русского стиля правления: огромная, разнообразная и незащищенная империя, основанная на личной власти.

К тому же Иван, который должен был лучше всех осознавать опасности оспариваемого царского наследия, ударил и смертельно ранил своего сына, царевича Ивана, весьма популярного в земщине. Царь сделал это в припадке гнева, вызванного попыткой сына защитить свою беременную жену. Сам Иван IV умер в 1584 г. в агонии раскаяния за совершенные поступки. Перед смертью царь принял монашеский обет. Дмитрий, один из двух его оставшихся сыновей, являлся потомком от седьмого брака и поэтому не считался Церковью законным наследником. Второй же, Федор, был слаб здоровьем и страдал расстройством психики.

Во время правления Ивана IV Московия предприняла первую попытку сыграть свою евразийскую геополитическую роль. Однако она оказалась неспособна построить институты, необходимые для исполнения этой роли. Поэтому на рубеже XVI — XVII вв. она пережила кризис, почти разрушивший ее. Однако Московия была достаточно сильна для того, чтобы выжить и позже совершить вторую попытку.

II. БЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ

3. Бурный XVII в.

Создание Московского патриархата

Федор Иванович, сын Ивана Грозного, царствовал, несмотря на свою болезнь, в течение четырнадцати лет (1584—1598). Фактически же правил страной в это время в роли регента брат жены царя Борис Годунов. Последнее возвышение Москвы, имевшее для нее огромное символическое значение, произошло в 1580-х гг., когда был создан отдельный Московский патриархат. Следует учесть, что это случилось тогда, когда на троне находился слабый и бездетный царь и ощущался конец династии Рюриковичей. Иван IV и думать не хотел о возможности союза с патриархом, так как опасался его соперничества, «соправления». Подобный аспект присутствовал в византийской имперской традиции, но не приветствовался в Москве. Однако у слабого царя, чья линия вымирала, позиция была менее сильной. Поэтому он не мог противостоять желаниям московской церковной иерархии.

Патриарх Константинопольский уже утвердил царский титул Ивана IV и обращался к нему «Царь и Монарх Православных Христиан всей Вселенной... среди Царей как равноапостольный и навеки прославленный Константин». Восточные патриархи готовы были скорее признать права Москвы на империю, чем на патриархат, так как если бы Московский патриархат существовал, то он затмил бы их собственные, куда более «священные и преподобные», такими достоинствами своего

государства, как мощь, богатство и независимость. Поэтому первый запрос Москвы в 1584 г. остался без внимания.

Москва все-таки добилась своего при помощи лести, взяток и дипломатического давления. Православная церковь, оказавшись под османами, в значительной степени утратила свою силу, влияние, богатство. Когда в 1588 г. патриарх Константинопольский Иеремей посетил Москву с надеждой найти у нее финансовую поддержку, местные церковники воспользовались случаем, чтобы убедить его санкционировать создание Московского патриархата. В Москве сложилось два взгляда на то, как следовало получить собственную патриархию. Сторонники новой всеединой Православной церкви полагали, что Иерею нужно убедить перенести место экуменической епархии из Константинополя в Москву, которая стала бы тогда (формально и практически) главой мирового православия. С другой стороны, партия, которую можно определить как «московскую националистическую», не доверяла грекам, переставшим, по их мнению, быть полностью православными. Представители этой партии выступали за создание сепаратного Московского патриархата во главе с русским патриархом. Некоторые из них даже хотели перенести экуменическую епархию во главе с греческим патриархом во Владимир, что подчинило бы ее московской власти.

Иеремей одобрил идею сторонников экуменической линии, но обнаружил преграду своим действиям в лице московских националистов. Он даже и не думал о возможности переезда во Владимир. Однако Иеремей даровал грамоту, признававшую московское право на патриаршую кафедру, что полностью утверждало статус Москвы как Третьего Рима. Москвичи воспользовались этой грамотой для передачи своего дела в синод Православной церкви в Константинополе, который с большим колебанием одобрил создание новой патриархии. Синод, однако, настоял на том, чтобы Москва была пятым, то есть низшим, из всех православных патриархатов. И это решение не могла пошатнуть никакая щедрость и сила убеждения Московского государства.

Несмотря на это «принижение» Московской церкви, значение нового образования было велико. Послание, объявив-

шее об установлении Московского патриархата, являлось единственным документом, изданным царем. Этот документ внес огромный вклад в концепцию «Москва — Третий Рим»¹. Создание Московского патриархата символично обозначило важное перемещение власти внутри самого православного мира. Однако это событие обострило подозрения и зависть, отравлявшие отношения между греками и русскими. При этом произошло это не только из-за очень серьезных различий в текстах и литургических формах двух Церквей. Русские считали греков слабыми и деградирующими в вере, а их религиозные обряды испорченными длительным контактом как с Католической церковью, так и с неверными. Греки же видели в русских неотесанных выскочек, обладавших большей, чем им полагалось, властью и богатством².

Конец династии: новый вызов

В 1598 г. умер Федор Иванович, не оставив после себя наследника. Конец правления династии Рюриковичей поставил Московское государство и всю Русь в абсолютно новую ситуацию. До этого времени, если обратиться к летописям, коллективное сознание Руси фокусировалось на трех понятиях: «русская земля», «русские князья» и «православие». Интересно, что четвертое понятие — «русские люди» — отсутствовало, возможно, из-за разнообразия народов, населявших государство³.

Из всех вышеупомянутых понятий православие являлось ключевым, освещающим два остальных. Великие князья и цари претендовали на происхождение их власти от Бога, что особенно подчеркивалось в церемонии коронации. В эпической поэме «Задонщина», рассказывавшей о победе Московии над Золотой Ордой на Куликовом поле, великий князь Дмитрий Донской призывает «князей, и бояр, и удалых людей» присоединиться к нему и бороться «за землю Русскую и за веру христианскую», два понятия, неразрывно связанных друг с другом и с его титулом⁴. Даже князь Андрей Курбский, нападавший на тираническую форму правления Ивана IV, не

подвергал сомнению божественное происхождение монархии или особый статус «святой земли Русской»: он просто утверждал, что Иван «запятнался» своими развратными и кровожадными действиями⁵.

Теперь, с концом правления династии, важный элемент этой «троицы» исчез. Могла ли Московия выжить без него? Этот вопрос больше всех остальных повлиял на то беспокойное, суматошное состояние, в котором находилась Русь в течение нескольких следующих десятилетий. Бояре, церковь, служилые дворяне, горожане, казаки и крестьяне столкнулись с важностью решения проблемы правления. Кроме того, нужно было решить принципиальный вопрос: как должен выбираться правитель, и на какой моральной основе может строиться его власть. Все неприятные и тревожные моменты — закрепощение крестьян, растущее бремя налогов и государственной службы, этническая ассимиляция, защита границ — зависели от решения этих впервые возникших важнейших вопросов.

Когда в 1584 г. на трон взошел Федор Иванович, был созван Земский собор, но не для того, чтобы избрать царя, унаследовавшего власть, а засвидетельствовать и подтвердить церемонию коронации, устанавливавшую законность правления. После его смерти в 1598 г. патриарх, ставший ввиду отсутствия наследника главной фигурой в государстве, созвал новый собор. В этот раз он выполнял более ясную и ощутимую функцию — избрать наследника. Собор избрал Бориса Годунова, который в роли регента вел дела большую часть времени правления Федора. Выбор был очевидным, и большинство дворянства и московских горожан (игравших решающую роль в этом вопросе) благоволили ему. Сам Борис дважды отказывался от короны, подчеркивая, что его право на нее должно быть точно доказано⁶.

Процедура оказалась беспрецедентной, что породило сомнения в законности наследования власти Борисом. Для сомнений существовали особые причины: Дмитрий, сын Ивана от последней жены, был отлучен от двора и с 1591 г. находился в Угличе, где и погиб при невыясненных обстоятельствах. Существовало подозрение, что Борис приказал убить его, дабы устранить потенциального наследника.

Борис оказался умелым правителем, обладавшим теми человеческими качествами, которые были так нужны царю. В этом отношении он превзошел двух своих предшественников. Однако он никогда не смог избавиться от павшей на его правление тени сомнительной законности власти. Особенно это вредило Борису тогда, когда он, не имея другого выхода, проводил политику, укреплявшую административную власть и ухудшавшую жизнь всех классов населения. Разрушительные последствия недавних балтийских войн и необходимость обеспечения дальнейшей защиты, особенно на южных границах, обусловили соответствующие действия московского правителя, необходимые для существования государства.

Крестьяне под бременем больших налогов, военной службы, трудовых повинностей (или всех этих зол в совокупности) часто не могли эффективно возделывать землю, влезали в долги и связывали себя с землевладельцами или монастырями, способными эти долги выплатить⁷. Они становились рабами или были вынуждены нести обязательную трудовую повинность — барщину, исполняемую во владениях бояр и помещиков. Иногда крестьяне просто бежали в поисках более безопасной и обеспеченной жизни или уходили на открытые границы и присоединялись к казакам. Многие деревни в центральной части Руси были фактически опустошены, в то время как землевладельцы (бояре и служилые дворяне) оставались без средств, необходимых для несения бремени государственной службы. В 1587—1588 гг. и в 1601—1603 гг. разразился голод, нищие в огромном количестве бродили по Московии, а голые юродивые на улицах обличали правление Годунова⁸.

Борис как регент и полноправный царь всеми силами старался восстановить экономику в целом и налоги в частности, делая все необходимое для поддержания государственной администрации и армии. В 1584—1588 гг. доход был настолько невелик, что пришлось даже упразднить некоторые налоговые привилегии монастырей и землевладельцев и провести земельную перепись в целях определения трудовых и налоговых обязательств, предусмотренных законом. Нако-

нец, Борис ужесточил требования к режиму воинской службы на южных границах.

В результате его меры вели к прогрессирующему закреплению крестьян и прикреплению городского и служилого населения к их местам жительства. Но в определенной степени крестьяне оставались свободными людьми: они имели право бросить барина и уйти к другому, заплатив предварительно все свои долги. Сделать это они могли в течение недели, предшествовавшей Юрьеву дню (26 ноября) или следующей после него, когда был собран урожай и закончены осенние сельскохозяйственные работы. Уход крестьян предполагал серьезные трудности для служилых владельцев поместий, чьи земли становились бесполезными без людей, способных их обработать. В итоге пострадавшая сторона обратилась с прошением к царю, и с 1580 (1581) г. государство начало «временно» отменять Юрьев день в некоторых регионах. Таким образом, к середине 1590-х гг. все крестьяне, попавшие в «писцовые книги» (земельный кадастр), оказались официально привязанными к земле⁹.

В течение последних лет правления Бориса хаос, царивший в государстве, приводил к неповиновению крестьян, а иногда и землевладельцев, все более игнорировавших официальные предписания или просто действовавших по своей воле. Горожане нередко совершали то же самое, так как их обязанности также росли, а свобода всячески ограничивалась. Широкие открытые равнинные территории и непроходимые леса упрощали возможности побега. Казну заполнили прошения от землевладельцев и городских общин о поиске и поимке беглых, без которых не выплачивались в нужном объеме налоги и не выполнялась служба. Поскольку земельная перепись производилась в разных местностях, их жителям все труднее становилось исчезнуть, а задача по их поимке несколько упрощалась.

Из-за возросшего количества прошений Годунов в 1597 г. издал указ, устанавливавший пятилетний срок для произведения сыска беглых людей. Это помогало не перегружать работой военных и суды. В 1607 г. срок был увеличен до пятнадцати лет. Позже, в XVII в., срок давности отменяют вовсе. Таким

образом, давление долгов, фискальные нужды государства и экономические потребности землевладельцев привели к потере крестьянами относительной свободы и закрепили их, фактически сделав рабами¹⁰.

Мощь государства была спасена, но не благодаря институтам, которые пытался создать Иван IV и которые, отражая надежды и потенциал местных общин, могли обеспечивать обратную связь, а посредством узаконивания личного деспотизма. Личная прихоть, а не закон и социальные институты, становилась основой политической власти. Сам термин «государство» содержал в себе оттенок слова «владение»¹¹.

Для того чтобы бремя подобного правления воспринималось как законное, правитель сам должен был обладать неоспоримой властью. Борис таковой не обладал. Более того, он реагировал на слухи, сплетни и тайные разговоры созданием специальной службы, занимавшейся доносами, арестами, высылкой и заключением в тюрьму главных противников царя. Его самый очевидный соперник — боярин Федор Никитич, глава семьи Романовых, был принужден к постригу и принял в схиме имя Филарет. Сын Федора Михаил и другие члены семьи были сосланы, а некоторые из них умерли при неясных обстоятельствах, вызывавших подозрение о возможности убийства.

Смутное время

Царь являлся «помазанником Божиим», и государство было тесно связано с личностью правителя. Этот укоренившийся в сознании населения принцип, а также отсутствие промежуточных институтов власти и корпоративных организаций приводили к тому, что оппозиция могла утвердиться лишь за счет дискредитации личности монарха. Вот почему она подчеркивала, что на троне царь «незаконный», «ненастоящий» и его должен заменить восстановленный в правах «истинный царь»¹². Борис в данной ситуации находился в особенно невыгодном и крайне уязвимом положении.

В 1603 г. в Польше появился молодой человек, объявивший себя царевичем Дмитрием, чудом избежавшим смерти. На самом же деле это был Григорий Отрепьев, некогда младший боярин, монах, возможно, поддержанный Романовыми ради реализации их планов, направленных на свержение Годунова. Однако, выбрав Польшу своей базой, Григорий стал инструментом различных сил. Польская церковь только что создала Униатскую церковь и желала ее распространения на территории всей Руси. Поляки также были заинтересованы в создании общеевропейской коалиции, включавшей и Москву, в целях противостояния татарам и туркам, несшим постоянную угрозу с южных границ. Московский царь, субсидируемый католиками, мог прекрасно осуществить обе функции. В этом случае становилось возможным объединение двух корон, как это раньше произошло с Литвой.

При поддержке польских магнатов, иезуитов и самой польской короны Лжедмитрий пересек московскую границу, где привлек на свою сторону различные силы: настроенных против Годунова родовитых бояр; ущемленных служилых дворян с южной границы; казаков, вновь заявлявших о своей воле; крестьян, столкнувшихся с новыми повинностями, и всех несчастных и голодных. Некоторые из них воспринимали Лжедмитрия как личность, подобную Христу, воскресшего столь же чудесным образом. По сути, Дмитрий спровоцировал мятеж на юге Московии, бунт людей, живших в Диком поле, и тех, кто нес бремя экономического кризиса и обороны. В центре же и на севере дела обстояли несколько лучше. Однако против государственных войск Григорий оказался бессилён. Только внезапная смерть Бориса в апреле 1605 г. открыла для него ворота столицы.

«Царь Дмитрий» был провозглашен народом, коронован в Успенском соборе и, казалось, с успехом мог добиться целей, реализации которых ожидали от него «спонсоры». Но набожные москвичи вскоре заметили, что православный царь имел в советниках иезуитов, не соблюдал во всей строгости постов и не настоял на том, чтобы приехавшая из Польши невеста Марина Мнишек приняла перед свадьбой православие. К тому же он не мог согласовывать порой противоречи-

вые требования своих сторонников. В мае 1606 г. он грубо оскорбил православных, женившись на Марине и устроив пышное празднество по поводу свадьбы в пятницу, день поста. Бояре, не получившие выгоды от восхождения Григория на трон, остались крайне недовольны, а городское население устроило погром польских гостей. «Дмитрия» убили, а Марину арестовали.

Василий Иванович Шуйский, глава знатного боярского рода, был провозглашен царем без всякой соборности (то есть без созыва какого бы то ни было собора). Он претендовал на законность власти, так как являлся представителем старшей линии династии Рюриковичей. Однако в деле объединения населения он преуспел не больше своего предшественника. Некоторые бояре противостояли ему по соображениям родового соперничества. Главную же опасность представляли казаки, отказавшиеся подчиняться власти Шуйского, который в их глазах не был «истинным царем». Оппозиция в их лице стала мощной нотой социального протеста, выразившегося в восстаниях. Особенно активное противостояние Шуйскому шло с юга и востока страны. Беглый холоп Иван Болотников возглавил армию и выпустил прокламацию, не сохранившуюся до наших дней, но явно призывавшую бедных и угнетенных убивать бояр и купцов и захватывать их собственность. Казаки, беглые холопы и крепостные, а также недовольное служилое мелкопоместное дворянство примкнули к его знамени. Иван стал продвигаться в северном направлении и даже подошел к самой Москве. Однако многие служилые дворяне, обеспокоенные крестьянскими требованиями свободы, бросили Болотникова. Шуйскому удалось собрать достаточно сильную армию, способную не только противостоять отрядам Ивана, но и нанести им поражение. Затем Шуйский установил в государстве полицейский режим, еще более жесткий и строгий, чем при Годунове. Этот режим вернул хозяевам многих беглых крестьян. А еще Василий начал регистрацию крепостных и наказывал землевладельцев, укрывавших беглецов.

«Самозванчество» в стране стало принимать формы хронической болезни: появился новый Лжедмитрий, дважды уже «спасшийся» от убийства. Он был хорошо известен как пре-

зренный вор. Подобно своему предшественнику самозванец заручился поддержкой польской знати. Но, так и не взяв столицу, он встал военным лагерем около Москвы, в Тушине (позже на этом месте будет построен первый московский аэродром). Там к нему присоединились последователи прежнего Лжедмитрия, включая даже Марину, его вдову, признавшую самозванца. Лжедмитрий II создал свой собственный двор и стал готовиться к осаде столицы. Шуйский, отчаявшись освободить Москву, обратился за помощью к северным и восточным городам. Он также расширил арену конфликта, заключив соглашение со Швецией, по которому в обмен на военное сотрудничество та получала территорию у Финского залива. Для шведов это была великолепная возможность: они надеялись расширить свои карельские владения в восточном и южном направлениях и в конечном итоге присвоить наследие Новгорода, чтобы обогатить свою скудно обеспеченную родину. С другой стороны, поляки были обеспокоены тем, что действия Шуйского ставили под угрозу их имперские планы. В мае 1609 г. польский сейм проголосовал за вмешательство короля Сигизмунда III в шведско-русские отношения. Пока шведы помогали Шуйскому одержать победу в Тушине, польские войска осадили Смоленск.

Военная кампания Шуйского провалилась, а сам он в июле 1610 г. оказался свергнут в ходе городского восстания. Тогда же бояре заключили сделку с поляками, согласно которой сын Сигизмунда III Владислав становился царем, что вело к личной унии с Польшей. В то время это казалось лучшим путем сохранения боярского правления. Условия, выдвинутые боярами, представляют особый интерес, так как они отражали стремление к определенной корпорации и защите их прав, что могло привести к становлению на Руси подлинной аристократии. Они были готовы на коронацию Владислава, если бы тот согласился поддерживать Православную церковь (по более поздней версии, он должен был сам принять православие) и гарантировал права держателям частных поместий на честный суд и невозможность лишения их статуса без веской причины. Верховная власть делилась бы между Боярской думой и Земским собором, образовывавши-

ми один институт (*дума бояр и вся земля*). Именно к этому институту власти переходило бы право устанавливать налоги и уровень оплаты служилым людям, а также решение вопроса о предоставлении вотчин и поместий. Принятие подобного документа могло бы заложить базу для конституционной монархии в России и ее личной унии с Польшей¹³.

Для реализации этого соглашения польские войска были впущены в Москву, а большая делегация, включая Филарета (которого Лжедмитрий II назначил патриархом, а Шуйский снял с должности в пользу своего кандидата Гермогена), отправилась в Смоленск для встречи с Сигизмундом и обсуждения деталей возведения его сына на трон. Однако Сигизмунд неожиданно для делегации проигнорировал ее план приведения к власти Владислава и объявил о намерении самому править на Руси, объединив московский и польский троны. Делегаты обратились за советом к патриарху Гермогену, который рекомендовал им не соглашаться ни на какое предложение, пока новый царь не примет православие. Затем он выступил с публичным заявлением, в котором призвал не подчиняться римско-католическому правителю. Переговоры прервались, а участники московской делегации были заточены поляками в тюрьму. В темнице оказался и Гермоген, умерший в своей камере в январе 1612 г.

Последующие события показали, что воззвание Гермогена стало главной поворотной точкой в истории Смуты. Православие, как ни одна другая сила, обладало способностью объединять различные слои московского общества. Послание митрополита Макария об особой миссии православной державы, десятилетиями повторяемое с амвона каждой церкви, принесло свои плоды. Бояре, занимавшие высшие должности в государстве, во времена кризисов или спорного правления теряли свои властные функции, попытка же преодолеть внутренние противоречия в стране с помощью польского короля стала свидетельством не только их слабости и разобщенности, но и неблагонадежности, готовности к национальному предательству.

Поэтому кто-то другой должен был объединять нацию, устанавливать стабильность в обществе и изгонять иностран-

цев. В 1610—1611 гг. эта задача казалась невыполнимой. И все же она была решена. Ведущую роль в спасении страны сыграли церковь и мирские общины (миры) севера и востока, новые регионы Московии, достаточно богатые и наименее затронутые кризисом. Перед смертью Гермоген начал отправлять письма старшинам городских собраний, призывая их собрать земскую рать и предотвратить окончательное подчинение Москвы неверными. После его смерти Авраамий Палицын, келарь Свято-Троицкого монастыря, продолжил эту деятельность.

Первая попытка собрать земскую рать провалилась из-за столкновения между интересами казаков, беглых, желавших полного восстановления воли, с одной стороны, и купцов, священнослужителей, служилой знати и бояр — с другой стороны, считавших, что Русь не могла существовать без своего рода государевых людей. Русский землевладелец Прокопий Ляпунов, попытавшийся возглавить ополчение, был убит лидерами казаков, нетерпеливо настаивавших на выполнении своих требований.

И все же вскоре была совершена вторая попытка. В сентябре 1611 г. старшины Нижнего Новгорода, ведомые торговцем Кузьмой Мининым, начали создавать новое ополчение, призывая к участию в нем другие города. Они рассылали повсюду послания, предлагая подписываться в знак одобрения под словами: «...да пребудем мы вместе в согласии... православные христиане в любви и единстве, да не станем терпеть нынешние беспорядки, а станем воевать без устали до смерти, дабы очистить Московию от врагов наших, поляков и Литвы»¹⁴. Князь Дмитрий Пожарский, потомок старого княжеского рода, возглавил ополчение.

Важно учесть то, что движение за национальное возрождение началось именно в Нижнем Новгороде. Названный в честь ведущего торгового центра старой Руси, он стал своеобразным складом, куда стекались богатства северных лесов, озер и рек, а затем расходились по Волге и другим коммерческим артериям по всему государству. Тут сфокусировались как товары со всей Руси, так и вся ее система сообщений. К тому же здесь сохранялось самоуправление, а острый соци-

альный конфликт, раздиравший в годы Смуты центр страны, практически отсутствовал.

Программа Нижнего Новгорода отвергала идею правления «разбойника и его последователей» или неправославных христиан. На этой основе и создан был военный совет, включивший элиту Руси. Пожарский собрал свое ополчение в Ярославле, большом городе на Волге, находившемся ближе к Москве. Там под нажимом Палицына к нему присоединились некоторые казаки. Оттуда в октябре 1612 г. он смог взять столицу штурмом и изгнать польский гарнизон. Тем временем военный совет разослал приглашения всем городам и районам, чтобы те отправили своих «лучших, самых здравомыслящих и надежных людей» в *Совет всея земли*, который и избереет нового царя.

На этом Совете в феврале 1613 г. Михаил Романов, сын Филарета, стал выбранным царем. Это торжественное событие часто изображалось как конечная стадия в восстановлении русских национальных сил и завершение Смутного времени. На самом же деле оно не решило всех проблем, русское общество продолжало раздирать конфликты, в то время как значительная часть территории оставалась в руках иноземных держав. Многие бояре предпочитали пригласить на русский трон члена иностранной королевской семьи, предполагая, что человек со стороны скорее обеспечит связь между боярскими родами, чем «свой», один из них. Сразу же после освобождения Москвы от поляков самым предпочтительным кандидатом стал Карл Филипп, младший брат Густава Адольфа из Швеции. Одно из приглашений, адресованное ему, гласило, что, «имея его как правителя, русское государство, как раньше, пребудет в мире и спокойствии, а кровопролитие прекратится». Это послание напомнило эпоху восточных славян, которые для тех же целей решили много веков назад призвать варягов. Некоторые бояре, поддерживавшие Карла, выдвигали условием восхождения короля на русский трон его обязательное крещение по православному обряду. Другие же даже не настаивали на этом, так как антипротестантские настроения на Руси намного уступали по своей остроте антикатолическим.

В начале 1613 г. Совет находился на стороне Карла Филиппа, но казаки и горожане выступали в Москве против идеи приглашения иноземного кандидата. Они обвиняли бояр в желании выбрать незнакомого и чуждого Руси человека, чтобы управлять страной в своих интересах и получать львиную долю доходов. Их кандидатом стал Михаил Романов. Так как он являлся членом семьи первой жены Ивана IV и племянником последнего царя-Рюриковича, его избрание в какой-то степени олицетворяло бы возврат к досмутным временам и традициям. Сторонники Михаила делали ставку на это преимущество, распространяя миф о том, что царь Федор Иванович, умирая, завещал трон Федору Никитичу Романову, отцу Михаила (то есть митрополиту Филарету, который находился в это время в плену у поляков)¹⁵.

Авраамий Палицын также выступил в пользу Михаила. Согласно его словам, «многие мелкопоместные дворяне и меньшие бояре, купцы из разных городов, атаманы и казаки — все пришли открыто и выразили свои мнения. Они принесли с собой заявления, касающиеся избрания царя, нежелания видеть иноземца на троне, и просили их вручить правящим боярам и воеводам». Авраамий выполнил их поручение. По официальной версии, «бояре и воеводы» его «...слушали и благодарили Бога за столь славное начало». На следующий день Михаил был избран, несмотря на молодость (ему было всего лишь семнадцать лет) и неопытность, а также опасность того, что близкий родственник царя находился в польском плену¹⁶.

Ни у кого не возникло и мысли о возможности предьявить новому царю какие-либо условия или ограничить его власть. Большинство участников Совета, очевидно, ощущали необходимость в авторитарном правителе, чья власть была бы признана всем обществом. Вместе с тем становиться царем в условиях острейшего кризиса было делом опасным и во многих отношениях неблагоприятным. Михаила, находившегося в семейной резиденции в Костроме, с большим трудом удалось убедить принять на себя ответственность. Будущего царя пришлось уверить в том, что его кандидатура получила широкую поддержку, а временное правительство смогло очистить дороги и деревни от банд мародеров, дабы сделать безопасным его путь в Москву на коронацию¹⁷.

Сразу же после церемонии коронации Михаил приступил к выполнению своих обязанностей. Он был вынужден послать войска во все не занятые иностранцами города. При этом царь попросил их жителей о материальной поддержке и дополнительных налоговых взносах, которые помогли бы привести армию в нормальное состояние, подавить действия казачьих банд, захватить разбойников, восстановить закон и порядок и возродить экономику разоренного государства. Государь обратился также к владевшей доходными предприятиями на Урале семье Строгановых с просьбой об особой материальной поддержке, которую она и оказала. Снова богатство недавно завоеванных и присоединенных восточных земель пришло на помощь находившемуся в опасности центру. Ясно, что без новых приобретенных территорий Русь не смогла бы пережить Смуту. Северные леса, приволжские земли и Сибирь спасли ее от раздела между Швецией, Польшей и Османской империей. Россия как евразийская империя становилась реальностью, а ее европейская и азиатская части взаимно зависели друг от друга¹⁸.

Восточная экспансия

Присоединение народов бывших Казанского и Астраханского ханств дало Московской Руси первый опыт колониального управления. Русские купцы, священники, казаки и крестьяне призывались заселять новые территории, использовать преимущества новых экономических возможностей, появившихся благодаря завоеванию всего бассейна Волги, строить и заселять крепости на новых границах, а в итоге утверждать здесь сильное русское этническое присутствие.

Подавив ранние восстания, направленные на восстановление ханств, московские власти начали вести политику уступок по отношению к главным местным этническим группам — мари, чувашам, черемисам, мордвинам и удмуртам. Им был дан статус «ясачных народов», то есть народов, которые облагались данью. Это означало, что они не могли стать крепост-

ными или слугами. Официальных лиц проинструктировали о том, что их нельзя «раздражать, отягчать их существование», а нужно выказывать «благожелательность и дружелюбие» при сборе дани. Запланированная ранее кампания по крещению была отложена, как только стало ясно, что она вызовет негодование и, следовательно, подорвет мир и порядок. В то же самое время местным людям запретили носить оружие. Кроме того, они должны были вносить залог за свое лояльное поведение.

Власти попытались убедить татарских мурз (дворян) принять христианство, однако новая вера не настолько им навязывалась, чтобы вызвать враждебность. Даже те татары (а их было большинство), которые остались мусульманами, были приняты в ряды русской имперской знати. Подобная уступка имела странный и неожиданный эффект: в некоторых местах землевладельцы-мусульмане легально владели русскими православными крестьянами. Это стало самым верным признаком того, что уже с конца XVI в. Российская империя начала брать верх над зарождавшейся русской нацией¹⁹.

К середине XVII в. социальная стратификация в регионе Волги напоминала многослойную луковицу. Русские преобладали на относительно небольших самых высоких и самых низких ярусах, а местное население на гораздо больших средних. Низший уровень состоял из личных крепостных, в основном неудачливых поселенцев. Они обладали более низким статусом, чем ясачные люди. Религиозная и этническая ассимиляция в целом направлялась «вверх», то есть некоторых русских тянули к исламу или анимизму. С другой стороны, нерусским становилось все тяжелее подниматься на высшую ступень без принятия христианства²⁰.

Но к тому времени границы государства передвинулись. После завоевания волжских ханств открылся путь к центральной и южной частям Урала, то есть к богатым лесами, озерами и реками землям, которые Новгород и Москва уже начали осваивать с севера. В 1558 г. Григорий Строганов, член богатой, в прошлом крестьянской семьи, выгодно использовавший соляные рудники в Сольвычегодске, получил от Ивана IV право колонизировать свободные территории

вдоль Камы. Он мог взимать налоги и таможенные пошлины в течение 20 лет, а взамен обязался обеспечивать защиту границы от ногайских и татарских наездников. Там в последующие десятилетия Строгановы установили торговую семейную империю, по-прежнему специализируясь на добыче соли, но занимаясь и рыболовством, охотой, горным делом и сельским хозяйством. Они защищали свои приобретения при помощи укрепленных городов, населенных стрельцами, как и оговаривалось в данном им разрешении²¹.

Кучум, хан Сибири, столицей которой являлся Искер, располагавшийся за Уральским хребтом, рассматривал эту территорию как свою собственность и совершал постоянные набеги, используя войска, набранные из местных манси и хантов. Строгановы обратились к казакам, пригласив их принять участие в защите русских земель. Среди них был донской казак Ермак Тимофеевич, находившийся в бегах и участвовавший в кампании против Ногая. Поддерживаемый Строгановыми, Ермак в 1582 г. возглавил экспедицию через Уральские горы. Его отряд не только разбил татарские войска, но и захватил Искер, несмотря на явное количественное превосходство вражеской армии (однако не обладавшей огнестрельным оружием)²².

Царь быстро распознал потенциальную значимость победы Ермака и выслал подкрепление и воеводу. Помощь прибыла, но лишь после того, как казаки, потерпев ряд поражений от татарских войск и потеряв Ермака в засаде в августе 1584 г., были уже отброшены назад. Однако в 1586 г. новоприбывшие русские люди построили крепость Тюмень на реке Туре, а в следующем году — Тобольск, на самом западном изгибе Иртыша. Местные татарские князья и их вассалы были подчинены царской службе. Вместе с казаками они способствовали окончательному поражению Кучума в 1598 г. и подчинению его ханства Руси.

Теперь путь к равнинным землям Сибири был открыт. К 1620 г. русские войска начали освоение территории, простиравшейся до Енисейской долины, в 1627 г. построили крепость Красноярск, а в 1632 г. уже другую, Якутск, на реке Лене. В 1643 г. они открыли озеро Байкал, а к 1648 г., дойдя до Охотского залива, достигли берегов Тихого океана.

Конечно, это проникновение в дикие земли нельзя назвать территориальной оккупацией. Группы искателей приключений, совершавшие подобные открытия, состояли из казаков и разбойников, готовых жертвовать своими жизнями за возможный большой доход, полученный как от местного населения, так и благодаря торговле мехом. Европейские дворы эпохи Возрождения жаждали все более экзотических мехов — куницы, соболя, горносталя — то есть тех животных, которые давно уже были истреблены на Западе. Привезти несколько шкурок нужного зверя означало для купца обеспеченную жизнь. Государственный доход от торговли мехом увеличился в период с 1589 г. по 1605 г. в три раза и вырос в восемь раз к 1680-м гг., составляя в то время десятую часть общего дохода. Численность ценных животных из-за охоты вскоре сильно сократилась. Именно этим и можно объяснить столь быстрое продвижение на восток. В каком-то смысле колонизация Сибири являлась своего рода «меховой лихорадкой», аналогичной «золотой» в Калифорнии середины XIX в.²³

Местные племена не могли предотвратить эксплуатацию своих территорий, так как не имели огнестрельного оружия и навыка совместных действий. Племена часто были разобщены из-за старых острых распрей. Некоторые племена приветствовали появление пришельцев, щедро плативших им за меха, которые не представляли для туземцев особой ценности. Другие же боролись по мере своих скромных возможностей. Особенно рьяно это делали самоеды в арктических регионах Западной Сибири, буряты, тунгусы и якуты восточнее. Сопrotивление и бунт всегда жестоко подавлялись при помощи всех имевшихся сил. Впоследствии поселенцы, а позднее воеводы и их должностные лица будут избирать лидеров племен для сбора ясака. Каждое племя предоставляло властям несколько заложников, пока не будет сдано определенное количество шкурок.

Русские должностные лица понимали, насколько уязвимо положение поселенцев, и делали все возможное, для того чтобы избежать отчуждения или провоцирования местных жителей. Их верования, традиции и юридические системы большей частью оставались нетронутыми, хотя ясак и наложил

на них отпечаток. В соответствии с неизменными предписаниями Сибирской канцелярии (создана в 1637 г.) налоги, как и на Волге, должны были взиматься «с добротой и мягкостью, а не с жестокостью». Однако на практике это означало лишь доброту, достаточную для достижения результата, но при необходимости для получения требуемой дани использовались и карательные меры²⁴.

Поселение называлось *острогом* (деревянная крепость, огороженная частоколом), в котором находились церковь, административное здание для служащих, обеспечивавших сбор налогов и рекрутские наборы, а также несколько жилых домов. Многие русские, жившие в подобных поселениях, по сути, находились в движении, в постоянном поиске лучших возможностей или в бегах от правосудия. Некоторые крестьяне пришли на юг Западной Сибири из-за относительно плодородной земли и климата, который был здесь мягче, чем на востоке и севере. С другой стороны, обширные территории и удаленность региона делали его раем для беглых и бродяг, ушедших от крепостничества, или не пойманных разбойников, чьи нападения как на местных, так и на поселенцев делали жизнь в Сибири похожей на жизнь «Дикого Востока»²⁵. Пойманные разбойники тоже обычно заканчивали свои дни в Сибири, используемой как место ссылки осужденных преступников-каторжников и военнопленных. Многие из них позже набирались в казаки и теперь должны были наводить порядок и противостоять себе подобным.

Приобретение столь обширной территории изменило природу растущего Русского государства. К середине XVII в., то есть через несколько десятилетий после Смуты, государство, все еще известное как Московия, стало самой большой на земле империей, населенной различными народами, обладавшей различными регионами, климатическими поясами и типами хозяйств. В этой разнородности она превосходила всех своих соперников. Она старалась использовать свои особенности и возможности, стремясь к выполнению миссии, обусловленной статусом «святой Руси». С другой стороны, ни один из присоединенных народов не исповедовал христианство: Россия стала евразийской империей, населенной не

только православными, но и множеством анимистов, буддистов и мусульман. Она завладела территориями, таившими несказанное богатство людских и природных ресурсов, но лишь малая часть этого богатства могла использоваться из-за огромных расстояний и трудностей климата. И для русских властей Сибирь стала своего рода свалкой для преступных и нежелательных элементов. Она представляла собой придаток, никогда не знавший реалий русской жизни, таких, например, как служилое дворянство или крепостное право. В то же время защита этой территории являлась весьма ответственным делом, так как непрерывные миграционные потоки на восток оставляли южную границу крайне уязвимой. Она оказалась незащищенной на протяжении тысячи километров степей и пустынь. Это была наиболее драматическая тенденция России, определенная ее геополитическим положением, — расширять свои территории, доступ к которым облегчился после падения всех наследников Монгольской империи, пока она не сталкивалась либо с естественными непреодолимыми границами, либо с другой сильной державой, способной оказать эффективное сопротивление и установить более прочную политическую границу.

Тихий океан представлял собой природную границу (и то только до определенного момента, пока русские исследователи не открыли через проливы путь к Аляске). Политической границей стал Китай, бесспорно, сильная держава, хотя в 1650-х гг. еще и не окончательно оправившаяся от своей смуты, «трудного времени», последовавшего после падения династии Мин. (Бедствия Китая позволили казакам во главе с Ерофеем Хабаровым укрепиться в бассейне реки Амур, расположенном между северо-восточной Евразией и Китаем, Яблоновым и Становым горными хребтами. Здесь находилась своего рода Тихоокеанская Ривьера, теплее и плодороднее которой невозможно было сыскать во всей Сибири. Она стала потенциальной житницей, служащей для пропитания населения, и обеспечивала удобный торговый путь к Тихому океану. Хабаров покориł местные племена и установил систему сбора дани. Когда удрученные племенные вожди обратились за помощью к Китаю, он смог отразить их ранние

атаки благодаря наскоро собранным на границе с Китаем войскам. К тому времени, когда новая династия Маньчжу завершила завоевание Китая и узнала новость о том, что «пожирающие людей демоны» оказались на Амуре, русские были уже достаточно хорошо устроены и укреплены, и к ним в большом числе прибывали колонисты.

Сначала русские не соглашались на установление дипломатических отношений. Они отвергли предложение китайцев обеспечить стабильную торговлю в обмен на бассейн Амура. Однако после того как маньчжуры мобилизовали огромную армию и в 1685 г. взяли приступом русскую крепость в Албазине, пришлось сменить тактику и отказаться от подобной непримиримости. Эта территория находилась очень далеко от европейской части России и потому не могла быть защищенной от врагов. К тому же русские плохо ладили с местными племенами и сделали слишком мало для того, чтобы завоевать их расположение. Нерчинский договор (1689) представлял собой своего рода сделку, которую русские вначале отвергли. В соответствии с документом они должны были покинуть весь бассейн Амура в обмен на привилегии, получаемые от караванной торговли на пути, шедшем в Китай через Кяхту на реке Селенге. Руководители официальных делегаций были обязаны низко кланяться китайскому императору²⁶. Так был заложен фундамент для русско-китайских отношений последующих двух веков.

Почему Московия выжила

В течение первых двух десятилетий XVII в. Московии грозило разрушение и уничтожение. Государство выстояло благодаря трем основным факторам: 1) силе и сплоченности местных мирских общин (миров) города и деревни; 2) богатствам территории северо-востока и Урала, которые позволили финансировать ополчение; 3) присутствию и влиянию Православной церкви, объединявшей действия различных социальных классов с противоположными интересами.

Окончательная военная победа ополчения и удачный созыв Земского собора показали, что тенденция к общественной разобщенности в Московии могла быть преодолена и что на Руси потенциально существовал единый народ. Люди стояли за автократическую монархию и полагали, что эта форма правления — от Бога и должна подчиняться лишь Божьему закону, но не земным правилам, соглашениям или учреждениям.

Степень разорения государства во время Смуты трудно преувеличить. При этом следует учесть, что ее негативные последствия были усилены экономическим спадом, наступившим еще во второй половине правления Ивана IV. Пагубное влияние войны и взаимное недоверие, порожденное анархией и разбоями, фактически привели к прекращению и без того скромного экономического обмена на территории Центральной и Южной России. Особенно пострадали города, и некоторым потребовалось сто и более лет для восстановления. Лишь на севере и востоке, где разрушительные последствия раздоров были не так ужасны, продолжалось нечто похожее на нормальную экономическую жизнь. В результате именно эти регионы и богатства Сибири оставались основными источниками государственных доходов на протяжении большей части XVII в.²⁷

После того как страна вышла из кризиса и система управления начала восстанавливаться, как бы сами собой вновь возникли нерешенные вопросы XVI в. Какова миссия Московии? Существовало три взгляда на ее развитие: 1) как центра восточнохристианской экумены, наследницы Византии — хранительницы православия; 2) как русского национального государства, то есть национального дома для всех восточных славян; 3) как северной евразийской многоэтничной империи и великой европейской державы.

Все три варианта развития России, правда, в различных сочетаниях своих элементов, а не в качестве единой и цельной программы, присутствовали в воззрениях тех или иных государственных деятелей и священнослужителей XVII в. На деле же, как показала практика, эти модели развития России оказались не вполне совместимы.

Жизнь в городе

Сфера распространения торговли и промышленности в целом была ограничена местными рынками деревни и небольших городов. На этих рынках доминировали крестьяне, занимавшиеся торговлей в то время года, когда их не отвлекали сельское хозяйство и рыбный промысел. На ярмарках, периодически проходивших в крупных городах, преобладали странствующие купцы, которые вели более обширную и активную торговую деятельность. Самая крупная ярмарка начиная с 1624 г. проводилась каждый июль и август в Нижнем Новгороде, располагавшемся на удобных речных путях, обеспечивавших доступ к рынкам от Балтики до Среднего Востока²⁸.

В некоторых городах открывались торговые центры — гостинные дворы, где товар размещался под сводами (пассажами) на специальных стеллажах, составлявших ряды, и каждый ряд предназначался для определенного вида продукции. Гости — крупные купцы, имевшие лицензию на провоз иностранного товара и значительных сумм, а также право на управление основными таможенными пунктами, сами не вели розничную торговлю в пассажах. Они обладали привилегией производить спиртные напитки, освобождались от постоянной повинности, некоторых налогов и от обязанности предоставлять лошадей и повозки почтовой службе. Они могли вести свои дела и тяжбы напрямую через царя или его представителей, а не Боярскую думу или приказные суды. Другими словами, их статус приближался к статусу самых привилегированных придворных, хотя их состояния, не обеспеченные земельной собственностью, находились в значительно меньшей безопасности и редко сохранялись для следующего поколения²⁹.

Таких крупных торговцев существовало немного, редко больше тридцати на всю империю. *Гостинная* и *суконная* сотни были более многочисленны, но они обладали меньшими привилегиями. Большинство гостей жили в Москве и, помимо собственной торговли, нередко занимались государственными монополиями. Монополии вели торговлю самыми доходными товарами: мехом, солью, краской, углекислым калием (поташем), кожей и, конечно, водкой. Так как торговля этими то-

варами подразумевала акцизные выплаты, шедшие в казну, купцы часто собирали и другие налоги — иными словами, становились государственными откупщиками³⁰.

Международная торговля велась в основном через иностранных купцов, имевших больший доступ к кредитам и грузоперевозкам, чем русские. Последние же негодовали из-за того, что иностранцы доминировали в самой выгодной сфере торговли, и время от времени подавали царю петиции и просили урезать права чужестранных коллег. Свою просьбу они обосновывали тем, что иностранцы не несли такого бремени различных налогов, как русские купцы. Царь обычно игнорировал подобного рода прошения, так как иностранцы в отличие от своих могли предоставить государству займы, были незаменимы в приобретении оружия или предметов роскоши. Гости обменивались товарами с заграничными купцами во всех портах. Василий Шорин, например, сотрудничал с голландцами и англичанами в Архангельске и с восточными коллегами в Астрахани. Он продавал им меха, шкуры, пеньку и сало взамен на их товары, как правило, предметы роскоши, такие, как бархат, атлас, шелк, бумага, специи и краски. Эти продукты могли быть выгодно проданы при дворе и в больших городах. Кроме того, он вел внутреннюю торговлю жизненно необходимыми товарами — рыбой, солью, зерном. Для их продажи он использовал собственный речной торговый флот³¹.

В России даже высшая категория купцов не имела своей собственной организации. Сотни образовывались и поддерживались государством как агентства царских монополий и своего рода официальная служба, включавшая сбор откупов и ростовщичество. Можно себе представить и степень их риска: кражи, пожары и кораблекрушения случались очень часто, а системы страхования не существовало. Условия контрактов и займов нередко нарушались, а заставить их уважать могли лишь те, у кого имелись могущественные покровители. По многим причинам купеческие семьи старались налаживать связи с двором и могущественными боярскими семьями. Покровительство и защита играли важную роль для получения кредитов и заключения контрактов³².

Не существовало и каких-либо представительных институтов, отражавших интересы всего городского населения. Бо-

лее низким (после купцов) слоем городского общества являлись *посадские* люди. Под словом «посад» изначально подразумевался пригород или квартал в городе. Позже посадниками стали называться люди, которые владели коммерческой или промышленной собственностью в стенах города. Они были объединены в общины, которые распределяли повинности и несли ответственность за их выполнение. В их обязанности входили строительство и поддержание в хорошем состоянии дорог и мостов, сбор налогов и акцизных выплат. Они также выполняли полицейские, караульные и пожарные функции. За несение всех этих служб посадским людям ничего не платили. Они всегда испытывали обиду на конкуренцию со стороны землевладельцев и торговцев, которые находились в более выгодном положении, ибо не несли подобных обременительных обязанностей³³.

Самую низкую социальную ступень занимали городские холопы (рабы). Они существовали уже в городах-государствах Киевской Руси, но в XVI — XVII вв. их численность заметно возросла. Максимальное количество холопов в начале XVII в. составляло 10 процентов всего населения. В то же время природа холопства изменилась: более широкое распространение получила система договоров с ограничением личной зависимости, однако на практике она нередко становилась полной. Холопы не могли выкупать себя или выплачивать свои долги.

Необычным являлось то, что московские холопы принадлежали к тому же этносу восточных славян, что и их владельцы. Подобную ситуацию можно расценить как историческую аномалию: рабы никогда не были соплеменниками тех, кто ими владел. Возможно, результатом этой особенности стало то, что московские рабы обладали большими правами на собственность и юридическую защиту, чем где бы то ни было. Они, например, имели возможность возбудить уголовное дело или быть судимыми и всегда обладали правом свободных людей на участие в службах Православной церкви.

Человек мог стать холопом, попав в плен во время войны, из-за долгов или продав себя в рабство. Необходимо отметить, что в Московии получил широкое распространение именно последний источник холопства. Люди продавали себя,

потому что голодали и не имели никаких средств социальной поддержки. Постоянные войны и открытость территории ухудшали положение множества семей, и для многих стать холопом богатого или могущественного человека представлялось простейшим выходом из очень тяжелой ситуации. Холопство означало освобождение от выплаты налогов, несения военной службы и других общественных обязанностей. В течение трудных последних десятилетий XVI в. число холопов заметно увеличилось, особенно в голодные годы (1568—1570; 1601—1603). В целом холопство являлось формой самообеспечения средствами к существованию в обществе, где родственные узы относительно ослабли, а государство не гарантировало защиту прав и минимальный уровень жизни своего населения.

В течение XVII в. правительство начало предпринимать определенные меры для ограничения рабства среди колонизированных в результате имперской экспансии народов. Например, в Соборном уложении (своде законов) 1649 г. несколько статей защищало татар и другие народы от порабощения, обеспечивало их статус ясачных народов, плативших дань.

К концу XVII в. рабство постепенно исчезло. По мере того как государство становилось сильнее, его все больше волновала проблема налогов и рекрутских наборов, вот почему оно и перестало поддерживать с помощью законов систему холопства. Так, в 1700 г. беглым холопам, служившим в войсках, просто разрешили остаться на службе. В то же время от «гулящих» людей, не поддававшихся социальной классификации, требовалась регистрация в налогооблагаемых поместьях, что означало их превращение в крепостных крестьян. Когда государство стало взимать налоги не с засеянной площади земли, а с домашнего хозяйства, крестьяне стали постепенно увеличивать его. Это вело к привлечению в крестьянское хозяйство холопов и спасало бедных от необходимости самопродажи в рабство. Наконец, произошло то же, что в свое время и в Римской империи, — статус крестьян практически стал тождествен статусу крепостных, и его уже невозможно было отличить от рабства (холопства). В 1723 г. крестьяне и холопы окончательно соединились в одну соци-

альную группу. Смятение и неразбериха просуществовали еще долгое время. Это ясно видно по тому, что крепостные часто продавались как движимое имущество (без земли), несмотря на официальные попытки властей запретить подобного рода практику.

В то же самое время государство открывало первые богадельни и требовало от монастырей лучшего обеспечения бедных жителей, особенно старых солдат, оставшихся без средств к существованию. Землевладельцев призывали создавать склады с запасами пищи на случай голода. Другими словами, функции обеспечения, ранее присущие холопству, выполнялись теперь другими инстанциями³⁴.

Восстановление после Смутного времени

После Смуты народ (за исключением разбойников и некоторых казаков, заинтересованных в беспорядках) стремился к миру и благосостоянию. Как показал Земский собор 1613 г., простые люди были глубоко консервативны во взглядах и искали стабильности в возрождении старины, хотя эти прошедшие времена не казались им раньше столь привлекательными. Они воссоздали — или даже скорее создали — монархию с неограниченной властью, наподобие той, какой хотел ее видеть Иван IV, но не смог воплотить в жизнь. Бояре и священники, осуждавшие Ивана, теперь полностью поддерживали неограниченную автократию, которая могла защитить их от восстаний и иностранных вторжений.

Михаил Романов (1613—1645) решил установить партнерские отношения как с «землей», так и с Церковью. Своей властью он обязан был им обоим и считал упорядочение отношений между ними не только выгодным, но и необходимым делом. Да и перед лицом проблем государственного масштаба царь не имел другого выхода и иных возможностей их решить. К тому же патриарх Филарет приходился царю родным отцом. Михаил дал ему титул великого монарха и патриарха и вверил неограниченную власть над территориями и функциями Церкви. В

целом Филарет использовал свои возможности и положение Церкви для того, чтобы стать главным в правящем дуумвирате (1619—1633). Основным направлением политики двух государей являлось продолжение сотрудничества с церковью и «землей», обеспечивавшими национальное единство, а также наблюдение за справедливостью распределения налогов и пошлин и выполнением знатью своих обязанностей³⁵. Как мы увидим далее, потребность в практическом и рациональном распределении служебных обязанностей приведет к созданию бюрократии, которая будет проводить необходимые переписи и составлять кадастры.

Первой важной задачей власти стало избавление от назойливых иностранцев и восстановление целостности государства. Ее можно было достичь, только заплатив немалую цену. Договор в Столбове (1617), положивший конец войне со шведами, вернул Новгород в состав Московского государства. Согласно договору Швеция признавала титул царя, но Россия уступала врагу Ингерманландию и восточную Карелию. Таким образом, Швеция в течение всего последующего столетия стала доминировать на Балтийском побережье, включая его самую восточную часть.

Поляки оказались еще менее сговорчивыми. Они не желали признавать титул Михаила, а в 1617—1618 гг. начали военные действия, которые привели их под стены Москвы. Однако у них не хватило сил для длительной осады, и в конце концов обе стороны согласились на прекращение войны и обмен пленными, что, помимо всего прочего, дало Филарету свободу действий в правительстве. Москва уступила Чернигов, Смоленск и некоторые другие западные территории.

Установление столь сомнительного мира еще раз показало то, что и так было очевидным: самой срочной задачей государства являлись укрепление и модернизация армии. Русская конница, способная справиться с кочевниками, не могла соперничать с современными пехотными войсками, снабженными огнестрельным оружием последних моделей и обученными наступать сомкнутым строем. Предполагаемый московский аналог воинов — стрельцы являлись солдатами «с неполным рабочим днем» (то есть частично занятыми по-

лупрофессионалами), привыкшими скорее к выполнению внутренних охранных функций и караульной службе при дворе, чем к обстрелам и быстрому маневрированию, присущим современным военным действиям.

Недостатки армии стали очевидными, когда в 1632—1634 гг. Москва попыталась воспользоваться участием Польши в Тридцатилетней войне и вернуть себе Смоленск. Для подготовки к кампании Москва стала нанимать по очень высокой цене иностранных пехотинцев (эти войска пользовались огромным спросом в Европе). В больших количествах закупались железо и свинец для отливки пушек и производства ядер. Для создания современного арсенала в Туле были приглашены немецкие (голландские) специалисты. Желавший скорейшего успеха и возвращения наемников, боярин М.Б. Шеин направил все свои войска на осаду Смоленска. Однако город он не взял из-за того, что не смог установить на нужные позиции тяжелую артиллерию. Потерпев поражение, наемные войска в массовом порядке бежали: им не доставало заинтересованности и стойкости польских защитников³⁶.

Москва нуждалась в своих собственных пехотных силах, обученных последней военной тактике, умению вести длительные операции и обладавших духом «чести мундира». С 1640-х гг. пехотинцы с мушкетами набирались как из-за границы, так и в самой России и обучались в соответствии со специальным военным руководством, привезенным из Голландии. Эти полки «нового строя», обычно управляемые иностранцами, брали на себя основной удар, воюя против европейских войск.

Их набор производился по-новому. Раньше землевладельцы должны были поставлять солдат в соответствии с площадью пахотной земли их поместий, теперь же солдаты набирались в рекруты в зависимости от количества домашних крестьянских хозяйств. Новая система предполагала простоту в подсчете и была приспособлена к существовавшей в крестьянской общине круговой поруке. Обычно брали одного рекрута с двадцати домов. В результате из простого народа солдат теперь набиралось больше, чем раньше, и служили они намного дольше. К 1680-м гг. армия состояла из 200 000 воинов, что было в два раза больше, чем сто лет назад. В то же время численность

населения вдвое не выросла, и доля служивших в армии взрослых мужчин значительно увеличилась, составляя теперь 4—5 процентов. Широкое распространение получило дезертирство, и если виновный не находился, община должна была дать ему замену. Дезертиры принимали весьма активное участие в различного рода общественных беспорядках³⁷.

Для того чтобы финансировать растущую армию, были максимально повышены налоги. Проще всего было обложить налогом соль, так как за ее производством велось наблюдение и она продавалась повсеместно. В 1646 г. царь Алексей Михайлович ввел единый высокий налог на соль, заменявший множество торговых пошлин. Это привело к несчастью, не только спровоцировав в 1648 г. «соляные бунты» в Москве, но и подорвав торговлю солью. Как отмечал А. Олеарий: «год спустя... оставалось только подсчитать, сколько же тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России едят больше, чем мяса), испорченной из-за неправильного хранения. А хранить ее не могли из-за высокой цены на соль. Да и соли продали намного меньше, чем раньше. Находясь на складах, она превращалась в соляной раствор»³⁸.

Наконец, стали взиматься и «стрелецкие деньги». Налог выплачивался наличными или натурой в течение всего века. Семь раз особые дополнительные налоги вводились в первые годы правления Михаила и восемь раз в период между 1654 и 1680 гг. Особенно остро испытали их бремя городские жители. Большая часть собранных денег уходила на содержание армии: например, в 1679—1680 гг. около 700 000 рублей (62 процента всего бюджета) было потрачено именно на военные нужды. Помимо всего этого, существовали и обязательные трудовые повинности, такие как гужевая перевозка, ремонт дорог и мостов, опять-таки в основном ложившиеся на городских жителей³⁹. Россия превращалась в «фискально-военное государство» быстрее, чем какая-либо другая держава в Европе. Вся ее социальная структура определялась необходимостью в рекрутах, сбором налогов и установлением различного рода государственных служб⁴⁰. В дополнение ко всему государство пыталось навязать официальную мораль, осуждавшую и запрещающую игру, пьянство, представления скоморохов, незаконное производство

спиртных напитков и рафинирование соли. Также оно стремилось выслеживать и ловить бродяг, беглых холопов и крепостных, регистрировать их, определять на местожительство. Для выполнения всех этих задач была необходима сложная и дифференцированная бюрократическая структура. Система приказов, или канцелярий, стала развиваться случайно, взяв начало с казначейства царских владений. Некоторые из новых служб отвечали за управление конкретными территориями, например, Казанский, Сибирский приказы и т.д. Другие же выполняли особые функции, многие из которых мы рассматривали раньше. Например, существовали Челобитный приказ, принимавший жалобы, казна и Посольский приказ. Поместный приказ занимался выдачей поместий и следил за выполнением владельцами поместий своих обязанностей: он начал нанимать землемеров для определения территориальных границ и решения споров между землевладельцами. Разрядный приказ составлял и контролировал военные уставы. Разбойный приказ наблюдал за расследованием серьезных преступлений (убийство и грабеж) и вынесением приговоров преступникам. Один из самых важных, Приказ тайных дел, был создан в 1654 г. Он напрямую доводил до сведения царя различную информацию и следил за деятельностью других канцелярий⁴¹.

Распространение подобных учреждений предполагало рост количества чиновников и официального персонала в целом. К середине XVII в. в центральных и местных канцеляриях работало около 1600 человек; к 1700 г. их число возросло до 4600. Их метод ведения официальных дел отличался излишней беспристрастностью, формализмом, граничившим с обезличиванием. Такой чиновничий подход нередко обижал простых людей, привыкших видеть монаршую власть как нечто личное, человеческое и опиравшееся на традиционные или предопределенные свыше нормы морали⁴².

На местах у воеводы находились представители самых важных приказов. Воевода должен был наблюдать за их взаимодействием с институтами «земли», особенно с *губой*, миром и волостью. На практике же воевода со своими помощниками являлся в этих отношениях главным, так как обладал большими ресурсами, чем мирские и волостные собрания.

Это не означало, что всем полностью и до мелочей управляло государство. Оно не смогло бы, да даже и не пыталось это делать. Наоборот, государство стремилось к сотрудничеству с местными общинами, ибо без их поддержки невозможно было обеспечить порядок и добиться эффективной мобилизации ресурсов державы. Общины решали вопрос о точном распределении различных обязанностей, налогов и тому подобное. Воплощали же в жизнь эти решения избранные люди, действовавшие в процессе их реализации и как представители общины, и как правительственные официальные лица низшего уровня. Среди них находились сборщики акцизов и налога на водочную продукцию, представители администрации — земские старосты и представители правосудия — губные старосты. Последние отвечали также и за поддержание порядка. Каждый имел своих помощников и писцов.

Особая трудность для власти заключалась в подборе кадров, так как служба на местах была нелегкой, а ее исполнители не только не получали денег, но и несли финансовую ответственность за совершенную ошибку. Если должность оставалась вакантной, местный воевода обычно направлял для ее замещения своего официального представителя. Северные регионы в этом отношении были более самостоятельны, так как находились в отдалении и обладали ограниченным числом землевладельцев из служилого сословия (или не обладали таковыми вообще). Здесь местные общины имели бóльшую независимость от воеводы, а соответственно и больше возможностей для самоуправления.

Между правительством и местными общинами существовал своего рода обмен мнениями. Он проходил в форме собраний представителей «земли», которым историки дали название Земского собора. Этот собор едва ли можно считать зародышем парламента, так как он не имел единого статуса, а его участники не избирались привычным образом: мирские и волостные собрания были слишком малы и удалены от центра, для того чтобы регулярно посылать туда своих делегатов, а промежуточных институтов не существовало. Обычно члены Земского собора выбирались царем из местных служилых людей, попавшихся властям под руку в Москве.

С другой стороны, пока эти собрания существовали, они предоставляли царю форум, где правитель мог выслушать жалобы хотя бы некоторых своих подданных и оценить реакцию на его собственные планы и планы советников. Это приобретало особое значение в то время, когда государству грозила война. Земские соборы являлись по крайней мере рудиментарной формой общественной обратной связи и следили за тем, чтобы назначенные лица не злоупотребляли властью. Соборы представляли своего рода арену, где традиционные, определенные Богом границы монархической власти становились осязаемыми и четко очерченными. Когда же созыв Земского собора прекратился, «земля» постепенно лишилась возможности участвовать в решении государственных дел, а гражданская база русской государственности не получила своего развития⁴³.

Предложения и жалобы мира и волости оформлялись в виде коллективной челобитной. (Название возникло от выражения «бить челом». Обычай бить челом пришел на Русь из Азии, возможно, благодаря монголам.) Это могли быть жалобы на продажных должностных лиц, злоупотреблявших своими властными полномочиями, или на высокие налоги. Зачастую они содержали просьбы решить спор между двумя местными кланами. Как правило, челобитные доставлялись специальным посланцем прямо царю или доводились до его сведения непосредственно на Земском соборе. Власть очень серьезно воспринимала петиции, всегда отвечала на них и стремилась удовлетворить многие требования. Возможно, такая реакция вызывалась тем, что просители подготавливали почву и делали все перед тем как вручить челобитную, для достижения успеха. К тому же эти прошения и жалобы являлись для государства единственным источником информации о настроениях народа, притом информации достоверной, а не искаженной властными посредниками.

Если население подозревало, что петиции не доходят до царя, последствия могли быть ужасными. В 1648 г. городские жители объединились со служилым мелкопоместным дворянством, собравшимся в Москве на ежегодный смотр, проводимый для организации защиты южных земель. Все они принесли свои челобитные. Горожане жаловались на чрезмерные налоги

и несправедливую конкуренцию со стороны иностранцев и других неплательщиков налогов, а дворянство просило о неограниченном праве на поиск и возвращение беглых крепостных крестьян. И те и другие сетовали на жадность и коррумпированность главного советника Алексея Михайловича, боярина Бориса Морозова и других придворных.

Возвращаясь с ежегодного паломничества в Троице-Сергиев монастырь, царь отказался лично принять петиции или переговорить с просителями. Горожане же почувствовали себя оскорбленными и униженными и сказали, что Алексей Михайлович и его отец «имели обыкновение лично получать наши челобитные, оплаканные кровавыми слезами». Обезумевшие от ярости посадские люди бросились разворовывать поместья Морозова и его сообщников, хлынули в Кремль, требуя выдачи бояр, которых они подозревали в растрате и утаивании их просьб. Стрельцы отказались стрелять в толпу, и Алексей Михайлович был вынужден принять требования и выдать нескольких советников народу на расправу.

1648 г. стал главным поворотным пунктом в развитии русской государственности. Он обозначил момент, когда Московское государство прекратило опираться на мнимые личные отношения между царем и его народом. Алексей Михайлович был настолько встревожен всплеском насилия в столице, что отказался впредь лично принимать челобитные. Взамен он создал специальное учреждение — Челобитный приказ, занимавшийся прошениями и предварительным их обсуждением. Царь удовлетворил требования как горожан, так и дворянства, составив в следующем году Уложение. Однако встревоженный сплоченностью двух довольно разных социальных групп, он никогда больше не созывал полного Земского собора. Теперь он возложил обязанности на служащих приказов и на воевод, информировавших царя о делах местного масштаба, в первую очередь о нависших опасностях⁴⁴.

И все же последний Земский собор имел очень большое значение. Он составил первый за полтора века свод законов и тем самым хоть что-то сделал для ограничения личностного подхода в решении общественных вопросов. До этого политика рассматривалась как дело великих личностей,

являвшихся либо абсолютно хорошими, либо абсолютно плохими: челобитные касались моральных качеств правящих лиц и возможности смещения последних с должности и замены другими. От царя ожидали индивидуального подхода к делам и вынесения суждения от имени Бога. Уложение установило закон как своеобразную структуру, план, в соответствии с которым принимались решения. Рост бюрократии свидетельствовал о том, что царь поручал своим официальным лицам выполнение большого объема работ по социальной поддержке населения. С середины XVII в. в прошениях дворян использовалась юридическая терминология: теперь они ожидали постановления о поимке беглых крепостных, дабы не делать этого самим. Все вышеперечисленное не означало, что в общественном сознании утвердился принцип закона, но принятие правовых норм изменило восприятие личной власти⁴⁵.

Ухудшение положения и рост зависимости крестьян не оставили их пассивными. Как и в XVI в., из-за тяжкого бремени крепостничества и налогов они были вынуждены скрываться, искать прибежища в монастырях или у состоятельных землевладельцев, которые нуждались в рабочих руках и могли оказать им поддержку. Крестьяне бежали также к южным и восточным границам, где присоединялись к казакам или поступали на службу в пограничные гарнизонные войска. Из-за недостатка рабочей силы в этих регионах власти не упорствовали в поимке беглых крестьян. А через несколько лет воеводам, управлявшим территориями, находившимися на южных рубежах, просто запретили возвращать их без разрешения Москвы. Как заметил один историк: «жизнь на границе дает южанам возможность передвижения, позволяет им возобновлять отношения с государством, временно сделав себя для него недосягаемыми»⁴⁶.

В результате подобного «отступничества» хозяйства многих дворян и детей боярских оказались без рабочей силы. В 1637 г. во время Земского собора один из представителей этих социальных групп обратился к царю с челобитной. В преувеличенно раболепной манере он просил отменить пятигодичный срок поиска беглых крестьян. «Дабы, владыка, вернуть наших крепостных и холопов... и дабы наши помес-

тья и вотчины не лежали опустошенными, а оставшиеся холопы не покидали нас, рабов твоих, а мы, рабы твои, служили тебе верой и правдой не с разоренных земель и платили бы тебе царские налоги полностью»⁴⁷.

В конечном счете эта просьба была удовлетворена. На Земском соборе 1649 г. в Уложение был включен закон, отменивший срок возврата беглецов. Все крестьяне, как феодальные, так и «черные», прикреплялись к месту их регистрации согласно переписи, проведенной в 1646—1647 гг.⁴⁸ Это имело кардинальное значение, ибо был положен конец долгой крестьянской традиции свободы передвижения. Теперь крестьяне прикреплялись к земле и к личности землевладельца. Они становились налогоплательщиками и исполнителями государственных повинностей, но сами условия выполнения практически полностью зависели от хозяина и его управляющего.

Крепостничество как явление не нашло своего отражения в законе и не определялось им даже в том его понимании, которое существовало при абсолютной монархии. В Уложении ни разу не упоминалось слово «крепостной»: там просто перечислялись меры наказания для беглых крестьян и тех, кто их укрывал. Нигде не говорилось, кто мог стать крепостным и при каких обстоятельствах, а также какие обязательства должен был выполнять крепостной или как к нему нужно относиться⁴⁹. Вплоть до конца XVIII в. государство не пыталось вмешиваться в феодально-крепостнические отношения, чтобы искоренить злоупотребления. До этого периода крепостничество являлось одной из сторон политики государства, утверждавшего и охранявшего личную зависимость крестьян.

Горожане же просили о получении статуса посадских людей, дабы не выплачивать пошлины и не идти в солдаты вместо беглых рекрутов. Они также хотели получить монополию на торговлю в пределах городских стен. Оба их требования были выполнены, и таким образом, по словам одного историка, жители городов «по собственной просьбе стали закрытой кастой»⁵⁰.

Крепостное право оказало очень глубокое влияние на все социальные и политические институты России, на их формирование и развитие. Оно увековечило и усилило коллективист-

ский взгляд на общественные проблемы; круговая порука являлась не просто административным механизмом, но и способом решения трудностей как городского, так и сельского населения страны. Возможно, крепостничество способствовало завоевательной политике государства, укреплению и защите огромной и разнородной империи. С другой стороны, оно препятствовало развитию частной собственности, а также личных и политических свобод. Крепостное право утвердило господство личностей, а не институтов и законов во всем обществе, и это в то самое время, когда власти только начинали устанавливать «сверху» безличный и бюрократический метод управления⁵¹.

Польша, Литва и казаки

Западная российская цивилизация, представленная великим княжеством Литовским, развивалась совсем в иной манере. Здесь доминировал не монарх, а титулованные дворяне-землевладельцы. Это по-своему укрепляло крепостничество. В течение XVI в. Польша, поставщик зерна в страны Балтики и большей части Западной Европы, находилась на подъеме сил и на пике богатства. В 1569 г. согласно договору в Люблине персональная уния (личный союз) с Литвой превратилась в постоянный союз, было образовано единое государство. Монархия и великое княжество имели различные законы и министерства, но управлялись одним монархом и парламентом (сеймом). В результате пресечения династии Ягайло монарх стал избираться из членов шляхты, собиравшейся в сейме. К тому же шляхта избирала органы, контролировавшие налоговую систему, решавшие вопросы мира, войны и иностранных отношений. Знать взяла эти обязанности на себя, подобно афинянам, и в честь этого события провозгласила свое государство республикой (Речь Посполитая). Статус самоуправления получили и города, где властные функции выполнял избранный муниципальный совет, действовавший на основании Магдебургского права. Все это означало, что корпоративная жизнь и понятие о законе развивались в западной России активнее, чем в Московии.

Украинские и белорусские дворяне являлись частью шляхты и могли извлечь выгоду благодаря удачному территориальному расположению их хозяйств на плодородной черноземной почве степных и лесостепных регионов⁵². В XVI в. в городах Северной и Западной Европы резко возрос спрос на зерно, а вышеупомянутые регионы стали успешно выступать в роли его поставщиков. Они использовали сложившуюся политическую систему для того, чтобы обложить крестьян новыми повинностями и налогами. В результате крестьяне превратились в крепостных, которые, правда, отличались как от крепостных средневековой Западной Европы, так и московских крестьян того времени. Если в Москве крепостничество было призвано удовлетворять военные нужды автократического государства, то в Польше-Литве оно создавалось для облегчения ведения торгового хозяйства землевладельцев.

Однако Тридцатилетняя война стала серьезным препятствием на пути польского преуспевания. Одним из ее последствий стало ужесточение требований землевладельцев и их управляющих-евреев к крепостным крестьянам. В результате это привело к острой социальной поляризации и вызвало ненависть украинских крестьян к евреям и землевладельцам.

Для того чтобы защитить открытые границы южных степей, польский король приказал возвести линию укреплений и заключил ряд соглашений с некоторыми запорожскими казаками, жившими на Нижнем Днепре. Он снабжал их средствами к существованию, а взамен казаки обязывались находиться в укрепленных пунктах. Те, кого вербовали на защиту границ, назывались реестровыми казаками. Однако в список не включались жители районов Сечи, укрепленного острова на юге днепровской стремнины, где представители различных кошей (армий) периодически собирались для избрания нового гетмана. Большинство казаков колебалось между реестровыми наемниками польского короля и подчеркнуто независимыми жителями Сечи.

Польша XVI в. стала свидетелем религиозных волнений. Католический гуманизм пережил свой расцвет веком раньше, а теперь был заменен протестантизмом, который, как в лютеранской, так и в кальвинистской форме, привлек последователей

среди городского населения и знати. Политика религиозной терпимости, проводимая королевской властью, способствовала появлению множества радикальных сект: анабаптистов, меннонитов, чешского братства и других. Иудеи, проживавшие на территории Польши уже несколько веков, традиционно посещали синагоги и делали это абсолютно свободно.

Во второй половине века иезуиты пытались оказать сопротивление, открывая школы и коллегии, проповедовавшие католическую веру в триединство Бога. Несмотря на то что их религия являлась воинственной и нетерпимой, иезуиты не отвергали достижений католического гуманизма, а их учебный план включал изучение классического наследия и такие предметы, как математика, риторика и филология. Их целью являлось создание единой христианской цивилизации, призванной осуществить синтез древних классических и современных католических традиций. Они надеялись преодолеть раскол между католицизмом и православием, произошедший на Флорентийском соборе. Нам уже известно, как в начале XVII в. для достижения этих целей использовалась Смута в Москве.

Православная церковь сильно пострадала от польской контрреформации. Литовская, украинская и белорусская знать находила привлекательные черты в западной латинизированной культуре Польши, но особенно ее устраивал привилегированный статус дворян в Речи Посполитой. Принятие католицизма являлось тем средством, с помощью которого можно было получить все эти преимущества. Православная конгрегация оставалась для более бедных и низших слоев общества. В отличие от иезуитов православие не располагало чем-либо повышавшим уровень культуры и образования, поэтому оно мало что могло предложить состоятельным и образованным кругам.

Именно в целях повышения культурного уровня населения некоторые православные епископы поддержали идею воссоединения с Католической церковью и признания превосходства папы при условии сохранения православной церковной службы и самоуправления, которые находились в опасности из-за бедности, заброшенности и необразованности местных жителей. Некоторые православные служители Церкви даже надеялись, что при помощи иезуитов станет легче проводить систе-

матическую пасторскую и теологическую подготовку невежественных приходских священников. В результате появилась Брестская уния (1596), установившая Грекокатолическую церковь с самоуправлением под властью папы, с женатыми священнослужителями и православными литургией и Священным Писанием⁵³.

Однако в течение XVII в. Православная церковь начала оживать. Православная церковная иерархия, отделенная от униатской церкви, была восстановлена. Православные братства учреждали школы в Киеве и Львове под прямым покровительством патриарха Константинопольского. Учебный план в этих школах составлялся с учетом иезуитской модели. Православные братства искали поддержки и у казаков, которых православный митрополит Киевский, Иов Борецкий, называл «потомками славной Руси», чьи «предки вместе с Владимиром крестились и приняли христианство от Церкви в Константинополе». «Никто, — добавлял он с надеждой, — в целом мире не делает столько во имя гонимых и угнетенных христиан... как запорожское войско (кош)»⁵⁴. На казаков эти слова произвели огромное впечатление: гетман Сагайдачный символично зачислил все запорожское воинство в ряды киевского братства.

Самым выдающимся сторонником возрождения Православной церкви стал Петр Могила, архимандрит Печерского монастыря. В 1632 г. его избрали митрополитом Киевским. В своем монастыре Петр создал теологическую коллегию* по иезуитской модели и снабдил ее катехизисом и православной конфессией, то есть символом веры, подобным Аугсбургской конфессии, созданной для протестантов вском раньше. В программе коллегии особое внимание уделялось латыни — прямому пути как к древнему, так и к современному учениям. Также изучались философия, логика, физика, греческий и славянский языки, риторика, грамматика, поэзия, арифметика, музыка и пение. Теология преподавалась в соответствии с системой Фомы Аквинского. Коллегия давала всеобъемлющее гуманитарное образование, соответствовавшее стандартам той эпохи.

* С 1694 г. академия. — *Примеч. пер.*

Стремясь обеспечить бывших учеников материалами для последующей пасторской деятельности, Могила собрал ученых для работы над текстами священных книг, их сравнения с греческими оригиналами, исправления ошибок и несообразностей, мешавших ведению церковных служб и преподаванию Писания. Он стремился возродить «древнее благочестие», но на деле стал своего рода запоздалым Эразмом, принесшим современное учение и попытавшимся совместить его с православной духовностью, а по сути привнесшим в нее новые элементы. Например, он настаивал на эффективном воздействии проповедей как способе формирования наиболее полного представления о вере в светском мире. До этого проповедь, представлявшая собой личную интерпретацию веры и размышление о вере, фактически не применялась в православной практике. По этой причине, а также и из-за использования латыни деятельность Могилы вызвала среди православных, особенно казаков, острую критику. И все же, как это станет видно, его работа нашла живой отклик в Москве⁵⁵.

Богдан Хмельницкий и восстание украинских казаков

К 1640-м гг. недовольство днепровских казаков достигло своего апогея. Нереестровые казаки считали себя отвергнутыми и обойденными жалованьем и наградами, а реестровые, часто обладавшие земельными поместьями, сетовали на то, что польский король не дал им полноценного дворянского статуса. Запорожское войско взорвалось негодованием, когда в 1638 г. король попытался заменить избранного гетмана польским дворянином, назначенным им самим. Их недовольство достигло высшей точки в 1646 г. — король Владислав отказался выполнить условия соглашения, по которому он обещал даровать запорожцам дворянскую грамоту за помощь в войне против Османской империи.

В то время, когда антипольские настроения охватили практически все казачество, между реестровым казаком Богданом

Хмельницким, державшим имение около Чигирина, и Данилой Чаплинским, представителем польской знати, возникла незначительная ссора из-за земельной собственности. Хмельницкий обратился с жалобой прямо в королевский суд, однако не добился положительного для себя решения. Чувствуя, что произвол по отношению к нему стал проявлением общей социальной несправедливости, Хмельницкий бежал в Сечь и убедил запорожское войско поднять восстание. Заключив союз с крымскими татарами, предоставившими четыре тысячи хорошо оснащенных конников, казаки двинулись на северо-запад и разбили польский передовой отряд. На захваченных землях они стали привлекать на свою сторону новых казаков. Воодушевленные успехом, украинские крестьяне начали грабить католические соборы и польские поместья, убивать священников, землевладельцев и евреев-управляющих. Особенно пострадали от этих погромов евреи: в ходе беспорядков в городах, деревнях и поместьях погибли десятки тысяч человек.

Вероятно, Хмельницкий не предвидел размаха устроенного им бунта, не представлял себе его истинной природы и последствий. Конечно же, он не хотел освобождения крепостных и даже приказал своим войскам пресечь их действия. Многие крестьяне и нереестровые казаки бежали от его репрессий на восток, в южные земли Московии, где их поселениям — слободам — давался статус не облагаемых налогом. Вот почему Левобережная Украина, находившаяся на восток от Днепра, часто называлась Слободской Украиной.

Каковы бы ни были мотивы Хмельницкого, он не полностью использовал движущую силу восстания, которая могла бы позволить ему захватить саму Варшаву. Он заключил два договора с королем, но затем потерпел несколько поражений от польской армии. В результате Хмельницкий пришел к выводу, что в составе Польши сами по себе казаки никогда не достигнут столь желаемого ими статуса. Поэтому он обратился к московскому царю за помощью и попросил его взять Украину под свое покровительство.

Сделав это, Хмельницкий предоставил Москве новые возможности. Патриарх Иерусалимский Паисий, находясь в Киеве, стремился освободить Православную церковь от господства

неверных посредством создания союза между Московией, казаками, а также Молдавским и Валашским княжествами. Патриарх Московский Никон поддержал эти цели как часть своей собственной программы по воссозданию экуменической Православной церкви с центром в Москве. Поначалу царь Алексей Михайлович колебался, не желая поощрять восстания против законной монархии. Он еще помнил о трудностях, с которыми столкнулась московская армия, имея дело с Польшей двадцать лет назад. Но позже он все же дал убедить себя в том, что возможные перспективы перевешивают риск и игра стоит свеч.

Последующий Переяславский договор (1654) обнажил все различия между русским и украинским понятиями о законе, корпоративном статусе и взятом на себя обязательстве. Хмельницкий ожидал, что царский посланник, Василий Бутурлин, вместе с ним произнесет клятву, дабы не нарушать условия заключенного договора. Бутурлин же отказался произнести клятву, аргументируя это тем, что царь не мог связывать себя клятвой с подчиненным. Ошеломленный Хмельницкий покинул переговоры. Однако необходимость в военной помощи вынудила его вернуться и вместо клятвы принять честное слово Бутурлина. Казаки пообещали царю «вечную верность», а он, в свою очередь, обязался оказать им поддержку и подтвердил их привилегии, включая право выбирать своего гетмана и принимать иностранных послов, правда, лишь дружественных ему. Кроме того, царь предоставил казакам статус украинского дворянства и самоуправления⁵⁶.

В этот раз благодаря казакам и реформированной русской армии война против Польши шла успешнее. Русские войска захватили не только Смоленск, но и весь левый берег Украины, а также большую часть Литвы. Если бы не попытка соперников-шведов захватить Литву, Алексей Михайлович смог бы свергнуть самого польского короля Яна Казимира. По условиям Андрусовского договора (1667) Москва получала Смоленск и всю Левобережную Украину вместе с Киевом и территорией запорожского войска. Титул Алексея Михайловича теперь звучал как «царь Великой, Малой и Белой Руси».

Государство украинцев впервые было признано международным законом и получило казачье название гетманства.

Обстоятельства, при которых появилось украинское государство, определяли огромные трудности, стоявшие на пути достижения подлинной независимости. Казаки представляли собой единый слой общества, но не всю нацию, а их связь с украинским крестьянством являлась очень слабой, если не антагонистической. То же самое можно было сказать и об их отношениях с русскими боярами и служилыми дворянами. Однако последние имели давно установившуюся монархию и прочное материальное положение, и казачество нуждалось в их поддержке. Как бы там ни было, в течение последующего века цари постепенно лишали казаков привилегий и свободы от налогов, а глубоко разочарованное гетманство время от времени подумывало о преимуществах возвращения под покровительство Польши. Таким образом, интеграция западной ветви восточных славян в Московию началась нерешительно и проходила в атмосфере непонимания.

Реформы патриарха Никона и раскол

После Смуты церковь значительно укрепилась, но вместе с тем она становилась все более консервативной силой. Большинство священнослужителей и многие миряне считали Смутное время Божьей карой Руси за то, что та сошла с пути истинного. Они мечтали восстановить «древнее благочестие» во всей его полноте. Однако сделать это становилось день ото дня все труднее. Московия уже поглотила значительные территории, населенные неправославными и даже нехристианскими народами; в соответствии с имперской миссией она должна была продолжить свои завоевания. Россия не могла оставаться вне влияния европейского религиозного развития: протестантской реформации в ее различных выражениях, а также католической контрреформации. Православная церковь все более осознавала, что отведенная ей роль не соответствовала интересам государства, переставшего быть национальным образованием. Вот почему, стремясь стать государственной Церковью, она готова была пойти на важные уступки.

Отдаленные последствия Смуты вместе с недавними событиями создавали ощущение неуверенности и предвестия беды, временами перераставшее в ожидание конца света. Документально подтверждено, что с конца 1630-х гг. власти пытались искоренить эсхатологическое учение монаха Капитона, предвещавшего приближение Апокалипсиса. Он утверждал, что Антихрист уже правит миром, что правоверные должны бежать из церквей с их запятнавшими себя священниками и святынями, искать уединения, отречься от бренных мирских ценностей и вести аскетичный образ жизни в ожидании Второго Пришествия Христа. Капитон создал свой собственный монастырь, где все монахи должны были заниматься физическим трудом, а поля, которые они сами не могли обрабатывать, передавались местным крестьянским общинам. Учение нашло отклик в северо-восточном регионе: Владимире, Ярославле и Костроме. Когда власти начали гонения, некоторые из последователей Капитона ответили массовыми жертвоприношениями, предавая себя огню в деревянных храмах и часовнях⁵⁷.

Другие же в ответ на кризис не отрицали официальную Церковь, а пытались ее очистить, а затем найти в ней спасение и распространить в мире учение Христово. В Заволжье в 1630-х гг. среди приходских монахов возникло движение, направленное на подъем духовного и образовательного уровня духовенства посредством лучшей подготовки к принятию сана, укрепления дисциплины, регулярного поста, исповеди, общности вероучения и частых проповедей. Его сторонники стремились сделать богослужение более понятным и доступным простым людям и в то же время очистить веру от позорных пятен пьянства, разврата и все еще живых и популярных языческих обычаев. Например, монахи требовали запрета на публичные представления скоморохов, бродячих музыкантов, певцов и поэтов. Подобные представления часто проходили на площадях в святые дни после религиозной службы. Некоторые фанатичные приверженцы этого учения часто становились чрезвычайно непопулярными среди своих прихожан, запрещая любимые народные развлечения или изобличая пороки богачей.

Реформаторы, известные как ревнители благочестия, или боголюбцы, получили после восхождения Алексея Михайлови-

ча на трон в 1645 г. заметное влияние на церковную политику двора. Духовник царя Стефан Вонифатьев являлся сторонником этого течения, равно как и главные советники монарха — Борис Морозов и Федор Ртищев. Участники движения надзирали за деятельностью московского Печатного двора и использовали его для публикации работ популярного религиозно-наставнического характера, включая патристику (произведения, принадлежащие отцам и церкви), православный катехизис* Лаврентия Зизания (впервые выпущенный на Украине), Книгу Веры («Псалтырь»), свод православных догм, составленный киевским игуменом. Некоторые работы опирались на украинские аналоги, а их цели во многом совпадали с программой Петра Могилы. Однако не все последователи движения принимали идею необходимости изучения иностранных религиозных течений. Часть реформаторов, особенно грозный протопоп Аввакум из Юрьева, полагали, что простых истин вполне достаточно, и подозревали иностранцев в хитрости, способной испортить безыскусную, сильную родную веру⁵⁸.

Близкий ревнителям благочестия митрополит Никон из Новгорода стал в 1652 г. патриархом. Его возвышение должно было ознаменовать победу движения, однако на самом деле оно обнажило противоречия в самом движении между модернизаторами и консерваторами, между космополитами и местными фундаменталистами. Более того, личные стремления Никона не соответствовали взглядам ни одной из сторон. Их видение будущего ограничивалось Московией, где предполагалось создать чистую и близкую простым людям Церковь. Никон же, наоборот, не хотел ограничиваться Москвой и стремился к возрождению всей восточнохристианской экумены в форме, которая обеспечила бы длительное превосходство Церкви над государством. Он был своего рода папой Григорием VII Православной церкви. Большинство ревнителей благочестия выступали против войны с Польшей. Но Никон прекрасно понимал все возможности, вытекавшие из этой выгодной для его программы войны. В этом его мнение расходилось даже с мнением Алексея Михайловича,

* «Катехизис Великий». — *Примеч. пер.*

так как царь планировал войну скорее в интересах империи, чем в интересах экумены.

Благодаря контактам, которые Никон поддерживал с греческими и украинскими священнослужителями, ему удалось узнать о многих расхождениях в русских и византийских службах и писаниях. Поначалу, как большинство русских, он относился к греческим версиям с подозрительностью как к продукту Церкви, поддавшейся «римской ереси» и просуществовавшей два века под неверными. Позже, вероятно, под влиянием киевского переводчика и ученого-экклезиаста Епифания Славинецкого, привезенного в Москву Ртищевым, Никон изменил свое мнение.

Взгляды Никона были весьма категоричными и нередко навязывались с бестактной самонадеянностью, что порой смущало даже его ближайших приспешников. Став патриархом, он поспешил собрать ученых и все тексты для изучения, сравнения и исправления напечатанных служебных книг. Никон не желал, чтобы деятельность Московской церкви, призванной исполнить экуменическую роль, нарушалась из-за «архаических» ошибок. В феврале 1653 г. он приказал всем церковным приходам внести ряд изменений в требник, включая поясной, а не земной поклон и манеру креститься тремя пальцами, а не двумя, как раньше. В течение последующих двух лет Никон внес и другие поправки, не имевшие уже столь большого значения, например, изменились правила традиционного русского написания слова: вместо «Исус» теперь писалось «Иисус».

Никон ошибался в утверждении, что его реформы возвращали некогда отвергнутые поправки и тем самым приближали русское православие к древним общепринятым канонам православия в целом. На протяжении веков различные православные церкви принимали расходящиеся детали в службах, а некоторые из «восстановлений» Никона на самом деле являлись инновациями. Более того, он проводил реформы, не советуясь с Церковным Собором, что само по себе было нарушением канонов. Таким образом, Никон противоречил собственной программе. Однако в 1655 г. он исправил эту ошибку и при поддержке царя и приглашенных греческих прелатов внес свои изменения.

Что еще важнее, Никон задел чувства русских людей, имевших свой взгляд на веру. Они видели ее как неделимое целое, где догма и ритуал были взаимосвязаны и нерушимы. Для них внешние перемены в вере означали перемены в сути, а этот поворот нес с собой разрушение образа «Святой Руси», о которой им ежедневно вещали с амвона. Некоторые церковники и миряне не спешили выполнять наставления Никона. Во многих случаях их противостояние Никону вызывалось спорами о церковных назначениях на те или иные должности и доходах⁵⁹.

В ходе выполнения намеченных преобразований между Никоном и Алексеем Михайловичем произошла ссора. Как известно, цари рассматривали идею «Москва — Третий Рим», в которой Москва выступала во главе возрожденной православной экумены, с опаской, так как чувствовали угрозу получения уже мощной Церковью решающего голоса не только в религиозных, но и в политических делах. Алексея Михайловича также оттолкнуло властное и нетерпимое поведение патриарха, которого он поначалу звал своим закадычным другом. В июле 1658 г., уязвленный холодностью царя, Никон неожиданно посреди богослужения снял патриаршее облачение, надел простую монашескую рясу и сказал, что больше не считает себя достойным исполнять обязанности патриарха. Этот жест, вероятно, был нацелен на получение уступок от царя, но возымел обратный эффект: Алексей Михайлович принял отставку Никона.

Царь ни в коем случае не был настроен против реформ патриарха. Наоборот, они настолько соответствовали его имперским планам, насколько и экуменическим целям Никона. В течение нескольких лет Алексей Михайлович пытался их полностью воплотить, но столкнулся с растущей оппозицией: старообрядцы и староверы, ведущей фигурой среди которых являлся протопоп Аввакум, были готовы противостоять принятию реформ. Вот почему царь, стремясь до окончательного проведения реформ не провоцировать обострение конфликта, отложил принятие решения об избрании нового патриарха. Никон же был заключен в тюрьму.

В 1666 г. Алексей Михайлович созвал Церковный Собор для рассмотрения сразу двух вопросов. На соборе присутствовали восточные патриархи, авторитет которых должен был

убедить всех сомневавшихся. При их поддержке собор одобрил текстуальные поправки Никона, а также внесенные им нововведения в ход церковной службы. Не менее важно и то, что собор предал анафеме тех, кто отказывался применять изменения на практике, и посчитал их достойными наказания. Им же было отменено решение Стоглава об отказе от внесения поправок в службы и писания. Собор мотивировал решение Стоглава «неразумностью, наивностью и невежеством» и осудил «Легенду о белом клобуке», содержащую идею передачи эkkлeзиастической власти Византией Руси⁶⁰.

Собор 1666—1667 г. низверг существовавшие церковные властные структуры и религиозные традиции. Но еще важнее то, что он превратил национальный миф русских людей в оружие оппозиции, противостоявшей не только руководству церкви, но и самому царю. Староверы с безупречной логикой указывали на то, что до реформ русские люди согласно выводам инициаторов преобразований ежедневно проводили заслуживающие анафемы отвратительные обряды. «Если мы раскольники, — говорили они, — тогда святые отцы, цари и патриархи тоже были раскольниками». Приводя цитаты из Книги Веры («Псалтыри»), они обвинили Никона в «разрушении древнего чистого благочестия» и «привнесении чужой римской мерзости». «Креститься тремя пальцами — римская традиция и знак Антихриста», — говорили они. Аввакум, арестованный за свое сопротивление, писал Алексею из темницы: «Воздохни-тко по старому... по русскому языку: «Господи помилуй мя грешного!»». А Кирьелейсон-от оставь, так (Господи помилуй! — лат.) греки говорят, плюнь на них!»⁶¹

Аввакум ошибался в определении происхождения трехпальцевой манеры креститься. Однако он верно почувствовал, что культура и язык Церкви латинизировались. Посредством польских и украинских моделей и влияния академии Петра Могилы укреплялись излишне вычурный стиль проповедей и образность, а также практика активных иезуитов. Аввакум противопоставил этим новшествам свой характерный русский язык, который в каком-то смысле являлся не менее инновационным. Протопоп написал автобиографию*, которая пользовалась боль-

* «Житие». — *Примеч. пер.*

шой популярностью и особо ценилась среди староверов, а позже была признана классикой ранней русской литературы. В этом произведении церковно-славянские выражения сочетались с богатым запасом слов из современной разговорной речи. Бесспорно, Аввакум ощущал, что вероотступничество оправдается поднятием статуса простонародного языка и его использованием даже в священных делах. Как он сам заметил в «Житии»: «...люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет»⁶².

Разговоры об анафеме во время собора оказались не пустыми словами. Алексей Михайлович поддержал идею, и вскоре его Тайный приказ начал выискивать тех, кто оставался верен старому обряду. Это насильственное навязывание глубоко божественных решений становилось причиной обострения конфликта в самой Церкви и влияло на отношение народа к власти. Манера креститься двумя пальцами стала мощным знаком протеста. Она превратилась в общий символ для тех, кто протестовал против всех перемен в политической, экономической и культурной жизни России: принятия западной одежды и чтения западных книжек; вторжения барокко; влияния польской культуры; окончательного укрепления крепостничества; нарушения свобод казаков; тяжелого налогообложения; ослабления общего самоуправления; ограничения свобод приходских соборов и лишения их права выбирать своих священников; тенденции к бюрократическому, безличному и формальному стилю правления. Алексей Михайлович выиграл в борьбе с Никоном свою Каноссу, однако победа досталась дорогой ценой⁶³.

Сочетание религиозных и светских мотивов разожгло пламя апокалиптических предсказаний. Различные предсказатели пророчествовали, что в 1666 г. наступит конец света. Случившееся, казалось, подтверждало предостережения Капитона и его последователей о том, что Третий Рим пал, произошло пришествие Антихриста и близился Судный день. Чтобы не осквернить себя связями с антихристовыми приспешниками, целые церковные общины при приближении солдат или официальных лиц кончали жизнь самоубийством, поджигая деревянные церкви, в которых они укрывались, и принося себя тем самым в жертву.

Оппозиция церковным реформам тоже сыграла свою роль в серии восстаний, превративших конец XVII в. в один из самых нестабильных периодов русской истории. Они начались в 1668 г. в монастыре, расположенном на Соловецких островах в Белом море. Даже до того как Никон стал патриархом, местные монахи периодически нарушали церковную дисциплину. Там находились несколько религиозных и политических изгнанников, приобретших определенное влияние на внутренние дела монастыря. Игуменам, присланным из Москвы для восстановления порядка, пришлось здесь крайне тяжело, и как минимум одного из них жестоко избили и заточили в темницу⁶⁴.

Монахи отказались принять религиозные нововведения и просили Алексея Михайловича, чтобы им разрешили «умереть в старой вере, которую до конца своих дней исповедовал Ваш отец, правоверный государь, царь и великий князь всея Руси Михаил Федорович и другие правоверные цари и князья»⁶⁵. В ответ Алексей Михайлович выслал войска для подавления неповиновения, но благодаря поддержке местного крестьянского населения монахи в течение восьми лет держали оборону и сдались лишь в январе 1676 г.

Многие староверы бежали на юг, на Дон, где становились участниками восстаний, причиной которых была далеко не церковная реформа. Они вызывались скорее иными факторами, и в первую очередь политикой централизации, авторитаризма и подавления местных общин. Отношения между донским казачеством и Московским царством еще долгое время оставались сложными. В 1650-х и начале 1660-х гг. положение казаков по многим причинам заметно ухудшилось. Центр тяжести московской политики сдвинулся на запад, к территории запорожских казаков и к Польше, с которой Россия вела войну. Турки-османы этим воспользовались и построили рядом с Азовом новую мощную крепость, закрыв тем самым донским казакам выход к Черному морю, а следовательно, к одному из лучших и доходных источников средств их существования. В то же самое время московское правительство, встревоженное растущим количеством беглецов, начало сокращать численность казаков, которых предполагалось регистрировать и обеспечивать за счет казны. Оно

урезало регулярные выплаты Дону и игнорировало неоднократные просьбы восстановить прежнюю численность реестровых казаков. Это означало, что казаки должны были либо жить за счет грабежа, либо заняться сельским хозяйством, которое они презирали.

Подобные трудности стали предпосылкой для начала восстания под предводительством Степана (Стеньки) Разина. Разин являлся одним из лучших среди донских казаков военных атаманов, и именно его избирали главой дипломатических миссий. В 1665 г. его брат был казнен за неподчинение приказу, данному князем Юрием Долгоруким, командовавшим армией на польском фронте.

Теперь у Разина появился повод для недовольства. Однако его походы за добычей 1667—1669 гг., мало чем отличались от обычных казачьих операций и не выходили за привычные рамки казачьего неповиновения и дерзости. Сначала на Нижней Волге Разин захватил торговые суда, а затем завладел несколькими персидскими кораблями в Каспийском море. По возвращении на Волгу разинские казаки столкнулись с московской флотилией под командованием местного воеводы князя Ивана Прозоровского. Разин понял, что не сможет противостоять хорошо оснащенным боевым кораблям, и принял требования властей о сдаче награбленного, возвращении пленных и сдаче оружия. Взамен он получил полное прощение царя.

Однако период покорности длился недолго. Разин убедился в том, что беды и лишения людей, живших в низовьях Волги, — горожан и астраханских стрельцов, калмыков и ногайцев, а также казаков, — были настолько серьезны, что он мог бы встать во главе обездоленных и поднять новое восстание. Вначале он собрал *круг* и выступил с лозунгом защиты царя Алексея Михайловича от бояр, которых он назвал предателями. Летом 1670 г. Разин захватил Астрахань и важнейший город-крепость Царицын, где установил казачий режим и пообещал поровну разделить имущество.

Оттуда Разин по Волге двинулся к Москве, собирая огромную и разнородную повстанческую армию. Помимо казаков и стрельцов, к нему присоединились татары, чуваша, марийцы и мордва, недовольные увеличивающимися налогами и тем, что их вынуждали принимать православие. Многие русские крестья-

яне вставали под знамена Разина, с возмущением выступая против окончательного закрепощения, а также растущих налогов и рекрутских наборов. Они воспользовались случаем, чтобы изгнать или убить своих хозяев и разграбить их поместья. Русские и нерусские принимали участие в мятеже и воевали бок о бок, страдая от общих бед и стремясь к общим целям: это было восстание живших на окраине империи людей против империи, навязывавшей им свои все растущие требования.

За осень — зиму 1670—1671 гг. большая часть Средней Волги между Саратовом и Нижним Новгородом была захвачена повстанцами. Они грабили монастыри и дворянские поместья; забирали вещи, драгоценности, вино; захватывали и убивали знать и должностных лиц.

В ходе восстания Разин объявил, что недавно умерший царевич Алексей Алексеевич на самом деле находится в рядах его войск. Еще атаман утверждал, что его поддерживает бывший патриарх Никон, находившийся в темнице. Другими словами, разинский бунт был направлен скорее не во имя царя, а против него, за нового царя и новую Церковь. То, что Разин заявил о поддержке Никоном старой веры против его же реформ, выглядело не столь уж нелогичным, ибо основные изменения проводились тогда, когда бывший патриарх находился в заключении. Некоторые староверы действительно присоединялись к движению Разина.

В сентябре 1670 г. при осаде Симбирска повстанцы наконец столкнулись с хорошо организованной армией, возглавляемой князем Ю.Н. Барятинским. В результате сплоченное с моральной точки зрения, но слишком разнородное войско Разина понесло тяжелые потери. Государство же в это время поспешило снизить налоги в южных регионах и начало выплату тем казакам, которые остались верны властям. Поражение не могло не повлиять на репутацию Стеньки, не сумевшего восстановить свой авторитет и поднять новое восстание. В мае 1671 г. он был схвачен, привезен в железной клетке в Москву и четвертован на Красной площади как бунтовщик и государственный преступник. После падения и смерти лидера повстанческое движение утихло само собой⁶⁶.

Однако легенда о Разине жила. На протяжении нескольких последующих веков он оставался героем сказаний и песен.

Бытовало мнение о том, что в один прекрасный день Стенька воскреснет и вернется, дабы возглавить простых людей в последней битве с несправедливостью и тиранами-угнетателями. Староверы, поставившие под сомнение законность как власти, так и церкви, также питали подобные надежды. Симбиоз староверчества и казачества (пополнявшийся иногда недовольными татарами, башкирами и другими нерусскими народами) еще по крайней мере в течение века представлял собой угрозу имперской власти на юго-востоке.

В 1682 г. после смерти бездетного царя Федора Алексеевича снова встал вопрос о престолонаследии. Тогда староверы присоединились к стрельцам, чтобы поднять мятеж в самой Москве. Повстанцы потребовали рассмотрения всех их жалоб, повышения жалованья и восстановления традиционной формы богослужения. Этот бунт стал частью династического конфликта между семьями двух жен Алексея Михайловича. Вначале регентша Софья поддерживала мятеж, так как тот соответствовал ее интересам. Но потом, когда стало ясно, что стрельцы представляли угрозу ее власти, она выступила против бунтовщиков.

Наиболее важным последствием раскола были все же не спровоцированные им восстания, а то, что старая вера выжила и в течение следующих двух веков набрала силу. Ее приверженцы переместились на окраины империи, особенно на Крайний Север, где они находились в большей безопасности от Приказа тайных дел, а затем и подобных ему учреждений. В этих отдаленных регионах местные общины обладали относительной независимостью от властей. Староверы в большинстве своем являлись мирными людьми, которые, однако, оказались стойкими приверженцами традиции и принципов, сумевшими противостать, казалось, неумолимой силе.

Власть же рассматривала старую веру всего лишь как раскол в Церкви. Вместе с тем она отличала старообрядчество от других сектантских движений, появившихся среди крестьян и горожан в конце XVII — XVIII вв. Однако подобное противопоставление скорее всего было ошибочным. Дело в том, что староверы, отрицая священников и святых «никоновской» Церкви, вынуждены были создавать собственную структуру и в результате далеко ушли от официального православия. Сами же они разбились на многочисленные группы, у каждой из ко-

торых сложились свои особенные верования и обряды. Консерваторы волей-неволей становились крайними радикалами и новаторами, а решения, которые принимали эти «раскольники», иногда сильно напоминали «сектантские».

Важнейшими оставались фундаментальные вопросы власти и общины. Староверы подобно сектантам склонялись к идее местного мира, ведомого правдой, законом Божиим и личным повиновением царю. Таким было их понимание самой Руси; именно такие идеи проповедовали им с амвона Иосиф Волоцкий и митрополит Макарий. Слова подтверждались песнопениями и зрительным рядом — иконами и фресками, которые они созерцали в ходе длительной церковной службы. Теперь же все это предали забвению в угоду полуримской религиозной культуре и новой форме власти, которая не брала в расчет закон Божий и личные узы верности.

Таким образом, старая вера во всех ее вариантах являлась лишь частью огромного спектра религиозных движений. Каждое из них пыталось своим путем вернуть те общину и власть, частью которых они себя воспринимали. Их взгляды лучше всего выразил Семен Денисов, игумен староверческой общины, находившейся на берегах реки Выги, впадающей в Белое море. Его трактат «Виноград российский» являлся мартирологом раннего поколения староверов и гимном Святой Руси, которую они потеряли. По Денисову, русские были народом воли Божией, населившим христианскую землю в мире, который жил под угрозой сатаны в лице католицизма, протестантства и западного рационализма. Но, увы, сами русские осквернили себя, сначала Флорентийским собором, затем богопротивными реформами Никона.

И все же если иерархи и поддались искушению, чистота продолжала жить среди простых людей. «На Руси, — писал Денисов, — нет ни единого города, который не был бы озарен светом веры, не сиял бы набожностью; нет ни единой деревни, которая не была бы проникнута истинной верой». Верно, царь и Церковь (а именно с ними было принято ассоциировать народ) находились в руках апокалиптического зверя. Но Денисов верил, что Русь возродится и вернется к правильной религии благодаря прочной и неиспорченной вере ее простых людей. Он вспоминал о святых Руси, которые

«своей набожностью, верой и добродетелью объединяют русскую нацию с Христом»⁶⁷.

Переформулировав для своего времени религиозно-национальные мифы Макария, Денисов отошел от эсхатологии первого поколения староверов: он видел в будущем Руси нечто большее, чем близящееся Второе Пришествие. Так как суть русской государственности больше не заключалась в царе или Церкви, она должна была полностью сконцентрироваться в «земле», в народе с его местными общинами, с их «городами, сияющими набожностью» и «деревнями, проникнутыми истинной верой». Денисов невольно подорвал основы доктрины христианской автократии и предложил ей взамен концепцию демократической христианской нации⁶⁸.

Идея о народе, несущем в себе свое спасение, впоследствии вдохновила староверов и повлияла на все русские сектантские движения. По сути, старая вера являлась носителем русского национального мифа, зашифрованного как несколько эсхатологическое видение святых людей. Староверы не были яркими антимонархистами; они продолжали верить в божественную природу монархии, даже когда говорили о каком-нибудь царе как об Антихристе и отказывались молиться за него во время службы. Отрицая государство и Церковь в их нынешней форме, они искали надежду на спасение только в местных общинах. В ходе последующих двух веков эта вера выдержала официальное преследование и дискриминацию и не только выжила, но и пережила расцвет. К началу XX в., спустя 250 лет после раскола, давшего ей рождение, старая вера насчитывала 10—12 млн последователей, то есть больше пятой части всего населения Великороссии. К этому числу можно добавить еще несколько сотен сектантов⁶⁹.

Таким образом, религиозный раскол повлек за собой и раскол в обществе: большое количество консервативно и патриотически настроенных людей отделились от имперского государства и Православной церкви и решили вести духовную жизнь в общинах, расположенных как можно дальше от власти, вне установленных ею рамок. Эсхатологическая идея о Руси как «новом Израиле», «пророческой земле» с «избранным народом» осталась мощным субстратом в русской культуре и политике, возродившимся двумя веками позже в совершенно иной форме.

4. Петр Великий и европеизация

Поворот к Западной Европе

К концу XVII в. Россия представляла собой евразийскую империю, наследницу земель Золотой Орды и многих других государств. Но для поддержания этого статуса было необходимо стать и великой европейской державой. Да и геополитическое положение России не оставляло ей иного выхода. В отличие от Испании, которая примерно в то же время стала огромной империей, Россия не имела Пиренеев, способных защитить ее от европейских войск. Все непосредственные соседи являлись сильными державами. Швеция господствовала на большей части восточного берега Балтики, включая Финский залив, а граница с Польшей проходила между Двиной и Днепром, практически у стен Смоленска и Киева. Османская империя правила всеми Балканами и значительной частью Кавказа, в то время как Крымское ханство доминировало на северном берегу Черного моря и постоянно угрожало обширным южным степям.

Для того чтобы противостоять всем этим государствам, Россия в XVII в. реформировала свою армию в соответствии с теми уроками, которые дала Тридцатилетняя война. Кроме того, были переняты европейские административные модели, в особенности прусские и шведские. Как и Россия, Швеция и Пруссия в свое время столкнулись с проблемой создания мощных вооруженных сил, обладая при этом ограниченными ресурсами.

Однако реформы в этих странах проводились в совершенно иной ситуации. В первую очередь необходимо отметить эффективное функционирование их государственных институтов, вызванное во многом тем, что служившие там люди были исполнены духом пиетизма (набожности) и неостоицизма. Эти веяния способствовали формированию рациональной системы управления, а также чувства самоотречения у чиновников, воспринимавших свое служение в интересах коллектива как религиозный долг. Следует принять во внимание и то, что в Пруссии и Швеции административная реформа органично сочеталась с реформами в области культуры и образования¹.

Русское государство, стремясь мобилизовать скудные ресурсы и не обладая при этом подобным религиозным менталитетом, вынуждено было прибегать к принудительным мерам. Но их применение грозило России разрушением или в лучшем случае ослаблением и так едва заметных гражданских институтов — юстиции, местного управления, религии, филантропии и т.д., которые могли бы поддерживать определенные общественные настроения в соответствии со шведской и прусской моделями. Результатом их ослабления стало укрепление феодально-крепостнических связей, занявших место едва наметившихся институтов гражданского общества. Модернизация усиливала архаичность; повышенный государственный контроль означал упрочение влияния самовластия. С подобного рода парадоксом Россия начала сталкиваться именно с конца XVII в. Он проявлялся в тенденции проведения радикальных всеобъемлющих реформ, отрицавших предыдущие пути развития страны как абсолютно неверные.

В это время не существовало единой и общей модели европейской культуры, которую можно было бы перенять. Сохранялся выбор между двумя альтернативами, имевшими много общего. Первая, проникавшая в Россию через Украину и Польшу, сложилась в результате посттридентского союза* Католической церкви и иезуитов: вторая же, идущая из стран Балтики, Скандинавии, Нидерландов и Англии, была пиетической и нестоической по своему существу. У них имелись общие

* От Тридентского собора Католической церкви XVI в. — *Примеч. пер.*

черты: обе модели опирались на веру в способность человека осмыслить природу благодаря силе разума и изменить ее посредством самодисциплины, преодоления своего греховного начала и направления своей энергии в соответствии с наукой. В этом аспекте они радикально отличались от традиционной русской культуры. С другой стороны, оба европейских направления расходились в важных деталях. Католическое течение требовало повиновения церковной власти, в то время как протестантское делало упор на самодисциплину и развитие набожности через изучение Писания.

Личный опыт царя Алексея Михайловича, всю жизнь проявлявшего интерес к привлекательным сторонам общественной жизни Европы, ее культурным течениям и техническим достижениям, склонял его к выбору католического варианта. При этом следует учесть, что его мировоззрение испытало на себе влияние польской религиозной культуры середины XVII в. Кроме того, он читал работы западных мыслителей, ученых эпохи Ренессанса и более поздних периодов. Особенно много он узнал о западной культуре в ходе польской кампании. Его доктор — англичанин Сэмюэл Коллинз отмечал, что когда царь «побывал в Польше и увидел нравы и порядки княжеских домов... он начал делать свой двор и сооружения более величественными, украшать залы гобеленами и устраивать развлекательные дома». Еще в большей степени царь увлекся сельским хозяйством и промышленностью, уделяя особое внимание развитию многочисленных отраслей экономики, в которых он держал монополию².

В XVII в. в Москве было предпринято несколько попыток учредить православную коллегию, подобную той, которую в Киеве создал Петр Могила. Фаворит Алексея Михайловича, боярин Федор Ртищев пригласил, например, киевских ученых, для того чтобы те поселились в Москве и учили русских «свободным наукам». В их числе приехал и белорусский поэт и ученый Симеон Полоцкий, будущий наставник царевича Федора. Однако лишь в 1685 г.* была открыта Славяно-греко-латинская академия. Ее основали в Заиконоспасском монастыре

* В 1687 г. — *Примеч. пер.*

в Москве на базе проекта, разработанного Полоцким и воплощенного его учеником Сильвестром Медведевым. Учебный план академии включал латынь и греческий язык, а также грамматику, риторику, поэзию, физику и теологию.

Патриарх Московский Иоаким выступал против католических веяний, и академия на ранней стадии своего существования подыскивала греческих учителей. Однако вскоре выяснилось, что под правлением османов греческая наука зачухла, а большинство лучших ученых получили образование в Италии или во Франции. Вопреки намерениям основателя занятия в академии вскоре стали вестись в основном на латыни, а в учебной программе отразилось влияние иезуитов. В результате первые руководители академии из-за чрезмерного пристрастия к латыни были отстранены от исполнения своих обязанностей. Но их последователи не изменили избранного курса, такое упорство объяснялось тем, что преподавать современную программу по теологии или гуманитарным предметам на греческом языке оказалось невозможно³.

В то же самое время, когда создавалась академия, Москва с согласия Константинополя окончательно переняла киевскую митрополичью кафедру. Таким образом, православные верующие на территории Руси попадали под юрисдикцию единого патриарха — впервые за более чем два века⁴.

К середине XVII в. духовное содержание политики московских царей стало меняться: личный и моральный контекст постепенно вытеснялся безличным, апеллирующим к закону. В 1682 г. был сделан еще один важный шаг в этом направлении — местничество, распределение официальных должностей на основе родства, отменялось, а подкреплявшие его родословные записи оказались сожжены. Следует подчеркнуть, что основным обоснованием необходимости проведения реформы отмены местничества послужила идея «общего блага». Этот типично пиетический и неосточеский мотив впервые упоминался в официальных российских документах. Согласно новому правилу традиционный принцип родства как решающий фактор в кадровой политике двора предполагалось заменить официальной, определенной законом процедурой. На деле же, хотя указ об отмене местниче-

ства и внес некоторые изменения в соотношение сил боярских группировок, их главенство не исчезло. Вместе с тем этот закон должен был стать первым шагом на пути серьезного реформирования армии. Однако смерть царя Федора Алексеевича в 1682 г. воспрепятствовала дальнейшей реализации его планов⁵.

Военное дело и международная торговля привлекли в Москву невиданное ранее число иностранцев, в первую очередь из стран Западной и Центральной Европы. Многие из них прибыли в качестве военных советников для подготовки новых полков или офицеров для осуществления командных функций в армии. Другие же приезжали, чтобы вести торговлю. Большинство иностранцев селилось в самой Москве, наиболее богатом и влиятельном центре. Особенно многочисленными были представители морских наций Северной Европы: Англии, Голландии, Дании и Швеции. Они торговали в Гостином дворе в Китай-городе, изначально квартале иностранцев, расположенном недалеко от Кремля. Голландцы создали особую сотню со своим сотником, признанным властями. Некоторые из них десятилетиями жили в Москве, становились полурусскими и даже принимали православие.

Часть приезжих бралась за лечение людей, в результате чего в России появилась профессия медика (не считая личных придворных докторов царя, существовавших и раньше). В Москве открылась аптека, где продавались лекарства «для людей всех сословий». Был создан особый Аптекарский приказ, призванный организовывать обучение русских докторов и хирургов, а также обеспечивать медицинской помощью армию. В Азовской кампании 1695 г. войска сопровождали семеро русских и четырнадцать иностранных хирургов. Так было положено начало первой профессии в русском обществе⁶.

Большинство местных жителей с подозрением относились к чужеземцам. После изгнания иностранных правителей и триумфального утверждения православия в начале XVII в. многие верующие люди считали всех приезжих из-за границы еретиками и неверными. В результате иностранцам пришлось переехать в новый специальный район, находившийся прямо за городскими стенами и известный как Немецкая слобода.

Два основных направления в европейской культуре имели своих сторонников в России. Во время правления царя Алексея Михайловича Афанасий Ордин-Нащокин являлся главой партии, искавшей более тесных отношений с протестантскими странами. Сам он прибыл из Пскова, где служил воеводой (1665—1667) и лучше узнал жизнь стран Северной Европы. Будучи главой Посольского приказа (1667—1671), Афанасий поддержал идею о создании в противовес Швеции союза с Польшей, направленного на получение постоянного и безопасного выхода к Балтике. Он помышлял и об общеевропейском союзе против Османской империи, в который вошла бы и Московия. Ордин-Нащокин первым начал устанавливать дипломатические связи России с важнейшими европейскими странами, стремился получить сведения о системе их управления, общественных порядках, быте и нравах. Официальные послы и международные торговцы регулярно сообщали ему обо всем, что узнавали в посещаемых ими государствах.

Ордин-Нащокин способствовал также созданию учреждений и принятию правил, приносивших государству прибыль за счет развития как внутренней, так и внешней торговли. Еще в Пскове он пытался привлечь богатых купцов к формированию объединенных компаний с более бедными посадскими людьми, намеревался предоставлять им дешевый кредит из местной казны. Он учредил торговый суд, в который избирались люди, связанные с торговлей и способные справедливо и беспристрастно решать различные споры. По замыслу, судьи должны были пользоваться доверием местных купцов. Более богатые торговцы выступили против этой идеи, так как она угрожала их главенствующему положению в местной торговле, однако царь ее поддержал. И в международных договорах Ордин-Нащокин добивался таких соглашений, касавшихся торговли, которые позволяли бы властям обеих стран повышать качество товаров и подтверждать постановления судов.

По политическим взглядам Ордина-Нащокина можно отнести к неостоикам, а по экономическим — к меркантилистам, что и проявилось в составленном им Новоторговом уставе 1667 г. Устав был создан для улучшения международной торговли на основе договорного права, принятого и защищаемого

го суверенными государствами. Попытки Ордина-Нащокина регулировать и легализовать то, что ранее зиждилось на личных отношениях или причудах богатых и сильных людей, не прибавили ему друзей как среди купцов, так и среди служащих. Его сын Воин помог оппонентам отца, бросив дипломатическую службу и оставшись с официальными документами за границей. В 1672 г. Ордин-Нащокин ушел в монастырь, где и умер в 1680 г.⁷

После смерти Алексея Михайловича при царе Федоре, а затем регентше Софье, ее главный советник Василий Голицын продолжил дело Ордина-Нащокина, однако с бóльшим уклоном в сторону католической Европы. Отмена местничества во многом стала его заслугой. Кроме того, он намеревался начать реформирование командования войсками в соответствии с принципом личной заслуги. Будучи главой Посольского приказа, он заключил «Вечный мир» с Польшей (1686), благодаря которому Россия наряду с Польшей, Венецией и Габсбургской монархией вошла в Священную лигу, созданную для совместных действий против Османской империи. Впервые Московия вступила в союз с европейскими державами. Голицын планировал и другие прогрессивные преобразования, упорядочив отношения России с рядом стран и послав постоянных дипломатических представителей в главные европейские государства.

Голицын, никогда не посещавший Западную Европу, воспринял достижения европейской науки и техники XVII в. Его московская резиденция являлась «местом встречи образованных иностранцев, приезжавших в Москву», включая иезуитов, которых привечали далеко не везде в мире. В его покоях на стенах висели немецкие карты, а «на потолках была нарисована система планет. Комнаты украшало множество часов и термометров тонкой работы искусных мастеров». После переворота 1689 г., в результате которого Софью свергли и заточили в монастырь, Голицына лишили боярского титула⁸.

Как военачальник он был менее удачлив, отчасти из-за того, что первым взялся за решение сложнейшей задачи: раз и навсегда избавить государство от угрозы татарских набегов с юга и захватить потенциально плодородные степные земли

в Причерноморье. Основная проблема для русской армии заключалась в том, что, перед тем как приступить к непосредственным военным действиям, ей пришлось бы пройти со всем провиантом и боевой техникой несколько сотен километров по пустынным, жарким равнинным территориям. Когда в 1687 г. Голицын попытался выполнить свой план, крымский хан, чтобы не оставлять его коням корма, просто поджег степную траву на пути русских войск. В 1689 г. была предпринята еще одна попытка. В этот раз корм для скота погрузили в поклажу и отправили раньше, чтобы закончить кампанию до самого жаркого летнего периода. Несмотря на задержку, обусловленную весенними разливами, Голицыну удалось добраться до Перекопской крепости, охранявшей перешеек, ведущий к Крыму. Однако запасы кончились, и осаду пришлось прекратить⁹.

Неожиданная смерть Федора в 1682 г. способствовала возрождению скрытой борьбы боярских группировок, которую должны были прекратить реформы Голицына. После смерти царя осталось двое сводных братьев: Иван, от первого брака Алексея Михайловича с Марией Милославской и Петр — от второго, с Натальей Нарышкиной. По обычаю трон должен был занять старший брат. Однако Иван страдал умственной неполноценностью и болезненностью, в то время как Петр был здоровым и энергичным мальчиком. Он успел полюбить жителям Москвы. Патриарх Иоаким подозревал род Милославских в прокатолических настроениях и поэтому поддержал Петра, который и был провозглашен царем.

Однако возведение Петра на престол вызвало стрельцкий бунт, что и позволило Софье Милославской прийти на помощь младшему брату Ивану. Стрельцы опасались, что реформирование армии лишит их привилегий, включая право заниматься торговлей. Кроме того, у них накопились жалобы на некоторых офицеров, задерживавших выплату жалованья. Более того, многие стрельцы являлись староверами. Они напали на Кремль и убили членов семьи Нарышкиных вместе с их приближенными. Софья не поддержала требования стрельцов, но воспользовалась их действиями для возведения

на престол Ивана. 26 мая 1682 г. оба брата были коронованы, заняв специально сделанный двойной трон. Появившийся в связи с этим манифест гласил, что в Древнем Риме нередко двое императоров правили одновременно. Софья же (хотя и не официально) в течение нескольких последующих лет оставалась регентшей и даже вынашивала планы о собственном восхождении на престол¹⁰.

В 1689 г. до Петра донеслись слухи о готовящемся новом стрелецком перевороте. Царь бежал в Троице-Сергиев монастырь и, опираясь на верные ему войска, организовал свой контрпереворот. Софью заточили в темницу, а некоторые из ее главных приспешников были казнены или сосланы. Петр правил совместно с Иваном до самой смерти последнего в 1696 г.

Нестабильный («бунташный») характер XVII в. обусловил отказ от некоторых идей о будущем России. Например, с падением Никона оказалась несостоятельной взлелеянная им мысль о главенстве Москвы в восточной православной экумене. Россия являлась теперь государством с множеством вероисповеданий и больше не могла с помощью православия поддерживать свою внутреннюю сплоченность. Не могла Россия оставаться и национальным государством: предав анафеме старую веру, власть и Церковь отвергли и национальный миф.

России теперь суждено было стать многонациональной северо-евразийской империей, что, в свою очередь, определило ее становление в качестве великой европейской державы. А служилое государство и крепостничество обеспечили ее средствами, необходимыми для построения и упрочения этой империи. На протяжении последующих двух веков Россия достигла наибольшей территориальной протяженности и приобрела репутацию одного из сильнейших европейских государств. Это было выдающееся достижение для страны, расположенной на неплодородной, отдаленной от основных международных торговых путей территории. В то же время внутренние структурные последствия этого достижения ощущались очень долго и усложнили дальнейшее развитие России, особенно во второй половине XIX в.

Россия как европейская держава

К концу XVII в. Россия уже являлась евразийской империей, но только начинала становиться европейской державой. В 1636 г. французский государственный деятель Сюлли в своем «Великом проекте» советовал исключить Москву наряду с Османской империей из Европы. Но примерно через семьдесят лет аббат Сен-Пьер в своем «Проекте о вечном мире» (1713) признавал, что мир в Европе не мог быть гарантирован без включения в европейскую систему России¹¹. Ее вступление в европейское созвездие союзов совпало с концом экспансии Османской империи. Заключив в 1686 г. «Вечный мир» с Польшей, Россия наряду с Австрией и Венецией стала членом антиосманской Священной лиги. Так Россия впервые вступила в важный европейский альянс, совершив первый шаг к полноценному участию в европейской дипломатической системе, что было необходимо для поддержания евразийской империи. Ее западные границы оставались открытыми для завоевания любой сильной державой. Весь военный и дипломатический потенциал великого государства предназначался для предотвращения этого. А лейтмотив российской внешней политики XVIII — начала XIX в. заключался в стремлении получить и сохранить за собой статус европейской державы.

Европейская дипломатическая система, в которую вступала Россия, находилась в нестабильном положении. Период, когда доминировало одно государство, часто с мессианскими претензиями, давно прошел. Он закончился с подписанием Вестфальского договора (1648), а возможно, и еще раньше. Вместо одного появилось несколько более или менее равных по своему потенциалу держав, соревновавшихся друг с другом за сохранение международного политического равновесия, иногда называемого балансом сил. В Европе сложилось следующее представление о системе межгосударственных отношений. У каждой европейской страны, отличающейся национальным эгоизмом, имеются свои государственные интересы, и, защищая их, они в итоге уравновесят друг друга, что и приведет к установлению коллективного мира. Говоря словами историка-дипломата XVIII в.: «Все действия были

направлены на продвижение интересов государства — в первую очередь на рост его мощи, увеличение богатства и обеспечение безопасности. Но также важным было поддержание чести и престижа монарха и его положения по отношению к другим правителям»¹².

Именно этому миру Россия волею Петра I и стремилась соответствовать, именно его Петр I считал примером для подражания и объектом различного рода заимствований. Темперамент молодого царя отвечал потребностям развития возглавляемого им государства, но сама страна не подходила для исполнения этой роли. Во-первых, она нуждалась в дипломатах, способных принять и усвоить правила европейской игры. Европейские дворы стали направлять в другие государства постоянных дипломатических представителей, которые практически все являлись аристократами. Их работа заключалась в поддержании отношений правителей друг с другом и тем самым в смягчении противостояния государственных интересов, а также в добыче максимально возможного объема информации о стране пребывания. Эта новая дипломатическая сеть приняла французский язык, язык монархии и аристократии, в качестве официального средства международного общения. Петр I стал первым русским монархом, сознательно заставившим младших членов аристократических семей изучать французский язык и выполнять дипломатические функции и таким образом вовлекшим Россию (как полноправного участника) в европейскую систему¹³.

Однако для России это не являлось чем-то совершенно новым. Московские правители уже давно признали роль дипломатии, особенно в деле сбора необходимой информации. Богатый опыт соперничества со степняками и войн научил их понимать важность сведений о потенциальных оппонентах и ценить умение ослабить противников, разжигая между ними внутренние разногласия. К тому же они имели представление о значении в отношениях между правителями символических аспектов, призванных внушить должное уважение и даже страх, а также заставить считаться с размерами и запасами ресурсов их государства. Вот почему московские послы часто настаивали на том, чтобы весь список титулов их

правителя и зависимых территорий зачитывался полностью при государственных мероприятиях.

В 1549 г. в Москве появился Посольский приказ, первое Министерство иностранных дел, однако в нем работали в основном чиновники, а не бояре, а в его обязанности входило поддержание отношений с полузависимыми общинами, такими, как донское казачество или племена калмыков. Другими словами, это учреждение являлось еще неразвитым и не всегда однозначно различало внутренние и внешние дела России (в этом заключалась важная черта русской государственности)¹⁴.

Поначалу Россия развивала международные отношения посредством специальных посольств, то есть делегаций ведущих государственных деятелей, приезжавших в другую страну на ограниченный период для ведения особых дел. И только в конце XVII в. Россия впервые послала за границу постоянного посла, сначала в Польшу, потом в Швецию — два государства, с которыми у нее были самые близкие отношения.

В начале XVIII в. ситуация резко изменилась. К 1725 г. в различных европейских столицах располагалось двенадцать постоянных российских дипломатических миссий. Более того, Петр I позаботился о том, чтобы их штат состоял из представителей важнейших аристократических семей, которым при ведении дел предоставлялась относительная свобода действий. Царь требовал от будущих дипломатов изучения французского языка и пребывания с юношеских лет в других европейских странах. В отличие от своих бородатых, одетых в длинное платье предков они должны были стать частью «аристократического интернационала», настоящими европейскими господами, способными держаться наравне с иностранными коллегами. В результате в России появилась самая серьезная и тщательно продуманная для того времени система дипломатической подготовки. Россия также стала одним из первых государств, где был создан секретный архив дипломатических документов, при помощи которого официальные лица могли получить нужную информацию, а также сослаться на прецедент или тексты договоров, когда этого требовали обстоятельства¹⁵.

К середине XVIII в. Россия уже заняла прочное место на дипломатической сцене Европы. Сэр Джордж Макартни, бри-

танский посол в Санкт-Петербурге, отметил в 1765 г., что она «больше не рассматривалась как далекая сияющая звезда», а стала «громадной планетой, влившейся в нашу систему; ее место еще не определено, но ее движение очень сильно влияет на движение всех других планет»¹⁶.

Неудивительно, что появление России воспринималось некоторыми державами с опаской. Один английский журналист назвал ее «самой ужасной империей, когда-либо возникавшей на земле». Другой же, более проникательный наблюдатель отмечал интенсивную подготовку России ко всем ее дипломатическим или военным кампаниям: «Они побеждают интригой перед непосредственным появлением на поле боя; они дают взятки, льстят, берут хитростью и мошенничеством»¹⁷. Будто бы другие государства не делали то же самое! И все же данное мнение свидетельствовало о том, что Россия рассматривалась в Европе как нечто чуждое и зловещее. Угроза в лице Османской империи начала отступать, а Россия казалась другой полуазиатской державой, готовой занять ее место и в некоторых отношениях представлявшей еще бóльшую опасность.

Однако внешность обманчива: обеспокоенность России, стремившейся любым, даже символическим образом подтвердить свою мощь, ее скрупулезные приготовления к военным или дипломатическим действиям вытекали из ощущения собственной потенциальной слабости. Отсюда, с одной стороны, приверженность идее «политического равновесия» в Европе, а с другой — периодические попытки заменить ее в XIX и XX вв. чем-то более постоянным и универсальным, таким, например, как система Венского конгресса после наполеоновских войн.

Балтийское море

Россия не могла стать европейской державой в полном смысле этого слова, не обеспечив себе безопасный доступ к Балтийскому и Черному морям. В начале XVIII в. Швеция все еще владела стратегически важными балтийскими провинциями: Ингрией, Карелией, Финляндией, Эстляндией и Лифляндией

(Ливонией). Польша согласно условиям Андрусовского договора (1667) уступила восточный (левый) берег нижнего Днепра России, но оставила за собой большую часть верховьев Днепра, а также обширные территории вдоль Двины.

В марте 1697 г. Петр в составе Великого посольства отправился в путешествие по странам Балтики и Северной Европы. Оно стало последним специальным посольством, используемым в российской дипломатии, и необычным в нем было только самоличное участие царя, путешествовавшего инкогнито под именем бомбардира артиллерии Петра Михайлова. Однако царь сам раскрыл свое пребывание за границей, обижаясь, когда к нему обращались без должного почтения. Посольство создавалось в целях привлечения союзников к антитурецкой кампании, но в ходе поездки Петр понял, что по множеству причин лучше сконцентрировать свое внимание на Балтике. Завоевание балтийского берега означало для России приобретение надежной естественной границы на северо-западе и создание условий для беспрепятственной торговли с богатыми странами Северной Европы.

Возможно, более важным фактором изменения направления внешней политики России стало то, что Петр, оказавшись наблюдательным путешественником, испытал глубокое впечатление от научных, технических и экономических достижений протестантской Европы и решил, что должен сделать Россию частью именно этого мира. Правда, опыт общения с заграницей царь получил еще раньше, в молодости, когда, нарушив московские табу, посещал Немецкую слободу и вступал в длинные (нередко пьяные) разговоры с жившими там торговцами, ремесленниками и наемными солдатами. Там он начал учиться навигации, баллистике и фортификации у голландца Франца Тиммермана и даже стал носить голландскую военную форму. Благодаря европейскому путешествию он познакомился с тем миром, откуда прибыли эти удивительные иностранцы. Некоторые северные европейские государства при реформировании своих экономических и социальных институтов начали использовать достижения «научной революции», а Петр стал не только свидетелем, но и в определенной степени участником этого процесса. Он изучал артиллерийское дело в Кенигсберге, плот-

ническое ремесло в Амстердаме и кораблестроение в Лондоне. Наблюдения же за деятельностью арсенала, Королевского Монетного двора и Королевского общества вдохновляли его идеями о том, как государство должно покровительствовать науке и технике¹⁸. Тогда же Петр окончательно убедился в необходимости постоянных дипломатических представительств при основных дворах Европы.

Стремление России получить безопасный и надежный доступ к Балтике вело к ее противостоянию со шведской империей. Швеция являлась в некотором роде Российской империей в миниатюре — изначально она обладала северными землями с недостаточными ресурсами и незащищенными границами, а впоследствии расширила свои владения за счет южных и восточных территорий. К концу XVII в. Швеция почти достигла своей цели — главенствующего положения на Балтийском море и его береговых линиях, а соответственно и в международной морской торговле. Хорошо обученная пехота и способность к быстрой мобилизации ресурсов сделали Швецию, по мнению Петра, прекрасным примером для подражания. Своеобразной моделью являлось и моральное состояние самих шведов: живая лютеранская вера наряду с национальным единством и относительно высокой социальной мобильностью создали, по стандартам того времени, необычайно прочное общество, которым и восхищался Петр¹⁹.

В силу всех этих причин Швеция являлась куда более серьезным противником, чем полагал по-юношески импульсивный Петр. Заключив в 1700 г. союз с Польшей и Данией, он повел значительные силы на север для осады Нарвы, самого восточного порта в Финском заливе. Петр ошибся, рассчитывая на легкую победу над молодым и неопытным Карлом XII. Дания вышла из альянса, а польская армия не смогла взять Ригу, поэтому России пришлось воевать одной. Русская армия превышала шведскую по численности в четыре раза и легко бы захватила Нарву, если бы не великолепная подготовка шведских войск и вдохновенное командование их мальчика-короля. Он освободил Нарву и разбил вражеские силы.

Охотно учившийся Петр получил хороший урок и сделал важные выводы. Он понял, что для участия в балтийских

операциях необходимо построить современный флот, а также то, что его армия, несмотря на свою численность, была плохо организована и плохо оснащена, чтобы справиться с сильными европейскими противниками. Именно эти выводы и подвигли Петра на проведение последующих реформ.

Карл, так и не развив свою победу под Нарвой, решил выступить в первую очередь против Польши, оставив тем самым Петру необходимое время для передышки и проведения реформ. В 1703 г. русская армия разбила немногочисленное шведское войско и завоевала опорный пункт в Ингрии, в восточной части Финского залива. Это было важнейшим стратегическим приобретением, и Петр решил в честь этого события основать новый город, Санкт-Петербург, который стал затем столицей империи, являвшейся теперь частью Северной Европы.

Петр не только смело передвинул столицу России в бывшую периферийную зону, он еще и дал вооруженным силам новое направление в развитии. Петр начал с создания Балтийского флота. На берегу Невы было построено Адмиралтейство, и вскоре верфи вдоль Невы заполнили остовы военных кораблей, строившихся для того, чтобы позднее занять свое место на островной базе в Кронштадте (несколько километров вниз по Финскому заливу). К 1725 г. Балтийский флот располагал 36 линейными кораблями, 16 фрегатами, 70 вельботами и более чем 200 других судов. Таким образом реализовывались планы России о постоянном присутствии в морях Северной Европы. В предисловии к Морскому уставу говорилось следующее: «У монарха, обладающего лишь наземными силами, всего одна рука. Тот, у кого есть флот, — двурук»²⁰.

Карл начал понимать всю опасность, которую представляла русская армия, захватившая балтийские провинции — житницу Шведской империи. В 1707 г., окончательно победив польскую армию, он занял Гродно, оттуда перешел Березину и завоевал Могилев, где ожидал прибытия из Ливонии корпуса под предводительством генерала Левенгаупта с дополнительными припасами и снаряжением. Левенгаупт по дороге был неожиданно перехвачен русскими. Нуждаясь в провианте для войск и надеясь обрести новых союзников среди малороссийских казаков (чей гетман Мазепа остался

недоволен тем, что Петр не смог как следует защитить Украину), Карл направился на юго-восток, на Украину, а не прямо на Москву.

Ответная реакция Петра сводилась к максимально возможному использованию важнейшего стратегического преимущества России — пространства. Он приказал эвакуировать людей с незащищенных территорий, сжигать дома и мосты и уничтожать все съестные припасы, чтобы враг не нашел там ни еды, ни прибежища. Из всех европейских держав только Россия могла позволить себе подобную стратегию. Однако она дорого стоила простым русским людям, у которых не оставалось выбора, кроме как молча смотреть на свои разрушенные жилища. В то же время штаб Мазепы был уничтожен вместе с запасом провианта и снаряжения, на который так рассчитывал Карл. Таким образом, при осаде Полтавы (июнь 1709) шведы быстро исчерпали все свои ресурсы; изможденные и недоедавшие войска не смогли противостоять реформированной русской армии и потерпели поражение. Раненый Карл с трудом бежал в Османскую империю.

Русская армия воспользовалась случаем, чтобы повернуть на северо-запад, к Двине, захватить Ригу, а оттуда постепенно занять все южные шведские балтийские провинции. Новый русский Балтийский флот одержал победу над шведскими морскими силами в 1714 г. при Гангуте. Русские собирались покорить Финляндию и даже угрожали самой Швеции, проникнув на берег Ботнического залива. Казаки расположились уже на подходах к Стокгольму, когда шведы взмолились о мире, и Петр смог выдвинуть свои условия.

Ништадтский договор (1721) дал России контроль над Лифляндией, Эстляндией, Ингрией, частью Карелии вокруг Выборга и всеми островами от Курляндской границы до Санкт-Петербурга. Один из этих островов, Котлин (переименованный в Кронштадт), стал базой Балтийского морского флота России. Договор также позволял шведам ежегодно получать с их бывших провинций ржи на 50 000 рублей. Русские объявили себя гарантами новой шведской конституции 1720 г., положившей конец абсолютизму и установившей законодательную власть риксдага. Другими словами, Россия претендовала на право

вмешиваться во внутренние дела Швеции и диктовать свою волю на другом берегу Балтики.

Но подобное вмешательство не могло принимать открытые формы. Любое свидетельство того, что Россия стремилась повергнуть Швецию или возыметь на нее решающее влияние, вызывало либо сопротивление других европейских держав, обеспокоенных тем, что Россия готова превратить Балтику в свое внутреннее озеро, или, наоборот, побуждало их искать собственную выгоду в российском присутствии в Швеции. В 1727 г. к Ганноверскому союзу, в который входили Дания, Швеция и Пруссия, присоединились Британия и Франция, чтобы вместе не позволить России воспользоваться династическим союзом с Голштинским герцогством. С другой стороны, в 1765 г. Россия, Пруссия и Дания активно обсуждали вопрос о возможном разделе Швеции.

Однако ни одному из этих планов не суждено было сбыться. Несмотря на три войны (1742—1743, 1788—1790 и 1808—1809), России так и не удалось решительно повлиять на внутреннюю политику Швеции. Шведская монархия в отличие от польской являлась наследственной, не избирательной, а ее политическая структура не поощряла полной свободы группировок и конфедерации. России пришлось столкнуться и с определенной угрозой при передвижении войск, так как Финляндия и Ботнический залив располагались на шведской территории. Пока Швеция контролировала Финляндию, та представляла определенную опасность для новой российской столицы. Эта опасность стала невыносимой, и в период наполеоновских войн Россия воспользовалась временным затишьем после подписания Тильзитского договора (1807), чтобы завоевать Финляндию²¹.

Победа в Великой Северной войне с неизбежностью вовлекла Россию в европейское дипломатическое и военное соперничество, начавшееся в 1720-е гг. Ее царская семья теперь заключала браки с королевскими домами Европы, иногда для поддержания дипломатических кампаний и всегда в династических территориальных интересах. Россия нуждалась в союзниках, чтобы противостоять Турции на юге и тому, кто возжелал бы главенствовать на Балтике, — на севере. К середине XVIII в. определенную угрозу стала представлять

Пруссия, которая благодаря налоговой и военной политике (не похожей на российскую) быстро становилась доминирующей силой в северной континентальной Европе.

В самой длительной Семилетней войне этого периода (1756—1762) Россия вела войну вместе с Австрией и Францией и оккупировала Пруссию. Так полностью окупилась военные реформы Петра — мобилизация многочисленного населения и уровень боевого духа оказались достаточными для победы. Несмотря на нехватку в командном составе и серьезные трудности с припасами, великолепная артиллерия и выносливая, подвижная пехота позволили русской армии разбить пруссаков в Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе. Некоторые иностранцы ужаснулись готовности русских военачальников добиваться победы ценой огромных потерь; после не решающей, но кровавой Цорндорфской битвы (1758) Фридрих Великий, до этого презрительно отзывавшийся о русской армии, сказал: «Этих русских проще убить, чем победить»²². Русские смогли захватить Восточную Пруссию и совершить поход на Берлин. Однако после смерти императрицы Елизаветы на престол вступил Петр III, отдавший приказ освободить Восточную Пруссию и готовить войска к действиям против Дании, соперницы его родной Голштинии²³.

Итоги Семилетней войны показали, что Россия являлась не только полноценным членом союза великих европейских держав, но и потенциально главенствующей силой. Это означало, что ее армия была по меньшей мере равной любой европейской, но ее военачальники все еще сталкивались с трудностями в осмыслении и формулировании некой постоянной идеи государства и его интересов, независимых от семейных владений и связей правящей династии.

Польша

Одной из самых животрепещущих проблем в русской имперской и внешней политике оставалась проблема слабых государств, граничивших с Россией. Подобные государства, с одной стороны, представляли угрозу, а с другой — откры-

вали определенные возможности. Угроза заключалась прежде всего в их внутреннем беспорядке, способном перекинуться и на саму Россию. А их гибель могла привести к тому, что создавшийся вакуум заполнила бы другая, более мощная держава. Классическим примером стала Польша XVIII в., чья граница располагалась на Восточно-Европейской равнине (и именно с этого направления великие европейские державы грозили напасть на Россию).

Известно, что в первой половине XVII в. Речь Посполитая сама угрожала существованию независимого Российского государства. Однако ее сила и статус заметно упали в конце XVII — начале XVIII в. Ставшая к концу XVI в. выборной, монархия потеряла контроль над армией и превратилась в игрушку группировок знати и иностранных интриганов. Бастионом знати являлся сейм, где республиканская конституция позволяла одному-единственному депутату наложить вето на резолюцию. И хотя это право не использовалось слишком широко, оно тем не менее ослабляло способность государства принимать решения, особенно по спорным вопросам. Конституция давала также право конфедерациям, объединяющим группы граждан, поддерживать закон силовыми методами.

Внутреннее положение Польши позволило России использовать то, что она применяла и раньше при подготовке к конфликту с одним из степных ханств: поддерживать отношения с той или иной группировкой государства-соперника и, если возможно, склонить ее на свою сторону. В каком-то смысле это было повторением того, что в свое время предприняла Польша по отношению к униатской церкви. В XVIII в. Россия при поддержке православных священнослужителей несколько раз выступала в защиту интересов православных и других не католиков, проживавших в Польше. Кроме того, Россия решительно участвовала в каждом избрании короля, продвигая кандидата, готового в дальнейшем представлять ее интересы. Таким образом, Россия всячески старалась помешать возрождению Польши посредством реформирования конституции и даже посылала войска в сейм для ареста неугодных ей депутатов.

Польша, однако, была не степным ханством, а европейской державой, а следовательно, другие европейские державы испытывали законную, хотя и далеко не альтруистическую, оза-

боченность ее судьбой. России была выгодна слабая Польша, существующая как буферное государство. Другие страны отрицали особый статус России, и в итоге соседи Польши приняли окончательное решение — разделить Речь Посполитую на три части, в 1772, 1793 и 1795 гг., между Пруссией, Австрией и Россией и прекратить ее существование как независимого государства. Так в XVIII в. европейское «содружество» поступило с одним из ослабевших его участников²⁴.

Сложившаяся ситуация поставила Россию перед новыми трудностями, но и предоставила новые возможности. Она получила свою долю Польши (которая после 1815 г. включала столицу, Варшаву) в виде целой зоны украинской культуры и всех территорий, некогда принадлежавших Киевской Руси, за исключением Галиции (все еще являвшейся частью габсбургских владений). Теперь притязания России на статус «собирателя русских земель» себя оправдали. Но в результате на нее легла ответственность за два народа, которых оказалось очень трудно ассимилировать, — большую часть поляков и большинство европейских евреев.

Османская империя

Самой желанной для России XVIII в. являлась огромная степная территория между южной линией укреплений и северным побережьем Черного моря. В стратегическом и экономическом отношениях эти земли имели решающее значение для закрепления за Россией статуса евразийской империи и европейской великой державы. До тех пор, пока Россия не могла быть уверена в защищенности или по крайней мере стабильности границ, она постоянно оставалась уязвимой со стратегической точки зрения. Крымские татары не имели такой мощи, как монголы, но все же на протяжении более чем двух веков их набеги несли разорения и жертвы. Противостояние татарам превратилось в основное содержание военной политики России и даже влияло на формирование ее социальной структуры.

Огромной была и экономическая роль региона: степь простиралась на самых обширных и плодородных землях в Европе, включая большую часть чернозема, с теплым климатом — гарантом долгого сельскохозяйственного сезона, причем землю из-за геополитической уязвимости региона практически не эксплуатировали. Для империи, занимавшей в основном менее плодородные земли и с более суровым климатом, перспектива захвата этой территории казалась весьма заманчивой.

К тому же перед Россией открывались новые перспективы, связанные с преимуществом ведения торговли и прохода военно-морского флота через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Новые пути давали возможность выйти из замкнутого круга замерзающих морей и начать многообещающую левантскую торговлю, которая могла бы заменить более раннюю, проходящую вдоль Евразийского континента.

Наконец, Россия, помня о тех столетиях, когда ислам выступал против христианства, могла бы взять исторический реванш. Теперь выдался случай «сбить полумесяц» и вновь воздвигнуть крест на соборе Святой Софии в Константинополе. Русские государственные деятели отказались от идеи главенствующего положения России в восстановлении восточнохристианской экумены, но все же отголоски этих надежд вызывали сильнейшие культурные и религиозные отклики, что прибавляло рвения военным и дипломатам.

Османская империя являлась сильным и упорным противником. В течение двух с половиной веков она вызывала постоянную озабоченность России и часто находилась с ней в состоянии войны. Но в каком-то смысле она являлась единомышленником России, ее вторым «я» (*alter ego*), таким же многоэтническим государством, колебавшимся между христианством и исламом и включавшим в себя множество субъектов с двумя верами. Как и Россия, Османская империя была автократией с мнимой религиозной миссией, а на практике спокойно взирала на различные верования. Помимо этого, она обладала другим, менее очевидным, сходством с Россией: преобладающий численно и официально главенствующий народ, турки, чей язык использовался в официальной документации, по сути дела, представлял подчиненных крестьян, а его культура и традиции казались чуждыми правящей элите.

С XV по XVII в. Османская империя достигла пика своего могущества. Неудачная осада Вены в 1683 г. ознаменовала начало продолжительного падения. В ходе ряда войн XVIII — начала XIX в. Россия установила свою власть сначала на северном побережье Черного моря, затем вдоль Кавказской горной цепи и ее южных отрогов. Эти успехи дали России право посылать торговые суда через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море, т.е., выражаясь дипломатическим языком, эти проливы обеспечили торговую связь с остальным миром. К тому же ей досталась важнейшая территория между Черным морем и Каспием, где таким образом встретились три империи — турецкая, персидская и собственно российская.

Итак, в период между концом XVII и началом XX в. России сопутствовал больший успех, чем Османской империи. Причины ее преобладания и успехов определялись отличительными чертами Российской империи. Во-первых, русское дворянство (а позже интеллигенция) было куда более европеизированным, чем турецкая знать. Радикальные социальные, культурные и образовательные реформы Петра I по временным рамкам совпали с коротким периодом поверхностного заимствования Османской империей некоторых художественных европейских форм обстановки и ландшафта, получившим название «период тюльпана». Ассимиляция же турками европейской культуры и техники началась позже и протекала с большими трудностями, чем в России. Как заметил в 1721 г. один из дипломатов Георга I: «Русских стоит опасаться больше, чем турок. В отличие от последних они не пребывают в полном невежестве и не отступают после причиненных ими разрушений. Наоборот, они все больше и больше набираются опыта в военных и государственных делах, превосходя многие нации в умении все рассчитывать и лицемерить»²⁵.

Кроме того, несмотря на обширность территории, Российская империя была более сплоченной. В Османской империи Сирией, Египтом, Балканами и даже некоторыми частями Анатолии долгое время управляли знатные местные фамилии, контролировавшие региональную экономику и имевшие своих вассалов. Вместо того чтобы установить над этими территориями прямую власть, османский режим был

вынужден добиваться с ними соглашений о налогах, рекрутах и соблюдении закона²⁶. В России дворяне слишком часто меняли места своего проживания и владели поместьями во многих регионах, что мешало им отождествлять себя с какой-то одной местностью. Более того, нерусская элита в значительной степени вливалась в правящий класс империи. При обширности русских земель государство практически не страдало от центробежных местных интересов.

Россия к тому же умела лучше мобилизовывать свои людские и территориальные ресурсы. Возможно, подушный налог и был грабительским, но он приносил неплохой доход, так же как и монополия на спиртные напитки. Во времена кризисов русские люди переживали инфляцию, но не полный финансовый крах и никогда не испытывали унижения, подобного тому, которое испытала Османская империя в 1881 г., когда ее долг контролировался международным советом, созданным всеми европейскими банками. Экспорт в Европу российских товаров (пусть даже сырья и сельскохозяйственных продуктов) оставался на приемлемом уровне, в то время как турецкая продукция не выдерживала европейской конкуренции. Хотя зарубежная русская торговля производилась в основном на иностранных судах, но государство не заключало долговременных договоров, которые позволяли бы заморским купцам получать торговые привилегии, как это было внутри Османской империи²⁷.

Геостратегические проблемы черноморских степей разрушили планы Василия Голицына. Первая попытка Петра достичь в 1695 г. черноморского побережья не увенчалась успехом. Но в 1696 г. он избежал трудного похода через степи, построив флотилию военно-морских и транспортных судов в Воронеже и спустив их по Дону для оказания поддержки 60-тысячной армии. Русские войска осадили главную крепость османов Азов, а в это время суда отрезали ее с моря. В июле крепость сдалась. Этот успех Петр планировал развить за счет сооружения гавани в Таганроге, находившемся немного западнее Азова, и строительства Волго-Донского канала, посредством которого он надеялся перенести пути восточной торговли Европы на Волгу.

После Полтавской победы Петр решил через Балканы напасть на Османскую империю, ослабленную в это время поражениями от австрийцев. Греческое духовенство, жившее под османским правлением, побуждало Россию продолжить свой успех на Украине, вступив в союз с господарями (князьями) Молдавии и Валахии в целях освобождения балканских христиан от «агарян и басурман»²⁸. Летом 1711 г. Петр собрал войско, состоявшее более чем из 40 000 человек, но обещанная помощь от православных братьев так и не пришла. Вскоре русское войско оказалось окруженным и отрезанным от тыла превосходящими его по численности турецкими силами. Чтобы спасти себя и своих людей, Петр был вынужден принять условия мира, включавшие возвращение туркам Азова, а вместе с ним и ненадежного черноморского плацдарма России.

В 1736 г. генерал Миних возобновил попытки Голицына завоевать Крым. Ему удалось продвинуться еще дальше, чем его предшественнику. Он прорвал защиту Перекопа и завладел крепостью, но мало что мог сделать на самом полуострове. В итоге он вынужден был его покинуть из-за истощения припасов (татары сожгли склады и отравили колодцы и источники). И снова война не принесла почти никаких выгод: Таганрог оставался закрыт для русских кораблей, но Азов, хотя и был возвращен туркам, перестал быть неприступной крепостью²⁹.

Реформы Петра I

Для того чтобы сохранить единство огромной империи с уязвимыми границами и мобилизовать все ее ресурсы для успешного исполнения роли великой европейской державы, Петр I решил создать институты, подобные тем, которые он видел во время юношеских путешествий в протестантские государства и страны Северной Европы. Это ему удалось и не удалось одновременно. В каком-то смысле он превратил Россию в соответствующее европейскому статусу государство. Но по сути дела, Петр не только ничего в ней не изменил, но даже укрепил ее неевропейские черты. Сам он был убежден в том,

что привносил радикальные фундаментальные перемены, вытаскивая Россию, если использовать излюбленную фразу его панегиристов, «из тьмы на свет». При этом Петр порой проводил реформы с прямоотой, которой могли позавидовать самые «просвещенные» абсолютные монархи Европы. Но действовал он так резко и прямо потому, что ему приходилось противостоять самой природе московского общества. Однако в результате Петр сохранял и усиливал его архаические черты. Другие монархи были вынуждены тяжело трудиться, чтобы ослаблять сложившуюся иерархию, противостоять укоренившимся корпорациям, разрушать давно существующие льготы и привилегии. Задача Петра отличалась большей простотой: он обновлял служилое государство, не уничтожая его.

Унизительное поражение под Нарвой способствовало реформированию армии. Петр принял к сведению те изменения, которые привнес его отец. Поместная кавалерия перестала быть главной силой армии, но оставалась в центре социальной структуры государства, а поместье на практике стало наследуемой собственностью, независимо от того, выполнялась ли наследником военная служба или нет. Петру было необходимо реорганизовать армию и восстановить принцип непрерывной службы. Взамен полуфеодальных рекрутских наборов, все еще практиковавшихся в России, он создал постоянную армию, не расформировав ее на зиму, а все время находившуюся в боевой готовности и состоявшую из солдат, которые служили всю жизнь. Заботу о наборе, подготовке и оснащении армии он полностью возложил на государство, а его реформа регионального управления фактически стала чем-то большим, чем просто механизмом для набора и содержания войск местными властями.

С 1705 г. Петр ввел рекрутчину (регулярный призыв). Теперь рекрутов набирали прямо из деревни, обычно одного с двадцати домов, выбранного владельцем (или в случае с «черными» крестьянами — собранием общины). Будущий солдат покидал деревню, имея при себе лишь самое необходимое; после о нем заботилось государство. Рекрутский набор поддерживался круговой порукой: то есть, если рекрут не мог выполнить свой долг или дезертировал, соседские семьи должны были заменить его другим солдатом³⁰.

Благодаря этой системе к концу правления Петра была создана постоянная армия, состоявшая примерно из 200 000 человек. Она не стала самой большой в Европе — французская ее немного превосходила, — но оказалась достаточно многочисленной для того, чтобы Россия смогла занять свое место среди ведущих европейских держав. Как выяснилось, такая система оказалась очень эффективной. Выдающаяся военная подготовка русских войск при постоянном недостатке ресурсов и суровой дисциплине была просто парадоксальной.

Успехи армии объяснялись формированием у солдат чувства гордости и корпоративного духа. Крепостной, попавший в войска, становился абсолютно новым человеком. Он больше не был крепостным, освобождался от этого статуса. Поскольку его служба являлась пожизненной, то уход из деревни, с которой рекрут прощался навсегда, сопровождался особой церемонией, похожей на гражданские похороны, с оплакиванием и причитаниями. (В конце XVIII в. срок службы составлял 25 лет, которые в русской армии приравнивались к целой жизни.) В полку солдат получал форму, регулярную плату, возможность продвижения по службе и награждения орденом — то есть все то, о чем он мог лишь мечтать в деревне. Военный устав требовал от офицеров всячески заботиться о благосостоянии солдата. Военная юридическая система давала каждому солдату право выступать против плохого с ним обращения, и временами его требования удовлетворялись³¹. В общем, в армии он являлся своего рода «гражданином», обладал правами и возможностями, о которых не мог и мечтать дома.

На практике же, конечно, выплаты часто задерживались, урезались или присваивались старшими по званию. Солдат должен был сам латать свой мундир, чинить обувь и выращивать репу. В мирное время солдатам приходилось заниматься сельским хозяйством, портняжным и сапожным делом, производя продукцию на продажу. Для лучшей организации «внеслужебной» деятельности они создавали артели, как если бы все еще оставались крестьянами, искавшими работу. Артель представляла собой взвод из 20—30 человек: один из них избирался старшим, он получал полагавшиеся средства от командовавшего ими офицера, добавлял деньги из любого

другого доступного источника, пополняя тем самым дефицит государственной системы снабжения. Старший обычно организовывал работу в мастерских и на полях. В какой-то степени взвод или артель походили на деревенскую общину, а регулярные встречи напоминали привычную сходку. Поэтому в более широком смысле русский солдат был «крестьянином в форме»³².

Артель брала на себя функции, которые в большинстве армий должны были выполнять сержанты или интендантство. Созданная по необходимости, артель все же обладала внутренней сплоченностью. Работы по изучению боевого духа показывают, что решающими факторами его формирования у русских солдат являлись смекалка и чувство единства с товарищами, сопряженные с компетентным военным руководством и строгой, но гуманной дисциплиной³³.

Русская армия, отчасти ненамеренно, способствовала становлению этих ценных качеств. Хороший генерал мог развить боевой дух солдат и благодаря ему добиться нужного результата. Возможно, самым выдающимся среди русских полководцев являлся Александр Суворов, который во второй половине XVIII в. и до начала XIX в. за тридцатилетний период не проиграл ни одного сражения. Он был сторонником непреклонной дисциплины, но не забывал заботиться о своих солдатах и делал все возможное, чтобы лучше узнать их жизнь. К ужасу его помощников и подчиненных, он мог, например, без предупреждения на полковом биваке разделить скудную пищу с простыми солдатами и выслушать их мнения о последней битве. Суворов настаивал на регулярном исполнении религиозного ритуала как способа установления контакта между офицерами и солдатами, а также как средства облегчения их существования в постоянной атмосфере непредсказуемости исхода того или иного боя. В отличие от большинства офицеров он разрешал своим войскам жить на доходы с земли, зная, что артели не дадут солдатам дезертировать или забыть о дисциплине. Самое же важное заключалось в вере Суворова в большую по сравнению с противником сплоченность русских войск, что позволяло ему проводить смелые маневры, на которые не решались многие

его современники. Так, Суворов сумел атаковать и захватить две османские крепости, Очаков (1788) и Измаил (1790), ранее считавшиеся неприступными³⁴.

Можно сказать, что солдаты стали «гражданами империи». Они составляли социальную базу русского имперского сознания, слабо развитого или вообще отсутствовавшего в деревнях. Вот почему цари так упорно отождествляли себя с армией, ища в ней микрокосм империи, сплоченность которой все еще ставилась под сомнение.

Сущность имперского государства

Многие реформы Петра I вызывались необходимостью набора, снабжения и содержания армии. Но они не были поспешными и предназначались не только для этой цели. У Петра сложились свои представления о государстве и задачах его функционирования. Эти представления он заимствовал у протестантской Европы. Самого Петра можно считать неостойким, верившим в то, что как монарх он был призван Богом для мобилизации ресурсов доверенного ему государства ради увеличения его мощи, умножения богатства и процветания народа. Петр, будучи порождением своего времени (конца XVII в.), вдохновлялся последними достижениями науки и техники и верил в то, что человеческие способности можно эффективно использовать, если применить современные знания и умения. Именно в этом он и видел задачу государства. Подобная отрасль знаний называлась в то время камералистикой, и Петр, никогда не изучавший ее, невольно утверждал ее принципы, подобно тому, как это сделали его современники в Швеции и Пруссии³⁵.

Его просветительский взгляд на государство проявлялся в церемониях и службах, которые сам Петр придумывал как для русской, так и иностранной публики. Они брали свое начало не столько из Второго Рима, сколько из Первого, языческого и дохристианского, с культом императора и упором на его достижения. Личности императора уделялось боль-

ше внимания, чем милости Божией. Ежегодная процессия в Вербное воскресенье, во время которой шедший пешком царь вел осла с сидевшим на нем патриархом, больше не проводилась, а те религиозные церемонии, которые продолжали существовать, сопровождались военными и светскими символами. После побед на поле брани Петр обычно въезжал в столицу через Триумфальную арку в римском стиле, на которой изображался имперский орел с Зевсом, Геркулесом и Марсом. Петр принял римский титул «*Russorum Imperator*»*, а эпитеты «благочестивый и милосердный», ранее ассоциировавшиеся с царем, были опущены. После окончательной победы над шведами Сенат присвоил ему дополнительный титул отца отечества, равный «*pater patriae*», данный в свое время императору Августу³⁶.

Однако все это не означало, что Петр отошел от православной формы христианства или сам перестал быть православным верующим. И все же его личные верования содержали элементы, чуждые православной традиции. Петр понизил положение Церкви и подчинил ее функции нуждам государства. В 1721 г. он отменил патриархат и заменил его Священным синодом, на самом деле являвшимся никаким не Синодом, а коллегиальным административным советом, который состоял в основном из митрополитов, находившихся под надзором светского доверенного лица — обер-прокурора, назначенного царем и служившего ему³⁷.

Новые взаимоотношения Церкви и государства были изложены ведущим петровским церковным реформатором Феофаном Прокоповичем, одним из длинного списка украинских церковников, давших в XVII—XVIII вв. Православной церкви ее форму. Несмотря на иезуитское образование (какое-то время он учился в колледже Святого Афанасия в Риме), Прокопович придерживался крайнего эрастианского протестантизма, который проповедовал Томас Гоббс и использовала Англиканская церковь, поразившая Петра во время его визита в Лондон. В трактате Прокоповича «Духовный регламент» (1721) говорилось о том, что автократия являлась необходимой, так как люди по натуре своей жадны и драчливы и поэтому будут постоянно

* Русский император (лат.).

вести войны друг с другом, пока не найдется жесткая власть. Патриарх представлял опасность, так как соперничал с суверенным и олицетворял альтернативу монаршей воле. «Простые люди не понимают, чем духовная власть отличается от самодержавной, но восхищаются достоинством и славой Высшего Пастыря, они думают, что этот правитель — второй суверен, что он обладает равной самодержцу мощью, или даже большей»³⁸.

Бесспорно, Петр помнил о трудностях, с которыми его отец столкнулся из-за Никона. Но его политика подчинения Церкви была связана с более далеко идущими планами. В Византии приверженность монарха закону Божию обеспечивалась патриархом. Теперь в России, когда один столп византийской «симфонии» исчез, сам монарх становился гарантом. Можно прийти к выводу, что власть монарха не ограничивалась пределами закона Божия, как только сама сделалась *выражением* этого закона³⁹.

Под началом Прокоповича от священников требовалось ведение записи посещений прихожан для причастий и исповедей. Кроме того, они были обязаны зачитывать с кафедры законы, приводить к присяге на верность и регистрировать рождения, браки и смерти. При отсутствии других местных официальных лиц священники становились мелкими государственными чиновниками. На них даже возлагалась своего рода обязанность по безопасности и поддержанию правопорядка. В соответствии с указом от 17 мая 1722 г. «если во время исповеди кто-то расскажет священнику о несовершеннолетнем, но задуманном и намеренном преступлении, особенно предательстве или восстании против правителя или государства, или о планируемых действиях, направленных во зло чести или здоровью государя и его семьи, и подчеркнет, что не отказывается от задуманного... тогда исповедник должен не только отказать в отпущении грехов, но и немедленно сообщить об услышанном куда нужно». А сообщать нужно было в Преображенский приказ, являвшийся преемником Приказа тайных дел⁴⁰.

Согласно новому предписанию отношения между священниками и прихожанами сильно изменились. Это произошло отчасти из-за того, что благодаря семинариям священники становились более образованными. Однако их обучение произво-

дилось по польскому и римскому образцам, что не отражало особенностей православной формы христианства. Более серьезным являлось то, что отношения между прихожанами и священником оказались подорваны. Священнослужители больше не выбирались на приходских собраниях, а назначались епископами, которые могли авторитетно подтвердить их квалификацию. Отчасти из-за этого сам приход начал атрофироваться, оставляя большинство своих духовных функций епархии, а светские функции — мирскому собранию. Программа ревнителей благочестия реализовалась несколько однобоко: приходские священники лучше подготавливались, вели службы в соответствии с улучшенным молитвенником и искореняли языческие обычаи, но все это происходило ценой утраты близких и доверительных отношений с прихожанами⁴¹.

Неугомонная деятельная вера Петра не принимала монастырей. В отличие от своего коллеги-англиканца Генриха VIII он не закрывал обители, а сокращал их количество, старался регулировать их деятельность так, чтобы они становились центрами социальной защиты, эффективно выполнявшими свои функции во благо обществу. Их роль заключалась в помощи бедным и больным, предоставлении приюта инвалидам, нищим и ветеранам армии. Для того чтобы быть уверенным в выполнении монастырями этих функций, Петр экспроприировал все монастырские доходы, предоставляя им затем установленную сумму государственных субсидий, зависевшую от строгой дисциплины в исполнении благотворительных обязанностей. Прийти в монастырь могли только мужчины старше тридцати и женщины старше пятидесяти лет. Монахи должны были быть грамотными, но им запрещалось что-либо писать без разрешения старшего или даже держать письменные принадлежности в своих кельях, так как «ничто так не разрушает монашеское спокойствие, как бесполезное и тщетное писание»⁴².

Как отмечали некоторые ученые, в каком-то смысле петровская реформа стала «протестантской реформацией»⁴³. Петр подчинил Церковь государству, взял под контроль ее финансы и перекроил ее для образовательной, благотворительной и социальной деятельности. Проблема заключалась в том, что многие из необходимых для начала реформации условий

в России просто отсутствовали. Не существовало традиции теологии соглашения или естественного закона, которые стали решающими элементами в политической культуре протестантизма. Приходская жизнь была относительно неразвита, а реформа Петра еще больше ее ослабила. Наконец, не существовало Писаний на доступном народу языке, которые простые люди могли бы читать для формирования и укрепления собственной набожности. Приходские и письменные традиции протестантского подобиия если и встречались в России, то только среди староверов, которые были резко настроены против петровских нововведений.

Между взглядом на Церковь большинства верующих и настоящим положением дел в петровском государстве постепенно возникало опасное несоответствие. Священники и миряне продолжали считать царя помазанником Божиим, правившим в гармонии, или «симфонии», с Церковью. Однако государство имело совсем иные планы и видело в Церкви инструмент светской политики. Один церковный историк назвал это несоответствие «главной ложью синодского периода», а другой заявил, что Петр I дал начало «настоящему и глубокому расколу... не столько между государством и народом (как думали славянофилы), сколько между властями и церковью»⁴⁴.

В 1762—1764 гг. Петр III и Екатерина II завершили процесс экспроприации и рационализации церковного имущества, взяв на себя заботу обо всех земельных владениях Церкви и заменив доход с этих земель официальным вкладом в епархии и монастыри. Однако сумма вклада составляла лишь четверть былых доходов. Только один церковный иерарх, митрополит Ростовский Арсений, выказал протест против этих действий. Он был осужден за государственную измену, лишен духовного сана и заключен на пожизненный срок в крепость.

Последствия этих реформ стали прямо противоположными результатам протестантской Реформации. Православные священники находились теперь в изоляции, ухудшилось и их материальное положение. Они носили старинную одежду и не имели чина или официального ранга. Интересно, что только они и крепостные крестьяне не были приглашены в Уложенную комиссию 1767 г.

С новым символизмом Петра и его церковными реформами монархическая власть в России укрепилась и расширила свои полномочия. На Западе концепция монархического абсолютизма возникла в результате борьбы с папством и из необходимости лишить неприкосновенности древние институты. В России же вопрос папства не стоял, а подобных институтов не существовало. Здесь абсолютизм развился совсем по-иному и подразумевал сакрализацию самой монархии. В XVIII в. придворные ритуалы и официальная хвалебная литература подчеркивали, что монарх являлся подобием Христа или даже самим Христом, а отсюда следовала его божественная сущность. По мнению русских ученых В.М. Живова и Б.М. Успенского, «сакрализация монарха продолжалась в течение всего синодского периода [1721—1917], и все это время находилась в конфликте с традиционным религиозным сознанием. Этот конфликт не мог быть принципиально разрешен, так как сакрализация монархии стала неотъемлемой частью государственной структуры и особенно Синода»⁴⁵.

Однако понятие «сакрализация монархии» не являлось тождественным понятию «сакрализация монарха». Петр обожествлял не себя, а государство. Подобно неостоикам он имел возвышенную идею государства, веря в то, что оно находится выше личных и семейных уз, этнической и религиозной принадлежности и даже выше личности монарха. Петр был первым русским правителем, который попытался провести различие между государством и личностью монарха. На это различие обращалось внимание в тексте «Духовного регламента», а рекруты перед началом службы присягали «царю и отечеству», как если бы эти два тесно связанных понятия были различны и отделены друг от друга. Таким стал первый неуверенный шаг России от патримониального государства к функциональному и бюрократическому⁴⁶.

Петр также выработал еще одну основу законности своей власти, заключающуюся в идее «прогресса». Он считал, что благодаря прогрессивным преобразованиям, проводимым государством, можно достичь общего блага для всего народа. Его панегиристы заявляли, что это было резким переходом «из тьмы на свет», «из ничего к бытию». Впоследствии неко-

торые элементы этого самоотверженного посвящения себя прогрессу и общему благу перейдут к русской интеллигенции⁴⁷. Однако сам процесс перехода «из тьмы на свет» нес в себе парадокс, так как при достижении своих целей Петр укрепил черты старой Московии или — выражаясь его собственным стилем — сделал тьму еще более беспросветной.

Для реализации плана по созданию безличного государства как средства осуществления прогресса Петр начал формировать административный аппарат, который он назвал «регулярным государством». Система должна была функционировать автоматически, даже если монарх отсутствовал (например, участвуя в войне), и управляться официальными лицами, назначенными за свои способности и честность, а не благодаря высокому происхождению или личным связям. Центром администрации стал Сенат, заменивший Боярскую думу как царский совет и координатора всех дел. Для быстрого решения рутинных вопросов Петр заменил приказы коллегиями, каждая из которых исполняла строго определенную функцию — юстиция, производство, государственный доход и т.д. — и имела своих служащих на местах. Чтобы исключить влияние на ведение дел личного и семейного интереса, каждая коллегия возглавлялась административным правлением, состоявшим из нескольких человек. Они сообща принимали решения, а их подчиненные занимались составлением инструкций, процедурными и юридическими вопросами.

Однако Россия — не Швеция, где подобные институты были вплетены в политическую структуру, а основные общественные сословия обладали корпоративными организациями и были представлены в парламенте. В России, где все еще главенствовала сеть отношений «патрон — клиент», сдерживаемая только царем, коллегии действовали по-иному. Группы людей, так же, как и отдельные личности, столь рьяно удовлетворяли свои собственные интересы, что даже самый продуманный механизм управления разлаживался.

В любом случае Петр имел противоречивое представление о разнице между государством и государем, и, конечно, даже не всегда ее замечал. Он подвергался постоянному искушению лично вмешиваться в созданную им систему, что-

бы убедиться в правильности ее функционирования. Для наблюдения за Сенатом и коллегиями Петр ввел должность генерал-прокурора, имевшего в каждом учреждении своего подчиненного, а также разместил в каждой коллегии своего личного представителя, *фискала*, который «должен видеть, что все дела ведутся преданно и справедливо»⁴⁸. Фискалы должны были обличать противозаконные действия, злоупотребления должностным положением и коррупцию и иногда вознаграждались частью собственности тех, кого выдавали. Таким образом, преследуя цель преодолеть противоречия между личными и государственными интересами, Петр спровоцировал появление рутинной бумажной работы и злоумышленных обвинений, опутавших русскую бюрократическую жизнь и подливших масла в огонь борьбы различных должностных группировок.

По сути дела, надежда Петра на фискалов отражала его молчаливое признание того, что камералистская (административно-хозяйственная) концепция правления, основанная на безличном подчинении, разделении обязанностей и формальных инструкциях, плохо сочеталась с сетью личной зависимости, ставшей движущей силой и социальной основой русского государства⁴⁹.

Личная жизнь Петра, дворцовый церемониал отражали его собственное противоречивое отношение к тем изменениям в русской культуре, которые он сам начал проводить. Помимо обычного двора, он построил потешный, состоявший из деревянных зданий, где периодически устраивал «Всешутейший и всепьянейший собор», название которого предполагало пародию на упраздненный церковный совет. Ритуал этих пирушек менялся, но обычно избирался «принц-Цезарь», чтобы их возглавить. Во время одного из «заседаний», собравшиеся сановники должны были надеть маскарадные костюмы с хвостами животных. В другой раз абсолютно голый Бахус шествовал в митре епископа, неся эмблемы Купидона и Венеры, в то время как прислужникам давались комические имена, основанные на непристойном слове «х...». Таково было представление Петра о карнавале как о возможности буйного безудержного веселья и непринужденного развлечения, высмеивания и ниспроверже-

ния установленных институтов (включая и те, которые он сам возглавлял), но одновременно и как о средстве их укрепления⁵⁰.

Принцип сенаторского правления в той форме, в которой он развивался в следующем веке, не смог внедрить в России регулярное правление. Однако благодаря ему создавалось впечатление, что в государстве существовали своего рода директивы, называемые «законом», которые властимущие и подчиненные обязаны были поддерживать и соблюдать. По этой же причине возникала уверенность в том, что личные и клановые интересы не имеют главенствующего влияния на политические конфликты. Поэтому и появились горы бумаг по всем спорным вопросам, так как каждый чиновник вел запись, имел письменное свидетельство против возможных интриг соперников или фискальных доносов. В результате в Сенате и коллегиях скопилось огромное количество нерешенных и неулаженных дел, число которых росло от правления к правлению. Для завершения дела требовалось личное вмешательство государя, что подрывало значение самого создания Сената⁵¹.

Та же противоречивость характеризовала и отношение Петра к правящему классу, дворянству. С одной стороны, он хотел видеть дворян вдохновленными его собственными идеалами и чувством чести, умелыми управленцами, честно и эффективно ведущими общественные дела. С другой стороны, он не доверял дворянам и вынужден был прибегать к лести, увещаниям и даже угрозе лишения должности.

Противоречивость взглядов Петра выражалась даже в названии дворянства. Он соединил различные слои московской аристократии в новое сословие, которому дал польское название «шляхетство», подчеркивавшее, что его члены являлись гражданами республики. На практике же Петр и его преемники обычно использовали термин «дворянство», подразумевавший иной статус, чем у придворного⁵².

Он требовал, чтобы чувство чести дворянина, присущее ему благодаря происхождению и родословной, применялось во благо государству посредством военной или гражданской службы. При этом начинать ее полагалось с самых низших ступеней. Та-

ким образом, аристократы были вынуждены идти в армию рядовыми солдатами, хотя им и разрешалось служить в новых престижных гвардейских полках. Молодой офицер или гражданский служащий впоследствии мог подняться по иерархической лестнице, предусмотренной Табелью о рангах. Этот свод правил прохождения службы, созданный в 1722 г., окончательно заменил собой местничество, упраздненное тридцатью годами раньше. Он должен был обеспечить служебный рост в соответствии с такими критериями, как заслуга, достижения и трудовой стаж, но не родословный и фамильный статус. Новые правила базировались на военной иерархии, однако они применялись к гражданской и дворцовой службам, в которых лица, достигшие высших должностей, получали чин генерала. В Табели определялось четырнадцать параллельных рангов: добравшись до восьмого, недворянин мог получить дворянский статус, притом не только для себя, но и для своих наследников. Заслуги и преданная служба признавались наследственными.

Табель о рангах просуществовала довольно долго, до 1917 г., формируя структуру не только государственной службы, но и социальной жизни русской элиты. Ранг человека определял весь образ его жизни, включая то, как к нему обращались, и то, какое место он занимал во время официальных мероприятий. Любой прибывший ко двору в слишком большом экипаже или нарочито нескромно одетый отвечал за свою дерзость перед герольдмейстером.

В то же время Петр вместо поместий стал раздавать за службу денежное жалованье. Две земельные категории (поместье и вотчина) были объединены в одну. Петр намеревался сделать их наследственной собственностью, обычно передававшейся старшему сыну. То есть они могли вечно оставаться собственностью дворянских семей. Однако тут Петр просчитался. Лишение младших сыновей и женщин права на долю земельных владений слишком грубо нарушало правила родства в России, подразумевавшие обеспечение всех наследников. Вскоре после смерти Петра его закон был аннулирован⁵³. Таким образом, главенство царя в общественной жизни продолжало ограничиваться, но не законом Божиим, а родством и попечительством. Именно они, а не

самодержавие, оставались основными принципами функционирования русского общества.

Реформы Петра привели не к созданию нового дворянства, а скорее к укреплению влияния старомосковских боярских семей. И это неудивительно. Меритократические реформы (в соответствии с заслугами) на ранней стадии их проведения часто служили опорой для старых социальных иерархий. Дело в том, что существующая элита оказалась в лучшем положении, так как она могла дать своим потомкам образование и обеспечить личными связями, содействующими их дальнейшей карьере. В любом случае анализ высших четырех рангов в 1730 г. показывает, что тринадцать семей из двадцати двух, имевших вышеупомянутые ранги, имели полтора века назад своих представителей в Боярской думе. Это были Бутурлины, Черкасские, Долгорукие, Голицыны, Головины, Куракины, Плещеевы, Ромодановские, Салтыковы, Щербатовы, Шереметевы, Вельяминовы и Волынские⁵⁴.

Конечно, не все они находились в одинаковом положении и не все обладали равными возможностями. Их личные состояния могли расти, но и уменьшаться. Например, во время правления императрицы Анны Иоанновны наибольшее влияние имели Салтыковы. При Елизавете настал черед Трубечких и Воронцовых. Но и к середине XVIII в. очевидным оставалось то, что военное и гражданское командование осуществляли семьи с богатой родословной. Их главенство длилось с середины XVII до середины XIX в. В этот период в России поддерживалась относительная стабильность, притом сохранялась она благодаря правящему классу, который включал столичную знать, собранную при императорском дворе, поместную аристократию и ее окружение среди мелкопоместного провинциального дворянства. Как отметил Джон Леддон: «российское общество являлось командной структурой, в которой правящий класс обладал половиной населения и контролировал жизнь другой половины, осуществляя свою власть через посредство попечительской сети. Он управлял зависимым населением, преследуя свои личные эгоистические интересы, поддерживая статус-кво и придавая все большее значение военной мощи»⁵⁵.

Табель о рангах дала этому правящему классу формальную иерархическую основу и установила систему, при которой власть и положение получали достойные, заслуженные люди; западная культура привнесла чувство неповторимости, идентичности и отличия от зависимого населения. Петр ввел в социальную жизнь много нового из того, что он увидел в Голландии и Англии: газеты, кофейни, западную одежду с бриджами и узкими камзолами вместо свободных московских кафтанов, гладко выбритое лицо вместо бороды и ниспадающие локоны. В домах аристократии организовывались вечерние собрания (известные в России как *ассамблеи*) с картами, танцами и ужинами; женщины благородных кровей выходили из уединения и принимали участие в происходящем. Для того чтобы процесс обучения чтению шел проще и быстрее, был принят новый алфавит.

Новой столицей стал Санкт-Петербург, названный так в честь апостола, а не царя (хотя ассоциации оставались неизбежными). Санкт-Петербург основывался, с одной стороны, для обеспечения развития новых сторон общественной жизни, а с другой — для ознаменования изменений в природе имперского государства. Построенный с щедростью и роскошью на болотистом месте и выполненный в камне в соответствии с архитектурными разработками Европы, Санкт-Петербург символизировал намерение Петра сделать Россию полноправным членом европейского сообщества государств. Монастырь Александра Невского был основан в память о князе, который пять веков назад разбил шведов и обеспечил России выход к Балтике. Приглашались архитекторы из Италии, Австрии и Германии. Они должны были проектировать здания и начали с Петропавловского собора (1712) со шпилем в скандинавском стиле и колокольной башней. Улицы прямыми линиями сходились на огромной площади на берегу Невы, где был построен Зимний дворец. Неподалеку от новой столицы Петр принялся возводить летнюю резиденцию в стиле Версаля, с каскадом фонтанов, ведущим от дворцовых окон вниз к морю. Резиденция получила название Петергоф.

Петр настоял на том, чтобы дворяне, желавшие быть принятыми ко двору, построили себе резиденции в Санкт-Петербурге. Иностранцы больше не были обязаны жить на

окраинах, а получили разрешение и даже призывались селиться в городе. Занимавшиеся международной торговлей купцы теперь обязались вести свои дела не в Архангельске (ранее единственном порту для международной торговли), а в Санкт-Петербурге и на Балтике⁵⁶.

Образование и культура

В начале XVIII в. страна, готовая пополнить ряды европейских держав, нуждалась в европеизированной системе образования на всех уровнях. Единственное доступное в России массовое обучение являлось православным и плохо соответствовало этим нуждам, а следовательно, европеизация означала либо приглашение большого числа иезуитов, либо радикальную секуляризацию образовательной сферы. Петр Великий предпочел секуляризацию (светские науки).

Самым знаменитым нововведением Петра стало основание Артиллерийской и навигацкой школы по типу Королевской математической школы при приюте Христа в Лондоне. В грамоте, на основании которой и была в 1701 г. открыта школа, указывалось, что следовало «принимать желающих учиться, а остальных дополнительно посредством принуждения, а тех, у кого нет средств к существованию, обеспечивать ежедневным рационом». Очевидно, Петр понимал, что желающих учиться будет немного. Привезенные британские учителя должны были вести занятия по арифметике, геометрии, тригонометрии, навигации и географии. Позже эти прикладные предметы дополнились рисованием, фехтованием, танцами и занятиями по европейской культуре. В расписание также включили изучение латыни, французского и немецкого языков.

Ожидалось, что выпускники математической школы начнут преподавать в провинциальных «цифирных школах», создаваемых при монастырях и приходских церквях. Там «дети дворян и канцелярских служащих, секретарей и чиновников... годами от десяти до пятнадцати обучались счету и части геометрии». К концу занятий они получали диплом, а «без такого

диплома им не разрешалось жениться и даже объявлять о помолвке». Позже в программу было добавлено изучение славянской грамматики и правописания, а условия заключения брака смягчены⁵⁷.

Петру стоило немалых трудов найти для этих школ учащихся, которые были бы достаточно грамотными, чтобы справиться с программой, и достаточно сознательными, чтобы не тратить время и стипендию «в погоне за Бахусом и Венерой», а заниматься учебой. Однако со временем, когда требования строгого исполнения обязанностей несколько ослабли и появились предметы по культуре и светским манерам, школы стали постепенно пополняться учениками, особенно из дворянских семей, считавших, что образование и культура могли помочь им отделиться от низших социальных классов.

Эта тенденция усилилась после основания в 1732 г. средних школ, известных как кадетские корпуса. Особый упор в них делался на литературу, музыку и этикет, равно как и на обучение навигации и фортификации. Некоторые их бывшие питомцы позже отличились в культурной жизни: группа студентов во главе с Александром Сумароковым основала первый русский театр при дворе императрицы Елизаветы. Кадетский корпус стал колыбелью особенного дворянского образа жизни, сосредоточенного на обучении, военном деле, государственной службе и земельных владениях. Его выпускники говорили по-французски и были готовы к дипломатической работе в Европе, к командованию в армии или исполнению административной работы в целом регионе. Для пополнения образования многие молодые дворяне посылались на учебу за границу, обычно в немецкие университеты, откуда наиболее серьезные студенты приезжали с немецким отношением к учебе и общественной службе, основанным сначала на пиетистской, а потом на посткантианской идеалистических моделях⁵⁸.

Петр осознавал также потребность России в научных и технических институтах, способных функционировать на высшем международном уровне. Он переписывался с философом Готфридом Лейбницем, стремившимся повсюду распространять достижения науки и технологии. Лейбниц посоветовал Петру назначить иностранцев, чтобы придать научному процессу в

России мощный импульс, и основывать библиотеки, музеи и исследовательские институты, которые распространяли бы уже известные знания и одновременно работали над новыми идеями и возможными путями экономического развития.

Петр выполнил большую часть своей программы. Он открыл первую российскую публичную библиотеку и первый музей (Кунсткамера в Санкт-Петербурге) и поддерживал экспедиции в отдаленные регионы страны, где искались полезные ископаемые, составлялись карты и откуда докладывалось о состоянии природных ресурсов. Это стало очень важным шагом для столь обширной страны, как Россия. Наконец, Петр издал указ о создании Академии наук по модели Королевского общества в Лондоне, надеясь не только на открытие и развитие русских потенциальных ресурсов, но также желая сделать свою страну центром мировой науки, «смутить все другие цивилизованные нации и вознести до высот славу России». Эту часть, однако, пришлось отложить, так как штат открытой в 1726 г. Академии практически полностью составляли иностранные ученые, в основном немцы (за исключением директора, Лаврентия Блюментроста, который, несмотря на фамилию, являлся русским). При Академии были созданы университет и гимназия (грамматическая школа), и студенты могли получать своего рода среднее и высшее образование⁵⁹.

Молодой житель дальней северной Архангельской губернии по имени Михаил Ломоносов (1711—1765) воспользовался новыми возможностями. Он родился в семье рыбака и однажды, присоединившись к каравану торговцев соленой рыбой, пришел в Москву, чтобы учиться в Славяно-греко-латинской академии. Для того чтобы его приняли в академию, ему пришлось назваться дворянином. После этого единственного обмана развитию таланта Ломоносова не существовало никаких преград. Михаил перешел в недавно открывшуюся Академию наук, став ее первым русским студентом, а потом отправился учиться в Германию. Вернувшись на родину, он проявил удивительную разносторонность, преподавая химию, минералогию, риторику, стихосложение и русский язык, и внес неоценимый вклад в развитие каждой из этих наук. Его карьера стала нача-

лом русификации знаний: Ломоносов ненавидел своих немецких коллег и вместе с Иваном Шуваловым, одним из самых влиятельных людей при дворе императрицы Елизаветы, способствовал кампании по открытию в Москве абсолютно русского университета и двух средних школ, одной — для детей из недворянских семей. Университет открылся в 1755 г. с факультетами права, медицины и философии, где лекции читались на латыни и русском языке. Теологического факультета не было: церковное образование стало совершенно отдельным направлением⁶⁰.

Петра могли упрекнуть — и упрекали, — что он опережал события, запрягал телегу впереди лошади: в то время как он проводил научные исследования, большинство населения даже не умело читать. А так как наука насаждалась иностранцами и Православная церковь перестала играть решающую роль, наука стала восприниматься народом как нечто безбожное. Кое-кто даже поговаривал, будто бы учение было делом рук Антихриста. Подозрительное отношение к ученым было присуще множеству простых жителей России и оказалось весьма живучим.

Однако происходил и противоположный процесс, во всяком случае, среди дворян. В течение последующих двух веков знания русских людей в области гуманитарных, социальных и естественных наук стали одними из лучших в мире, завоевали признание в научных кругах и приоритет в получении государственных средств, что немало значило для бедного государства.

Более того, распространение знаний происходило в эгалитарной (уравнительной) или по крайней мере меритократической форме. Со времен Петра наличие среднего или высшего образования помогало начать государственную службу и получить высший ранг по сравнению с чиновником, имевшим низкий образовательный уровень. К тому же дух науки сам по себе усилил эгалитаризм: тот, кто проникался этим духом, становился членом «международной республики знаний», сообщества, безразличного к государственным и военным иерархиям. Так Россия выработала мощный иммунитет на будущее.

III. РОССИЯ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

5. Государственные и общественные институты в XVIII в.

Власть, государственные учреждения и законы

Прогрессивные внутривластные преобразования Петра I стали причиной серьезных изменений в жизни Российского государства и общества. Однако, сделав скачок из «тьмы к свету», Петр укрепил и даже усилил ряд черт старого Московского государства, которые, по его мнению, более всего препятствовали развитию страны. Результаты петровских преобразований служат блестящим доказательством пронизательного высказывания Ю.М. Лотмана о том, что в России самые радикальные перемены вопреки своим внешним проявлениям на самом деле только усиливали те традиции общества, которые они призваны были изменить¹.

На протяжении XVIII столетия реальная власть в России распределялась между тремя группами учреждений. Первая группа — официальные государственные органы, формально выполнявшие свои функции: Сенат, Святейший синод и коллегии. Вторая группа включала совещательные советы монарха (названия которых довольно часто менялись). И наконец, третья группа — фавориты монарха.

Далеко не все, кто поднялся на вершину общественной лестницы России того времени, были согласны с подобным распределением власти — в немалой степени в силу того, что их положение было непрочным и могло в любой момент изме-

ниться. В 1730 г. члены Верховного тайного совета (учреждения второй группы) попытались склонить императрицу Анну к принятию определенных «обязательств», которые она должна была бы взять на себя во время своей тронной речи на церемонии восшествия на престол. Выполнение этих обязательств потребовало бы от нее испрашивать дозволения Тайного совета на замужество, назначение наследника престола, решение вопросов о войне и мире, повышение налогов, распределение доходов, назначение на высшие государственные посты и дарование земель.

Если бы эти намерения были доведены до конца, Россия могла бы стать ограниченной монархией, подобно той, что была установлена вигами в Англии XVIII в. Однако, когда об этом плане стало известно, большинство дворян расценили его как попытку семейств Голицыных и Долгоруких, доминировавших в то время в Тайном совете, увековечить власть своих родов. Дворяне уговаривали Анну отказать членам Тайного совета. Она согласилась².

В 1754 г. фаворит императрицы Елизаветы Иван Шувалов, по-видимому, вдохновленный идеями Монтескье, вынес предложение о том, чтобы царствующая особа и ее подчиненные давали клятву соблюдать определенные «неизменные фундаментальные» законы, которые гарантировали бы неприкосновенность земельной собственности и право дворян быть судимыми только равными им по положению. Брат Ивана Шувалова Петр возглавил официальную комиссию по сведению этих идей в единый свод законов. Комиссия выполнила почти всю работу, но ее рекомендациям не последовали³.

Екатерина II (1762—1796) проявляла больше интереса к государственным учреждениям и законам, нежели ее предшественники, так как ее права на трон были слабее. Она не являлась отпрыском ни одной из ветвей династии Романовых. Без постоянной поддержки своих подданных, закрепленной законодательно, она была слишком уязвима для всякого рода тайных заговоров в среде гвардейских офицеров.

В первые годы правления Екатерины ее главный советник Никита Панин хотел продолжить государственные реформы Петра I. Он предложил создать императорский совет,

который являлся бы не только совещательным органом при монархе, но и нес высшую административную ответственность. Предполагалось, что он будет функционально поделен и станет действовать подобно совету министров в рамках единого свода законов. Эти предложения на практике ограничили бы монархию могущественной структурой, поддерживаемой старинными аристократическими фамилиями, получившими свои титулы по рождению, по служебному положению, по заслугам или по случаю.

Даже такие, по всей видимости, беспристрастные рекомендации стали причиной перераспределения соперничающих сил при дворе. Когда оппоненты Панина приобрели влияние в окружении императрицы, он отказался от своих предложений, несомненно, опасаясь, что их осуществление только укрепит влияние его соперников⁴.

У Екатерины были свои представления о том, как реформировать государство и ввести правовой порядок. Они основывались на идеях мыслителей эпохи Просвещения, которых она читала, готовясь к исполнению императорских обязанностей. Она понимала важность ратификации законов представителями от народа, поэтому в 1767 г. созвала Комиссию для составления нового Уложения (свода законов), состоявшую из депутатов, избранных от различных слоев общества. По этому случаю императрица написала Наказ, или Меморандум.

Екатерина II имела собственное мнение о принципах законности, и оно во многом совпадало с тем, что думал по этому поводу Петр I. Она верила, что закон является той силой, при помощи которой государство мобилизует общественные ресурсы ради того, чтобы увеличить свои мощь и богатство, обеспечить благосостояние населения.

Екатерина понимала закон не как безликую силу, посредничающую между автономными и иногда враждующими социальными институтами, но как инструмент, посредством которого монарх укрепляет власть и приводит в действие этические нормы. Она считала, что государство — это собрание людей, живущих в обществе, где действуют законы. Свобода, по мнению Екатерины, — это возможность делать то, что

каждый желает. Нельзя принуждать людей делать то, чего они не хотят.

Это точка зрения немецких камералистов, а не французских или английских просветителей. Точка зрения, которую многие немецкие монархи претворяли в жизнь в своих относительно маленьких государствах, подчиненных Пруссии⁵.

Комиссия по созданию нового Уложения состояла из представителей дворянства, торгово-ремесленного населения, казаков, однодворцев (государственных крестьян, потомков наемных военнослужащих, служивших на южных границах), государственных крестьян и инородцев. Крепостные и, на что особенно стоит обратить внимание, духовенство не были представлены в Комиссии.

Депутаты приносили наказания, в которых излагались жалобы и пожелания их избирателей. В 1767 г. Комиссия была созвана впервые, и довольно скоро выяснилось, что у каждого сословия существуют свои собственные, узко понимаемые интересы. Предложения выдвигались без малейшей попытки представить себе новое законодательство применительно к государству или населению в целом. До тех пор, пока члены Комиссии действовали исключительно в локальном контексте, избегая более широких рамок, у них не оставалось шанса учесть общие интересы и потребности Российского государства⁶.

В 1768 г. в связи с внезапным началом войны против Турции Екатерина назначила перерыв в работе пленарной сессии Комиссии, чтобы депутаты могли явиться на военную службу. Больше она их не созывала, но подкомиссии продолжали работу, и в 1780 г. Секретариат Комиссии издал десяти томный свод законов.

Екатерина использовала информацию, собранную в этих документах, но она не хотела, чтобы законодательство заключалось только в вынесении судебных решений и уравнивало различные интересы. Возможно, она понимала, что вместе со своими советниками могла бы сама предложить более демократичную концепцию законодательства, нежели любые собрания. В этой связи стала очевидной извечная дилемма российской государственности, заключающаяся в том, что представительные учреждения склонны поддерживать су-

ществовавшие привилегии, усиливая тем самым социальные противоречия.

В этом отношении проблема, с которой столкнулась Екатерина, отличалась от тех, которые приходилось решать европейским монархам XVIII в. Им приходилось использовать власть и закон для уничтожения привилегий и неприкосновенности самоуправляющихся общественных институтов и местных учреждений. Ее проблема заключалась в обратном, а именно в слабости подобных институтов и учреждений. Путь, по которому шло развитие России, сделал местные учреждения и самоуправляющиеся институты до такой степени слабыми, что они не могли даже выполнять посредническую функцию государственной власти. В результате протекционизм и взимание дани по-прежнему оставались основными элементами механизма распределения власти и богатства.

Отложив проблемы реорганизации центрального законодательства, Екатерина II взялась за усиление посреднических общественных институтов — область, в которой Петр I потерпел самую большую неудачу. Екатерина поставила перед собой задачу создать новый общественный класс, способный заполнить этот пробел. Она в отличие от своих предшественников очень серьезно занялась проблемой местного управления, разделив империю, в том числе и последние завоевания и приобретения, на 50 губерний и примерно 360 уездов.

Каждая губерния возглавлялась губернатором, которого назначал лично монарх. Губернатор возглавлял группу местных ведомств, подчиненных центральным коллегиям. Для земель, требовавших особого внимания, как, например, приграничные районы, существовала должность генерал-губернатора, который отвечал за две или больше губерний.

Уездами управляли полицейские чиновники (исправники) совместно с ассамблеей местного мелкопоместного дворянства (дворянским собранием), избиравшим должностных лиц на официальные посты. Уездный глава (предводитель дворянства) возглавлял дворянское собрание и представлял местные интересы во всех государственных органах.

Так как дворянство занимало очень важное место в этой схеме, Екатерина в 1785 г. жаловала дворянам грамоту. Еще

раньше, в 1762 г., дворяне уже были освобождены от обязанности нести государственную службу. Теперь они должны были иметь свои собственные общества в каждой губернии и уезде. Эти общества не вели учет своих членов. Любой дворянин, имевший соответствующий чин, владевший пусть даже небольшим количеством земли и крепостных крестьян, мог стать его членом. Дворянский статус мог быть аннулирован только за поступок, не совместимый с представлением о чести дворянина, и только после разбирательства, проводимого самими дворянами.

Дворяне-землевладельцы, таким образом, стали первым сословием в России, получившим законные гарантии своих корпоративных прав. Больше того, благодаря жалованной грамоте принадлежавшие им земля и крестьяне фактически стали их частной собственностью⁷.

Такое положение дел привело на первых порах к созданию в России жизнеспособного гражданского местного управления. Правящий класс, объединенный западнической культурой, владельцы крепостных крестьян и представители первых восьми разрядов Табели о рангах теперь занимали посты в центральных и местных органах управления, командные посты в армии и могли быть приняты на дипломатическую службу. Джон Ле-Донн заметил по этому поводу, что «крепостничество неотделимо от политического превосходства дворянства, законных прав на престол правящего дома и судьбы Великой России»⁸.

В то же время крепостничество вытеснило почти половину населения страны за пределы досягаемости государства и закона, исключив тем самым возможность выяснить правовым путем, кто же кого уполномочен закрепощать и каким образом следует обращаться с крепостными⁹.

Екатерина пожаловала грамоту и городам, но предусмотренные в ней привилегии оказались значительно слабее. Предполагалось также жаловать грамоту государственным крестьянам. Она закрепила бы за ними права собственности и корпоративный статус, обеспечиваемый законодательно через сельские общины. Проект жалованной грамоты государственным крестьянам был завершен, но она по неизвестным причинам никогда

не была издана. Возможно, Екатерина опасалась, что такая грамота станет причиной беспочвенных ожиданий среди крепостных крестьян, чей общественный статус значительно снизился бы, если бы подобная грамота была дарована государственным крестьянам¹⁰.

При отсутствии фундаментального законодательства и эффективно действующих общественных объединений, кроме тех, что позволено было образовывать дворянам, мы можем рассматривать ведущие дворянские фамилии и их взаимоотношения в качестве основополагающей субстанции Российского государства. Без их постоянных усилий и отождествления себя с новым европеизированным порядком Россия после смерти Петра вновь могла стать жертвой очередной Смуты, как это уже было после смерти другого безжалостного и деспотичного царя, Ивана IV¹¹.

Ядро нового общества и государства составляли армейские офицеры, в первую очередь офицеры гвардейских полков. Представители даже самых известных фамилий считали за честь занимать командные посты в этих полках, а дворяне более скромного происхождения стремились дослужиться до них. Ле-Донн писал, что русские армейские офицеры «составляли политическое объединение правящих фамилий в столицах, а их протее — в полках». Офицеры «выполняли те самые функции, которые отличали правящий класс: защищали общество от иноземных и внутренних врагов»¹².

Их корпоративный дух, так никогда и не прижившийся в гражданских учреждениях, стал решающим обстоятельством для выживания Российского государства между смертью Петра I в 1725 г. и восшествием на престол Екатерины II в 1762-м.

Петр I стремился отменить существовавшую систему наследования, основанную на кровном родстве, так как она ограничивала волю монарха. В результате в XVIII столетии потомки двух фамилий по линии Алексея Михайловича необдуманно захватили трон с помощью гвардейцев и были свергнуты с него теми же самыми способами.

Формирование дворянства нового типа на деле оказалось весьма продуктивным. Сперва молодые аристократы неохотно посещали «цифирные школы», где надо было изучать мате-

матику, навигацию и инженерное дело. Однако они на удивление быстро начали проникаться духом петровских перемен. Возможно, отправной точкой здесь стало открытие кадетских корпусов, которые, как мы знаем, несмотря на свое название, предназначались для воспитания не только армейских офицеров, но и будущих граждан. Помимо практических знаний воспитанники постигали азы преподавания культуры, этикет и изящные манеры, необходимые тем, кому приходилось общаться с европейской аристократией¹³.

Некоторое время спустя дворяне осознали, что приобретенные знания выделяют их из среды простолюдинов. Другими словами, образование стало предметом гордости. Ради поддержания своего общественного статуса дворяне усваивали и распространяли культуру, которую некоторые их соотечественники считали порождением Антихриста.

Молодых дворян посылали учиться в университеты Франции и Германии, сначала организовано, группами, как бесправных школяров, позднее индивидуально по их собственному выбору. В результате к концу XVIII в. представители лучших дворянских семейств говорили по-французски в обществе и иногда даже дома. Родной же язык предназначался только для общения со слугами и детьми. Русские дворяне начали впитывать западноевропейскую культуру, которая стала неотъемлемой частью их духовной жизни. Находясь в России, они страдали от ее отсутствия, так же, как индийские принцы, получавшие в конце XIX в. образование в частных английских школах, вернувшись домой, тосковали по утонченному интеллектуальному общению, которое они познали в молодости.

Однако Россия в отличие от Индии была не колонией, а суверенным государством, одной из сильнейших европейских великих держав. Характерный для культуры колониальных стран разрыв между элитой и массами был в России особенно неуместен. Некоторые историки рассматривают русское дворянство как инопланетян в своей собственной стране. Василий Ключевский писал о дворянах как о людях, которые старались, будучи дома, окружать себя иностранцами и сами были иностранцами в собственной стране. Марк Раев также предполагал, что опыт европейских путешествий и образования «денационализировал» русских дворян¹⁴.

Рассуждая на эту же тему, Мишель Конфино указывал на то, что дворяне продолжали служить в российских учреждениях. По истечении срока службы они могли удаляться в свои поместья и посвящать себя местным делам. Многие оставили нежные воспоминания о своем деревенском детстве, когда их воспитывали крепостные няньки и они росли вместе с крепостными детьми¹⁵.

Конфино, несомненно, прав: русское дворянство оставалось абсолютно русским, и его трудно упрекнуть в отсутствии любви к своей родине. На самом деле, это были первые сознательные патриоты России. Хотя Ключевский и Раев тоже по-своему правы. Дворянская «русскость» очень сильно отличалась от крестьянской и в не меньшей степени от купеческой или церковной. Это была «русскость» имперская, сосредоточенная в кадетских корпусах, гвардейских полках и императорском дворце. Она была насыщена общественными и культурными ценностями, усвоенными во Франции и Германии.

Дворянские поместья были своеобразными островками европейской культуры, хотя самим дворянам они зачастую казались варварскими поселениями. Атмосфера русской деревни была важна для них, но это было нечто другое. Существовала разница между «российским» и «русским», между имперской и этнической Россией, и эта разница станет решающим обстоятельством для развития страны в XIX в. Русская нация не могла состояться без слияния этих двух составляющих, но давление империи в дальнейшем все больше и больше разделяло их.

Система сбора налогов и ее экономические последствия в России XVIII в.

Основным механизмом сбора налогов, посредством которого правительства Петра I и его преемников оплачивали огромные военные расходы, была подушная подать, в окончательной форме введенная в 1724 г. Ею облагались все мужчины тягловых (подлежавших обложению налогом) сословий. Это были крестьяне, включая крепостных, и горожане.

Вопрос о том, насколько сильно возросло налоговое бремя в результате введения этого налога, остается спорным, но три аспекта абсолютно очевидны. Во-первых, с тех пор как подушный налог начал взиматься с каждого в одинаковом размере, невзирая на количество земли и собственности, он стал чрезвычайно несправедливым, и тем, кто едва мог платить его, было очень тяжело.

Во-вторых, с того времени, когда общины были повязаны «круговой порукой», они должны были сообща восполнять недостачу. Это обстоятельство поддерживало стремление к тому, чтобы никто не опустился ниже уровня бедности. Другими словами, подушная подать порождала и усиливала фискально мотивированный эгалитаризм.

В-третьих, несмотря на то что этот налог было довольно легко подсчитать, для большей эффективности приходилось проводить постоянные переписи населения, что было трудно и дорого. К тому же проведение их в полном объеме требовало, чтобы налогооблагаемое население, сельское и городское, закреплялось на тех местах, где оно жило и работало. Для этого в 1724 г. были введены внутренние паспорта, и Петр начал официальную кампанию по регистрации «всех нищих, бродяг и беглых» и возвращению их в общины, где бы они стали облагаться налогом¹⁶.

Военная и сопутствующая ей налоговая реформы наглядно демонстрируют, каким образом Петр I продолжал укреплять старые учреждения, вместо того чтобы создавать новые. Он использовал относительно простую и беспорядочную структуру русского общества, чтобы достичь своих целей, тогда как конкурирующие европейские монархи вынуждены были бороться с сильными привилегированными сословиями.

Но отсутствие посреднических учреждений имело и свои негативные последствия. Например, отсутствие местных чиновников, которым можно было бы доверить проведение полной переписи населения. Эту функцию приходилось выполнять самим землевладельцам, которым, совершенно очевидно, выгодно было занижать количество своих крепостных. Поэтому переписи проводились армейскими офицерами, руководившими также расквартированием своих солдат,

что было похоже на взимание дани с оккупированных земель¹⁷.

Развитие промышленности также имело парадоксальные последствия. Петр был меркантилистом по убеждению, иными словами, он поддерживал частные экономические предприятия такими средствами, как гарантированные контракты и протекционистские тарифы.

Когда возникла необходимость в строительстве новых текстильных фабрик по выпуску военной формы, оружейных заводов и металлических мастерских по производству оружия и амуниции, он пригласил предпринимателей и, когда те не смогли найти достаточно наемной рабочей силы, «ассигновал» им рабочие руки из близлежащих крестьянских общин.

Такая система «частных» предприятий, поддерживаемых и подпитываемых государством, укомплектованных заводскими крепостными, хорошо зарекомендовала себя на протяжении XVIII в. Она позволила России снабжать огромную армию и сделала страну ведущим экспортером железа в Европе. В то же время она укрепила производственную систему, основанную на протекционизме и примитивном уровне технологии, что в дальнейшем затруднило переход к промышленной революции¹⁸.

После налоговой и промышленной реформ российская экономика на полтора столетия впала в косное и неподвижное состояние. Тем не менее завоевание новых плодородных земель на юге и западе позволяло повысить производительность как сельского хозяйства, так и промышленности.

Причина такого противоречия заключалась в отношениях между землевладельцами и крепостными крестьянами. В XVIII в. дворяне получали от царя подарки, порой весьма щедрые. Это были земли и «черные» крестьяне, которые таким образом превращались в крепостных. Богатства, попавшие в распоряжение дворян, должны были бы дать им возможность стать выдающимися предпринимателями и начать освоение обильных естественных ресурсов. Однако их официальные обязательства и зависимость от отсталой крестьянской экономики помешали извлечь выгоды из этой ситуации.

Землевладельцы прежде всего были государственными служащими, и поэтому по большей части не отличались ком-

петентностью в области сельского хозяйства. К тому же они подолгу отсутствовали в своих поместьях, командуя полком или управляя отдаленной провинцией.

Снабжение орудиями труда, тягловой силой и семенами ложилось на плечи самих крестьян. Во всем, что касалось управления поместьями, землевладельцы зависели от своих управляющих и от тех отношений, которые они могли установить с крестьянскими общинами. Некоторые землевладельцы вели дела при помощи выбранных ими самими сельских старост, но многие общины имели своих собственных кандидатов на этот ответственный пост, и управляющие обычно соглашались с их кандидатурами, так как нуждались в поддержке человека, которому доверяют крестьяне¹⁹.

Таким образом, большинство поместий управлялись как гигантские крестьянские надель, земля возделывалась устаревшим методом чересполосицы, который обеспечивал пропитание крестьянским общинам в прошлом, но препятствовал введению более прогрессивных новшеств.

В общей сложности эти земельные угодья были обременены налогами даже больше, чем в прошлом. Дворяне стремились приобретать предметы роскоши, которые они видели у своих более богатых соседей или за границей, будучи на дипломатической или военной службе. Они украшали свои поместья по западной моде: изящной мебелью, живописью и всевозможными предметами интерьера; создавали художественные садовые композиции. Они одевались по французской моде и импортировали французские вина.

Все эти приобретения требовали затрат куда более серьезных, чем могло себе позволить даже самое богатое и самое большое земельное владение. Очень немногие землевладельцы пытались улучшить положение и налаживали выпуск продукции и сырья, требующихся на рынке. Большинству же не хватало знаний в области сельского хозяйства и счетоводства, которые помогли бы им понять, какие именно аспекты их хозяйства могут принести выгоду.

Проще было облагать крестьян все большими повинностями, заложить часть поместья или использовать связи в суде, чтобы получить официальные займы²⁰. Эта система, по сути

дела, увековечивала «кормление», которое предполагалось отменить еще два века назад²¹.

Правительство вело себя лояльно, предоставляя займы: власти не хотели, чтобы их высокопоставленные служащие стали банкротами. В 1754 г. для выдачи кредитов на выгодных условиях был учрежден Дворянский банк. В результате скопилось большое количество долгов. В 1842 г. кредитным учреждениям в качестве поручительства под залоги была заложена половина всех крепостных крестьян, а к 1859 г. уже две трети²².

Некоторые считают, что при таком положении дел больше страдали не крестьяне, а горожане. Они не пользовались особым расположением царя и вынуждены были нести бремя налогов и официальных обязанностей, не подлежащих протекционированию. Город фактически выполнял те же самые функции, что и деревня: поставлял рекрутов, платил налоги и выполнял другие государственные обязанности.

Посадские люди, как и крестьяне, имели собственное собрание. Его члены также были связаны «круговой порукой». Они были привязаны к месту своей приписки, и им запрещалось покидать его без специального разрешения выборного старосты. Беглецов ловили и возвращали обратно. Посад был в этом очень заинтересован, потому что ему приходилось выплачивать долги беглецов²³.

Государство не предоставило горожанам никаких исключительных прав в торговле или промышленности в качестве компенсации за выполнение вышеуказанных обязательств, хотя с 1721 по 1762 г. купцы имели право владеть крепостными крестьянами. Крестьяне и наемные работники помещиков могли торговать на городских улицах, часто по более низким ценам, чем горожане, потому что они не платили налогов.

Екатерина II изменила эту ситуацию в 1785 г., пожаловав городам грамоту. Эта грамота была значительно менее щедрой, чем та, которая предназначалась дворянству. Она наделяла купцов (ими могли считаться горожане, чей капитал составлял не менее 500 рублей) особыми правами и привилегиями как элиту городского сословия. Они были освобождены от подушной подати и от телесных наказаний. Им также было дано право заменять военную службу денежным взносом.

Горожане были разделены на шесть категорий. Теоретически каждая являлась независимым сословием. Во главе сословия, уполномоченного вести свои собственные дела и избирать представителей в городской совет, стоял выборный «голова». Это была тщательно разработанная структура, но при существовавшей «круговой поруке» то обстоятельство, что купцы были освобождены от подушной подати, увеличивало налоговое бремя на другие категории горожан.

Кроме того, города оставались частью структуры, находящейся на государственной службе. Они не имели особых свобод и не могли, например, приобретать или освобождать крестьян. Так что на деле городские корпорации оставались по большей части фикцией²⁴.

Из-за ограничений, наложенных на горожан, деревня, несмотря на свое экономическое несовершенство, оказывалась более спокойным и выгодным местом для жизни простых людей. Крепостной, живущий в деревне, всегда мог рассчитывать на клочок земли и минимальный доход. Кустарное производство было значительно более надежным источником дохода, чем занятие коммерцией или работа на мануфактуре в городе. Численность городских жителей в России по этой причине упала с 11% в 1740-х гг. до 7% в 1860-х, что сильно разнилось с демографическими тенденциями во всей Европе²⁵.

И наоборот, сельское население России в конце XVIII — начале XIX в. постоянно увеличивалось. В этом были заинтересованы как землевладельцы, так и сельские общины. Помещики поощряли приток рабочей силы, количество которой служило индикатором их общественного положения. Сельские общины нуждались в как можно большем количестве рабочих рук, что позволяло поделить общую сумму налогов на как можно большее количество частей. Владельцам собственных хозяйств прибавление в семьях создавало перспективу получения новых земельных наделов, поэтому они стремились пораньше жениться и обзавестись множеством детей²⁶.

Рост населения открывал новые возможности для развития экономики России, но также создавал новые проблемы. К счастью, этот процесс совпал с расширением южных границ страны. В этих районах производили дешевое зерно и доставляли

его по Днепру и Волге в Европейскую часть России, что освободило крестьян, особенно в северных районах Российской империи, от изнурительного и малопродуктивного труда на неплодородных почвах. Таким образом, крестьяне получили возможность зарабатывать деньги другими способами.

Помещики, как правило, переводили крестьян, которым они покровительствовали, с барщины (трудового налога) на оброк (налог, который выплачивался деньгами или натурой). Это давало крестьянам возможность покинуть деревню на несколько месяцев в году, когда им это было необходимо.

Обычно крестьяне, уходившие из деревни на заработки, собирались в артели. Артель представляла собой коллектив работников, трудившихся по найму. Члены одной артели сообща владели рабочими инструментами и часто жили все вместе. Они выбирали старосту, который вел переговоры с нанимателями, получал заработанные деньги и распределял их между артельщиками. Староста также следил за дисциплиной. Артель была похожа на сельскую общину и воплощала в жизнь убеждение русских людей в том, что и работой, и взаимоотношениями с окружающим миром лучше распоряжаться сообща²⁷.

К концу XVIII в. в сельских районах России образовались целые области, в которых основным источником дохода населения было именно кустарное производство, а не сельское хозяйство. К северу и востоку от Москвы, например, располагались деревни, специализировавшиеся на производстве льняных, шелковых и позже хлопчатобумажных материй. Их продукция обеспечивала быстро растущий спрос на товары из этих тканей. В Москве он был очень велик. Другой текстильный регион располагался во Владимирской и Костромской губерниях. Центром его было имение графа Шереметева в Иванове, которое в XIX в. превратилось в развитой индустриальный город.

В Павлове, еще одном из имений графа Шереметева, что в Нижегородской губернии, успешно развивалась кожевенная и металлообрабатывающая промышленность. Здесь мануфактуры выпускали замки, ножи, ножницы и хирургические инструменты. Павлово называли русским Шеффилдом.

Примером высокоразвитой мануфактуры была и Мстёра, имение графа Панина во Владимирской губернии. Мстёрские крестьяне производили дешевые иконы, гравюры и литографии. Торговцы-разносчики, которых называли коробейниками, продавали их по всей России.

Конечно же, продажа икон и гравюр не приносила больших доходов, и тем не менее кустарное производство имело свои преимущества по сравнению с крупным производством. Плохие дороги всегда были бедой России. Транспортировка товаров на большие расстояния была задачей затруднительной. Поэтому мелкое, гибко ориентирующееся на потребности местного рынка производство выполняло свои задачи значительно более эффективно, чем крупное.

Не свойственная ранним стадиям развития тяжелой промышленности конкуренция между российскими крестьянами, которые приобретали средства производства и обучались пользоваться ими, все-таки начала развиваться. Ранними промышленными предпринимателями в России были иногда и крестьяне, причем крепостные гораздо чаще, чем государственные.

Помещики извлекали большую выгоду из производственной деятельности своих крепостных. Они способствовали накоплению у крестьян первоначального капитала, предоставляли им сырье, следили за трудовой дисциплиной. Они также поддерживали привилегии на продажу продуктов крестьянского производства и благоприятные транспортные тарифы. Помещики могли вмешиваться в дела производства, чтобы после смерти крепостного предпринимателя заработанный им капитал не был поделен между членами сельской общины.

К концу XIX в. всего несколько поколений отделяло крупнейших российских промышленников от крепостного, некогда построившего мельницу или дубильню, нанявшего работников и накопившего достаточно средств для того, чтобы выкупить и свою свободу, и денежный капитал, созданный его собственным трудом²⁸.

Ранняя стадия индустриализации России характеризуется развитием мелких мануфактур, основной рабочей силой на которых были крестьяне. Крупных, поддерживаемых государством промышленных предприятий было немного, но

этого оказалось достаточно для обеспечения армии и государственного аппарата России, а также для сохранения за ней статуса великой державы вплоть до середины XIX в. Затем в развитии кустарного производства начался спад, так как его возможности были исчерпаны.

Решающим обстоятельством в системе экономических отношений России был протекционизм. Покровителем могло быть государство или помещик. Протекционизм служил значительно более надежной гарантией вложений, нежели частная собственность или контракт.

Способ, с помощью которого государство получало прибыль, усиливал архаические черты экономической структуры России. Ее население было уравнено и коммунализировано не только за счет подушного налога.

К середине XVIII в. затраты, связанные с Семилетней войной, заставили правительство искать новые источники финансовых поступлений в казну. Самым простым способом увеличения дохода было повышение не прямых налогов, особенно на винно-водочные изделия. Выманить деньги у людей, жаждущих выпить, гораздо проще, чем посылать карательные экспедиции по сбору подушного налога. Русская народная традиция требовала обильных возлияний во время праздников. Люди, мало пившие на торжествах, приобретали в России плохую репутацию.

Государственная монополия на винно-водочные изделия была отдана на откуп чиновникам, помещикам, а также владельцам питейных заведений, которые в большинстве своем были евреями из западных провинций России. Откуп служил источником их обогащения вплоть до 60-х годов XIX столетия, когда был заменен акцизным налогом. В 1759 г. доход от сбора налогов на водку составлял почти пятую часть общего бюджета государства, а к середине XIX в. он составил уже 40 процентов.

Откупщики без колебаний применяли запрещенные законом способы для увеличения своего дохода. Они разбавляли напитки, обвешивали покупателей. Продавали товары низкого качества по высокой цене.

С другой стороны, провинциальные чиновники, которым надлежало пресекать подобные нарушения, считали взятки,

получаемые за их сокрытие, вполне естественным способом пополнения своего бюджета. По меткому выражению одного из исследователей, «полицейские чиновники сами были отданы на откуп откупщикам»²⁹.

Для финансовой поддержки турецкой военной кампании 1768—1774 гг. государство с 1769 г. регулярно выпускало денежные ассигнации, не обеспеченные золотом и серебром. В результате к 1817 г. бумажный рубль стоил всего лишь 25 копеек.

В течение 1820—1840 гг. Государственное казначейство попыталось восстановить финансовое достоинство рубля, начав покупку и ликвидацию ассигнаций. Эта операция не была обеспечена достаточным количеством золотых слитков, поэтому осталась незавершенной. Большие расходы, связанные с Крымской войной и подавлением Польского восстания (1863—1864), привели к еще большему усилению финансовой нестабильности России.

Вряд ли можно назвать большим преувеличением утверждение о том, что Российская империя поддерживала свое финансовое положение за счет выпуска бумажных денег и пьянства простых людей. Любые военные действия могли до основания разрушить финансовую систему России. Для того чтобы поддержать империю, Российское государство нещадно эксплуатировало все земельные и людские ресурсы, пытаясь подтянуть их к современному уровню технического развития. Государство пошло по пути ограничений предпринимательства, нарушив развитие внутреннего рынка и капиталовложений, которые как раз и должны были поднять страну на более высокий технический уровень.

Историкам знакомы подобные системы откупов в других империях, например в Древнем Риме и во Франции XVII—XVIII вв. Везде они были малоэффективны, препятствуя справедливому увеличению доходов, затрудняя экономический рост и уменьшая способность государства активизировать реальные источники обогащения.

Для крестьян эти способы урегулировать экономику были обременительными и несправедливыми, но в целом терпимыми. В конце концов ни государство, ни помещики не были

заинтересованы в том, чтобы крестьяне разорились. В этом случае и те и другие лишились бы основного источника дохода. Тот факт, что русский крестьянин был прикреплен к земле, гарантировал ему по крайней мере земельный надел, а в хорошие годы и пропитание. Европейские же крестьяне в то время вынуждены были покидать насиженные места из-за начавшегося огораживания и других мероприятий, связанных с развитием рыночной экономики.

Русским помещикам даже вменялось в обязанность обеспечивать своих крестьян зерном в периоды неурожая, хотя они это делали довольно редко. Стивен Хок, написавший исследование о Петровском, поместье графа Гагарина в Тамбовской губернии, утверждает, что уровень потребления российских крестьян был не ниже, чем в большинстве стран Европы в то время. В голодные годы в некоторых хорошо организованных поместьях управляющие снабжали крестьян зерном из помещичьего зернохранилища.

В особенно неурожайные годы, какими были, например, 1833—1834 гг., этого зерна не хватало, чтобы предотвратить голод среди крестьян. По этому поводу Стивен Хок отмечает, что русских крестьян поддерживала «ограниченная патерналистская система социального обеспечения»³⁰.

И эта система действительно была патерналистской. Помещики и их управляющие на самом деле были и сборщиками налогов, и вербовщиками на военную службу, и полицейскими, и судьями для своих крепостных. Подобные отношения угнетали и оскорбляли, но обеспечивали обеим сторонам прожиточный минимум.

Такие же функции, особенно по сбору налогов и вербовке рекрутов, в XVIII — начале XIX в. выполняла и сельская община («мир»). Таким образом, чиновники, избираемые общиной, становились придатком государственной структуры со всевозрастающим бюрократическим делопроизводством, несмотря на то что община сохранила свои корпоративные функции по управлению крестьянским хозяйством³¹.

Крестьянин мог обеспечить себе терпимое существование, только старательно выполняя традиционные сельскохозяйственные обязанности, аккуратно выплачивая налоги и

слушаясь своих господ. Требования, которые возлагала на крестьян социальная система, развивали в их сознании осторожность и эгалитарность в их подходе к жизни.

«Круговая порука» являлась основой такого подхода. Она была выгодна помещикам, так как упрощала сбор налогов и вербовку рекрутов, обеспечивала каждой крестьянской семье прожиточный минимум даже в самые неблагоприятные времена. «Круговая порука» чрезвычайно упрощала административные задачи государства.

Все аспекты жизни русских крестьян — экономика, трудовая деятельность, культура, закон, собственность и власть — были так или иначе связаны с «круговой порукой». Ее принципы воплощало сельское собрание, которое называлось *сходом*. В него входили старейшие мужчины деревни, представлявшие каждое хозяйство. Очень редко хозяйство представляли женщины.

Сход решал вопросы распределения налогового бремени, земельной аренды, управления общественными землями, к которым относились пастбища и леса. Сход также определял севооборот и следил за состоянием общинной собственности, в которую входили дороги, мосты, склады и церковные здания, он контролировал законность и порядок.

Для каждодневного исполнения обязанностей сход избирал старосту, или бурмистра. Он представлял интересы деревни за ее пределами, работал в контакте с управляющим. Практически должность старосты была самой низкой и неоплачиваемой чиновничьей должностью в русском государстве³².

Староста возглавлял собрания схода, которые проводились в крестьянской избе, на церковной паперти или на улице. Никакой официальной процедуры для проведения таких собраний не существовало. На принятие решений обычно влияли так называемые лучшие люди, то есть те, кто был богаче или старше по возрасту, а также те, у кого был громче голос и кто мог быстрее обратить на себя внимание старосты.

Такая организация деревенской общины напоминала демократию, но на деле это была традиционная олигархия. Подтверждением тому могут служить тесные связи схода с помещиком, а «черных» крестьян — с ближайшим государственным чиновником³³.

Во многих районах России сход поддерживал имущественное равенство крестьян, периодически перераспределяя основные земельные ресурсы. Обычно это были пахотные земли. Но на севере, например, это могли быть принадлежащие общине леса и водоемы, где сход давал право охотиться и ловить рыбу.

Выделенный земельный участок или право на охоту и ловлю рыбы подразумевали, что каждая крестьянская семья, входящая в общину, обеспечена минимумом пропитания и может выплатить свою часть общего долга. Сход также следил за тем, чтобы каждому хозяйству выделялись небольшие участки земли на различных типах почвы. Например, близко расположенные и дальние, засушливые и болотистые, более или менее плодородные. Такая система распределения земель называлась чересполосной арендой.

Перераспределения общинной собственности проводились регулярно. Они были связаны с рождением детей, свадьбами, болезнями и смертью членов сельской общины. Иногда это были частичные изменения, иногда полная реорганизация. Обычным критерием для выделения земель служило количество трудоспособных членов в каждом хозяйстве. В некоторых местах таким критерием было количество «ртгов» (общее число членов семьи). Количество земли, находящейся в распоряжении крестьянского хозяйства, определяло его долю в выплате общинного долга³⁴.

Такое социальное устройство порождало сознание, сосредоточенное на минимальном риске, уравнительном распределении и зависимости от покровителя, чуждое духу предпринимательства. Крестьянин, который обогащался, должен был путешествовать и иметь хорошие связи с внешним миром, что давало ему прекрасную возможность скрываться и уклоняться от общественных обязанностей, в то время как остальные члены общины вынуждены были восполнять его часть долга. Ненависть по отношению к отдельным крестьянам, сумевшим обогатиться, была не просто человеческим раздражением. Она коренилась в социальной структуре общества.

И тем не менее предпринимательство продолжало существовать. Многие крестьяне были вовлечены в производство,

ориентированное на рынок. Некоторые из них добились значительных успехов. Они использовали накопленные деньги, чтобы стать ростовщиками, владельцами магазинов, дельцами, спекулировавшими на государственной водочной монополии. Это позволило им приумножать свое богатство. Крестьянская демонология называла таких людей *кулаками* или *мироедами* (буквально людьми, поедающими общину).

Жизненный уклад общины подавлял молодых людей, особенно из больших семей. Система пропорционального распределения налогов по крестьянским дворам поддерживала существование больших семей, где вместе жили несколько поколений. Такие семейства возглавлял патриарх, которого называли *большак*. Молодые мужчины не имели права владеть землей, пока большак был жив. После его смерти имущество делилось между всеми взрослыми мужчинами поровну, и каждый получал только маленькую часть наследства.

Молодежь из многих крестьянских семей часто пыталась обзавестись собственным хозяйством еще до смерти большака, но подобные попытки неизменно приводили к горьким семейным ссорам. Долговременная тенденция к разделу крупных земельных угодий стимулировала обнищание населения и конфликты до тех пор, пока не были найдены другие источники доходов³⁵.

В Европе в Средние века существовал социальный уклад, схожий с устройством русской общины, но к XV—XVI вв. вместе с другими приметами феодального строя, включая крепостничество, он начал сходить на нет. Поразительно, но в России абсолютная монархия, которая считается модернизирующей силой, сохранила и даже усилила крепостной строй. Модернизация укрепляла самые архаичные черты русского общества, включая крепостничество, круговую поруку, замкнутую сельскую общину и зависимость крестьян от того, кто был выше их по положению.

В то время как дворяне усваивали космополитичную европейскую культуру и занимали самые современные позиции, крестьян в их поместьях принуждали вернуться к еще более примитивному образу жизни. Дворяне жили в мире, ограниченном космополитичной культурой, привычкой повелевать,

бюрократической и военной службой, иерархической Табелью о рангах и борьбой за посты и почести. Крестьяне же жили в мире уравнилельных ценностей. Их культура была ограничена приходской церковью, решения были единодушными, а перво-степенные интересы сводились к выживанию в плохих услови-ях. Так сформировались два абсолютно противоположных, практически несовместимых типа сознания.

Большинство дворян не задумывались о том, какую опас-ность таит пропасть, образовавшаяся между ними и крестьянством. И лишь немногие понимали первостепенность этой проблемы. Вот что в конце жизни писал об этом князь Петр Кропоткин, один из основоположников русского анархизма: «Воспитанный в помещичьей семье, я, как и все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убежде-нием в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в соотношения с людьми... понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного пони-мания... между начальническим отношением к делу и «мир-ским» общественным...»³⁶

Совершенно очевидно, что крестьяне были недовольны подобным положением вещей, несмотря на то что молча тер-пели его. Образ жизни дворян, непосредственных предста-вителей самодержавного государства, становился для них все более чуждым.

Камнем преткновения в отношениях правящего класса и крестьян было вовсе не крепостничество как таковое, а фор-мы землевладения. Крестьяне были готовы служить государ-ству и защищать его интересы с оружием в руках, но земля, по их мнению, должна принадлежать тем, кто ее обрабаты-вает, и тем, кто нуждается в ней, так как она — дар Божий.

Когда молодой дворянин И.Д. Якушкин в 1820 г. решил освободить своих крепостных, они отказались от свободы, потому что их хозяин намеревался сохранить землю в своей собственности и выплачивать крестьянам жалованье за рабо-ту на ней. «Ну так, батюшка, оставайся все по-старому: мы ваши, а земля наша»³⁷. Они хотели, чтобы он оставался их

покровителем, и готовы были подтвердить свое подчинение ему, но настаивали на своих правах на землю.

Говорит ли это о том, что крестьяне имели свой собственный общественный идеал, способный противостоять политике самодержавного государства?

«Круговая порука» и общинное самоуправление действительно предлагали потенциальную альтернативную идеологию, но сами крестьяне не могли ее сформулировать. Однако общинная идеология довольно четко выражена в стихотворной повести «Вести о России» (1830), написанной безымянным автором, скорее всего крепостным крестьянином: «Свобода, царь и христианский всем один закон». Большинство крестьян для выражения своих уравнительных взглядов использовали проверенное временем слово «правда». В контексте крестьянской идеологии оно означает, что земля принадлежит всем, кто в ней нуждается и готов на ней работать, а царь нужен для того, чтобы обеспечить такой порядок вещей³⁸.

Крестьянам нужны были лидеры, способные сформулировать их общественные идеалы и организовать крестьянские волнения, которые перешагнули бы границы одной деревни. В XVII—XVIII столетиях такими лидерами были казаки. Их идеал *воли* — демократическое общество с избираемым народом лидером — совпадал с общественным идеалом крестьян.

Староверы и всевозможные сектанты, как правило, исповедовавшие уравнительные взгляды, также находились в оппозиции к самодержавному государству, которое становилось все более безличным и бюрократическим и чьи официальные представители носили непривычную одежду. Их взгляды были близки крестьянским.

В 1705 г. стрельцы и староверы в Астрахани отказались брить бороды и носить «немецкое» платье, что полагалось делать по новому закону. В письмах казакам восставшие писали о том, что настоящий царь схвачен, томится в тюрьме или убит. Его место занял самозванец, который «вместо богоугодных песнопений развлекается на маскарадах» (возможно, это отголоски Всепьянейшего собора). «Мы восстали в Астрахани за Христианскую веру, против немецкого платья, табака и бритых бород, потому что нас, наших жен и детей не пускают в церковь Божию в старом русском платье»³⁹.

В 1707—1708 гг. атаман Кондратий Булавин поднял восстание донских казаков. Казаки были возмущены тем, что их заставляют носить «западную» одежду и ограничивают их свободу, а также попыткой государственных чиновников вернуть беглых преступников, которых казаки принимали в своих общинах. Булавин заявил: «...наш православный царь» свергнут «злыми людьми, князьями и боярами, проходимцами и немцами... уводящими людей в адову языческую веру от истинного христианства».

Булавина так же, как и Степана Разина, поддерживало множество общественных, этнических и религиозных групп. Некоторые из них были мусульманами и ни в малейшей степени не были заинтересованы в «истинной христианской вере», но все они имели конфликт с имперским режимом. В конечном счете, как и Степан Разин, Булавин был предан своими разочаровавшимися последователями⁴⁰.

В личности Емельяна Пугачева, величайшего из всех русских бунтовщиков, воплотилась взрывная смесь казачества и старой веры. То же самое можно сказать и о его движении (1773—1775), которое было самым крупным восстанием народных масс в истории России.

Так же, как и предыдущие волнения, бунт Емельяна Пугачева вспыхнул на южных окраинах Российской империи. Там в тесном контакте с местными степными племенами жили староверы и другие беглые люди. Они скрывались от преследования властей. Там также было много казаков, защищавших царские крепости, но всегда мечтавших о разбое, который они считали своим правом по рождению.

Пугачев сам был донским казаком, но его движение началось на реке Яик среди уральских казаков. Их объединение с царской армией вызвало беспокойство и негодование среди рядовых членов движения, боявшихся потерять свою волю и свое самоуправление. Пугачев принял старообрядческую веру и титул императора Петра III, который, по его словам, не был убит. Петр III якобы после своего свержения с трона отправился в Константинополь и Иерусалим. Он жил среди простых людей и познал их страдания.

Пугачев сознавал, что общественный идеал, сформулированный в его манифесте в июле 1774 г., будет иметь огромный резонанс среди широких народных масс.

«Божею милостию, Мы, Петр Третий, император и самодержец всероссийский...

Жалуем сим именным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и пробных денежных податей, владений землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и грацких мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений».

Пугачев также обвиняет помещиков в надругательстве над «древними традициями христианского права» и введении «чуждого, взятого от немецких традиций, закона»⁴¹.

Многое в этом документе заимствовано из идеализированных версий древнерусских национальных легенд: бороды, христианское право, упоминание Константинополя и Иерусалима, намерение восстановить простую, доступную людям власть, отрицание «светской» Церкви и «немецких» настроений среди дворян. Пугачев соединил их с элементами казачьих идеалов — волей, службой по зову сердца, а не по обязанности. Такие положения манифеста, как земельная собственность без выплат и освобождение от налогов, обращены непосредственно к крестьянам.

Примечательно, что манифест Пугачева обращен как к русским, так и к представителям других национальностей. Башкирам и калмыкам Пугачев возвращает их племенные пастбища. Крепостных рабочих уральских заводов освобождает от тяжелого физического труда.

Такое разнообразие обещаний, обращенных к различным слоям российского общества, должно было застраховать восстание Пугачева от неудач. Перемещаясь из одного района в другой, бунтовщики могли вербовать последователей из раз-

ных слоев общества. Когда весной 1774 г. восставшие не смогли взять крепость Оренбург, а летом того же года потеряли Казань, они направились вдоль по течению Средней и Нижней Волги. К большому удивлению властей, они смогли привлечь в свои ряды огромное количество новых сторонников.

Заключительной стадией этой кампании стало всеобщее крестьянское восстание. Жители деревень собирались под звуки набата. В их руках были вилы и косы, иногда одно или два ружья. Вооружившись таким образом, они отправлялись к дому помещика или в кабак. Дворяне, их семьи, управляющие их поместий, трактирщики, сборщики налогов, иногда священники бежали от опасности, зная, что могут быть убиты восставшими.

Слабости восстания под предводительством Пугачева так же поучительны, как и его сильные стороны. Несмотря на опасения, связанные с этим восстанием, и разрушения, которые оно принесло, Пугачев сумел захватить только два больших города — Казань и Саратов, — и то ненадолго. Его войско, временами весьма внушительное (Оренбург осаждали по крайней мере 10 000 человек), было эффективно только против небольших гарнизонов и казачьих объединений, но противостоять регулярной армии оказалось не в состоянии.

То обстоятельство, что в царской армии солдаты служили пожизненно, в данном случае сыграло свою положительную роль. Солдаты регулярной армии, в прошлом тоже крестьяне, за годы службы утратили связи с общинной идеологией и не восприняли воззвания Пугачева. Солдатам были чужды требования крестьян и казаков, к тому же они были связаны суровой армейской дисциплиной⁴².

Восстание Емельяна Пугачева выявило множество конфликтов, характерных для российского общества XVIII в. Многие из этих конфликтов носили местный характер. Но важнее всего то, что оно пыталось возродить характерное для Древней Руси представление об обществе, которое выражалось следующей формулой: простое, нравственное, воплощенное в конкретной человеческой личности, основанное на Божьей правде государство. Бунтовщики выступали против государства сильного, централизованного, рационального, светского, обезличенного⁴³.

Присоединение южных территорий

В 1769 г. после набега крымских татар, оказавшегося последним, наконец-то наступил переломный момент в противостоянии России и Османской империи, длившемся до конца XVIII в. В то время русская армия была больше и организованнее турецкой. Возглавляемая талантливыми генералами Петром Румянцевым и Александром Суворовым, она готовилась совершить маневр одновременно на Балканы, в Крым и на Кавказ. Русские также развернули свой Балтийский флот, направив его в Атлантику и Средиземноморье. Балтийской флотилии должны были противостоять военные корабли Османской империи, большинство которых было выведено из строя в 1770 г. во время битвы в Чесменском заливе.

Крымская кампания 1769 г. оказалась менее удачной, чем Чесменская битва, и все же русским удалось сохранить за собой жизненно важные крепости Керчь и Еникале на восточном побережье полуострова и провозгласить независимость Крыма, что стало тогда, так же как и в дальнейшем, первым шагом на пути присоединения «независимого» государства к Российской империи.

Крымская кампания 1769 г. завершилась в 1774 году Кючук-Кайнарджийским мирным договором. Этот договор называют «первым разделением Османской империи» и «поворотным пунктом в отношении между Европой и Ближним Востоком»⁴⁴. По Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила право посылать свои торговые корабли через Проливы и держать военные корабли на Черном море, где она и построила свой первый порт Херсон в устье Днепра.

Почти через десять лет (1783) Россия присоединила к своей территории Крым. Впервые Османская империя уступила мусульманские земли христианскому государству. На Кавказе частью Российской империи стала Кабарда.

Не менее важным, чем территориальные вопросы, было право русского царя вмешиваться в религиозные дела. Договор обязывал Порту оказывать постоянную поддержку христианской религии и ее церквям.

Формулировка соответствующего пункта договора подразумевала, что русский посол в Константинополе имеет право делать заявления в защиту христиан, если это обязательство не будет соблюдаться. Таким образом, православная религия стала инструментом великодержавной политики.

Русское правительство уже использовало этот прием в католической Польше, настойчиво поднимая вопрос о свободе православных верующих. В 1775 г. послом в Константинополь был отправлен Николай Репнин, бывший ранее послом Российской империи в Польше. Это совпадение выдает намерение России разыграть ту же самую религиозную карту и в Турции⁴⁵.

При фаворите Екатерины II князе Григории Потемкине Россия окончательно присоединила к своей территории Крым, Кубанскую степь и прилегающий к ней Таманский полуостров. Реализация кючук-кайнарджийских договоренностей была завершена. Это позволило князю Потемкину построить линию укреплений напротив Северного Кавказского хребта, от Тамани до устья реки Терек и таким образом защитить степь от набегов горских племен. Теперь у России также появилась возможность начать строительство Черноморского флота.

Кючук-Кайнарджийский договор и его последствия вызвали серьезные опасения в Европе. Лорд Элгин сформулировал их в своем письме премьер-министру Уильяму Питту в 1788 г.: «После того как Санкт-Петербургский двор твердой ногой встал не только в Крыму, но и по всему побережью Черного моря, уже никто не сможет сказать, где он остановится. Русская армия и сейчас продолжает отвоевывать наиболее важные территории Османской империи. Но для России наступит момент, когда Европа уже не сможет помочь ей поднимать штандарты над Константинополем»⁴⁶.

Опасения лорда Элгина были оправданны. Князь Потемкин, губернатор только что отвоеванных у Османской империи земель, был очень честолюбивым человеком. Он хотел уговорить старейшин кавказских племен поднять против турок восстание, военной базой которого должны были послужить русские укрепления на реке Терек и Черноморский флот. Потемкин также рассчитывал на то, что к восстанию присоединятся православные народы Балканского полуострова, воодушевленные успехами России.

Конечной целью Потемкина были восстановление Византийской империи и замена исламского полумесяца, венчающего собор Святой Софии в Константинополе, христианским крестом. Предвосхищая это великое событие, Екатерина II назвала своего внука Константином⁴⁷.

«Восточный проект» мог бы объединить великодержавные цели России и влияние православной религии. Это очень беспокоило европейских государственных деятелей на протяжении всего XIX столетия. Они так и не смогли привыкнуть к России. Их раздражали и отталкивали ее огромные размеры, постоянно меняющиеся границы, скрытые мессианские претензии и природа ее общественно-политической системы.

Естественным следствием такого раздражения стало объединение усилий европейских стран с целью воспрепятствовать дальнейшему распространению России на Балканах и в районе проливов Босфор и Дарданеллы.

Отчасти из-за этого противодействия европейских государств дальнейшее продвижение России на Черном море резко замедлилось. В результате войны 1787—1792 гг. Россия присоединила территории между Бугом и Днестром, где был заложен крупный портовый город Одесса. В 1806—1812 гг. Россия включила в свой состав Бессарабию, восточную часть Молдавии, расположенную между Днестром и Прутом, коренным населением которой были румыны.

В 1828—1829 гг. Россия вторглась в дельту Дуная и провозгласила протекторат над княжествами Молдавия и Валахия, номинально оставшимися под сюзеренитетом Османской империи. В этих княжествах было установлено конституционно-аристократическое правление под надзором наместника графа П.Д. Киселева⁴⁸. Это был очередной пример установления Россией призрачного полусуверенитета на территории, которую она однажды надеялась присоединить.

Замедление темпов российской экспансии связано также с двойственностью ее политики. Несмотря на то что Россия всегда стремилась ослабить Османскую империю, она не желала ее падения, позволяя более сильной и враждебной европейской державе контролировать Дарданеллы. Вот что в 1830 г. писал по этому поводу министр иностранных дел Рос-

сии Нессельроде: «Мы позволяем турецкому правительству существовать в Европе под нашим покровительством только потому, что оно устраивает нас больше тех, что могут возникнуть на его руинах»⁴⁹.

Россия тем не менее разрывалась между двумя желаниями: разрушить Османскую империю и поддерживать ее как можно дольше. В 1833 г., например, она посылает войска в помощь османскому султану, против которого восстал его вассал Мехмет Али Египетский.

Османская империя сама была заинтересована в том, чтобы Россия имела право посылать свои военные корабли через проливы Босфор и Дарданеллы и не допускала туда кого бы то ни было еще. Этого можно было добиться только при условии, что Россия сохраняет дружественные отношения с Турцией и питает неприязнь к остальным европейским государствам.

На присоединенных территориях Россия проводила традиционно успешную политику. Привлекая на свою сторону местную элиту, она затем использовала ее для свержения своих врагов. На Балканах эта схема оказалась особенно эффективной, так как местная элита была православной и приветствовала влияние России. Однако, как заметил еще в 1711 г. Петр I, церковные иерархи Сербии, Болгарии, Греции и Дунайских княжеств так и не смогли полностью преодолеть подозрений в отношении России. По их мнению, Россия использовала их лишь как заложников своей великодержавной политики. Это обстоятельство объясняет то, что русский монарх поддерживал бунтарей, восставших против законного правительства.

Еще одним фактором, затруднявшим продвижение России на Балканах, было их географическое положение. Большое количество горных хребтов, рек и других естественных препятствий мешало военным действиям. По словам Ле-Донна, русская армия «истощала себя, пробираясь сквозь рифы и отмели»⁵⁰, так что становится понятным, почему продвижение России замедлилось и не было завершено к концу восемнадцатого столетия.

Политика России на Кавказе

Установив свое господство на северном берегу Черного моря, Россия приступила к использованию богатств этого региона. Ее продвижение в соседнюю стратегическую котловину Кавказских гор и дальше, в Закавказье, между Черным и Каспийским морями, было неизбежным. Генерал Ростислав Фадеев в 1850 г. объяснил, почему это произошло, но его слова могли прозвучать так же убедительно и шестьдесятю годами раньше:

«...Владычество на Черном и Каспийском морях или в случае крайности хоть нейтралитет этих морей составляет жизненный вопрос для всей южной половины России от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредоточиваются главные силы империи и личные, и материальные. ...Если б горизонт России замыкался к югу снежными вершинами Кавказского хребта, весь западный материк Азии был бы вне сферы нашего влияния и при нынешнем бессилии Турции и Персии недолго бы дождался хозяина или хозяев»⁵¹.

Потенциальным «новым хозяином», на которого намекает Фадеев, была Великобритания, но дело в том, что Турция в отличие от Персии все еще оставалась сильным государством. Она имела большое влияние на Кавказе и за его пределами, используя свои этнические и религиозные связи для того, чтобы чинить козни в самых богатых российских регионах.

На протяжении всех русско-турецких войн на Кавказе шли самостоятельные военные действия. Даже в мирное время северокавказские племена постоянно нападали на мирных жителей Кубани, занимавшихся сельскохозяйственным трудом.

Постоянные нападения кавказцев на Кубань заставляли Россию использовать любую возможность для распространения своего влияния на Кавказе как можно ближе к турецкой и персидской границам. Горы здесь были несколько ниже, но все равно очень высокие. Главные водные артерии этого региона — реки Риони, Кура и Аракс. Это древняя земля Колхиды, родина мифического Золотого руна. Здесь в Средние века царица Тамара (1184—1212) управляла королевством Грузия, чей

народ принял христианство еще в IV в. Впоследствии под натиском монголов Грузия распалась на маленькие княжества, которым, как буферным государствам, пришлось выживать во враждебном окружении исламских империй Персии и Турции. Гурия, Мегрелия, Имеретия, Картли, включая крупнейший город Тифлис, и Кахетия тянулись с запада на восток. Население состояло преимущественно из крестьян и земельной знати, говоривших на различных диалектах, но образованные люди сохранили культуру и язык средневековой Грузии⁵².

Армянам, населявшим восточную часть Анатолии, пришлось вынести бесчисленное количество иноземных вторжений. Армянское государство было завоевано Помпеем в I в. до н.э. и стало частью Римской империи. В начале IV в. армяне были обращены в христианство, приняв его монофизитскую конфессию. Наряду с коптами и сирийцами армяне исповедуют монофизитство по сей день.

В IX—XI вв., находясь под сюзеренитетом Аббадского халифата, Армения, которой в то время правила династия Багратидов, получила большую самостоятельность в управлении своими государственными делами. Позднее, находясь в составе Османской империи, Армения образовала самостоятельную этнорелигиозную общину, которая называлась миллет.

В начале XVII столетия главный город армян Ереван был захвачен Сефевидами, которые тогда правили Персией. С тех пор армяне были разделены между Османской и Персидской империями. Судьба армянского народа похожа на судьбу евреев. Из-за постоянных захватов и переделов их родной земли они вынуждены были заниматься ремеслами и торговлей и расселились по городам Черноморского побережья и Ближнего Востока.

Армяне также были разобщены и территориально, и социально. Горный ландшафт страны, население которой занималось сельскохозяйственным трудом, разделение между Персией и Турцией, религиозные и социальные различия мешали армянам почувствовать себя единым целым. К тому же в армянском языке существовало огромное количество диалектов. Говорившие на разных диалектах армяне часто просто не способны были понять друг друга.

Так как армянская культура формировалась вокруг двух основных центров, Константинополя на западе и Еревана на востоке, у армян было два литературных языка: западный и восточный, а также эклектичный письменный язык — *грабарь*.

Армянские крестьяне, особенно те, которые населяли восточную часть Анатолии, были бедны. Тысячи миль отделяли их от соотечественников, поселившихся в городах Смирне, Константинополе, Ростове-на-Дону, в Крыму и занимавшихся торговлей и ремеслом.

В начале XVIII столетия Россия начала продвижение в Восточное Закавказье. В этот период Персия представляла собой свободную конфедерацию племен, лишь условно возглавляемую шахом. Она была ослаблена и разъединена, что облегчало России ее задачу.

Правительство Петра I отправило в Персию своих консулов и начало торговлю с ней. Когда дагестанские племена стали досажать русским купцам у Ширвана, Петр перешел в наступление по всему Каспийскому побережью и захватил города Дербент и Баку. Он надеялся с помощью Грузии и армян, проживавших в этом регионе, установить господство России на западном и южном побережьях Каспия. Однако ни Петру, ни его преемникам не удалось не только достичь этих целей, но даже удержать достигнутое. Русская кампания против Персии возобновилась только к концу XVIII в.⁵³

Вторжение Персии в восточную Грузию и захват персами Тифлиса в 1795 г. заставили Россию вновь активизировать свои действия на западном побережье Каспия. Начало военных действий было не совсем удачным для России, но в конце концов российской армии удалось захватить Дербент и Баку.

По Гюлистанскому договору 1813 г. Россией было аннексировано несколько ханств в бассейне реки Куры и вдоль Каспийского побережья, где проживала почти половина азербайджанского населения Персии. Нахичевань и Ереван были присоединены по Туркманчайскому договору в 1828 г.

Теперь южная граница России проходила по реке Аракс и включала восточную часть исторической армянской территории. Ко времени аннексии армяне составляли примерно 20 процентов здешнего населения. Позднее тысячи армян

иммигрировали сюда из Персии и Османской империи, надеясь найти защиту в христианской России.

Таким образом Персия была вытеснена из Закавказья и с большей части Каспийского побережья⁵⁴.

Грузия также была заинтересована в установлении господства сильной христианской державы над ее мусульманскими соседями. В 1783 г. царь Картли и Кахетии Ираклий II предложил России идеальные условия в борьбе с персидской агрессией. В обмен на военную защиту Грузии Россия получила право контролировать вопросы престолонаследия Багратидов и внешнюю политику Грузии.

Эти гарантии могли быть осуществлены, только если Россия сможет вести военные действия на Кавказе. С этой целью Россия построила новую крепость на реке Терек (Владикавказ) и высокогорную Военно-Грузинскую дорогу. Она протянулась через весь Кавказский хребет до столицы Грузии Тифлиса.

Несмотря на обещания, русские все же не смогли предотвратить разрушение Тифлиса персидскими войсками. В 1795 г. персы захватили в плен и увели из страны 30 тысяч человек. Однако защита и укрепление Военно-Грузинской дороги стали для России одной из основных целей внешней и военной политики и ключом к военно-политическому господству на Кавказе. Дорога постоянно требовала внимания. Она проходила через суровую местность, окруженную скалистыми горами и населенную одними из самых воинственных племен на земле.

Это были крошечные племена, жившие в долинах, изолированных друг от друга высокими горными хребтами. Они говорили на различных диалектах и ревностно отстаивали свою независимость. Эти племена были скорее кланами, а не нациями. Многочисленность семьи была у них главным критерием силы и значительности. Употребление национальных терминов по отношению к этим народностям было бы слишком большим упрощением. Лишь условно можно говорить о них как о дагестанцах, чеченцах, ингушах, осетинах (которые долгое время были союзниками Грузии и частично охристианились), кабардинцах (составлявших ядро большого королевства в XVI в.), балкарцах, карачаевцах, черкесах и абхазах.

Летом они занимались пастбищным скотоводством, کوچуя со своими стадами по высокогорным лугам, а зимой возвращались в долины.

Как и другие кочевники, они часто совершали набеги на соседние земледельческие племена, добывая рабов и захватывая трофеи.

Чеченцы воевали чаще и успешнее других кавказских народностей. В мирное время у них не было никакой иерархии. Они делились на многочисленные кланы, причем некоторые из них враждовали друг с другом.

Во время военных действий чеченские кланы оставляли свои ссоры, объединяли усилия и выбирали военных лидеров, которым подчинялись. Другие племена имели свою аристократию и более или менее устойчивую феодальную систему. Большинство кавказских племен были анимистами (т.е. верили в существование духов). Ислам начал распространяться в их среде только в XVIII столетии.

Русское вторжение на Кавказ и строительство крепости на Тереке сильно повлияло на традиционный образ жизни коренных жителей и ускорило распространение ислама, который стал идеологией сопротивления. Идейной основой для формирующегося демократического исламского сопротивления стали суфийские братства.

Первоначально суфизм носил созерцательный характер, но на Кавказе в периоды иноземных вторжений тесные отношения между наставником (*шейхом* или *муршидом*) и посвященным использовались для разжигания коллективных военных действий.

Исконно кавказская иерархия и подчинение племенному бегу заменялись равенством, готовностью пожертвовать своей жизнью и преданностью Пророку. Суфисты не признавали племенную элиту и ее компромиссы с царскими властями, поэтому традиционная русская политика заигрывания с местной знатью теперь только провоцировала широко распространенное сопротивление⁵⁵.

В 1785 г. первый лидер мусульманских повстанцев шейх Мансур объявил священную войну (газават) против неверных. Он обратился к северокавказским кланам с призывом

оставить мелкие ссоры и во имя Аллаха объединиться для борьбы с захватчиками. Мансуру удалось собрать двадцатитысячную армию, которая осадила русскую крепость Кизляр, но не смогла захватить ее.

Несмотря на неудачу, действия Мансура сильно затруднили российскому правительству осуществление стратегических задач на Кавказе. Царские власти смогли обезвредить его только через шесть лет. Если бы Османская империя поддержала восстание Мансура, русское проникновение на Кавказе можно было бы предотвратить. Однако Мансур возглавлял Накшбандийское братство, а этому направлению суфизма турецкие власти не доверяли⁵⁶.

Решительное сопротивление кавказских народностей породило неуверенность и разногласия в русских правительственных и военных кругах. Одни считали, что следует продолжать вести проверенную тактику налаживания контактов с отдельными представителями аристократии и военными лидерами, задаривая их и постепенно подчиняя своей воле. Другие же считали, что единственный путь подавить сопротивление восставших кавказцев — решительные военные действия, а заигрывание со знатью только усиливает народную оппозицию.

Очевидно было одно: вряд ли можно было усмирить воинственных горцев в одночасье. Каждое действие, направленное на подавление сопротивления, должно было быть решительным, рассчитанным на длительную перспективу и требовало большого терпения⁵⁷.

Дела России на Кавказе шли очень неровно. Наиболее последовательным сторонником решительных мер был генерал Ермолов, губернатор Кавказа с 1816 по 1827 г. Ермолов пытался подчинить себе местных жителей, лишив их привычной среды обитания. По его приказу уничтожались леса и сжигались целые деревни. «Я хочу, — заявил он, — чтобы моим именем террор защищал наши границы надежнее крепостных стен». В периоды карательных экспедиций, которые посылал Ермолов, русские солдаты безнаказанно чинили насилия и мародерствовали.

Когда русский император упрекнул Ермолова в жестокости, генерал ответил ему: «...снисходительность в глазах ази-

атов — признак слабости, поэтому я непреклонно беспощаден и действую за рамками привычного представления о гуманности. Одна казнь спасает сотни русских от уничтожения и тысячи мусульман от измены»⁵⁸.

Казнили, разумеется, не только тех, кто был виновен, поэтому политика Ермолова на Кавказе разжигала пламя сопротивления. В 1834 г. выдающийся северокавказский вождь имам Шамиль поднял знамя хорошо подготовленного восстания. Шамиль был дагестанцем по происхождению, но обосновался среди чеченцев, славившихся среди горцев своей непокорностью. Шамиль объявил новый исламский закон и начал безжалостно претворять его в жизнь, пересмотрев наследственную иерархию, принятую у многих кавказских племен.

Он также использовал суфийские братства и их последователей для формирования вооруженных отрядов, в любой момент готовых напасть на русский сторожевой пост или конвой. Такие отряды приносили много вреда русским войскам. Они были очень мобильны, нападали неожиданно, а затем бесследно исчезали в горах и лесах.

Шамиль был неуловим. Несколько раз он был близок к уничтожению и захвату, но продолжал демонстрировать невероятную способность к возрождению. Он поднимал новые войска и снова и снова преследовал русских солдат.

Обращение Шамиля с вождями традиционных кланов было настолько грубым, что не все чеченцы безоговорочно поддерживали его лидерство. Еще в большей степени это касалось других кавказских народностей.

Репутация Шамиля начала меняться после того, как Османская империя не смогла поддержать его во время Крымской войны. Многие восставшие деревни сдавались русским войскам. В 1859 г. русским удалось взять штурмом цитадель Шамиля в горном ауле Гуниб, которую защищали теперь уже малочисленные, но все еще преданные ему отряды. Шамиль был захвачен в плен.

Его передали наместнику Кавказа князю А.И. Барятинскому со всеми военными почестями. Шамиля содержали под стражей в официальной резиденции, а затем ему было позволено совершить паломничество в Мекку. Так в много-

национальных империях традиционно относились к уважаемому противнику.

После подавления восстания Шамиля дорога для русской армии была открыта. Она опять начала проводить систематические кампании по вырубке лесов, сжиганию посевов, разрушению деревень и строительству дорог. Особенно жестокими были действия русских войск в западной части Кавказа. Эти земли населяли черкесы, многочисленный народ, родственно связанный с Османской империей. Черкесы так же, как чеченцы, оказали вооруженное сопротивление русской армии, но никто не пришел к ним на помощь. В 1864 г. сопротивление черкесов было полностью подавлено. Русские власти переселили черкесов на равнины, но по крайней мере 300 тысяч из них, а это половина всего населения, предпочли переселению ссылку и уехали в Турцию. По некоторым данным, около миллиона кавказцев предпочли ссылку⁵⁹.

На протяжении столетий русские власти пользовались методами, которые провоцировали свирепое сопротивление горских народностей Кавказа, что, в свою очередь, заставляло Россию проводить политику геноцида по отношению к горцам. Победа русских войск на Кавказе связана с первой массовой депортацией в современной истории, посеявшей в душах людей ненависть и постоянную жажду мести. Кавказский вопрос до сих пор остается незаживающей раной на теле русской политики⁶⁰.

«Регулярное» государство не осуществилось

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. движущей силой русского государства все еще оставалась личная зависимость. Сельские общины имели самоуправление и сами распределяли налоги, а также решали, кого отправлять на военную службу. Связующим звеном между государством и крестьянами были дворяне-землевладельцы, а там, где их не было, — полиция и войска. Государство получало доходы либо через управляющих имениями, либо че-

рез полицию и армию, либо через откупщиков, управлявших государственными питейными заведениями.

В каждом из этих случаев трудно было проверить, сколько именно приходилось на долю сборщиков налогов. Их жадность сдерживало только одно: боязнь потерять источник дохода. Придерживаясь этого ограничения, землевладельцы и государственные чиновники имели практически все, чего им хотелось, — и продукты, и рабочую силу — и в городах, и в деревнях. Отношения между Российским государством и его подданными мало чем отличались от тех, что существовали в кочевых империях и ханствах древности.

Будучи великой державой, Россия, возможно, не имела других средств для развития, кроме эксплуатации собственного населения и природных ресурсов. Однако к середине XIX столетия эти средства оказались недостаточными и непродуктивными, что поставило под угрозу существование России в качестве великой державы⁶¹.

Уже полстолетия многие государственные деятели предвидели такую опасность, понимая что критический момент не за горами. Настала пора найти более эффективные способы подчинения населения государственным институтам, которые будут управляться законом и финансироваться более справедливой системой налогообложения, открывая реальные источники обогащения государства.

Покровительство следовало заменить государственной властью, а взимание дани — упорядоченной фискальной системой. Все спорные вопросы должны были решаться в судах.

Вне этих государственных институтов российские правители нуждались в более сознательной поддержке населения, основанной не на привычке или принуждении, а на желании идентифицировать себя с государством, т.е. на патриотизме и гражданской сознательности.

В конце XVIII в. эти качества были широко распространены в среде русской знати и высокопоставленных чиновников. Они заимствовали их у европейской городской элиты, получая в этих странах высшее образование или находясь на дипломатической службе.

Французская революция и наполеоновские войны еще больше раскололи Россию. В наполеоновской Франции по-

явление представительных учреждений, правовых норм и всеобщей воинской повинности было вызвано беспрецедентным уровнем патриотизма и боевыми победами⁶².

Некоторые представительные учреждения уже более десяти лет существовали и в других частях Европы, включая Польшу, поэтому их нельзя рассматривать как явление исключительно французское. Представительные учреждения были будущим Европы, и Россия как великая держава не могла долго оставаться в стороне от этих нововведений. Почву для них подготовил еще Павел I, а Александр I должен был осуществлять их во все время своего правления.

Франкмасонство

Во второй половине XVIII в. молодые дворяне с удовольствием получали образование за границей, как того и требовало от них государство. Однако результаты не всегда оправдывали ожидания официальных властей. Молодые дворяне воспринимали этическую сторону службы по крайней мере в той степени, которую ожидал Петр I, но с результатами, которые бы он не одобрил.

Русская православная церковь ослабила контроль над системой среднего и высшего образования (кроме обучения собственного духовенства). Молодые дворяне начали искать новые источники духовной жизни. Одним из таких источников стало масонство.

Масонство предлагало систему общежития и служения светскому развивающемуся государству. Оно привлекло юношей сетью личных связей, полезных молодым людям в их карьере, и обеспечивало им защиту, даже если они находились в другой стране. Масонство было идеальным базисом для светского государства, основанного на личном покровительстве.

Одна из первых масонских лож в России открылась в Санкт-Петербурге в 1750-х гг. Она состояла из выпускников Кадетского корпуса. Ложу возглавлял директор императорского театра Иван Елагин. К 1760-м гг. почти треть всех высокопоставлен-

ных (начиная с восьмого ряда Табели о рангах и выше) гражданских и военных служащих были масонами.

Вступая в ложу, они давали клятву, которая предусматривала соблюдение следующих правил: «исполнение обязанностей к Богу... неизменная верность государю или в качестве его природного подданного, или приобретенного, или, наконец, в качестве человека, живущего в его государстве и пользующегося публичной безопасностью под его покровительством; любовь к своему собственному семейству и забота о нем; милосердие, всегда готовое действовать в пользу ближнего, под именем которого разумеются по началам христианской веры все люди, не исключая и самых врагов»⁶³.

Петр I одобрил бы каждое слово этой клятвы, но он заставил бы своих фискалов следить за этими людьми. Допустить, чтобы такие идеалы стали достоянием активных, патриотически настроенных сознательных граждан, означало выпустить на волю силу, которую даже все фискалы империи не смогли бы проконтролировать.

Одним из самых активных масонов, членом ложи Елагина был Николай Новиков. Он имел отношение к формированию «третьего сословия». Екатерина II назначила его, тогда еще юношу, на должность секретаря подкомитета Уложенной комиссии. Это был правильный выбор. В Новикове в полной мере воплотились те черты, которые впоследствии отличали средний класс России, чьи профессионализм и этика основывались не на богатстве и коммерции, а на культуре, образованности и служении обществу.

Николай Новиков основал несколько сатирических журналов, которые в своих фельетонах высмеивали коррупцию и праздность, а также дворян, людей, благородных по происхождению, но забывших о благородных помыслах.

Благодаря масонским связям Новиков смог взять в аренду типографию Московского университета и развернуть широкую издательскую деятельность. В его типографии печатались не только религиозные трактаты и масонские посвящения. Он издавал учебники, грамматические справочники, переводы известных зарубежных философов. Новиков был одним из первых издателей документальных материалов по русской истории.

Доход от продажи книг шел на благотворительные нужды. Новиков жертвовал деньги на помощь голодающим и на начальное образование, которое должно было «учить детей благочестию и готовить к дальнейшему воспитанию на благо их самих и Отечества». Возможно, Новиков был организатором первых русских благотворительных фондов, не зависящих ни от Церкви, ни от государства⁶⁴.

Екатерина II поначалу одобряла масонство. По ее мнению, масоны поддерживали деятельность государства в области образования, правосудия и борьбы с нищетой. Со временем, особенно после Французской революции, она начала подозревать масонов в еретической деятельности, подрывающей основы общественного строя.

Больше всего Екатерину тревожило подозрение, что Новиков вовлечен в заговор с целью свержения ее с трона в пользу ее сына Павла. Нити этого заговора вели через масонов в Пруссию. Причиной падения Новикова было то обстоятельство, что его занятия филантропией и просвещением осуществлялись через тайные общества. В 1792 г. его арестовали и, обвинив в ереси и измене отечеству, приговорили к пятнадцати годам заключения в Шлиссельбургской крепости⁶⁵.

Похожая судьба ждала еще одного дворянина, Александра Радищева. Он слишком серьезно относился к общественным ценностям, хотя никогда не был масоном. Когда-то Екатерина лично отправила его в Германию для получения образования. Там среди других предметов ему было предписано изучать «естественное право» и «нравственную философию», что он и делал, но не совсем так, как этого хотелось Екатерине.

«Естественное право» произвело на Радищева большое впечатление. Он считал его универсальным идеалом, которому должны подчиняться монархи. Большое влияние на Александра Радищева оказали также немецкие пиетисты, которые в отличие от мыслителей Просвещения делали особый акцент на обязанности настоящего гражданина активно способствовать развитию общества и всеобщему благосостоянию.

По возвращении из-за границы Радищев работал в Сснате, где узнал о злоупотреблениях властей. Он пришел к вы-

воду, что монархическая власть справедлива тогда, когда ее сдерживают правовые нормы и разделение законодательной и исполнительной власти.

Свои взгляды на гражданский патриотизм и гражданское общество Радищев изложил в 1789 г. в статье «Что такое сын Отечества?». Название этой статьи иронически перекликалось с притязаниями Петра I быть «отцом своему Отечеству». Радищев утверждает, что настоящий гражданин должен обладать аристократическими достоинствами — благородством души, честью и честолюбием, дополненными гражданской ответственностью и любовью к соотечественникам⁶⁶.

Отсутствие у русских аристократов подобных качеств заставило Радищева написать дидактическое «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором он выносит приговор русскому обществу. Следуя по маршруту своего путешествия, автор на каждой станции встречается с каким-нибудь злом: коррупцией, пьянством, проституцией, суеверием, рекрутчиной.

Крепостничество Радищев рассматривал, с одной стороны, как безнравственное общественное явление, с другой — как препятствие в развитии экономики.

«Путешествие из Петербурга в Москву» заканчивается одой «Вольность». Некоторые исследователи считают, что она написана другим автором. В оде содержатся нападки на не сдерживаемую законом монархию как источник этих зол и предупреждение об опасности грядущей крестьянской революции и тираноубийстве.

Каким-то невероятным образом «Путешествие из Петербурга в Москву» проскользнуло мимо рук цензора и было анонимно опубликовано. Это произведение стало светочем в среде образованных людей России того времени.

Екатерина была очень встревожена и приказала разыскать автора. Радищев был арестован, лишен всех чинов и званий, обвинен в мятеже и приговорен к смерти. Позднее Екатерина заменила этот приговор десятью годами ссылки в Сибирь.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева дало начало особенности русской литературной традиции XIX в., сочетавшей в себе реализм, совесть и критику существующего общественного устройства⁶⁷.

6. Россия в период правления Павла, Александра I и Николая I

Правление Павла (1796—1801)

К концу XVIII в. в сознании русских дворян пустили корни новые общественные веяния и связанная с ними культура. Другие сословия российского общества продолжали жить по-старому. Чтобы уничтожить брешь, образовавшуюся между дворянами и другими общественными классами, монарх мог избрать два альтернативных пути: он мог и дальше утверждать и укреплять права дворян в надежде на то, что постепенно они станут законодательной нормой для всех граждан общества, или же, наоборот, используя свою единоличную власть, он мог ограничить привилегии дворян и установить в обществе такой порядок, при котором возможны были бы равенство и справедливость.

Первый подход, вполне вероятно, оказался бы более эффективным, но усилил бы существующее неравенство и несправедливость, а второй был бы значительно труднее — он потребовал бы отмены крепостного права и сокращения тех свобод, которые до тех пор были доступны только дворянству. Он подразумевал также замену системы протекций, поддерживаемой древнейшими дворянскими фамилиями.

И тем не менее Павел начал наступление на права дворян. Он отменил дворянские собрания, лишив их права выбирать

местных чиновников, которых теперь должен был назначать он сам. Помещичьи земельные владения облагались налогами так же, как и любой клочок крестьянской земли. Освобождение дворян от государственной службы тоже было отменено. Отныне их можно было подвергать телесным наказаниям.

Дворяне, по замыслу Павла, должны были стать ровень с другими общественными сословиями России. Для контроля за осуществлением этой программы и предотвращения антиправительственных дворянских заговоров Павел создал свою разведывательную службу, которая тогда называлась «тайная экспедиция».

Было также восстановлено право крестьян подавать монарху петиции о плохом с ними обращении. Павел был первым правителем, наложившим законодательные ограничения на обязанности крестьян. Он запретил помещикам принуждать крестьян работать по воскресеньям.

В то же время Павел попытался изолировать Россию от влияния Французской революции. Был запрещен ввоз иностранных книг и журналов и наложен запрет на зарубежные поездки, ставшие привычными для молодых аристократов, получавших образование за границей.

Если бы такая политика просуществовала длительное время, она могла бы уничтожить уникальную русскую аристократическую культуру и лишила бы Россию возможности принимать полноценное участие в европейской дипломатической жизни.

Павел был непоследователен в проведении политики социального равенства. Он подобно своей матери щедро одаривал фаворитов землей и крестьянами. Не вызывает сомнений, что нрав у Павла был неуравновешенным, он был подвержен сильным вспышкам гнева. Его душевное расстройство, если оно действительно существовало, отражало ситуацию, сложившуюся в правящем лагере Российской империи. Непомерные требования властвующих персон противоречили их ограниченным возможностям.

Дворяне, и особенно гвардейские офицеры, были оскорблены наложенными на них ограничениями. В 1801 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф Петр Пален организовал против Павла заговор гвардейцев. Монарх был убит.

Деятельность Павла убедительно доказала тот факт, что в России политика, направленная на отмену существующих привилегий, разрушение системы отношений, основанных на покровительстве, и способствующая установлению равенства, обречена на провал¹.

Правление Александра I (1801—1825)

Александр I, наследовавший престол после Павла, также пытался бороться со всемогуществом системы покровительства, но абсолютно другим способом: не путем деспотизма, а путем введения соответствующих законодательных норм. Его правление было не менее важной вехой в истории России, чем эпоха Петра I. Настало время, когда «регулярное» государство начало обретать свои черты, когда высшие правительственные чиновники начали понимать необходимость установления нового, более справедливого и законодательно гарантированного общественного порядка.

Сенатское управление оказалось громоздким и неэффективным во многих отношениях, но оно породило ожидание законности и вызвало чувство, что широко распространенная система личного покровительства и личной прихоти является незаконной. Большое количество прошений, скопившихся в сенатских папках, свидетельствовало о том, что люди всех сословий считали Сенат верховным арбитром в решении своих проблем².

Время, в которое правил Александр I, бросило ему серьезнейший вызов — наполеоновское вторжение 1812 г., но также и предоставило прекрасную возможность для реализации своих идей, так как российское общество переживало небывалый патриотический подъем, которого не переживало в течение двух столетий. Это было время, когда правительство, общество и массы могли бы более тесно объединиться на основе правовых норм. Этого так долго ожидали и желали многие образованные люди России. И, когда ничего подобного не произошло, они испытали горечь и разочарование. В

такой ситуации вопрос «Кто виноват?» казался самым назревшим.

В начале правления обстоятельства благоприятствовали Александру. Он совсем не был похож на своего предшественника Павла. Учтивый, очаровательный человек, любимец своей великой бабки и последователь философии Просвещения, Александр был обласкан элитой русского общества. Его учителем был швейцарский республиканец Фредерик Цезарь Лагарп. Екатерина II сама выбирала внуку учителя, и республиканец Лагарп, сторонник гражданского общества, основанного на правовых нормах, был отнюдь не случайной персоной.

Александр находился под большим впечатлением от учения Лагарпа, но привнес в свою преданность этому учению известную долю разочарованности, говорившую о некоторой двойственности личности монарха. Он чередовал жесткую властность с уступчивостью и готовностью пожертвовать своей властью в пользу представительных государственных учреждений.

Александр I говорил своему учителю, что надеется создать конституцию и представительное собрание, которые заменят его единоличную власть. А сам он намеревался «удалиться в какое-нибудь тихое место, где жил бы счастливо, с чувством удовлетворения наблюдая растущее благосостояние своей страны». Столь необычные для русского монарха рассуждения впоследствии заставили Николая Бердяева назвать Александра I «русским интеллигентом на троне»³.

Александр был одним из самых чутких и образованных людей своего поколения, но не мягкотелым эстетом. Деликатность и чувствительность в его характере сочетались с готовностью к жестким, иногда даже жестоким действиям, когда он считал это нужным. Необходимость сочетать в себе такие противоположные черты характера держала его психику в постоянном напряжении и заставляла быть скрытным. С разными людьми он обращался по-разному, в зависимости от их индивидуальности, никогда не открывая им себя до конца.

Но настала пора оправдать ожидания, возникшие при его восшествии на престол, и перед Александром I встала та же проблема, что и перед Екатериной II и Павлом. Он мог про-

должать расширять и укреплять привилегии дворянства, уже обладавшего политической независимостью, в широком смысле пойти по пути английских вигов, или он мог пойти по пути французских якобинцев, распространив гражданские права на все слои населения. Нужно было также решить, каким способом реформы будут приведены в действие. Реформы, подразумевающие ограничение привилегий дворянства, вряд ли могли бы быть им же и выполнены. В этом случае неограниченная власть самодержца была особенно необходима. Но тогда мало бы что осталось от правовых норм и представительных учреждений.

Александр так и не удалось разрешить ту дилемму. Он болезненно переживал это и учился скрывать свои взгляды в разговорах с людьми. В юности он общался не только с Лагарпом. Он вырос в Гатчине, при дворе своего отца, где царил подавляющий военный церемониал. Там он познакомился с Александром Аракчеевым, мелким землевладельцем и офицером артиллерии. Аракчеев в то время был главным советником Павла. Особое впечатление на молодого Александра I производила грубоватая честность Аракчеева.

Обстоятельства жизни будущего монарха приучили его к мысли о естественности абсолютной власти, особенно когда это касалось реализации его планов по реформированию общественного устройства России, от которых он никогда не отрекался.

В первые годы своего правления Александр серьезно обдумывал взгляды британских вигов. Они отразились в его идее так называемой сенатской партии, которую должно было избирать дворянство и которая должна была выступать гарантом закона. Впоследствии Александр отказался от этой идеи⁴.

Значительно больше внимания он уделял небольшому кругу близких друзей, высокообразованных молодых аристократов. Он называл свой кружок «Негласным комитетом», а иногда в шутку «Комитетом общественного спасения». Один из членов этого кружка, Павел Строганов, посещал собрания Якобинского клуба в Париже. Собрания «Негласного комитета» проходили в дружеской обстановке. Возможно, там обсуждался и вопрос об отмене крепостного права, но,

подтверждая свое название, кружок оставался конфиденциальным. То, что обсуждалось на его заседаниях, не записывалось и тем более никогда не публиковалось. Практически ничего не достигнув, «Негласный комитет» распался.

Александр, однако, был упрям. Он никогда не оставлял надежду на укрепление «регулярного» правительства и его укоренение на российской почве. Мысли Александра о том, каким образом «регулярное» правительство может существовать в России, радикально менялись в течение его жизни.

Он пытался подойти к решению этой проблемы, начав реформы в самых развитых регионах страны, Польше и Финляндии, и отменить крепостное право в балтийских провинциях. Затем он придавал своим реформам военную или религиозную окраску. Александр понимал, что государственные реформы недостаточны, и его изменчивая многосторонняя натура продолжала надеяться, что одна или даже все эти модели могут послужить ключом к тем изменениям, которых он желал.

Серьезным обновлением государственной системы стали министерства, введенные Александром в 1802 г. В 1810 г. под влиянием своего советника Михаила Сперанского Александр учреждает Государственный Совет, который был задуман как контролирующее звено новой схемы государственного управления.

Эта схема основывалась на последних достижениях политической науки тех дней. Она подразумевала разделение администрации, судебного права и законодательных отраслей в столице и провинциях. Законодательные органы должны были избираться владельцами собственности из городов и деревень. Если бы эта схема была полностью реализована, она позволила бы общественности контролировать законность действий правительства посредством выборных учреждений.

В действительности только министерства и Государственный Совет действовали согласно плану Сперанского. Государственный Совет состоял из государственных деятелей высокого ранга, назначаемых самим императором. Члены совета консультировали императора по вопросам законодательства и составляли проекты законов, которые император принимал или отклонял. Государственный Совет выполнял также законодательные функции Сената.

Министры несли теперь индивидуальную исполнительную ответственность. Ранее она была поделена между членами коллегий. Александр считал, что коллегии устарели, так как работали слишком медленно и были способны вести лишь рутинные дела.

Индивидуальная исполнительная власть ускоряла ведение дел, но Александр в первую очередь старался ограничить личные капризы министров, заставляя их регулярно советоваться друг с другом, а также лично с ним перед принятием важных решений. Исполдволь это правило сошло на нет, и министерства благодаря своим тесным связям с императорским двором постепенно стали центрами личного протекционизма, какими раньше были приказы.

И тем не менее само существование министерств предполагало профессиональные и непредвзятые действия властей или, другими словами, было частью скорее бюрократической, нежели протекционистской, государственной системы. Началом бюрократизации общества стал переход государственной службы на профессиональную основу: с 1809 г. допуск к высшим степеням Табели о рангах требовал университетского диплома или письменного экзамена⁵.

Со временем некоторые министерства превратили свои феодальные владения в деловые учреждения с реальными административными возможностями. Это стало происходить чаще после отмены в 1837 г. должности генерал-губернатора и появления в губерниях и уездах постоянных министерских представителей. Самым могущественным департаментом было Министерство внутренних дел, взявшее под свой контроль полицию⁶.

Вторжение Наполеона Бонапарта

Вызов, брошенный Александру I Наполеоном, стал для него одновременно и величайшим испытанием, и редким шансом проявить себя. В 1812 г. Россия подверглась одной из самых серьезных военных угроз в своей истории. Подоб-

ной опасности она не испытывала со времен Смуты. К моменту вторжения в Россию Наполеон уже основательно подорвал сложившуюся расстановку политических сил в Европе. Россия была частью европейской системы и стремилась к преобразованиям, основанным на европейской модели.

Наполеон сумел осуществить свои завоевания, противопоставив принципам согласия и взаимной договоренности жесткий государственный эгоизм. Он намеревался создать Французскую империю, поглотив при этом большую часть Европы.

Мощь наполеоновского вторжения поставила старые режимы европейских монархов перед выбором: противостоять Наполеону до конца или вступить с ним в союз. Россия также не избежала этих колебаний⁷.

Личность Наполеона и его политическая деятельность вызывали у Александра неоднозначное отношение. Принципы управления, которыми руководствовался Наполеон, коренились в философии Просвещения. Наполеоновские преобразования во Франции представляли собой в увеличенном масштабе то, чего хотел добиться Александр: выдвижение по заслугам, успешная мобилизация национальных ресурсов и убежденный патриотизм. Национальное государство, созданное во Франции Наполеоном, одновременно и привлекало, и отталкивало Россию.

Александр, как всегда, действовал противоречиво. В 1806 г. Православная церковь по его просьбе прокляла Наполеона как Антихриста. Затем в 1807 г., когда был подписан Тильзитский мирный договор, анафема была отменена. Для России и Франции начался нелегкий период сотрудничества. Отчеты о встречах Наполеона и Александра в Тильзите и в последующий год в Эрфурте говорят о том, что они долго беседовали в частной обстановке. Нам неизвестно, что они обсуждали, но скорее всего оба обнаружили друг в друге много общего⁸.

Однако духовное родство двух императоров было принесено в жертву несовместимости их амбиций. Существовало много причин, по которым Россия не присоединилась к наполеоновской континентальной блокаде. Одна из них — вред,

нанесенный континентальной блокадой русской торговле с Великобританией и другими странами Европы, но самой важной причиной была Польша.

Наполеон восстановил Польшу как полунезависимое государство в форме герцогства Варшавского и вооружил его для войны против Австрии. Такое национальное государство представляло прямую угрозу России. Опасение, что Польша станет кинжалом, угрожающим России, а не буферным государством, служащим защитой, окончательно убедило Александра, что война против Франции неизбежна⁹.

В 1808—1809 гг. русские войска вторглись в Финляндию, оккупировали Аландские острова, отодвинув тем самым границу на несколько сотен верст от Петербурга. Предвидя перспективу партизанской войны на только что захваченных территориях, Александр обещал поддержать все существующие в Финляндии свободы. Таким образом, Финляндия стала великим княжеством под личным управлением царя, но отделенным от политической системы Российской империи¹⁰.

Война, начавшаяся в 1812 г. после вторжения Великой армии Бонапарта в Россию, была для Наполеона совершенно незнакомой. Россия использовала свои стратегические преимущества, в том числе огромную территорию, еще более успешно, чем это когда-то делал Петр I, воюя с Карлом XII. Однако цена, заплаченная за успехи, была настолько велика, что русские генералы не решались признаваться в том ни себе, ни своему императору до тех пор, пока французы не вошли в Москву.

Излюбленной наполеоновской стратегией, проверенной в борьбе с другими европейскими армиями, было столкновение с главными военными силами страны. Тактическое искусство армии Наполеона наряду с ее многочисленностью, высокой маневренностью и высоким моральным настроением почти всегда приносило ему победу.

Эту же тактику Наполеон использовал и в России. Русские генералы в конце концов стянули свои войска под Бородино в сентябре 1812 г. Однако тяжелые сражения с русскими войсками измотали французскую армию, ослабленную и находящуюся в глубине вражеской территории.

Даже победа над русской армией не гарантировала французам успешного завершения их вторжения в Россию. Поражение под Бородином вынудило Кутузова оставить Москву, но он никогда не сдавался и не посылал парламентариев к Наполеону для обсуждения условий перемирия.

Взятие Москвы не принесло Наполеону ни окончательного триумфа, ни полного удовлетворения. Город был объят пламенем, когда французы входили в него. Наполеон предположил, что русские нарочно подожгли Москву (но это вызывает серьезные сомнения). Увидев Кремль, объятый пламенем, он воскликнул: «Это война на истребление, это ужасная тактика, которая не имеет прецедентов в истории цивилизации... Сжигать собственные города!.. В них вселился демон! Какая свирепая решимость! Какой народ!»¹¹.

Возможно, Наполеон переоценивал последовательность применяемой против него стратегии. Однажды он обещал русским крестьянам освобождение от крепостной зависимости. Может быть, это стало одной из причин, по которым Александр и его генералы так боялись отступить перед французами. Помещики помнили Пугачева и опасались, что их крепостные однажды опять захотят воли¹².

Чтобы предотвратить внутренние беспорядки, Александр приказал расквартировать по губерниям войска. В каждой губернии находилось по полбатальона солдат. Из Смоленска приходили донесения о том, что крепостные объявляли себя французскими подданными. Староверам удалось завербовать в свои ряды полторы тысячи крестьян, пообещав им, что по пришествии Наполеона они будут освобождены¹³. В действительности Наполеон не намеревался освобождать русских крестьян. Они устраивали его больше в их закрепощенном положении.

Как только это стало ясно, порядок начал восстанавливаться. Крестьяне подчинились требованиям военного времени. Они защищали свои дома и урожай, а когда было нужно, уничтожали их и отступали в леса.

Перед наступлением зимы Наполеон понял, что оставаться в опустошенной Москве опасно. Французы начали отступать. Крестьянские партизанские отряды сыграли большую роль в этом отступлении наполеоновских войск. Крестьяне присо-

единялись к казакам и легкой кавалерии, сея панику в рядах французской армии на пути ее отступления. Способность крестьян быстро ориентироваться на местности была неоценима для нерегулярных русских отрядов.

Иногда крестьяне формировали самостоятельные партизанские отряды, но это беспокоило правительство, и оно старалось найти для таких отрядов командира из числа офицеров русской армии. Некто капитан Нарышкин раздал крестьянам запасное оружие. Они нападали на французских солдат, искавших фураж. Позднее Нарышкин получил указание воздержаться от подобных действий.

«Удивленный приказанием, столь не отвечающим великодушному... поведению крестьян, — вспоминал впоследствии Нарышкин, — я отвечал, что не могу обезоружить руки, которые я сам вооружил и которые служили к уничтожению врагов отечества, и называть мятежниками тех, которые жертвовали своею жизнью для защиты своих... независимости, жен и жилищ»¹⁴.

Правительство учредило народную милицию (ополчение), чтобы укрепить армию. Ополченцы набирались из районов, наиболее пострадавших от французов. В ополчение мог вступить не каждый. Государственных крестьян не призывали. Набирали только помещичьих крестьян, так как в этом случае хозяин ручался за их поведение. Правительство не поощряло искренних порывов добровольцев, желавших воевать с врагом. Если крепостной являлся в рекрутский центр по собственному желанию, его хватали как беглеца и препровождали в полицейский участок для суда и следствия¹⁵.

Русские крестьяне сыграли жизненно важную роль в разгроме Наполеона. Они проявили небывалое мужество и боевой дух. Высшие сословия российского общества не приветствовали истинного патриотизма крестьян. Он был утверждением правды сельских общин и стремлением крестьян жить с царем-батюшкой в государстве, управляемом по канонам Православной церкви.

Война 1812—1814 гг., как когда-то Смутное время, разбудила в русских крестьянах чувства, которые они не привыкли показывать. Они верили в то, что добрый царь-батюшка

наградит их волей за то, что они воевали за свою страну. Это объясняет тот факт, что большинство серьезных крестьянских беспорядков происходило в конце войны, когда шансы получить разрешение воевать уменьшались и вместе с ними уменьшалась возможность получить свободу.

После беспорядков в Пензенской губернии в декабре 1812 г. схваченные крестьяне признавались, что хотели убить всех офицеров, пойти на фронт, разбить французов, затем молить царя о прощении и просить дать им волю взамен их доблести¹⁶.

Отечественная война 1812 г. была истинно народной войной. Подобное сопротивление своим войскам Наполеон встречал только в Испании. Это не означает, что русский народ с энтузиазмом поддерживал существующий режим. Люди сражались, боясь и надеясь. Они боялись захвата своей страны и надеялись сбросить путы крепостной зависимости. Они хотели стать свободными гражданами под управлением царя.

Священный союз и Библейское общество

Победа над Наполеоном заставила Александра по-новому посмотреть на свои реформаторские устремления. Он спас не только Россию, но и всю Европу. Именно Александр I убедил европейских монархов в том, что Наполеон должен быть полностью разбит, наполеоновская модель Европы отклонена, а на ее месте создан новый международный порядок. Русские войска сыграли важную роль в битве при Лейпциге в 1813 г. и победно маршировали по Елисейским полям в Париже в 1814 г. Русская армия воспринималась как ведущая континентальная держава.

Александр I был центральной фигурой Венского конгресса 1815 г., и его точка зрения воплотилась в создании Священного союза. Основной задачей Священного союза, по замыслу Александра, было поддержание мира в Европе и отражение двойной угрозы: атеизма и революции посредством согласованных действий всех европейских держав. Александр писал своему послу в Лондоне графу Ливену, что Союз дол-

жен будет «применять более эффективно принципы мира, согласия и любви, которые являются плодами религии и христианской морали, в отношениях между государствами»¹⁷.

Для пропаганды своей концепции в России Александр приказал тиражировать и распространять по стране копии основных документов Союза. Важно заметить, что религией, вдохновлявшей его, было вовсе не православное христианство. Он намеревался внедрить вид «внутреннего» или «универсального» христианства, которое должно было примирять народы Европы.

Александр реорганизовал Священный синод. Теперь в нем были представлены все христианские церкви. Затем он объединил Священный синод с Министерством образования под руководством своего близкого друга князя Александра Голицына. Гибридом, получившимся в результате такого объединения, стало Министерство духовных дел и народного просвещения, которое скорее напоминало «министерство религиозно-утопической пропаганды»¹⁸.

В отличие от Православной церкви Александр настаивал на том, что все люди без исключения должны иметь возможность читать Священное Писание на доступном для каждого языке. Он хотел, чтобы простые люди больше знали о христианстве и их вера была более осознанной. Александр считал, что, слушая Библию на церковно-славянском языке, люди не способны в полной мере понять ее. Он поддержал создание Императорского русского библейского общества, которое являлось отделением Британского и Зарубежного библейских обществ.

Русское библейское общество должно было провести работу по переводу, изданию и распространению религиозной литературы. В его руководящий комитет входили представители различных церквей, в том числе лютеранский пастор и римско-католический епископ. Комитет приобрел новые печатные станки и начал выпускать Новый Завет и полную Библию на языках народов, входивших в состав Российской империи: немецком, финском, эстонском, латышском, литовском, польском, армянском, грузинском, калмыцком и татарском.

Для распространения Нового Завета и Библии использовались магазины розничной торговли, такие, например, как

аптекарские лавки, в которых раньше никогда не продавали книги¹⁹.

Интересно, что языком, вызвавшим больше всего трудностей, был русский. Разумеется уже существовал церковнославянский вариант Библии, составленный при участии архиепископа Геннадия в 1499 г., но Александр очень хотел дать русским возможность читать слово Божие на понятном им современном русском языке.

Многие церковнослужители считали, что современный разговорный язык не обладает достаточным достоинством, для того чтобы передать истинный смысл Священного Писания. Некоторых также беспокоило голицынское «суперминистерство» с его эклектичным и евангелистским христианством. Их подозрения подтвердились, когда Библейское общество начало издавать труды пиетистов и масонов, чей возвышенный и мистический стиль так нравился Александру.

В 1824 г. архимандрит Юрьевского монастыря вблизи Новгорода, Фотий, представил царю меморандум, в котором осудил Библейское общество. В своем меморандуме Фотий предостерегал людей от деятельности «просветителей» (подразумеваемая масонов), которые хотели разрушить «все царства, церкви, религии, гражданские законы и всякое устройство» и заменить их универсальной новой религией. Библейское общество, по мнению Фотия, было их агентом в России. Оно распространяло пагубные книжки и, «дабы унижить слово Божие», продавало его в «аптеках вместе с микстурами и склянками». Фотий взывал к Александру: «Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию: да победит он и невидимого Наполеона в лице твоём»²⁰.

Меморандум Фотия свидетельствовал о том, что Русская церковь, дсморализованная столетним подчинением светскому государству, потерявшая уверенность в своих собственных силах, была неспособна принять интеллектуальный и духовный вызов других форм христианства. В нем, с одной стороны, отразились апокалиптические страхи староверов, а с другой — меморандум являлся примером характерного российского жанра: обвинения космополитически настроенных безбожников в международном заговоре, стремлении подорвать искреннюю веру простых людей и разрушить страну.

Александр болезненно перенес инсинуации Фотия. Император был обеспокоен деятельностью тайных обществ в Германии, Италии и Испании, угрожавшей его Священному союзу. Он знал, что и в России есть несколько подпольных масонских групп. Александр принял решение восстановить Священный синод и сместил Голицына с поста главы Библейского общества. Преемник Голицына Серафим, митрополит Новгородский, консерватор по убеждениям, прекратил распространение Нового Завета на современном русском языке. Оставшиеся экземпляры Нового Завета по приказу Серафима были сожжены²¹.

Единственным высокопоставленным церковным служителем, понимавшим важность распространения Библии на доступном людям языке, был митрополит Московский Филарет. В ответ на утверждение Серафима о том, что русская народная Библия будет «подстрекать неразумных к протесту», он писал: «В Священном Писании содержится все, что необходимо для спасения души. И любой человек, движимый искренним желанием просвещения, способен понять его»²².

Попытка Филарета опубликовать современный катехизис была надолго отложена, так как в него входили Десять заповедей и «Отче наш» на современном русском языке. Священный синод испытывал терпение Филарета вплоть до 1859 г., когда наконец-то его переводам был дан ход.

Новый Завет появился в 1862 г., а полная Библия в 1876-м. Она оказалась невероятно популярной. Новые тиражи понадобились немедленно. Только в Санкт-Петербурге Общество по распространению Священных Писаний с 1863 по 1865 г. продало один миллион четыреста тысяч экземпляров Нового Завета²³.

Приостановка перевода Библии на русский язык отодвинула на полвека то время, когда грамотные русские получили наконец доступ к Священному Писанию, которое они могли бы читать и изучать. «Протестантская» реформа, проведенная Петром I, осталась половинчатой — если большинство верующих не имели возможности читать Библию, то доминирующее положение государства над церковью угрожало выхолащиванию духовной жизни, тем самым открывая дорогу различным сектам.

Образование и наука

Екатерина II, а затем и Александр I расширили образовательную систему, уделив особое внимание ее начальным уровням, которые Петр I недооценивал. В 1786 г. Екатерина издала Национальный статут образования, который устанавливал двухуровневую систему школ. В каждом уезде надлежало иметь начальную школу и в каждой губернии — среднюю.

Это были бесплатные школы совместного обучения. Они финансировались за счет государства и сельских общин и были открыты для всех слоев общества за исключением крепостных крестьян. Новая образовательная система сделала бесполезным существование церковно-приходских школ.

Статут предлагал светское образование. Изложенная в нем идеологическая модель светского просвещения сформировалась под сильным прусским и австрийским влиянием. Настольной книгой учеников были «Обязанности человека и гражданина», произведение скорее деистское, нежели православное. Одной из целей обучения были «правильное отношение к Создателю и ясное понимание Его Божественного закона, твердая вера в государство, искренняя любовь к отечеству и согражданам»²⁴.

Мало что из планов Екатерины реализовалось на практике во время ее правления или несколькими десятилетиями позже. Об этом можно только пожалеть, так как поставленные цели и принципы, легшие в основу данной системы образования, были всеобъемлющими, действительно светскими и демократичными. Образование, предусмотренное екатеринским проектом, могли получить не только привилегированные слои и не только мужчины; оно было доступным для всех сословий, бесплатным и подразумевало преемственность уровней, от низшего к высшему.

Однако эти принципы вошли в кровь и плоть русских педагогов. Они оправдали себя, так как на их основе шло формирование профессиональных кадров для государственной службы. Они выжили, несмотря на все позднейшие попытки их ограничения. Русская система образования оставалась демократичной, космополитичной и светской по духу²⁵.

Александр I открыл новые университеты в Санкт-Петербурге, Харькове и Казани. В стране было всего шесть высших учебных заведений, включая университеты в Вильно и Дерпте, основанные еще до того, как эти территории вошли в состав Российской империи. Университеты должны были назначать учителей для средних школ региона и наблюдать за их деятельностью. Все университеты имели самоуправление, назначали ректора и профессоров, определяли учебный план и правила поведения для студентов, устраивали экзамены и присуждали дипломы.

Организация семинаров и профессиональный рост молодых ученых основывались на идеалах свободы научных исследований. Только в Вильно и Дерпте существовали теологические факультеты: католический и лютеранский соответственно. В православных университетах образование было светским, хотя предполагалось, что оно должно внушать «здоровые религиозные и нравственные принципы».

Иногда университеты обвиняли в свободолобии и атеизме. Александр I предпринял попытку внедрить в них принципы Библейского общества и русского патриотизма. Особенно настойчиво он делал это по отношению к Петербургскому университету, но все эти попытки оказались тщетными. Религиозность и национализм были чужды духу русских высших учебных заведений²⁶.

В конце XVIII в. в различных научных учреждениях, как частных, так и поддерживаемых государством, активно работали русские ученые. Эта работа была очень важна для страны, которая по воле случая выросла до таких огромных размеров и где практически отсутствовали систематические знания о ее природных и человеческих ресурсах.

Вольное экономическое общество, основанное в 1765 г., финансировало изучение сельскохозяйственной системы России, а затем — условий ее экономического развития. Обществом был выдвинут ряд серьезных предложений по улучшению состояния сельского хозяйства Российской империи.

Московское общество истории и древностей российских, основанное в 1803 г., и Императорская археографическая комиссия, основанная в 1837 г., начали сбор архивных материалов по всей стране, обеспечивая их сохранение и

публикацию. Результатом этой деятельности стало многотомное издание Полного собрания русских летописей, первый том которого вышел в 1846 г. и которое продолжало издаваться в XIX и XX вв. Сергей Соловьев, автор наиболее полной истории России с древнейших времен до XIX в., опубликованной в 1851—1879 гг., основывал свою работу на этих документах.

В 1845 г. было основано Русское географическое общество. Оно посылало экспедиции для изучения и описания полезных ископаемых, растительного и животного мира, климата и народностей страны. Исследование Северного Урала в 1851—1853 гг. завершилось созданием подробной карты и составлением двух докладов с описанием региона.

Филолог Владимир Даль использовал материалы, собранные в ходе подобных экспедиций, в своем труде «Пословицы русского народа» (1862) и в Толковом словаре живого великорусского языка (1864—1868), в котором записано и истолковано большое количество слов из различных диалектов русского языка²⁷.

Научные исследования были чрезвычайно важны, для того чтобы знать, какими природными и человеческими ресурсами располагает Россия и в каких условиях живет ее многочисленное население. Научные общества, собиравшие и публиковавшие эти данные, уже сами по себе были замечательными нововведениями. Они стали первыми русскими гражданскими независимыми ассоциациями, хотя в некоторых случаях и поддерживались государством. В результате этих научных исследований русские начали осознавать и собственные национальные черты, и национальное своеобразие многочисленных народностей, населявших Россию²⁸.

Поляки и евреи

Даже после разделов Польши в 1772—1793 гг. поляки не были ассимилированы, как, например, мордвины. Они обладали проверенной временем концепцией гражданственности

и государственности, которая могла противостоять теории и практике политической власти в России. В Польше, как и в Англии, политические права основывались на расширении феодально-аристократических привилегий, которые затем распространялись и на другие слои общества. Расширение аристократических привилегий началось с некоторым опозданием в годы всеобщего благополучия и было зафиксировано в Конституции 3 мая 1791 г.

И по традиционному аристократическому, и по новым демократическим формам польский политический идеал был абсолютно несовместим с русской политической моделью, всегда предполагавшей сильную единоличную власть. С другой стороны, постоянно увеличивающийся разрыв между *шляхтой* и остальными слоями общества мешал полякам бросить всеобщий вызов российскому господству. Польша стала источником постоянных проблем для Российской империи, так как была не в состоянии ни сбросить с себя русский гнет, ни мирно подчиниться ему.

Александр I с пониманием относился к польской проблеме. Он находился в дружеских отношениях с известным польским аристократом князем Адамом Чарторыйским и даже назначил его министром иностранных дел. Одно время Александр поощрял предложение Чарторыйского о союзе европейских наций, по которому Польша вновь должна была стать единым независимым государством под российским протекторатом²⁹.

После победы над Наполеоном Александр даровал Конгрессу Царства Польского конституцию, которая гарантировала полякам собственное гражданство, собственное правительство, собственный выборный законодательный орган (сейм) и даже собственную армию, но под эгидой русской короны. Польский язык был официальным государственным языком. Католическая церковь также имела официальный статус в Царстве Польском.

Такое же устройство существовало в то время и в Финляндии, и многие образованные люди России надеялись, что оно станет прототипом будущей российской конституции.

На самом деле польская конституция оказалась недолговечной. Поляки не смогли примириться с русским владыче-

ством даже в такой мягкой форме. В 1830 г. члены патриотического общества пытались убить русского наместника в Польше великого князя Константина. Это им не удалось, но повстанцы захватили центр Варшавы и провозгласили российское господство низвергнутым.

Переворот заставил польскую элиту решать, по какую сторону баррикад они находятся — за или против повстанцев. Даже Чарторыйский с неохотой согласился поддержать восстание и возглавить независимое польское правительство.

В конце концов разногласия внутри польского общества сделали несостоятельной только что завоеванную независимость. Восставшим было необходимо удовлетворить желание своих крестьян обладать землей, для того чтобы заручиться их поддержкой. Шляхта медлила даже в такой не терпящей отлагательства ситуации. Шляхтичи не желали расставаться со своим богатством и социальным положением до тех пор, пока не стало поздно. Польская армия сражалась с достоинством. Многие офицеры вспоминали славные дни противостояния Наполеону, но без поддержки большинства польского населения армия не могла противостоять русским³⁰.

Последствия подавления Польского восстания были сокрушительными. Польский парламент и армия были упразднены, Варшавский университет закрыт, а польские дела переданы в русские министерства в Санкт-Петербурге. Униатская церковь была подчинена Священному синоду, как если бы она была частью Русской православной церкви.

Офицеры, принимавшие участие в восстании, были разжалованы. Земли, принадлежавшие им, экспропрированы, а сами они сосланы в Сибирь. Некоторым из них удалось избежать этой участи, эмигрировав, в основном во Францию.

Князь Чарторыйский приобрел в Париже дом — «отель Ламбер», — став чем-то вроде «короля над водой». Польская эмиграция с ее замечательными поэтами, музыкантами и государственными деятелями завоевала симпатии европейцев, которые теперь с опаской и отвращением посматривали в сторону России³¹.

Евреи также с большим трудом ассимилировались в России, но это были трудности другого рода. Обладая древней ре-

лигией и культурой, намного более высоким, чем у русских, уровнем грамотности и более развитым чувством общественного единения, они обычно превосходили русских в торговле, кустарном производстве и других сферах деятельности. С другой стороны, подавляющее большинство евреев жили очень бедно, так как они подвергались постоянной дискриминации и жили в Польше в условиях постоянной опасности.

С самого начала российское правительство рассматривало евреев как нежелательных конкурентов русским и не допускало их к делам. В 1791 г. московские купцы написали правительству петицию с просьбой оградить их от конкуренции евреев. В ответ на эту петицию правительство выпустило декрет, запрещающий евреям селиться в столицах, а затем была учреждена черта оседлости, ограничивавшая еврейские поселения Украиной, Новороссией (степными районами к северу от Черного моря) и бывшими территориями Польши.

Однако несправедливо было бы утверждать, что русское правительство не искало путей для интеграции евреев, так же как и других национальностей, в российское общество. Положение о евреях 1804 г. подтверждало права местных еврейских общин, *кагалов*, на самоуправление. В то же время Положение выделяло из сферы деятельности кагалов религиозную часть и передавало ее раввинам. Евреям разрешалось посещать русские школы и основывать свои собственные школы, заниматься коммерцией и мануфактурным производством, покупать или арендовать землю в черте оседлости. С другой стороны, им было запрещено заниматься продажей и производством винно-водочных изделий, что являлось основным источником их дохода в Польше. Евреи были освобождены от службы в российской армии, вместо чего они должны были платить специальный налог³².

Из-за нищеты и подозрений, с которыми относилось к евреям большинство населения, они не могли использовать всех возможностей, например покупать землю или коммерческую собственность. Кроме того, они страдали от характерной для русской имперской власти болезни: заявлять о проведении хорошо организованных реформ, но впоследствии не выполнять своих обещаний. Слишком чуждым для еврей-

ских традиций оказалось разделение светских и религиозных функций между кагалом и раввинами. В 1844 г. кагалы были упразднены, хотя на практике они продолжали существовать, так как их замена, предложенная русскими властями, оказалась неэффективной.

Во время правления Николая I ассимиляция рассматривалась не как долгосрочная программа, а как бюрократическая уловка в стиле политики «кнута и пряника». Для реального получения прав, которыми евреи теоретически обладали, они должны были принять православие. В 1827 г. освобождение от службы в армии было отменено, и евреи из некрещеных семей в возрасте двенадцати лет забирались для военной подготовки и потом должны были служить полный срок — двадцать пять лет³³.

Вплоть до середины XIX в. евреи страдали от бедности, людских предубеждений и неспособности царских властей воплотить свои намерения в жизнь. И тем не менее тогда в России не было ни этнической, ни расовой доктрины, направленной против евреев. Это случится позже, когда Российская империя попытается найти свое место в Европе как национальное государство.

Декабристы

Образ мысли, отличавший Николая Новикова и Александра Радищева, широко распространился в последующем поколении среди образованных молодых людей России, заведомо аристократических салонов и студентов Московского университета.

События 1812 г., в которых они принимали участие в качестве офицеров русской армии, расширили и укрепили их взгляды. Опыт защиты отечества пробудил в них дух солидарности с другими классами общества. «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одиноких трудов и опасностей, бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее и живее», — считал Сергей Трубецкой.

Эти ощущения обострили чувство национальной общности³⁴. Иван Якушкин, прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка, писал: «Война [18]12 года пробудила народ русский к жизни»³⁵. Теперь казалось безнравственным и даже опасным продолжать подвергать своих соотечественников унижениям крепостничества.

Офицеры, принимавшие участие в кампании 1813—1815 гг., имели возможность познакомиться с политической жизнью других стран. Их привлекало то, что они увидели: народные патриотические движения, представительные государственные учреждения, правовые нормы. Россия была лишена всех этих достижений.

Военный опыт и знакомство с Западной Европой возбудили чувство патриотизма, расширив его содержание: русские должны стать нацией свободных граждан, способных через выборных представителей создавать законы, по которым они сами будут жить.

У тех, кто желал такого будущего для России, были основания доверять императору Александру I. Известно, что он обсуждал проекты российской конституции со своими молодыми «якобинцами» и со Сперанским. Александр даровал конституцию Польше и Финляндии.

После 1815 г. Александр находился под сильным влиянием Аракчеева и интересовался скорее религиозными и военными утопиями, чем правовыми нормами для России. Александр Муравьев язвительно заметил по этому поводу: «Польша получила конституцию, а Россия в награду за свои героические усилия в 1812 году получила — военные поселения!»³⁶.

Многим казалось, что создание тайных обществ — более эффективный путь обновления существующего порядка, чем надежда на императора, ведь перед глазами заговорщиков уже были примеры: масоны и такие антифранцузские патриотические общества в странах, захваченных Наполеоном, как карбонарии и тугендбунд.

Концепция первого русского тайного общества, Союза спасения, была довольно ограниченной и не ставила перед собой общенациональных задач. Первоначальной целью Союза спасения было «противостояние немцам в российской

государственной службе». Однако вскоре задачи общества расширились и сосредоточились на «улучшении благосостояния России». Общество вынашивало планы регулирования крепостничества или возможной его отмены, а также замены единоличной власти на конституционную монархию. Впервые в России было создано политическое движение со столь амбициозными целями, но этим намерениям не дано было претвориться в жизнь.

Русские историки, писавшие о России XVIII столетия, считают, что попытка переворота, предпринятая гвардейскими офицерами, многие из которых были членами Союза спасения, вполне могла бы закончиться успешно. Вопрос заключается в том, на какой стадии следовало предпринять эту попытку? Лишь немногие были склонны к насильственным действиям, поэтому наилучшей перспективой казалось ждать следующего восшествия на престол. Во время торжественной церемонии заговорщики намеревались публично отказаться присягать на верность императору до тех пор, пока он не согласится принять конституцию³⁷. Этого момента можно было ждать десятилетиями и не дожидаться никогда.

Для того чтобы придать идеологии движения большую общественную значимость, Союз спасения, переименованный в Союз благоденствия, стал по примеру масонов уделять больше внимания филантропии, образованию, справедливости и нравственности. Это было записано в Зеленой книге. Она обязывала каждого члена общества по возможности находиться на общественной службе, а если это было невозможно, то личным примером, практической деятельностью и разоблачением официальных злоупотреблений претворять в жизнь задачи Союза.

Членами Союза могли быть свободные мужчины христианского вероисповедания, некрепостные, русские по национальности. Русские означало «те, кто рожден в России и говорит по-русски». Такое определение национальности могло включать и татар, и немцев, и евреев. Иностранцы также могли быть приняты в Союз благоденствия, если они имели «выдающиеся заслуги перед нашим отечеством и были страстно преданы ему»³⁸. Таким образом, национальная концеп-

ция Союза включала языковые, религиозные, политические и даже этические моменты.

Исключение крепостных из потенциальных членов Союза было очень характерной чертой. Несмотря на симпатию к народу, пробужденную войной с Наполеоном, Союз благоденствия был исключительно элитарной организацией. Гражданская концепция Союза тоже была элитарной. Зеленая книга не рекомендовала освобождать крестьян, а только советовала обращаться с ними гуманно на тех основаниях, что «подчиненные тоже люди»³⁹.

Позднее члены Союза благоденствия стали известны как декабристы, так как пытались совершить переворот в декабре 1825 г. У большинства из них не было определенной политической стратегии, не было ее даже у членов тайного отделения Союза. В основном серьезное отношение к идеалам выражалось у них в повседневной жизни. По словам Юрия Лотмана, они пытались преодолеть противоречие между культурой Просвещения, в которой были воспитаны, и реальной жизнью при дворе и в своих поместьях, где отношения были откровенно иерархическими. Они не столько отрицали общественный этикет, сколько старались относиться к нему как к неизбежной условности.

Многие будущие декабристы отрицали превалирующую роль патриархальной семейной жизни. Они понимали семейную жизнь не только как средство продолжения рода, но как взаимное желание двоих взрослых любящих друг друга людей жить вместе и заниматься воспитанием детей. Между собой они поддерживали искренние и дружеские отношения, не допуская иерархичности и фривольности.

Поэт Александр Пушкин вырос в такой обстановке и, хотя он не был декабристом, в своих ранних стихотворениях очень точно выразил их идеалы. Идеалы декабристов формировались средой, в которой воспитывались молодые русские аристократы. Основное значение движения заключалось как раз в том, что его члены постоянно воплощали свои идеи в жизнь, невзирая на неодобрение окружающих. В сущности, они вели себя так, будто гражданское общество уже существует⁴⁰.

И тем не менее в движении было несколько весьма решительных активистов. Одним из них был Павел Пестель, сын генерал-губернатора Сибири, республиканец по убеждению. Для введения нового порядка Пестель, невзирая на протесты большинства своих сподвижников, был готов на насильственные действия вплоть до цареубийства.

Пестель написал руководство, в котором изложил свои взгляды на будущее государственное устройство России. Это руководство называлось «Русская правда». Такое название не случайно. Оно воспроизводит название первого древнерусского свода законов, введенного князем Ярославом еще в XI в. Слово «правда», столь близкое нравственным понятиям простого русского человека, Пестель употребил сознательно.

Основываясь на взглядах Петра I, Пестель утверждал, что правительство существует для того, чтобы способствовать улучшению благосостояния своих подданных, и при условии осуществления этой задачи оно имеет право рассчитывать на их преданность. Существовавший в России режим не отвечал этим требованиям, поэтому Россия нуждалась в «полной трансформации государственного управления и абсолютно новом законодательстве, в котором должно быть сохранено все хорошее и уничтожено все плохое»⁴¹.

Пестель видел будущую Россию не многонациональным, а национальным государством великороссов. Грузины, татары, литовцы и даже немцы должны были забыть свои языки и традиции и стать русскими. В том случае, если поляки и евреи не смогут ассимилироваться, он предполагал предоставить полякам независимость, а евреев выслать из страны, с тем чтобы они смогли «образовать самостоятельное государство» в «азиатской Турции»⁴².

Столицей новой нации предполагалось сделать Нижний Новгород, переименованный во Владимир в честь первого христианского князя русов. Крепостничество должно было быть отменено. Освобожденные крепостные должны были получить небольшие земельные наделы, экспроприированные у помещиков. Если крепостной располагал средствами, он мог купить еще земли. Все граждане должны были пользоваться равными правами и быть представлены в законода-

тельном собрании, которое Пестель назвал *вече*, в память о народном собрании домонгольской Руси⁴³.

Идеалом для Пестеля было французское национальное унитарное государство после революции 1789 г. — государство, отвергавшее все компромиссы и аномалии старого режима. Пестель отождествлял гражданство и этнос и был готов к применению авторитарных мер для претворения этого тождества даже там, где оно не существовало. В этом отношении он предвосхитил взгляды Михаила Каткова и Вячеслава Плева⁴⁴.

Стратегия и взгляды Пестеля практически не имели сторонников в Союзе благоденствия, который был распущен в 1821 г. Решение было принято отчасти ради того, чтобы избавиться от Пестеля, но он отказался подчиниться этому решению и продолжал свою работу в Тульчине Черниговской губернии, где тогда служил. Таким образом, движение декабристов распалось. В результате образовалось два общества: Северное в Петербурге и Южное в Тульчине. Они продолжали взаимодействовать, но полностью не доверяли друг другу.

Северное общество было менее радикальным и по стратегии, и по политическим взглядам, близким наиболее демократически настроенным английским вигам. Никита Муравьев, автор конституции, разработанной Северным обществом, считал, что крепостничество должно быть отменено. Крестьянам после освобождения гарантировали только получение дома и приусадебного участка. Землю сверх установленного минимума следовало покупать или арендовать у существующих владельцев.

Правовые нормы гарантировались всем. Граждане должны были быть представлены в законодательном собрании, которое называлось бы Верховной думой. Однако выборы в общественные учреждения зависели от имущественного ценза⁴⁵.

Северное общество возглавляли Никита Муравьев, Евгений Оболенский и Сергей Трубецкой. Этот триумvirат, состоявший из представителей древнейших аристократических фамилий, был осторожен и нерешителен в своей стратегии. Пестель тщетно стремился склонить их к решительным действиям, подразумевавшим царевубийство и установление временной диктатуры.

Представители аристократии в Северном обществе были разбавлены притоком новых членов из более низких сословий. Ключевой фигурой среди них был Кондратий Рылеев, сын разорившегося помещика. Романтический поэт, восхищавшийся гражданскими добродетелями республиканского Рима, он воспевал их возрождение среди славянских героев древности. Рылеев был одним из самых ярких революционеров в своем кружке, вдохновленный не только античными городами-государствами, но также современными ему революционными движениями в Испании и Греции⁴⁶.

В 1822 г. Александр I запретил все тайные общества, но преследования их членов не последовало. В письме к генерал-губернатору Санкт-Петербурга император с горечью замечал по этому поводу: «Ты знаешь, что я разделял и поощрял эти иллюзии и ошибки. Мне ли быть резким?»⁴⁷. Предложения, сформулированные в конституции Никиты Муравьева, действительно аналогичны тем, что когда-то высказывал Сперанский при серьезной поддержке самого Александра.

Неожиданная смерть Александра I 19 ноября 1825 г. поставила тайные общества перед внезапным и сложным выбором. С одной стороны, у них не было тщательно разработанного плана действий и серьезной поддержки простых людей и рядовых солдат, у которых идеи декабристов так и не нашли отклика. С другой стороны, нельзя было не воспользоваться таким выгодным моментом. Прямой наследник престола Константин устно отрекся от трона, хотя официального отречения еще не произошло.

Наконец 14 декабря 1825 г. Константин письменно заверил свое отречение, и его младший брат Николай начал приготовления к принятию присяги. Офицеры — члены Северного общества — вывели на Сенатскую площадь те батальоны, которые они могли собрать. Офицеры намеренно обманули солдат. Они привели их на Сенатскую площадь, сказав, что Константин хотел отменить крепостное право и сократить срок военной службы. Заговорщики подстрекали солдат присягнуть Константину.

У руководителей восстания не было согласованности и четкой направленности действий. Князь Трубецкой, назначенный временным «диктатором», просто исчез. Позднее выяснилось, что он укрывался в австрийском посольстве.

Генерал-губернатор Санкт-Петербурга Милорадович, посланный Николаем для переговоров с восставшими войсками, был убит выстрелом из револьвера. После этого Николай неохотно отдал приказ о применении артиллерии. Не выдержав натиска орудийного огня, солдаты покинули площадь.

Южное общество подняло несколько полков, которые приготовились к штурму Киева, но были стремительно рассеяны кавалерийским подразделением.

Провал восстания на Сенатской площади в декабре 1825 г. стал критическим моментом в развитии России. Декабристы были дворянами и офицерами. Они заблуждались, действуя так, как если бы существующему государству можно было служить так же искренне, как гражданскому обществу, или так, как если бы гражданское общество уже существовало. На самом деле оно существовало только для небольшого числа единомышленников, и именно это обстоятельство изолировало декабристов от народных масс.

Декабристы колебались между империей, которой они были обязаны своим высоким положением в обществе, и народом, которому они хотели служить, пусть даже с позиций покровительства. Они не смогли выработать приемлемой политической программы. Втянутые в события помимо собственной воли, они не имели ни четко сформулированных целей, ни уверенности в своих силах, ни поддержки народа.

Представители российского высшего общества в большинстве своем поддерживали устремления декабристов, но они были против восстания как метода борьбы. Так думал, например, и Александр Пушкин.

В результате поспешных, плохо спланированных действий декабристы стали смертельными врагами существующего режима, чьи идеалы во многом были им близки. С тех пор русские цари стали рассматривать гражданское общество и правовые нормы как прямую угрозу своему собственному существованию. К расколу между образованной частью общества и народом добавился раскол между обществом и правящим режимом.

Правление Николая I (1825—1855)

Николай I был напуган тем, как закончилось царствование его брата. Он с глубоким вниманием следил за допросами участников декабрьского восстания. Его особенно беспокоили причины недовольства, возникшего среди поместного дворянства, на которое государство возложило функцию управления империей.

Секретарь комиссии по расследованию А.Д. Боровков составил резюме взглядов декабристов на положение дел в империи. Николай хранил его у себя и относился к нему как к программе действий. Это не означало согласия со взглядами декабристов, но он понимал, что их устремления были важным индикатором необходимых перемен.

Боровков снабдил свой доклад Николаю I следующими рекомендациями:

«Надобно даровать ясные, положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства, подкрепить дворянство, упавшее и совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях, воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами, направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, прекратить унижительную торговлю людьми... словом, исправить неисчисленные беспорядки и злоупотребления»⁴⁸.

Это была великолепная программа. Она подразумевала завершение создания правового государства и открывала дорогу к созданию гражданского общества и продуктивной экономики.

С самого начала Николай решил, что имперская бюрократия не сможет выполнить эту задачу. Он не доверял высокопоставленным чиновникам. Все они были поместными дворянами и доказали свою ненадежность в декабре 1825 г.

Николай пришел к выводу, что необходимо восстановить личностный элемент в монархии. Он не упразднил министерства, а создал помимо них собственную личную канце-

лярию. Первое отделение императорской канцелярии было чем-то вроде отдела контроля над гражданскими службами.

Третье отделение канцелярии представляло собой политическую полицию. Чиновникам Третьего отделения было разрешено действовать по собственному усмотрению, нарушая нормы судопроизводства. Николай I провозглашал, что, где бы ни действовали чиновники Третьего отделения, они раскрывали заговоры, восстанавливали справедливость или защищали слабых: «...сколько злоумышленных людей, жаждущих воспользоваться собственностью ближнего, устроятся приводить в действие пагубные свои намерения, когда они будут удостоверены, что невинным жертвам их алчности проложен прямой и кратчайший путь к покровительству его императорского величества»⁴⁹.

Третье отделение, таким образом, должно было стать инструментом бдительного и повсеместного монаршего благоволения. Такое положение вещей восстанавливало моральный и личностный подход к управлению страной, который Петр Великий (в теории, а не на практике) пытался уничтожить и заменить прагматическим и институциональным подходом.

У Второго отделения императорской канцелярии была абсолютно противоположная цель. Казалось, оно должно было уравновесить персонифицированное правительство. Второму отделению было поручено составить и опубликовать первое полное собрание законов, вышедших со времен Уложения 1649 г. В его задачу входило также составление сборника, в котором было бы отражено состояние законодательства в России.

Была проделана колоссальная работа, обнаружены десятки тысяч законов, указов, декретов и других законодательных актов. Многие из них противоречили друг другу. И тем не менее к 1833 г. задача, поставленная перед Вторым отделением во главе с Михаилом Сперанским, была выполнена: были опубликованы и полный свод законов, и сборник текущего законодательства.

Николай I основал также Императорскую школу юриспруденции. Она существовала по тем же принципам, что и Кадетский корпус, то есть являлась средним учебным заве-

дением, предоставлявшим отобранным кандидатам специальное юридическое обучение наряду с общим образованием.

Выпускники школы вскоре составили основу юридических факультетов университетов и начали работать в высших судах. Новый свод законов и штат квалифицированных юристов новой формации способствовали тому, чтобы законы стали не просто орудием для манипуляций со стороны власть имущих, но и были способны объективно отразить состоявшие дела и защитить слабых и незащищенных.

К концу правления Николая I сформировался большой штат высших чиновников, которые хорошо разбирались в законах, были достаточно квалифицированы, чтобы выносить и осуществлять решения суда. Была заложена основа «регулярного» государства. Ее создание проложило дорогу реформам Александра II. Несмотря на возвращение к персонализированной власти, Николай I был по-своему конструктивным государственным деятелем⁵⁰.

Реформы, проводимые министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым, были направлены не столько на достижение лучшего положения, сколько на исправление недостатков российского общества.

Киселев стремился дать государственным крестьянам то, что мог бы дать им так и не осуществившийся указ Екатерины II: закрепление за ними законных прав и обязанностей, включая самоуправление и поощрение предпринимательской деятельности.

Реформа должна была наделить каждого хозяина участком земли, способным обеспечить его семье прожиточный минимум и выплату государственных налогов. Для выполнения этой программы в некоторых случаях Киселев даже был готов забрать небольшое количество земель у дворянства. Власти способствовали улучшению санитарного состояния и медицинского обслуживания населения.

Мотивы проведения киселевских реформ были те же, что лежали в основе военных поселений (о чем будет сказано ниже). Если бы реформы удалась, их распространили бы на крепостных крестьян, и это стало бы первым шагом на пути к их освобождению. Однако проведению реформ мешали

коррупционность и эгоизм администрации наряду с подозрительностью и возникающими время от времени вспышками сопротивления со стороны крестьян.

В 1840—1843 гг. вышел декрет, предписывавший выращивание картофеля для создания общественного продовольственного резерва на случай голода. Министерство государственных имуществ разослало циркуляры, обязывавшие государственных крестьян выращивать картофель. Были выпущены руководства по выращиванию, хранению и приготовлению картофеля. Священников обязали убеждать население в достоинствах новой сельскохозяйственной культуры.

Многие крестьяне тем не менее не хотели рисковать, выращивая неизвестный продукт. Некоторые из них сопротивлялись силой, чтобы не сажать картофель на своих землях. Заметную роль в этом сопротивлении играли староверы, называвшие картофель дьявольским яблоком. Повсеместно начались крестьянские картофельные бунты, вынудившие правительство отложить свой план⁵¹.

Николай понимал, что безграничное господство дворян над крепостными, которые составляли почти половину населения страны, ослабляло государственную власть и подрывало правовые нормы. Однако он не сделал практически ничего для того, чтобы улучшить положение крестьян. Не имея достаточно четкого представления о том, какая общественная структура может заменить крепостничество, Николай не решался его трогать. Он понимал, что любая попытка что-либо изменить может пробудить надежды, которым не суждено будет сбыться, и породить волнения. В 1842 г. он заявил Государственному Совету: «...крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло, для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному теперь было бы злом, конечно, еще более гибельным»⁵².

Николай был первым после Ивана Грозного русским царем, поддержавшим четкую и позитивную формулировку государственной идеологии, которая выделяла Россию из западноевропейских стран и определяла символы, обращенные к населению.

Но попытка Николая оказалась менее убедительной, чем попытка Ивана Грозного. Николай находился в противоре-

чивой ситуации. С одной стороны, он бы лидером многонациональной империи, взывавшей к историческому наследию Древней Руси; с другой — стремился внедрять чуждую западноевропейскую культуру.

В 1833 г. министр образования граф С.С. Уваров разослал государственным служащим циркуляры, в которых предписывалось «проводить воспитание людей в духе самодержавия, православия и народности»⁵³. Первые два лозунга утверждали самобытность России, третий же был данью Европе. Николаевская «народность» была бледным отражением французского послереволюционного национализма.

Идеологическая триада «самодержавие, православие, народность» не была беспроблемной. Один из столпов — Православная церковь была слишком слаба, слишком зависела от государства, для того чтобы играть самостоятельную роль. В любом случае непонятно, каким образом на лозунг «православие» должна была реагировать почти половина населения страны, исповедовавшая другие религии.

Второй из столпов — «народность» — был еще более проблематичен. Неужели под этим подразумевалось, что русский народ, как и Православная церковь, играл какую-то роль в легитимации монархии? Конечно, нет! И если русский народ был опорой империи, то почему тогда так много немцев среди высших государственных чиновников Российской империи?

Только третий столп — «самодержавие» — не вызывал никаких сомнений. Он был приемлем для большинства николаевских подданных, невзирая на вероисповедание или этническую принадлежность. В их глазах царь был верховным правителем, помазанником Божиим, милостивым к преданным подданным и суровым к злоумышленникам.

Такой образ царя народ принимал с энтузиазмом. Вплоть до 1905 г. самодержавие было единственной истинной отличительной чертой Российского государства, тем связующим звеном, которое объединяло довольно пеструю и ветхую структуру империи. Вот почему монархи и высшие государственные чиновники так рьяно держались за нее.

Основу самодержавия составляла армия. Она была главным законообразующим институтом монархии. До тех пор, пока

русская армия одерживала победы на полях сражений Европы и Азии, право царя на управление государством не вызывало сомнений. Кроме того, блестящая внешность и моральные устои армии были символом дисциплинированной и преданной службы, которую царь хотел видеть в каждом из своих подданных. Николай I говорил об армии: «Здесь порядок, строгая безусловная законность... никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться; никто без законного основания не становится впереди другого; все подчиняется одной определенной цели, все имеет свое назначение»⁵⁴.

Николай I, как и его предшественник Александр I, хотел использовать армию для общественных реформ. Первые военные поселения были основаны непосредственно перед наполеоновскими войнами. Солдаты жили в зданиях, расположенных симметричными рядами и оборудованных современными гигиеническими устройствами (включая «английские сортиры»).

Образ жизни солдат напоминал крестьянский. Они получали землю, скот, орудия труда, вместе с ними жили их семьи. Один полк был на маневрах, а два других обрабатывали землю. Таким образом оба императора надеялись сделать армию самофинансирующимся общественным организмом и экспериментальной площадкой для современных сельскохозяйственных методов.

Этому не суждено было сбыться. Солдаты ненавидели свою «строевую» в обоих значениях этого слова жизнь и несколько раз бунтовали. Один такой бунт был спровоцирован окуриванием зданий во время эпидемии холеры. Солдаты решили, что эта санитарная процедура стала причиной болезни. В конечном счете военные поселения пришлось отменить. Солдатскую службу и крестьянский труд можно было объединить разве что в мечтах монархов⁵⁵.

Сосредоточенность на военных делах имела для монархии свои оборотные стороны. Для Романовых начиная с Павла все передовое ассоциировалось в первую очередь с военной казармой. Они так и не смогли избавиться от навязчивой идеи военных парадов. Плотнo сомкнутые марширующие солдатские ряды и военная выправка производили впечатление разве что на простой люд да заезжих монархов. Но муштра

служила только предпосылкой военных успехов, а если ее было слишком много — то препятствием для них.

Еще со времен Павла некоторые офицеры считали, что дисциплинированная и преданная армия должна управляться профессионалами, а не аристократами и набирать солдат нужно из свободных граждан, а не из крепостных крестьян. Эта мысль, которая логично вытекала из превосходства армии, еще больше усилилась во время совместной борьбы в войне 1812 г. Это было подспудным импульсом восстания декабристов и послужило базой для создания альтернативного военного менталитета после Крымской войны⁵⁶.

Литература, «толстые журналы» и русский вопрос

Формирование русской литературы, имевшей социальную направленность, стало одним из самых значительных достижений в культурной истории России. Активизация литературного процесса была закономерным следствием политики Петра I в области культуры, образования и общественной жизни.

В XVIII столетии литературная жизнь страны была еще не столь активна. Исключением можно считать творчество Новикова и Радищева. Писатель все еще сильно зависел от позиции своего покровителя, поэтому для этого периода были характерны такие жанры, как ода, элегия и эпическая поэма.

В начале XIX в. формы покровительства начали изменяться. Если во времена Петра I женщин принуждали принимать участие в общественной жизни, то столетие спустя они сами стали инициаторами создания салонов, где регулярно собиралось изысканное общество, чьи беседы были элегантны, остроумны и содержательны.

Русские салоны создавались по образцу парижских, и так же, как во Франции, их хозяйками были женщины. В салонах царила особая атмосфера, в которой зарождалось общественное мнение, отличное от того, что господствовало при императорском дворе.

Некоторые салоны имели литературную направленность. Их хозяйки постоянно приглашали известных писателей, что поднимало престиж салона. У литераторов же появлялась возможность познакомиться с богатыми и влиятельными людьми.

В салонах писатели часто устраивали первые читки своих произведений, получая оценку знающей аудитории. Присутствие тактичной, гостеприимной хозяйки имело решающее значение для смягчения напряженной атмосферы, которая могла возникнуть в этих случаях.

Таким образом начало формироваться литературное общество или общество людей, которые наслаждались литературной атмосферой, могли проводить свободное время в литературных салонах, принимая участие в обсуждении новых произведений. Их культурный уровень и вкус позволяли высказывать подчас довольно меткие суждения о литературе⁵⁷.

Основным условием развития национальной литературы является язык, на котором пишутся произведения. Он должен быть общепринятым языком. Церковно-славянский язык был слишком архаичен и слишком тесно связан с церковной культурой эпохи, пришедшей вслед за Просвещением.

Светский язык канцелярий тоже не подходил для написания литературных произведений. Петровские реформы в области техники, военного дела и административной деятельности привели к появлению огромного числа языковых заимствований. Слова и выражения, заимствованные из шведского, датского и немецкого языков, обогатили лексику, грамматику и синтаксис русского языка, но они привносились без какой-либо систематизации или обработки.

Высшее общество в основном пользовалось французским языком. Он прекрасно подходил как для дипломатических, так и остроумных и утонченных бесед.

Однако русский язык никогда полностью не выходил из употребления. Он оставался официальным языком великой державы, которая продолжала развиваться.

После Отечественной войны 1812 г. французский язык уже не так активно использовался в высшем обществе, особенно в Москве.

В 1783 г. была основана Российская Академия наук. Ее прообразом была Французская Академия наук. В 1789—1802 гг.

были изданы авторитетный словарь и грамматика русского языка, которые стандартизировали лингвистические заимствования из других языков⁵⁸.

Историк и романист Николай Карамзин поздравил Академию с работой по «систематизации» словаря русского языка⁵⁹. Карамзин был первым крупным писателем, доказавшим, что на русском языке можно писать литературные произведения. Стиль русского языка основан на простом и элегантном синтаксисе языка французского, который был так близок высшему обществу. Это обстоятельство делало возможным использование русского языка в литературных дискуссиях и для сочинения эпиграмм, стихотворений и записей в альбомы. Эти жанры в то время начинали входить в моду.

Карамзин писал романтические истории, используя новый, «сентиментальный» подход к человеческим отношениям. Это были истории о простых людях, обращенные к самым сокровенным чувствам читателя. Они особенно подходили для обсуждения в салонах.

Позднее Карамзин использует эту же манеру при создании исторических произведений. Его многотомная «История государства Российского» (1804—1826) заменила сухую фрагментарность летописей увлекательным, доступным для широкого читателя повествованием.

«История государства Российского» в течение нескольких десятилетий горячо обсуждалась на самых разных уровнях: в политических беседах, на публичных дебатах, во время академических полемик. Преклонение Карамзина перед русским самодержавием и его решающей ролью в создании русского государства разделяли далеко не все. В XIX в. образованное русское общество сделало первый шаг на пути создания образа России как «воображаемого сообщества», и многотомная история Карамзина сыграла в этом решающую роль⁶⁰.

Образованная часть русского общества была против «офранцуживания» родного языка. Это лишало русский язык достоинства и связей с прошлым, которые обогатили церковнославянский и московский канцелярский язык. Но обретение литературой профессионального статуса, постепенно происшедшее благодаря деятельности салонов, привело к использо-

ванию того варианта русского языка, который сближал образованное русское общество с европейской культурой и открывал новые возможности для самовыражения и систематического общения. Это язык, на котором будут говорить Пушкин, Гоголь, Толстой и Достоевский. Этим языком будут пользоваться российские ученые и педагоги.

Возможность сближения с европейской культурой была оплачена ценой еще большего разрыва между образованной элитой и народными массами, а также между светской элитой и церковью, которая еще много десятилетий сохраняла свои собственные лингвистические формы. Русские интеллектуалы принадлежали к интернациональной «литературной республике», чуждой народной и церковной культуре их собственной страны.

Самой выдающейся фигурой в литературе первых десятилетий XIX столетия был Александр Пушкин (1799—1837). Он принадлежал к новому европеизированному поколению русской аристократии, но прекрасно понимал и тонко чувствовал народный язык и культуру. В своем романе в стихах «Евгений Онегин» он изобразил жизнь русского общества, противопоставляя образ жизни мелкопоместного дворянства образу жизни простых людей. Возможно, самым сильным свойством пушкинского дарования была его способность видеть жизнь многогранно — так, как ее видели представители различных социальных и культурных прослоек. В ироничных, но насыщенных искренним чувством стихах поэт показывал, как среда и воспитание формируют поступки людей.

Такой талант был особенно ценен в России, где культура, заимствованная извне, прочно укоренилась среди светской элиты общества и начинала проникать в другие общественные классы. Персонажи «Евгения Онегина» воспринимают друг друга через призму поэзии Байрона, философии немецкого идеализма и английских сентиментальных романов.

Александр Пушкин был певцом Российской империи во время ее расцвета. Он воспитывался в закрытом привилегированном Царскосельском лицее вместе с мальчиками из самых знатных семейств России. Впоследствии Пушкин часто вспоминал о Царском Селе как о своем отечестве. Дет-

ская дружба позволила ему поддерживать тесные связи с представителями русских аристократических фамилий на протяжении всей жизни.

Пушкин был знаком с декабристами, но никогда не был членом их организаций. Он не одобрял восстание и царевубийство.

В двадцать лет Александр Пушкин был уже признан ведущим поэтом России. Он был обласкан императором Николаем I, который стал его личным цензором. Это соглашение на самом деле было скорее унижительным для Пушкина, особенно с тех пор, как к нему приложил руку шеф Третьего отделения бездушный генерал Александр Бенкендорф.

В более поздние годы Пушкин часто размышлял о том, почему декабристы потерпели поражение. Действительно ли Россия так отличается от других европейских стран, чью культуру она ассимилировала? Пушкин никогда не переставал писать стихи, но в более зрелый период своего творчества он начинает писать больше прозы, создает исторические хроники, в том числе «Историю Пугачевского бунта».

Александр Пушкин делал все возможное для того, чтобы писатель был независим как в профессиональном, так и в политическом отношении. Созданный им журнал «Современник» надолго становится ведущим «толстым журналом», форумом литературы, науки и свободомыслия. Чтение «Современника» сделало единомышленниками многих российских интеллектуалов.

Будучи редактором журнала, Пушкин стремился к тому, чтобы авторский труд достойно оплачивался, делая писателя профессионально независимым. Он боролся против литераторов, прислуживавших своему покровителю ради денег. Особенно отвратителен был Фаддей Булгарин, бывший польский патриот и офицер наполеоновской армии. Чтобы загладить свое прошлое, он доносил Третьему отделению на своих коллег-писателей и публиковал работы, направленные на сиюминутную коммерческую выгоду. Литература все еще была на полпути между протекционизмом и рыночными отношениями⁶¹.

И тем не менее в период, последовавший за поражением восстания декабристов, когда усилилось взаимное недоверие

между образованной частью общества и режимом, печатное слово начало приобретать особое значение. Похожая ситуация сложилась в Англии в эпоху Мильтона, во время серьезного религиозно-политического конфликта. То же самое можно было наблюдать и во Франции эпохи Вольтера, где боролись сторонники Просвещения и старого режима.

Власти стали особенно подозрительны ко всем проявлениям интеллектуального и творческого свободомыслия. В этих обстоятельствах литература имела свои преимущества по сравнению с другими видами интеллектуальной и творческой деятельности. В отличие от музыки и живописи литература могла напрямую обращаться к общественным и политическим проблемам. Однако метафоричность и семантическое многообразие языка художественной литературы затрудняли контроль над ней... Образный язык стал настоящей головомолкой для цензоров. Они ведь тоже были членами высшего общества и рисковали прослыть наивными или злонамеренными, однозначно истолковав смысл литературного произведения и объявив его запрещенным.

По этой причине духовная, религиозная, политическая и интеллектуальная жизнь России в первой половине XIX в. развивалась в основном благодаря художественной литературе, а также рецензиям и критике, которые ее сопровождали. Литература полностью или частично заменила церковь, академию, университеты, школы, публичные библиотеки, добровольные общества и множество других общественных учреждений.

Такая ситуация создала функциональную перегрузку в области литературной деятельности. С одной стороны, это стимулировало творчество писателей, а с другой — создавало благоприятную атмосферу для преувеличения ими своей роли и понижения литературы как таковой.

Журналы стали играть центральную роль в развитии литературы. В середине XIX столетия они постепенно вытесняют салоны в качестве посредников между писателем, критиком и читателем. Журналы объединяют людей с одинаковыми литературными интересами, которые читают и спорят о литературных произведениях, обсуждают проблемы общественной значимости во всех сферах интеллектуальной жизни.

Журналы действительно отражали всю широту интересов. Они начинались как альманахи, антологии или коллективные сборники, постепенно обретая постоянные формы, впитывая все проявления интеллектуальной жизни. Русские «толстые журналы» не были похожи, например, на английские, печатавшие только литературные произведения.

Не случайно журналы называли «толстыми»: ежемесячный номер вполне мог достигать 600—700 страниц, на которых помещались статьи по истории, искусству, гуманитарным и естественным наукам, политические комментарии, книжные обзоры и много других интересных вещей.

Профессора публиковали в журналах не только популярные статьи, но и выдержки из готовящихся к изданию научных работ, снабженные многочисленными сносками и примечаниями. К концу XIX в. хороший ежемесячный журнал напоминал своего рода продолжающееся энциклопедическое издание, предлагавшее своим подписчикам разнообразную программу самообразования⁶².

Большую часть своей духовной энергии «толстые журналы» получали от небольших неформальных групп интеллектуалов, постоянно собиравшихся для того, чтобы обсудить те или иные литературные произведения или общественные проблемы.

После восстания декабристов салоны были под особенно пристальным вниманием Третьего отделения императорской канцелярии, что требовало определенного уединения для обсуждения многих насущных вопросов. Небольшая гостиная в аристократическом доме могла служить местом сбора, но студенческие мансарды были более подходящим местом, так как участниками обсуждений теперь были в основном студенты, окончившие высшие учебные заведения или недочувшиеся. Основными ценностями в студенческих кружках были дружба и абсолютная честность. Их члены делились не только своими мыслями, но и личными переживаниями.

В горячей атмосфере студенческих кружков благородство определялось по характеру, а не по принадлежности к высшему сословию. Кружок был республикой в миниатюре, презревшей общественные различия, поэтому его члены были равны и могли строить отношения на основе искренней дружбы и ра-

венства. Молодой интеллектуал П.В. Анненков, вспоминая жизнь студенческих кружков 1830-х гг., зашел так далеко, что сравнил их с крестьянской общиной, или деревенской коммуной⁶³.

В отличие от сельской общины члены кружков имели право выбора единомышленников. Они могли вступить в подходящий студенческий кружок и выйти из него в любое время. Горячая привязанность молодежи к членам своего кружка обычно подкреплялась презрением к тем, кто был вне этого магического круга, и отвращением по отношению к предателям, враждебностью к противникам. Александр Герцен написал о кружке своего друга Николая Огарева: «их связывала общая религия, общий язык и еще больше — общая ненависть»⁶⁴.

В такой возвышенной и одновременно беспокойной атмосфере формировались «толстые журналы». Одним из первых был «Московский телеграф». Его редактором был Николай Полевой (1825—1834). Само название журнала говорит о цели, поставленной его создателем. Издавая свой журнал, Полевой стремился действовать буквально как телеграф: как и издатели Французской энциклопедии, он видел свою миссию в распространении информации среди образованной публики, способной осуществлять экономический и социальный прогресс в условиях даже самого реакционного общественного устройства.

Николай Полевой был поклонником западноевропейской цивилизации с характерным для нее высоким уровнем технического прогресса, экономического развития и конституционных форм политического правления. Он предлагал русскому читателю материалы, в которых пропагандировались достижения Запада, чередуя эти серьезные материалы с популярными.

Ему удавалось обманывать цензуру, используя аллегории и тонкие намеки там, где откровенные выражения были слишком рискованны. Но в конце концов чиновники Николая I все-таки сочли «якобинские тенденции» журнала Полевого слишком очевидными. В 1834 г. «Московский телеграф» был закрыт⁶⁵.

Мыслителем, предсказавшим роль литературы в жизни русского общества, стал Виссарион Белинский. Сын провин-

циального армейского лекаря, он занимал значительно более низкое общественное положение, чем большинство его коллег. В 1840-х гг. Белинский активно печатался в журналах «Отечественные записки» и «Современник» (основанном А. Пушкиным). Он рассматривал литературу не только как развлечение или образование, а видел в ней духовную силу, способную стать смыслом существования русского общества и даже создать русскую нацию.

Будучи гегельянцем по своим взглядам, Белинский верил, что русская литература — это средство для самопознания и самовыражения русского духа... Он утверждал, что литература станет вкладом русского народа в мировую культуру и развитие всего человечества.

По мнению Белинского, литература, вовлекая в культурный процесс жизнь простых людей, должна была стереть различия внутри русской культуры, давая детальное и правдивое описание народного быта, ассимилируя разговорный язык русского народа не с этнографической, а с культурной и моральной точек зрения как способ выразить национальную сущность русского характера.

Отсюда следовало, что главным направлением русской литературы станет реализм, или, как говорил Белинский, «натуральная школа». Описывая жизнь простых людей с любовью и симпатией, но в то же время критически, писатель, несомненно, вызовет сочувственный отклик у читателя и будет способствовать развитию общества. Самыми яркими примерами зарождающегося реалистического направления в русской литературе Белинский считал роман в стихах «Евгений Онегин» Александра Пушкина и первую часть поэмы «Мертвые души» Николая Гоголя⁶⁶.

В 40-е годы XIX в. в полемике, ведшейся на страницах «толстых журналов», появился вопрос, затмивший все остальные. Ответ на него определял, к какому лагерю принадлежит тот или иной человек. Вопрос звучал очень просто: «Что такое Россия?»

Этот вопрос поднимался и раньше, но особенно остро он был поставлен в 1836 г. отставным гвардейским офицером Петром Чаадаевым. В 1836 г. на страницах журнала «Телескоп»

Чаадаев опубликовал первое из своих «Философических писем», в котором называл Россию культурным небытием. Примечательно, что это письмо было написано по-французски.

Чаадаев утверждал, что расположенная между Востоком и Западом Россия не сумела научиться от них ничему культурно полезному. «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили»⁶⁷.

Для поколения, все еще не оправившегося от провала восстания декабристов и пытавшегося понять, чем же Россия отличается от других европейских стран, голословное заявление Чаадаева стало своеобразным вызовом. Чаадаев затронул обнаженный нерв. Очень впечатляюще, хотя и несколько односторонне, он сумел передать поверхностный характер русской имперской культуры, которая начала развиваться только со времен Петра I. Этой культуре все еще не хватало органичности и этнических основ.

Позицию Чаадаева было трудно принять, но игнорировать ее было невозможно. В более поздних произведениях он отступил от своих строгих обвинений, изложенных в «Письме первом». Теперь он утверждал, что неразвитость русской имперской культуры связана с недостатком исторического опыта. Россия молода и имеет большой культурный потенциал⁶⁸. Так или иначе, но Чаадаев поставил самый важный для российских интеллектуалов в течение многих последующих десятилетий вопрос.

Те, кто называл себя славянофилами, считали, что Чаадаев ошибался. Россия имеет собственную неповторимую культуру и вносит свой неоценимый вклад в развитие общечеловеческого прогресса. С точки зрения славянофилов, Чаадаев был ослеплен внешними соблазнами западной цивилизации.

В контексте подобных рассуждений слово «Запад» означало отдельный гомогенный комплекс понятий, противоположный суждениям славянофилов о том, что такое Россия. И славянофилы, и западники основывались на одном из этих фундаментальных понятий.

Центром славянофилов была Москва, старая столица России, находившаяся вдали от суеты, европейской архитектуры и космополитической энергетики Санкт-Петербурга. Ведущие славянофилы происходили из семей крупных помещиков. Славянофильские идеи развивались в обстановке аристократических салонов, а не студенческих кружков.

Иван Киреевский, изучавший труды отцов Греческой церкви, не был согласен с Чаадаевым. Он утверждал, что Россия имеет богатое культурное наследие, полученное от Византии и распространяемое Православной церковью.

Россия, считал Киреевский, сохранила целостность христианской веры. Запад утратил истинное христианство из-за стремления пап к светской власти, уравнивающего, но одинаково бесплодного индивидуализма и рационализма протестантов.

Соборность, смирение, способность принимать решения сообща в пользу коллектива, а не отдельного человека — все это, по мнению Киреевского, придавало особую ценность русским гражданским институтам, особенно крестьянской общине.

Алексей Хомяков, главный теоретик соборности, определял ее как «единство в цельности народной». Хомяков считал, что только через соборность отдельный человек способен обрести свою силу, свое призвание, думая и действуя вместе с другими. Только так индивидуум может реализоваться как личность: «Только в живом общении с народом выходит человек из мертвенного эгоистического существования и получает значение живого органа в великом организме»⁶⁹.

На Западе, считал Хомяков, наоборот, люди духовно обеднены, опутаны сетями бесчувственной, неуправляемой экономики, порабощены индивидуализмом, рационализмом и атеизмом. Обновление европейской цивилизации должно прийти из России, где люди хотя и невежественны и бедны, но тем не менее освещены светом истинного христианства. Их врожденная соборность ярче всего проявляется в крестьянской общине. Константин Аксаков называл ее «нравственным хором, в котором не потеряян ни один голос, он слышится в гармонии других голосов»⁷⁰.

Хотя славянофилы и были консерваторами, они не принимали русское самодержавие в его современной форме. Они считали, что Петр I, руководствуясь западными принципами, подорвал наследственную связь между монархом и народом, поместив между ними бюрократию немецкого образца.

По словам Аксакова, «совершился разрыв царя с народом... разрушился... древний союз земли и государства... вместо прежнего союза образовалось *иго* государства над землею... Русский монарх получил значение деспота, а свободноподданный народ — значение раба-невольника в своей земле!»⁷¹. Деспотизм создал почву для крепостничества и цензуры и подчинил Церковь бюрократии, подменив ею Поместный собор.

Славянофилы считали, что царь должен восстановить Земский собор в качестве постоянного государственного института, представляющего все сословия российского общества. Они отвергали западный парламентаризм и не были согласны с тем, что царь должен быть связан конституционными обязательствами. Славянофилы верили в то, что царь нуждается в постоянном контакте со своими верноподданными, который ему и должен был обеспечить Земский собор.

Они также хотели восстановить церковную соборность. Для этого необходимо было возобновить Поместный собор в качестве верховного управляющего органа Православной церкви. На более низких уровнях славянофилы предполагали возобновить приходские соборы в качестве автономных церковных органов, выбирающих пастыря, ведущих собственную бухгалтерию и отвечающих за материальное благополучие членов собора⁷².

Славянофилы открыли новые направления в поисках русской национальной идентификации. Однако их исторические взгляды были недостаточно последовательны. Например, многие недостатки российского государственного устройства, на которые они указывали, в том числе и крепостничество, существовали задолго до Петра I.

Но славянофилы были первыми, кто предупредил об опасности растущей пропасти между приближенной к царю элитой и простыми русскими людьми и предложил пути ее преодоления.

Западники были значительно менее однородным лагерем, чем славянофилы. Достаточно трудно выделить общие элементы в их теории, за исключением основополагающего тезиса о том, что Россия в основном такая же страна, как другие европейские страны, только ее развитие задерживается из-за географических и исторических обстоятельств.

Как и славянофилы, западники рассуждали в рамках гегельянской философии. Они предсказывали России роль одной из самых развитых европейских цивилизаций на следующей ступени исторического развития. По их мнению, Россия, заимствуя достижения Европы и используя энергию своей молодости и неопытности, вскоре должна стать одним из лидеров мирового исторического процесса.

Ли Гринфилд точно подметил, что славянофилы и западники были «погружены в переживания» по поводу явного превосходства западной цивилизации, они вместе предсказывали большое будущее для России. Не случайно Александр Герцен, противоречивый член западнического лагеря, в шутку обращался к славянофилам «наши друзья-враги»⁷³.

Позиции славянофилов и западников решительно расходились в вопросе о культурном заимствовании России у Запада. Славянофилы считали, что, перенимая культурный опыт у европейских стран, Россия отрицает свою собственную природу. Западники же относились к культурному заимствованию как к естественным шагам на пути обновления и развития.

Белинский насмеялся над теми, кто считал, что человек, одетый в сюртук, уже не русский, и что «русский дух дает себя чувствовать только там, где есть зипун, лапти, сивуха и кислая капуста»⁷⁴. Россия, писал он, принадлежит к Европе «по своему географическому положению, и потому, что она держава христианская, и потому, что новая ее гражданственность — европейская, и потому, что ее история слилась неразрывно с судьбами Европы». Не стоит бояться, что европейские преобразования поглотят Россию. Она достаточно независима и способна воспринимать и перерабатывать чужой культурный опыт, не причиняя вреда своей природе, так же как «пища, извне принимаемая человеком, перерождается в его кровь и плоть и поддерживает в нем силу, здоровье и жизнь». Эти слова Бе-

линского в точности выражают то, что было сделано Петром Великим⁷⁵.

Константин Кавелин, преподававший историю отечественного права в Московском университете, попытался опровергнуть исторический анализ славянофилов в большой статье, опубликованной в «Современнике» в 1847 г. под названием «Взгляд на юридический быт древней России». Кавелин утверждал, что родовой принцип как основа правового сознания очень давно был заменен индивидуальным принципом благодаря введению христианства и реформам, проведенным государством, особенно Петром Великим. В России сильное государство ответственно за прогресс, цивилизацию и, как это ни парадоксально, за индивидуальную свободу человека⁷⁶.

Работа Кавелина вызвала большой интерес и дискуссию. Московский помещик Юрий Самарин, славянофил по убеждениям, написал опровержение на статью Кавелина. Дискуссия имела непосредственное отношение к спорам 1850-х гг. об отмене крепостного права. Кавелин выступал за постепенные общественные перемены, проводимые сверху монархом-реформатором, поддерживал частное предпринимательство и позицию мелкопоместного дворянства как гарантию культуры и цивилизации.

В то время мало кто разделял умеренную позицию Константина Кавелина. Не соглашался с ним и Александр Герцен. Незаконный сын московского дворянина, активный участник западнических кружков, горячий сторонник немецкого идеализма и французского социализма, Герцен был откровенен в своем отрицании самодержавия, крепостничества и полицейского произвола. В молодости, как истинный гегельянец, он верил в то, что социализм французского мыслителя Сен-Симона сможет привести Абсолютный Дух в Западной Европе в царство свободы и справедливости. Эти убеждения дважды стоили ему ареста и ссылки, во время которой мелкий чиновник Герцен мог убедиться в силе личного произвола, процветавшего в николаевской России.

В 1847 г. Александр Герцен наследует состояние своего отца. Это позволяет ему отправиться в путешествие по Западной Европе. Там он становится свидетелем революцион-

ных событий в 1848 г. во Франции и Италии. То, что он увидел, разочаровало его. Еще до начала революции Герцена шокировала привязанность французов к своей частной собственности. Высокие каменные стены, усыпанные поверху битым стеклом, увиденные в Провансе, «ранили славянскую душу», как он писал в своем письме.

Зрелище подавления республиканским генералом Кавеньяком восставших рабочих в Париже в 1848 г. окончательно убедило Герцена в том, что буржуазная свобода корыстна, эгоистична и деспотична. Почти такая, какой ее изображают славянофилы.

Так западник вступил в конфликт с реальным Западом и смог увидеть новые преимущества у себя дома. Возможно, «молодая» Россия, не задавленная весом безжизненных общественных институтов, может привести человечество к великому будущему. Возможно также, что крестьянская община, которую он когда-то пригвоздил к позорному столбу, потому что ее превозносили славянофилы, сыграет положительную роль в истории России, особенно если через нее можно примитивным, но естественным путем установить социализм.

«Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти, она благополучно дождалась до развития социализма в Европе». В своих поздних работах Герцен утверждал, что община и рабочая артель должны быть очищены от «безжизненной азиатской кристаллизации» путем взаимодействия с европейским социализмом. Таким образом можно будет развить их потенциал⁷⁷.

На склоне дней взгляды Герцена представляли собой смесь западничества и славянофильства. Он стал основателем явно русского социализма, отрицавшего парламентаризм, конституцию и правовые нормы и утверждавшего свободную кооперацию равноправных работников, объединенных в общину и артель. Герцен считал, что русскому народу нужны «земля и воля». Эти слова стали лозунгом первого поколения русских социалистов.

Герцен неоднозначно относился к революции. Увидев своими глазами, как революция разрушает существующую культуру, он надеялся, так же, как Кавелин, что начало общественным переменам должен положить сам монарх. В этой связи Герцен публично приветствовал Манифест 1857 г., изданный Александром II и предвосхитивший освобождение крепостных крестьян. Этот поступок Герцена лишил его поддержки нового, более радикального поколения русских революционеров. Они не верили в то, что самодержавие способно на решительные перемены.

К концу жизни Александр Герцен вел все более уединенный образ жизни, но все же это не помешало ему начать еще одно важное и имевшее далеко идущие последствия дело. В 1852 г. он основал в Лондоне Вольную русскую типографию, где печатались листовки и периодические издания. Формат этих изданий был приспособлен к нелегальному перевозу их через границу в Россию.

Лондонская типография Александра Герцена стала первым русским издательским домом, не подвластным российской цензуре. Благодаря деятельности Герцена русский читатель стал получать информацию, недоступную в своей собственной стране. Говорили, что газета Герцена «Колокол» стала настольным изданием высших чиновников России. Из нее они узнавали то, что скрывали от них подчиненные.

Кружки 1830—1850-х гг. наряду с деятельностью журналов и других объединенных изданий, включая эмигрантскую прессу, сыграли большую роль в развитии русской политической и культурной жизни. Решающей их чертой было то, что они продемонстрировали новый стиль общественных отношений, основанный на сотрудничестве равноправных членов и не зависевший от иерархии и покровительства. Таким образом, они подспудно бросили вызов основополагающим принципам империи. Кружки дали России великих писателей, революционных мыслителей, выдающихся политиков либерального направления и государственных деятелей.

Крымская война

В преддверии Крымской войны Россия столкнулась с трудностями в отношениях с Османской империей и европейскими государствами. Адрианопольский мирный договор (1829) признавал контроль России над устьем Дуная, восточным побережьем Черного моря от Азовского моря до Поты, а также над Грузией и восточной Арменией. Еще более важным, чем территориальные завоевания, было условие договора, по которому российские торговые корабли проходили через проливы Босфор и Дарданеллы. Любое нарушение этого права, чем бы оно ни было вызвано, рассматривалось как враждебное действие и давало России право на «немедленные репрессалии против Османской империи»⁷⁸.

Ункяр-Искелесийский договор (1833), последовавший за подавлением русскими войсками восстания под руководством Мехмета Али, обязал Турцию в период военных действий закрывать самый западный из проливов, Дарданеллы, для прохода иностранных военных кораблей. Впрочем, турки уже давно вели такую практику, и для них это не стало новым обязательством. Но, как бы там ни было, русский текст договора подразумевал, что Босфор, на котором стоял Константинополь, остается открытым для русских военных кораблей, позволяя им проникать в самое сердце империи⁷⁹.

По словам Джона Ле-Донна, это была «попытка превратить центральную часть Турции в российский протекторат» и «перенести российскую военно-морскую мощь с Черного моря... в Средиземное»⁸⁰. Наряду с условиями Кючук-Кайнарджийского договора о правах России защищать христиан в Османской империи это является доказательством того, что Россия стремилась превратить Турцию в подчиненное государство.

Россия не была готова к войне с европейскими государствами, поэтому она старалась развеять подозрения подобного рода. В 1841 г. она подписала соглашение по Проливам. По этому соглашению российским военным кораблям запрещалось входить в Босфор и Дарданеллы наравне с военными кораблями других европейских стран.

В 1844 г. Николай I отправился в Лондон. Он стремился достичь соглашения с Британией о совместных консультациях в случае угрозы развала Османской империи или в случае нападения на нее третьего государства. Он был уверен, что достиг желаемого, но на самом деле оставил у британских государственных деятелей подозрение в том, что развал Османской империи — именно то, чего он добивается⁸¹.

Эти подозрения помогут понять, почему тривиальный инцидент смог привести к началу Крымской войны (1853—1856). Учреждение Латинского патриархата Иерусалима в 1847 г. и возобновление Францией требований, сформулированных в договоре 1740 г. о защите христианских святынь на Святой земле, всколыхнули у русских неопределенные, но ревностно вынашиваемые желания утвердиться на территории Османской империи.

Попытка учредить совместное католическо-православное попечительство святых мест провалилась. В 1853 г. Николай I посылает князя А.С. Меншикова в Константинополь с требованием подтвердить право России на защиту христиан в Османской империи. И само требование, и высокомерный характер посла, объявившего о нем, обеспечили провал мероприятия. Трактовка Кючук-Кайнарджийского договора князем Меншиковым подразумевала, что 40 процентов населения Османской империи имеют право обращаться к России за покровительством в любой форме.

Подобное требование побудило другие европейские государства поверить в то, что Россия решительно настроена против Турции и хочет захватить Константинополь, тем более что русские войска оккупировали Дунайские княжества.

Британский и французский флоты были посланы в Дарданеллы. Австрия, на поддержку которой Николай I особенно надеялся, заняла положение недружественного нейтралитета.

Таким образом, Россия оказалась в ситуации, которой ее дипломаты пытались избежать любой ценой. Теперь она должна была воевать не только с Османской империей, но и с двумя крупнейшими европейскими державами. Россия приняла последнюю отчаянную попытку умиротворить их. Она вывела свои войска с территории Дунайских княжеств, но даже эта уступка не смогла предотвратить войну.

Великобритания и Франция решили объединиться и помешать распространению российского могущества на Средиземное море. Они высадили свои войска на Крымском полуострове, чтобы разбить Черноморский флот на его базе в Севастополе. Они достигли своей цели, но только после двух лет изнурительной борьбы.

Россия была вынуждена просить унижительного для нее мирного договора. По Парижскому мирному соглашению, подписанному в 1856 г., она вынуждена была смириться с установлением европейского протектората над христианами Османской империи. Европейские государства также установили свой протекторат над Дунайскими княжествами.

Хуже всего было то, что России пришлось вывести свой флот из Черного моря и со всего его побережья. Для великой державы это было особенно унижительное условие, ведь Черноморское побережье имело для России важное стратегическое значение. С одной стороны, это условие было вызвано страхом европейских держав перед российским военным потенциалом. С другой стороны, тот факт, что Россия приняла условие о выводе Черноморского флота, говорил о ее слабости в тот момент.

После Крымской войны Россия прекратила свое существование в качестве страны — гаранта положения. Она превратилась в ревизионистскую державу, стремившуюся восстановить суверенитет на собственном побережье.

Поражение России в Крымской войне показало, что неопределенная и напыщенная дипломатия, апелляция к религиозным чувствам и попытки найти союзников в лагере врага — все, что сослужило России добрую службу в евразийских степях, — подорвало тот мир в Европе, который Россия хотела сохранить. Кроме всего прочего, ошибки в ведении войны вызвали много общественных споров, в которых поднимались фундаментальные вопросы о будущем России.

IV. КРИЗИС ИМПЕРИИ

7. Нерешительные реформы Александра II

Послевоенный кризис

В течение ста пятидесяти лет Россия была великой европейской державой и успешно справлялась со своими имперскими задачами, используя сильную самодержавную власть, армию и полицию. Исход Крымской войны показал, что этот период закончился.

Вторая половина XIX в. уготовила России значительно более серьезные испытания, чем первая. Сто пятьдесят лет моральный дух русской армии был очень высок. Техническое оснащение армии не уступало ее противникам, а в области артиллерии даже превосходило их. Крымская война доказала, что это соотношение изменилось не в пользу России.

Стойкость и взаимовыручка русских солдат были неизменны, так же как высокий уровень военного руководства. Эти качества российских военных позволили превратить оборону Севастополя под руководством князя Александра Меншикова в длительный, изматывавший врага процесс.

Однако в распоряжении англичан и французов были винтовки, превосходившие по своим боевым параметрам российские аналоги. Они стреляли дальше и точнее. Более того, российская армия не получала достаточно продовольствия и снаряжения для ведения столь долгой кампании.

В общем, стало ясно, что промышленность и транспортное сообщение Российской империи были совершенно не приспособлены для ведения крупномасштабных европейских

войн, даже если война велась на ее собственной территории с противником, преодолевшим тысячи верст пути.

К югу от Москвы не было железных дорог. Продовольствие и военное снаряжение постоянно задерживались, тащась по бугристым, грязным трактам, весной и осенью превращавшимся в сплошное топкое месиво. Огромные размеры империи и многочисленные беспокойные точки также сыграли свою отрицательную роль. Большое количество солдат и военных кораблей оставались вдалеке от главного театра военных действий. Россия вынуждена была держать войска в Балтийском регионе, опасаясь высадки там войск Англии, Франции и Швеции, а также защищать свои границы на Кавказе от постоянных вылазок османских войск, поддерживаемых восставшими горскими племенами.

Крымская война гораздо более серьезно подорвала политическую стабильность России, чем ее противников. Как и в 1812 г., многие крепостные крестьяне думали, что участие в войне может принести им освобождение. Они записывались в добровольные народные отряды в значительно большем количестве, чем это было необходимо. Даже когда война закончилась, крестьяне продолжали настаивать на том, чтобы их посылали в Крым. Они были уверены, что там на золотом троне сидит царь и дарует свободу тем, кто пришел. те же, кто не пришел или опоздал, останутся крепостными¹.

Последствия войны и выполнение обязательств Парижского мирного договора 1856 г. причинили России значительно больше вреда, чем это могло показаться вначале. Россия потеряла территории Дунайских княжеств и право держать свои военные корабли на Черном море, главной артерии международной торговли.

Однако тяжелее всего был ущерб, нанесенный внешнеполитическому престижу России и репутации самодержавия внутри страны. Династия Романовых полностью отождествляла себя с военной мощью страны. Военное поражение в регионе, бывшем предметом ее экспансионистских устремлений, заставило многих сомневаться в дееспособности самодержавия. Не случайно, что за несколько лет в России появились политические течения, отрицавшие монархию и преследовавшие цель ее свержения.

События второй половины XIX в. продолжали угрожать международному положению России. В начале столетия она была одним из европейских лидеров в Священном союзе, что предполагало стабильное решение конфликтов. Во второй половине века Россия превратилась в униженного, борющегося за существование члена разрозненного европейского сообщества.

В 1871 г. произошло объединение Германии. На уязвимых границах Российской империи появился сильный противник. Будущее в Европе принадлежало индустриально развитым национальным государствам. Россия не была ни тем, ни другим. То же самое можно сказать и об Османской империи, и об империи Габсбургов.

Постепенное ослабление Османской и Габсбургской империй открывало для России новые возможности, но в то же время таило серьезные опасности. Восстания балканских народов против империалистического господства ставили Россию перед выбором. Они создавали для нее возможность вторжения и приобретения влияния и даже новых земель, но, с другой стороны, Россия опасалась войны с сильными державами. Она также не хотела быть уличенной в поддержке восставших против законной монархии племен, даже если восставшие были православными, а монархи католиками или мусульманами.

Во второй половине XIX в. Россия, несмотря на многочисленность ее населения и колоссальные размеры, вынуждена была действовать с позиции слабого государства. Российские государственные деятели хорошо это осознавали. Великая держава должна быть готова в случае необходимости вступить в войну. Для тогдашней России это было чревато тяжелыми затратами, перегрузкой государственной финансовой системы, ростом инфляции и подрывом экономического развития, необходимого для ведения войны.

Более того, война неизбежно привела бы к внутренней нестабильности. Два наиболее вероятных театра военных действий — Польша и Закавказье — были местом постоянно возникавших восстаний, не так давно подавленных. В Польше снаряды, предназначавшиеся для русской артиллерии, регу-

лярно попадали в руки восставших поляков. В случае угрозы войны мобилизацию следовало отложить до тех пор, пока эти снаряды не будут найдены и возвращены из специальных закрытых хранилищ².

Российская армия была рассредоточена по империи, поддерживая внутренний порядок, вместо того чтобы сосредоточиться в точке наиболее вероятной внешней угрозы. В 1873 г. Н.Н. Обручев, главный советник Генерального штаба, предупредил о том, что «вооруженные силы России в настоящем их положении недостаточны для ограждения ее безопасности»³. Министр иностранных дел (1856—1882) Александр Горчаков в 1876 г. с горечью признался в том, что Россия «великая и бессильная страна». И добавил: «Можно искусно притворяться, но следует помнить о том, что ты притворяешься»⁴. «Притворство» оставалось основным средством русской дипломатии. Россия продолжала вести переговоры с позиций великой державы, всегда готовой подтвердить свои слова силой оружия, даже тогда, когда ее дипломаты не были уверены в эффективности его использования.

Начало реформ

После Крымской войны даже самые консервативные политики вынуждены были согласиться с тем, что в стране назрели радикальные перемены. В первую очередь это касалось крепостничества. Такое единодушие во взглядах было результатом длительного исторического процесса. В 1842 г. Николай I осудил крепостничество. Его оговорка о том, что прикасаться к крепостному праву «было бы злом... еще более гибельным»⁵, уже не имела силы. После крымского фиаско Россия не могла больше позволить себе «не прикасаться к крепостничеству».

Александр II по природе своей был человеком осторожным и консервативным. Ему были чужды радикальные настроения, но после восшествия на престол он оказался в окружении людей, недовольных существующим положением

дел в стране. Эти люди делали все возможное для проведения в стране реформ, в том числе даже далекоидущих.

Многие из окружения Александра II получили интеллектуальную закалку и способность мыслить по-новому в полуподпольных студенческих кружках. Все они были единодушны в своем мнении о том, что Крымская война выявила полную недееспособность существующего общественного строя.

Славянофил Юрий Самарин писал по этому поводу: «Мы сдались не перед внешними силами Западного союза, а перед нашим внутренним бессилием... Чем бы ни болела земля: усыплением мысли, застоём производительных сил, разобщением правительства с народом, разъединением сословий, порабощением одного из них другому... всякий подобный недуг, отнимая возможность у правительства располагать всеми подвластными ему средствами... воздействует неизбежно на общий ход политических и военных дел»⁶.

Славянофилы и западники сходились в том, что крепостничество было ключом к решению многих проблем. Западник Борис Чичерин писал об этом так: «Человек, у которого связаны руки и ноги, не пользуется свободным движением всех членов. Крепостное состояние есть верига, которую мы влачим за собою и которая приковывает нас к одному месту, между тем как другие народы неудержимо стремятся вперед». Чичерин упоминает в качестве примера тот факт, что царь отменил декрет о формировании добровольных отрядов милиции из крепостных крестьян во время Отечественной и Крымской войн, опасаясь вселить в них напрасные надежды об освобождении⁷.

Константин Кавелин, бывший член кружка Т.Н. Грановского, был смещен с поста наставника царевича за то, что опубликовал меморандум, осуждавший крепостничество. В меморандуме говорилось о том, что крепостничество препятствует реорганизации образовательной, правовой и паспортной систем, а также военной, налоговой реформам и реформе систем государственного надзора⁸.

Образцом для русских реформаторов была западноевропейская модель национального государства. Они хорошо знали ее не только по университетским курсам, но и благодаря

путешествиям и дипломатической службе. История развивалась в направлении национальных государств. Большинство русских политических деятелей понимали, что Россия должна сделать то же самое, хотя и более осторожно.

Новые европейские государства отличали, с одной стороны, правовые нормы, рыночная экономика и сильные гражданские институты, с другой — вновь обретенная идентификация населения, особенно городского, с нацией и ее руководителями.

Русские реформаторы решили следовать той же стратегии по двум направлениям: гражданскому и национальному. Гражданское направление подразумевало усиление институтов гражданского общества, а через них — лояльность по отношению к государству. Национальное направление предполагало внушение всему населению Российской империи, включая нерусское, чувства принадлежности к России.

Гражданские и национальные стратегии не были достаточно хорошо согласованы друг с другом — государство постоянно переходило от одной стратегии к другой. В 60—70-х гг. XIX в. акцент делался на гражданском направлении, в 80—90-х гг. — на национальном. Национальное направление называли русификацией.

Выполнение намеченных реформ подразумевало переход от общества, основанного на родовых принципах, наследственном праве, покровительстве, взимании дани и государственной службе, к обществу, основанному на личных достоинствах, личных правах, правовой системе и налогообложении.

Реформаторы с самого начала столкнулись с практическими трудностями. Крымская война создала политические предпосылки для реализации самых радикальных идей, но в то же время она лишила реформаторов средств реализации этих идей. Война внесла сумятицу в российские финансы, способствовала росту инфляции, увеличению государственного долга, отрицательному балансу платежей, создала угрозу конвертируемости рубля и платежеспособности государственных кредитных учреждений. Все это произошло как раз в тот период, когда экономика страны требовала более значительных вложений в промышленность и транспорт. Недостаток бюджетных средств грозил проведением радикальных реформ в урезанном, ущемленном виде, извращавшем их цели⁹.

Отмена крепостничества

Освобождение крепостных крестьян стало ключевым моментом реформ, так как крепостничество в течение двух столетий было фундаментом всей общественной системы страны. Демонтаж целой общественной системы — дело сложное и опасное, тем более что землевладельцы и крестьяне понимали освобождение по-разному. Для обсуждения практических деталей реформы крепостного права правительство созвало губернские дворянские комитеты, в которых крепостные крестьяне участия не принимали.

Дворяне были не против освобождения крепостных крестьян. Многие из них сами хотели этого. Они понимали, что если уж царь решил отменить крепостничество, любая оппозиция будет незаконна и бесполезна. Дворяне были озабочены тем, чтобы на руинах крепостничества сохранить для себя как можно больше собственности. В южных провинциях они старались оставить за собой побольше пахотных земель и заставить крестьян платить тяжелый денежный выкуп за каждый полученный надел пашни. На севере, где земля была менее ценна, землевладельцы предпочитали получить денежную компенсацию за потерю обслуживавших их дворовых слуг.

Правительство пошло навстречу желаниям дворянства. Оно настаивало на том, чтобы бывшие крепостные были наделены землей. В противном случае страну наводнила бы армия бродяг, скитающихся в поисках пропитания. С другой стороны, правительство сохранило большую часть земельных владений в руках помещиков. Никто не мог разрушить жизнь правящего класса одним росчерком пера.

В результате, возможно неизбежном, был осуществлен комплекс мер, которые никого не удовлетворили и оставили неразрешенным целый ряд негативных противоречий. В принципе освобождение от личной зависимости почти половины крестьян должно было обеспечить всем крестьянам возможность стать полноправными гражданами страны, получить право на собственность, на защиту в суде, на самостоятельное вступление в рыночные отношения и на участие в политической жизни страны. На деле же Манифест 19 февраля 1861 г., давший волю

крестьянам, резко тормозил этот процесс. Из-за нехватки бюджетных средств и в целях обеспечения внутренней безопасности страны планы выдачи крестьянам денежных кредитов, реформы паспортной и налоговой систем, призванные облегчить свободу передвижения и уменьшить налоговое бремя, были отложены, как выяснилось, на долгие десятилетия. Положение крестьян практически не изменилось. Они по-прежнему были привязаны к месту проживания и отягощены налоговым гнетом¹⁰.

Крестьянин, получавший свободу от своего помещика, приписывался к волости или к крестьянской общине на той территории, где он проживал. Как член общины, он получал минимальный земельный надел, размер которого определялся в каждом уезде независимо от других. Освободившийся крестьянин должен был ежегодно выплачивать денежный выкуп, чтобы покрыть покупную цену этого земельного участка.

Землевладельцы получали компенсацию за землю, которую они, по их мнению, потеряли. При любых обстоятельствах они имели право настаивать на возвращении по крайней мере трети своих прежних земельных владений.

Крестьяне остались не удовлетворены реформами и позицией правительства, столь заботливого по отношению к дворянству. Их ожидал двойной удар: они мечтали получить в безвозмездное пользование землю, которая, по их понятиям, была им дарована Богом. А теперь «их» землю у них отняли, а за ту, что оставили, заставляли платить. Они не только были ограблены в пользу того, кто перестал быть их защитником, но, что еще хуже, — Божья земля стала предметом денежных сделок¹¹.

В деревне Бездна Казанской губернии недовольство крестьян результатами реформ приобрело драматические формы. Старовер Антон Петров объявил, что царь действительно передал крестьянам всю землю. Для того чтобы понять это, нужно внимательно прочитать Манифест об освобождении крепостных крестьян и расшифровать цифры в приложениях к нему.

Крестьяне из соседних деревень толпами приходили послушать Петрова. Они приняли решение не расходиться, пока «царева воля» не будет исполнена. Для расправы над крестья-

янами правительство прислало в Бездну войска. Это не испугало крестьян. Под дулами винтовок они стояли и скандировали: «Воля!» Несколько человек были убиты¹².

Трудно сказать, верили ли крестьяне всему, что говорил Петров. Ясно одно: они были абсолютно убеждены в том, что правда за ними, и были готовы отстаивать ее даже под пулями. По мнению крестьян, условия освобождения были не просто невыносимы, они нарушали закон Божий.

С точки зрения правительства, основной проблемой освобождения крестьян стало нарушение отношений между господином и крепостным. На этих отношениях была основана вся государственная служба. Необходимость замены личной прихоти правовыми нормами осознавалась всеми, но каким образом это можно было сделать? Вот тут-то и пригодились идеи славянофилов.

Господскую власть было решено заменить сельской общиной и волостью, которым были даны новые полномочия как основным учреждениям местного управления. Община с выборным старостой и чиновниками должна была отвечать за закон и порядок в своем регионе, за распределение земель, за налогообложение и выплаты взносов за полученные крестьянами участки земли. Короче говоря, крестьяне должны были стать самоуправляемыми, хотя, как и раньше, они были связаны круговой порукой, выплачивали подушную подать и могли подвергаться телесным наказаниям. Для них это стало невыносимой смесью новых прав и новой зависимости.

Община и волость были чисто крестьянскими учреждениями. Представители других сословий, проживавшие в селе, не были подчинены им и не имели влияния на их решения. Крестьяне все еще оставались изолированным классом. Более того, связь волости с другими административными учреждениями страны осуществлялась только через начальника волостной полиции, назначавшегося чиновниками Министерства внутренних дел. Это означало, что налогообложение, набор в армию, общественная гигиена и другие средства, необходимые современному управлению, приходили к крестьянам в виде чуждых им полицейских директив.

Таким образом, освобождение вместо того, чтобы интегрировать крестьян в общество, на самом деле еще больше

изолировало их от него. В течение двух последующих поколений процесс интеграции все же произошел, но эффективных возможностей для реализации крестьянских чаяний политическая система не обеспечивала.

Отмена крепостничества неизбежно подняла вопрос о реформировании политических учреждений империи. Некоторые высокопоставленные политики понимали, что русское высшее общество недовольно режимом и пришла пора вводить представительное управление.

Министр внутренних дел Петр Валуев предложил создать кабинет, или Совет, министров и дать дворянству и регионам право голоса в Государственном Совете по образцу австрийского рейхстага. Эти предложения Валуев изложил в меморандумах 1861 и 1862 гг.¹³

Валуев был не единственным дворянином, выступившим с подобными предложениями. Участвуя в подготовке крестьянской реформы, дворяне тем самым впервые принимали участие в законодательном процессе. Не удовлетворившись результатами своей деятельности, некоторые губернские комитеты по подготовке реформ выдвинули более радикальные предложения, невзирая на то что царь не уполномочил их на это.

Даже консерваторы, которые обычно тормозят реформы, достаточно хорошо относились к гражданскому обществу. Они были готовы отказаться от некоторых своих привилегий в пользу создания более открытого и равноправного общества. Они выдвигали такие требования, как свобода слова, равные права для всех общественных классов, единая система налогообложения, выборное местное управление и учреждение представительного собрания в Санкт-Петербурге.

Тверское мелкопоместное дворянство жаловалось царю на «странное непонимание, сокрытое в исполнении Вашего императорского величества доброго намерения» и уверяло его в том, что «введение выборных представительных учреждений по всей России — единственное средство достигнуть удовлетворительного решения проблем, поставленных, но не решенных Манифестом 19 февраля 1861 года»¹⁴.

Александр, не задумываясь, отверг их представления. Он сказал Валуеву, что делает это не потому, что боится ограни-

чения своей власти, а потому, что любая конституция спровоцирует развал такой огромной и многонациональной империи¹⁵.

Дабы ни у кого не оставалось сомнений в том, что он не желает вмешательства промежуточных учреждений в свои прерогативы, Александр распустил Московское дворянское собрание и запретил его членам обращаться к нему с петициями¹⁶. Эта ситуация подтверждает старый русский парадокс: самодержец-реформатор требует больше власти, чем приверженец традиционных форм правления.

И тем не менее старания дворян не оказались напрасными. Они создали основу для новых учреждений местного управления, появившихся в последующие десятилетия. Тогда и условия освобождения крестьян стали выполняться более эффективно¹⁷.

В экономическом отношении освобождение крепостных означало начало заката поместного дворянства. С 1862 по 1905 г. земельные владения уменьшились с 87 до 50 миллионов десятин. Эта тенденция продолжала расти. Крупные земельные владения, использовавшие в основном труд крепостных крестьян, исчезали особенно быстро.

Многие помещики продавали все свои имения и начинали профессиональную карьеру в городах. Однако владельцы средних и мелких земельных хозяйств начали использовать современные сельскохозяйственные методы и преобразовывать поместья в животноводческие хозяйства, промышленные или коммерческие предприятия.

После реформы 1861 г. дворяне не потеряли врожденного чувства принадлежности к основам Российского государства. Когда они собрались для защиты своих интересов после событий 1905 г., то по-прежнему называли себя дворянами, а не землевладельцами. Они ощущали себя значительной и уважаемой общественной силой, а не группой людей, объединенных экономическими интересами, то есть дворянство оставалось общественным сословием и не превратилось в экономический класс¹⁸.

Местное самоуправление

В центре не должно было быть выборных представительных учреждений, но Александр разрешил создавать представительные органы управления на промежуточном уровне, в уездах и губерниях. Они назывались *земствами*. Земские представители избирались помещиками, горожанами и крестьянами. Система выборов в земства была основана частично на сословном, частично на имущественном принципах.

В 1870 г. на тех же принципах были основаны городские думы. Однако имущественный ценз при выборах в городские думы имел гораздо большее значение, чем в уездах или губерниях. Это обстоятельство позволило доминировать в них небольшим группам богатых горожан.

Подобный гибрид избирательной системы отражал неопределенность всего общественного устройства Российской империи в тот период. Институты гражданского общества соседствовали в ней с иерархической структурой, основанной на государственной власти.

Следует отметить, что земства и городские думы были введены только в провинциях, где русские составляли большинство населения и его элиту. В Польше, Прибалтике и на Кавказе не было земств, следовательно, не было и экспериментов с самоуправлением. Александра все еще мучила мысль о развале империи.

Хотя крестьяне и были представлены в выборных органах власти, процент их участия оказался ничтожно мал. В земствах и городских думах преобладали представители помещного дворянства, чьи интересы и были отражены ими в большей степени.

Участие в представительных органах власти улучшало политический опыт и навыки дворянства, а также способствовало притоку в маленькие города и деревни профессионалов, работавших по найму. Половину из них составляли учителя, остальные были адвокатами, врачами, фельдшерами, ветеринарами, агрономами, статистиками, библиотекарями и мелкими служащими. Их называли третьим элементом, потому

что они дополняли деятельность государственных чиновников и земских депутатов.

Вовлеченность в работу местного самоуправления придавала этим людям чувство собственного достоинства. Они оживили и обновили смысл этики государственной службы, привнесли в это понятие больше демократизма, больше внимания к людям, а не к государству¹⁹.

Многие из них неоднозначно, скорее даже враждебно, относились к государству. С одной стороны, государство было для них основным источником дохода. С другой — оно часто препятствовало их инициативам. Когда врачи или школьные учителя пытались созвать общероссийские съезды для обсуждения насущных проблем, полиция не давала им на это разрешения или прерывала мероприятия на том основании, что выступления ораторов имеют политическую окраску. Попытки преодолеть препятствия на пути к свободе профессиональных организаций послужили импульсом к дальнейшим политическим реформам начала XX столетия²⁰.

Этот активный и продолжавший увеличиваться общественный слой сформировал основы того, что в России называют *общественностью*, — то есть образованную, политически сознательную часть общества, способную влиять на общественное мнение. Существование такой общественной прослойки подразумевает существование гражданского общества, которое в России еще не созрело, поэтому отношения общественности с правящим режимом были напряженными.

Сами представители общественности думали, что составляют нечто вроде «альтернативного истеблишмента», который более правдиво представляет русскую нацию и более искренне служит ей, чем это делает правительство. Когда в 1891 г. в Поволжье начались голод, эпидемия тифа и холеры, представители российской общественности, особенно те, кто служил в органах местного самоуправления, собирали денежные средства и героически трудились, чтобы облегчить страдания крестьян, попавших в беду.

Впоследствии они говорили, что их действия во время кризиса были более эффективны, чем действия правительства, но исследования показывают, что общественность в

очень большой степени зависела от денежных и материальных средств, выделяемых центральными и местными органами власти²¹.

Судебная система

Реформа судебного права, проведенная в 1864 г., положила конец старой закрытой системе правосудия, основанной на сословном принципе. Теперь судебное право было полностью независимо от администрации.

Реформа 1864 г. утвердила принципы, по которым закон становился объективной силой, беспристрастно относящейся к каждому человеку. Реформа подрывала основы наследственной иерархической системы, личного произвола и коллективной ответственности.

Гражданские и уголовные суды стали публичными и доступными для всех сословий. Одно, но существенное исключение делалось для крестьян, чьи дела рассматривались отдельно волостными судами. Серьезные уголовные дела должны были заслушиваться судом присяжных и судьей, назначенным на пожизненный срок. Обвиняемому полагалась квалифицированная адвокатская помощь, если это было необходимо, за счет государства.

Менее сложные дела рассматривались мировыми судьями, выбираемыми уездным земством. Расследование уголовных дел, которыми раньше занимались полицейские чиновники, было передано новым официальным служащим — следователям.

Судебная реформа стала одним из самых радикальных преобразований Александра II. Она более всего противоречила наследственной политической структуре российского общества. Судей нельзя было увольнять, даже если их решения не нравились властям, как, к своему неудовольствию, обнаружил Александр, когда в 1867 г. попытался уволить одного из членов Сената (высшей судебной инстанции). К чести императора, он, пусть и неохотно, но все-таки подчинился своему собственному закону²².

Была создана новая профессия — *адвокат*. Контроль за обучением и профессиональной честностью юристов-защитников осуществляла Коллегия адвокатов. В будущем членами Коллегии адвокатов станут Керенский, Ленин и много других ведущих русских политиков начала XX в.

Адвокаты были единственными служащими в России, напрямую заинтересованными в правовых нормах и свободе слова. Суды были единственным местом, где заботились об их поддержании. Возможно, по этой причине правительство опасалось институализации профессии, и в 1874 г. запретило создание новых отделений Коллегии адвокатов. К тому времени существовало три отделения: в Санкт-Петербурге, Москве и Харькове. В 1889 г. евреям был закрыт доступ в Коллегию адвокатов. Правительство не следило за качеством подготовки адвокатов, поэтому профессиональный уровень адвокатуры был подорван изнутри²³.

Развитие профессии юриста способствовало эволюции отношений собственности, семейных и родовых отношений. В то время семейные отношения рассматривались в контексте родовых. Род возглавлял старейший мужчина. Женщины подчинялись мужчинам, а дети родителям. Наследство передавалось по мужской линии. Незаконные дети не имели прав.

Члены рода имели право на свою долю движимого и недвижимого имущества. У русских женщин было больше прав собственности, чем у многих жительниц Европы. Они имели право востребовать свое приданое. В случае необходимости они имели право на получение своей доли земли и другой собственности, но после смерти женщины эта собственность опять возвращалась к мужчинам ее рода.

С другой стороны, женщине требовалось разрешение мужа для поступления на работу, получения образования, вступления в любые финансовые отношения. Юрисдикция над семейными отношениями принадлежала церкви. Получить развод было чрезвычайно трудно. Раздел собственности между супругами не признавался законом.

В начале XIX столетия образованные люди в России стали смотреть на брак как на равноправные отношения двух любящих друг друга людей. Дети по достижении ими совершенно-

летия должны уравниваться в правах с родителями. Такой взгляд на вещи предполагал, что в случае развода судебная процедура, подтверждающая перераспределение собственности и опеку над детьми, должна быть простой и основываться на принципах равенства, а не патриархальной морали.

Юристы, знакомые с западными правовыми концепциями, все больше склонялись к той точке зрения, что собственность должна принадлежать человеку, осознающему свою ответственность за нее, а не большим семьям. Они также были уверены в том, что светские суды значительно больше подходили для решения семейных споров, чем церковный суд.

В вопросах законодательства, касающихся семьи и собственности, происходила постепенная эволюция. Она была связана не с неповоротливым и неопределенным законодательством, а с решениями судов. Знакомство российских судей с западноевропейской судебной практикой дало свой эффект. Гражданский кассационный суд при Сенате, в который поступало много дел о разводах и перераспределении собственности, все больше и больше склонялся к признанию прав собственности за женщинами и признавал разделение имущества между супругами по крайней мере за тридцать лет до того, как это получило законодательное оформление²⁴. К концу XIX в. российские суды постепенно утвердились во мнении, что юридическими и собственническими правами в большей степени должен быть наделен отдельный человек, а не большая патримониальная семья.

Образование

Законодательство 1864 г. упростило открытие начальных и средних школ при условии, что основатели будут соблюдать нравственные и религиозные принципы. Начальные и средние школы были доступны для детей всех сословий. Они подчинялись уездному школьному совету. Устранение социальной дискриминации в начальном и среднем образовании стало возвращением к давно установленному принципу российской образовательной практики, временно преданному

забвению при Николае I. Была восстановлена также «лестница» образовательной иерархии. Только успешное завершение одного уровня позволяло ученику перейти к следующему.

Реформа высшего образования затронула самые насущные проблемы царской системы. С одной стороны, правящий режим нуждался в знающих и квалифицированных кадрах, соответствующих самым высоким стандартам, и для этой цели предоставлял свободу к приобретению и распространению знаний, как это было заведено в лучших университетах Европы. С другой стороны, выполнение этого требования означало развитие у студентов независимого и критического мышления, что абсолютно не соответствовало ценностям, чтимым в патриархальном иерархическом обществе.

Одним из результатов этой двойственности стало формирование интеллигенции, начало которого восходит к 30-м годам XIX в. Это были люди по меньшей мере со средним образованием западного образца. Они были обучены для службы империалистической системе и ею же отвергнуты. Интеллигенцию беспокоила культурная и экономическая дистанция между элитой общества и народом. Она искала способы ее преодоления. Представителей интеллигенции можно назвать наиболее радикальным и решительным крылом общественности, готовым к конкретным действиям для поддержания своих принципов.

Несмотря на сомнения правительства, высшее образование было полностью реформировано в 1860-е годы. Высшие учебные заведения впервые открыли двери для бывших крепостных крестьян. Ограничения на поступление в высшие учебные заведения сыновей священников были существенно ослаблены.

Университеты вернули себе право на самоуправление, теперь они сами могли присваивать ученые звания своим преподавателям, устанавливать собственные исследовательские и образовательные программы, принимать, оценивать и поддерживать дисциплину среди студентов.

Студентам, однако, запрещалось создавать свои собственные организации. Женщинам разрешалось посещать лекции, но оценок и дипломов об окончании учебных заведений они не получали²⁵.

С 1865 по 1899 г. количество университетских студентов выросло вчетверо (с 4 до 16 тысяч). Социальный состав студентов стал более разнообразным. В университеты стало поступать больше крестьян, мещан и, до 1879 г., сыновей священников. Сыновьям священников было разрешено поступать в университеты в начале 60-х гг. XIX столетия, чтобы таким образом повысить культурный уровень священнослужителей. Вскоре, однако, обнаружилось, что многие из них используют свои университетские дипломы для того, чтобы избежать церковной службы. В 1879 г. ограничения на поступление сыновей священников в университеты были возобновлены²⁶.

Получение высшего образования требовало большого напряжения. Для всех студентов, кроме тех, кто принадлежал к знатым и богатым семьям, поступление в высшее учебное заведение означало резкое повышение социального и личного статуса. Оно также влекло за собой перемену образа жизни. Молодые люди, привыкшие к жизни в семье, в сельской местности, должны были научиться жить в больших городах. Эта перемена была особенно трудна для женщин, которые сталкивались с гораздо более жестким выбором — либо поддаться семейному гнету и остаться просто матерями и жнами, либо попытаться сделать карьеру и добиться финансовой независимости.

Следуя русской тенденции воспринимать все стремления в мировом контексте, это изменение в окружающем мире и переход к внезапному взрослению нашли выражение у многих в настоящем поклонении науке.

Будущий историк Павел Милюков вспоминал, что он в 1878 г. вошел в Московский университет «как в храм»²⁷. Его «священные врата» возбуждали у новичков надежды не только получить образование, но и расширить свой взгляд на мир, приобщиться к современной философии, что впоследствии позволит им действовать на благо общества. Образованные русские люди стали верить в то, что наука принесет им избавление.

Более близкое знакомство с переполненными аудиториями, скучными лекциями, плохими библиотеками и высокомерными профессорами разочаровывало студентов. Однако многие

из них находили выход в создании различных организаций самопомощи: учебных кружков, фондов взаимопомощи, общих библиотек и т.д. Строго говоря, такие организации были запрещены, но на практике они все же существовали. В таких организациях студенты приобретали практический опыт взаимодействия и чувство собственного достоинства, что усиливало их отвращение к субординации и иерархии. Этот опыт впоследствии выльется в движение 70-х гг. XIX в. «хождение в народ», студенческие забастовки и столкновения с властями в период 1899—1906 гг.²⁸

Средства массовой информации и цензура

В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. власти решили создать условия для более свободного обсуждения общественных проблем. Термин «гласность», введенный тогда в словарный оборот, стал политическим лозунгом. Действие довольно жесткой до того времени цензуры было ослаблено, хотя новые цензурные положения не были обнародованы вплоть до 1865 г. Ежедневные газеты больше не подвергались ежедневной цензуре. Это правило распространялось на все книги и периодические издания объемом свыше 160 страниц, а также на все научные издания. Однако Министерство иностранных дел сохранило за собой право изымать из оборота публикации, показавшиеся «неблагонадежными», и преследовать их издателей по суду. Газеты могли быть сокращены в объеме, приостановлены, а при повторном нарушении правил цензуры власти имели право газету закрыть.

Сохранив за собой эти привилегии, правительство думало, что тем самым гарантирует себя против средств информации, направленных на подрыв общественных устоев. На практике эти гарантии оказались менее эффективными, чем ожидалось. Все преимущества оказались на стороне прессы. Петр Валуев написал в служебной записке 1866 г., что пресса «обращается к чувствам читателей, используя попеременно правду, полуправду и откровенную ложь». Правительство часто оказывалось без-

защитным перед нападками прессы. Оно не могло отвечать на них по соображениям государственной безопасности, но, если оно молчало, сокращало публикации или закрывало газету, общественное мнение было не на его стороне²⁹.

Только процветающие и твердо стоявшие на ногах массовые издания могли извлечь выгоду из создавшегося положения. Новые цензурные правила открыли новую эпоху в русском издательском деле, целью которого было распространение информации и идей.

С другой стороны, это осложнило жизнь издателей и редакторов, которые больше не могли прятаться за цензором. Теперь они должны были принимать решения самостоятельно.

Ситуация благоприятствовала смелым редакторам с серьезной финансовой поддержкой. Лавируя на грани дозволенного, они стремились возбудить любопытство читателей. Число читающей публики в России росло очень быстро, поэтому стоило рисковать штрафом, чтобы продать хороший роман и тем самым приобрести новых читателей.

Популярные журналы могли быть закрыты, если их уличали в деятельности, запрещенной законом, в разжигании межнациональной розни или в оскорблении официального лица или учреждения. Наследие Пушкина, журнал «Современник», эта участь постигла в 1866 г. Редактором «Современника» в то время был поэт Николай Некрасов, который привлек многих своих сотрудников к основанию нового журнала «Отечественные записки». В течение двух десятилетий этот журнал регулярно предлагал читателю острые критические публикации, в которых использовался эзопов язык.

В 1884 г. «Отечественные записки» были закрыты как «орган печати, предоставляющий свои страницы для распространения опасных идей и тесно сотрудничающий с членами тайных обществ»³⁰.

Лучшим способом избежать опасностей, которые таила в себе новая ситуация, было придерживаться умеренно неприспособленческих взглядов, за которые власти не смогли бы открыто преследовать, не противореча своим собственным принципам. Использование нединастической разновидности русского национализма было в таких случаях излюблен-

ным средством, особенно в периоды войн или обострения международных дипломатических отношений.

Во время балканского кризиса 1875—1878 гг. многие газеты начали кампанию в поддержку «наших братьев славян и православных», несмотря на то что официальная политика стремилась к урегулированию османской проблемы. Этим настроениям потворствовал генерал Михаил Скобелев, гарцуя на белом коне. Отставной генерал Михаил Черняев отправился в Сибирь командовать добровольцами. Дипломатическое унижение России на Берлинском конгрессе в 1878 г. вызвало волну неистовых обвинений официальных властей в трусости. Эту кампанию в печати возглавлял главный редактор ежедневной газеты «Московские ведомости» Михаил Катков³¹.

И это не было журналистской уловкой: такие редакторы, как Катков, а также редактор ежедневной газеты «Новое время» А.С. Суворин, верили в то, что Россия сможет сохранить за собой статус великой державы, выработав четкое демократическое национальное сознание, подобное тому, что возникло в объединенной Германии. Они оба разделяли веру в то, что всеобщая преданность царю сможет создать и поддерживать эту разновидность политического национализма даже среди многочисленных народностей Российской империи. Они также гордились миссией России на Кавказе и в Средней Азии, которая, по их мнению, была недостаточно оценена на Западе.

Еще одним эффективным направлением печати было освещение общественных проблем. В этом особенно преуспел издатель дешевой, «копеечной» газеты «Русское слово» И.Д. Сытин, последователь Льва Толстого. Статьи «Русского слова» живо и подробно описывали криминальные происшествия, проблемы алкоголизма, проституции, болезни и страдания крестьян, рабочих и иммигрантов — всех жертв эксплуатации и насилия. Такие издания поддерживали в простых русских людях чувство собственного достоинства, а также сострадания к ближним. Возможно, властям не нравились подобные репортажи, но их вряд ли могли запретить при условии, что они были достаточно точны.

К концу XIX столетия в России с помощью газет и журналов начало формироваться определенное общественное

мнение по вопросам имперской, национальной и социальной политики. Оно не зависело ни от правительства, ни от радикалов. Суть его сводилась к тому, что неповторимое своеобразие России заключается в ее способности мирно управлять многочисленными народностями и в склонности к коллективизму, вдохновляемому то ли Православной церковью, то ли завуалированным социализмом³², в решении социальных задач.

Военная реформа

Самые горячие споры вызывала военная реформа Александра II. Она вводила воинскую повинность для всего взрослого мужского населения страны. Это положение входило в силу с 1874 г. Военный министр Дмитрий Милютин поставил задачу создания хорошо оснащенной, профессионально управляемой армии, состоящей из сознательных граждан России. Сторонник Милютина, министр внутренних дел Петр Валуев, писал: «Военная служба — это разновидность национального начального образования граждан»³³.

Образцом для создания новой российской армии была армия Наполеона, а позже — прусская армия, объединившая Германию. И в том и в другом случае армии нового образца появились после революции или всеобщего национального унижения. Россия не оказалась исключением. Однако даже после поражения России в Крымской войне потомственное дворянство не желало отказываться от своей монополии на офицерский корпус. Великие князья не могли смириться с тем, что высшие командные посты в русской армии больше не будут автоматически принадлежать им. Императорский двор был связан с армией теснее, чем с любым другим общественным институтом, и эти связи были более прочными.

И тем не менее Милютину удалось ввести всеобщую воинскую повинность для достигших совершеннолетия мужчин. И только образовательный уровень, а не социальное происхождение определял срок и характер службы.

Рекруты, не имевшие начального образования, должны были служить полные шесть лет, в течение которых обучались, помимо прочего, чтению и письму, так как все солдаты российской армии должны были быть грамотными.

После окончания срока службы солдаты возвращались к гражданской жизни. Они обязаны были ежегодно проходить переподготовку и в случае необходимости явиться в свои полки.

Кадетские корпуса были распущены. Вместо них было создано несколько военных училищ, поставивших перед собой задачу подготовки офицеров из недворянских сословий. Курсанты таких училищ, помимо военной подготовки, получали среднее образование³⁴.

И все-таки дворяне продолжали бороться за сохранение собственных элитных военных училищ. При Александре III (1881—1894) кадетские корпуса были восстановлены. Тогда же уроки грамоты для простых солдат были отменены. Вплоть до 1917 г. высшее армейское командование находилось под патронажем императорского двора, а офицеры более низких чинов и происхождения боролись за признание своего статуса и профессиональной квалификации в атмосфере снисходительности и презрения вышестоящих офицеров³⁵.

Православная церковь

К концу XVIII в. православное духовенство превратилось в закрытую касту, хотя официальных ограничений на вступление и выход из духовного сословия не существовало. Дворяне очень редко становились священниками. Вступление дворян в духовное сословие означало резкое понижение социального статуса, и в этом случае они получали не столь хорошее образование. У простых же крестьян и мещан не было средств для обучения в семинарии. В результате большинство священников были сыновьями священников, а дочери священников, как правило, становились женами священников. Если сын священника избирал себе другое занятие, это означало его понижение в разряд низших налогоплатель-

тельщиков, и, кроме того, ему грозила служба в армии в качестве рядового.

Во избежание подобной участи священники из всех сил старались подыскать приходы для своих сыновей и зятьев. Эта задача становилась все труднее по мере того, как число священников в России быстро увеличивалось, а количество православных приходов и епархиальная казна оставались прежними. К тому же отставные священнослужители не получали пенсии.

Пожилой священник Владимирской губернии писал с необычайной прямоотой своему епископу в 1791 г.: «...позаботьтесь обо мне и моей обедневшей семье. Прикажите студенту суздальской семинарии жениться на моей дочери и назначьте моего зятя на мое место»³⁶. Об этом же хлопотали, возможно более скрытно, многие русские священники.

Из-за этих проблем церковь превратилась в агентство по трудоустройству и социальному обеспечению многочисленных полууниженных семейств духовного звания. Эта вспомогательная и в то же время жизненно необходимая деятельность препятствовала нескольким попыткам сократить число церковных приходов, где прихожане вынуждены были материально поддерживать священников, чтобы улучшить положение остальных. Такие попытки предпринимались в 1820-х, 1840-х и 1860-х гг. Священники боролись против сокращения их численности и даже против переводов в другие приходы. Это стало бы катастрофой для их семей, и епископы обычно старались не прибегать к принуждению³⁷.

Православная церковь отражала неопределенность отношения русского народа к своему положению в «собственной» империи. Ей не удалось воплотить русский мессианский национальный миф. Это намного эффективнее делали староверы. Они к тому же были грамотнее и теснее связаны между собой³⁸.

В больших городах лютеранская, католическая и баптистская церкви действовали более успешно. Деревенские жители, только что прибывшие в города, легко становились их последователями. То же самое можно сказать и о деятельности социалистических партий.

Деятельность Церкви на поприще благотворительности велась с переменным успехом. Многочисленные монастыри оказывали значительную, но неравномерную помощь бедным, больным, старикам и ветеранам армии.

Конфискация монастырских земель, проведенная в 1762—1764 гг., значительно уменьшила возможности монастырей в этом отношении. Церковные приходы также были ограничены в своих возможностях. Некоторые православные теоретики считали, что благотворительность не следует организовывать, что она должна идти прямо от сердца, как импульс любви от дающего берущему. Такой взгляд мог показаться уклонением от решения проблемы, но это было не так. Существует множество свидетельств искренней благотворительности, исходившей от людей различных общественных сословий, которые помогали нищим, заключенным, калекам и пожилым людям³⁹.

Но, даже принимая во внимание все эти обстоятельства, отсутствие организованной деятельности Православной церкви в области благотворительности на протяжении XIX—XX вв. не может не поражать. Благотворительность исходила в основном от отдельных приходских священников и была результатом их собственной инициативы.

Александр Гумилевский, служивший в 1856—1866 гг. в Песках, недалеко от Санкт-Петербурга, и отец Иоанн Сергиев, полвека, начиная с 1855 г. прослуживший в Кронштадте, морской базе на острове недалеко от столицы, собирали денежные средства для открытия домов призрения для нищих и бродяг, рабочих домов для безработных, ремесленных училищ для детей из бедных семей.

Отец Иоанн впоследствии стал известен под именем Иоанна Кронштадтского. Его труды были переведены на несколько иностранных языков. После смерти отец Иоанн Кронштадтский был канонизирован Православной церковью. Александр Гумилевский был заподозрен властями в подпольной политической деятельности и переведен в отдаленный приход⁴⁰.

Православная церковь была бедна, всегда в боевой готовности и отодвинута светским государством на задний план. В этот не самый удачный для нее период истории в ее недрах начали появляться ростки духовного обновления, восходив-

шие к полузабытой традиции квиетизма. Раньше квиетизм был философией «нестяжателей». Возможно, поэтому возрождение этого религиозного течения связано с лишением церкви ее земель.

Центром нового религиозного течения стала гора Афон. Там в 1782 г. святой Никодимиус Хагиорит сверил и опубликовал собрание священных текстов отцов Церкви, посвященных молитве и созерцанию. Этот сборник назывался «Филокалия» («Любовь к Богу»). «Филокалия» была переведена на русский язык украинским монахом Паисием Величковским и опубликована в Санкт-Петербурге в 1793 г.

Паисий основал в Молдавии монастырь Ниаметс. В этом монастыре развивались квиетистские учения. Он служил убежищем для монахов из закрывшихся монастырей и для тех, кто был разочарован светским духом, проникшим в существовавший в России монастырский устав⁴¹.

Митрополит Санкт-Петербургский (с 1783 г.) Гавриил основал в России скиты, в которых созерцание и молитва совершались по-квиетистски. Управлять ими Гавриил пригласил монахов из Молдавии.

Одним из самых известных был Саровский скит в Нижегородской губернии. Там в начале XIX столетия старец Серафим, ведя квиетистский образ жизни, одновременно принимал людей, нуждавшихся в духовном наставлении. Миссия Серафима была поворотной для этого религиозного течения. Квиетисты перешли от совершенствования личной духовности к работе в миру. Простые люди получали у квиетистов утешение и духовные наставления. Некоторые монахи критиковали Серафима за общение с миром, но он отвечал им: «Научитесь смирению, и тысячи душ вокруг вас обретут спасение»⁴².

Получив отказ на свое предложение перевести на современный русский язык Библию, митрополит Филарет был отстранен от работы в Священном синоде. Вслед за этим он без официального одобрения основал свой собственный скит недалеко от Троице-Сергиевой лавры, назвав его Гефсиманская обитель. Филарет провёл в Гефсиманской обители более десяти лет. Он вернулся в Санкт-Петербург только после смерти Николая I⁴³.

В начале XIX в. Платон, митрополит Московский, восстановил разрушенный скит Оптиная Пустынь неподалеку от маленького городка Козельска в Калужской губернии. В Оптиной Пустыни, ставшей главным центром духовного подвижничества, обитали три старца — Леонид, Макарий и Амвросий. Они придерживались квиетистских традиций почти сто лет (1828—1911). Продолжая и расширяя деятельность Серафима Саровского, они давали душевное утешение простым людям. Оптиная Пустынь привлекала не только простой люд. Многие известные русские интеллектуалы и писатели совершали туда паломничество.

Теоретик славянофильства Иван Киреевский регулярно посещал Оптину Пустынь. Киреевский переводил на русский язык труды отцов церкви и часто консультировался по этому поводу со старцами, но не только это приводило его к ним. Он, как и все простые люди, нуждался в духовном наставничестве.

Во время своего религиозного кризиса Гоголь как минимум дважды посетил Оптину Пустынь. У религиозных философов Владимира Соловьева и Константина Леонтьева также были духовники в этом скиту. Лев Толстой несколько раз приезжал туда, несмотря на то что он отвергал Православную церковь как недостойный образец христианства. Перед смертью в ноябре 1910 г. он вновь отправился в Оптину Пустынь, но по дороге скончался⁴⁴.

В 1878 г. в Оптиной Пустыни три дня провел Федор Михайлович Достоевский. Он приехал туда после смерти своего маленького сына. Его жена вспоминала, что Достоевский вернулся с вновь обретенной верой и миром в душе. Писатель видел знаменитого старца отца Амвросия три раза, один раз среди толпы народа и дважды наедине. Он ощутил на себе сильное положительное воздействие старца⁴⁵. Амвросий стал прототипом отца Зосимы в знаменитом романе Достоевского «Братья Карамазовы»:

«Итак, что же такое старец? Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением... К старцам нашего монастыря

стекались, например, и простолюдины, и самые знатные люди, с тем чтобы, повергаясь пред ними, исповедовать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания и испросить совета и наставления. ...Они повергались пред ним, плакали, целовали ноги его, целовали землю, на которой он стоит, вопили, протягивали к нему детей своих, подводили больных кликуш. Старец говорил с ними, читал над ними краткую молитву, благословлял и отпускал их»⁴⁶.

В романе Достоевского у Зосимы возникают трудности с монастырским начальством и некоторыми из монахов. Он не придерживался строго правил монастыря и пускал на его землю грешных людей. Квиетистское движение и особенно его вовлеченность в жизнь простых людей никогда не получало поддержки Священного синода, но отдельные епископы поддерживали квиетизм. Он продолжал оставаться экзотическим ответвлением Православной церкви, хотя таил в себе огромный потенциал для русской культурной и религиозной жизни, привлекая все социальные слои русского общества.

Польское восстание

В самом начале реформ Александра II в наиболее нестабильных пунктах Российской империи начались волнения. Александр восстановил статус польской автономии, способствовал распространению начального образования, собирался вновь открыть Варшавский университет и рассматривал вопрос об освобождении крепостных крестьян. Все это позволило польской элите вновь почувствовать себя самостоятельным лидером потенциальной нации.

В польском национально-освободительном движении существовало два направления. Первое возглавлял маркиз Александр Велопольский, придерживавшийся умеренных взглядов. Он считал, что полякам следует сотрудничать с русским правительством и развивать реформы дальше вплоть до восстановления независимой Польши.

Другое, более радикальное крыло польского национально-освободительного движения требовало немедленной независимости для Польши и возвращения ей восточных территорий в Литве и Белоруссии, утраченных в XVIII в.

В течение года на улицах польских городов проходили демонстрации с национальными лозунгами. Своей кульминации этот процесс достиг летом 1862 г., когда польские радикалы попытались убить Велопольского и русского наместника в Польше великого князя Константина.

Чтобы уменьшить число сторонников радикального крыла в польском освободительном движении, Велопольский объявил призыв польской молодежи в российскую армию. Но потенциальные рекруты не спешили являться на призывные пункты. Они уходили в леса и формировали партизанские отряды.

Восстание началось в январе 1863 г. и длилось более года. В отличие от восстания 1831 г. здесь не было крупных сражений. На этот раз война была партизанской, и многое в ней зависело от позиции крестьян, которая оказалась неоднозначной. Некоторые крестьяне поддерживали восставших, помогали им продовольствием и информацией, но большинство все-таки держалось в стороне. Крепостные крестьяне не ощущали личной заинтересованности в польском национальном вопросе. Многие были уверены, что русское правительство освободит их от крепостничества на более выгодных условиях, чем их собственные помещики⁴⁷.

Возможно, именно по причине нейтрального поведения большинства крестьян русской армии удалось восстановить контроль над ситуацией и подавить восстание. Лидеры восстания были схвачены и казнены. Однако сам факт восстания поставил под сомнение основные направления правительственной программы реформ — расширение местного самоуправления, поддержку образования, ослабление цензуры и т.д.

На повестке дня опять встал вопрос об усмирении Польши. Советники Александра II высказывали по этому поводу самые разные мнения. Министр внутренних дел Валуев и министр иностранных дел Горчаков выступали за продолжение сотрудничества с польской аристократией. Это означало, что польские

землевладельцы остаются господствовать в регионе. Российское правительство имело право преследовать только явных бунтовщиков.

Военный министр Милютин считал, что польские помещики доказали свою оппозиционность по отношению к России, поэтому они должны быть безжалостно экспропрированы и лишены власти. Польскими имениями должны управлять русские помещики, а сама Польша должна быть русифицирована.

Это был новый подход к польской проблеме. Он обходил национальную аристократию и стремился к превращению империи в единое национальное государство, ответственное за благосостояние населения в целом. Такие перемены в политике Российской империи имели далеко идущие цели. Один из оппонентов этой политики, Александр Кошелев, заметил: «Невозможно действовать в одной части страны в духе радикальной демократии, а в остальных ее частях придерживаясь других, более здоровых принципов»⁴⁸.

В конце концов была принята программа, предложенная Милютиным. Сотни польских аристократов были сосланы в Сибирь. Их земельные владения передали русским помещикам. Царское правительство освободило польских, а заодно белорусских и украинских крепостных крестьян на более выгодных условиях, чем русских. Польские крестьяне получили в свободное пользование участки земли. Помещикам была выплачена компенсация.

Польские сельские окружные советы, гмины, включали в себя все слои населения. Гмин не был исключительно крестьянским институтом, как, например, община в России. В конечном итоге все эти мероприятия заложили основу для межклассового гражданского сознания поляков, в то время как в самой России межклассового гражданского сознания еще не было⁴⁹.

Непосредственные результаты подавления польского восстания 1863 г. отрицательно сказались на польской нации. Остатки статуса независимости Польши были ликвидированы. Бывшее Великое княжество теперь официально именовалось Вислинским краем России. Польские чиновники были

заменены русскими. Официальным языком стал русский. Польской католической церкви было запрещено поддерживать переписку с Ватиканом, а епископы, не подчинившиеся этому запрету, смешались со своих постов. В Литве и Белоруссии шло насильственное обращение униатов в православную религию⁵⁰.

Русский социализм

Русская интеллигенция искала научно обоснованную доктрину, которая смогла бы помочь ей служить народу. Наиболее подходящим оказался социализм. В Европе он уже существовал в самых разнообразных формах. В России они приобретали новые черты.

Русский вариант социализма воспринял долго подавляемый национальный миф о «святой Руси» — носительнице истинного христианства, который придал социализму в России мессианскую направленность.

Русский социализм также вобрал в себя традиции круговой поруки (общей ответственности). Эти традиции были усилены и расширены в послепетровском государстве. Идеалом русских социалистов были самостоятельная, уравнительная для всех участников крестьянская община и рабочая артель.

Первым мыслителем, сумевшим сформулировать своеобразие русского подхода к социалистической революции, был Михаил Бакунин. Он происходил из семьи богатого тверского помещика. Однако Бакунин мало общался с крестьянами в своем поместье. К социализму его, как и многих его современников, привела немецкая философия. Особое впечатление на молодого Бакунина произвела философия Гегеля, придававшая вселенское значение идеологической и политической борьбе. Политическая борьба, по Гегелю, была тем средством, благодаря которому человечество вместе с Абсолютным Духом, или Богом, придет к полному самопознанию и примирится с собой. Бакунин верил в то, что революция неизбежна в России. Она должна наступить тогда, когда ди-

алектические противоречия, накопленные человечеством, достигнут своей кульминации и в конце концов разрешатся в великом очистительном социальном конфликте. Сам Бакунин выразил это емкой, ставшей крылатой фразой: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»⁵¹

Михаил Бакунин верил в то, что на русский народ возложена божественная миссия свершения революции, так как отчуждение народных масс от государства в России чрезвычайно велико. Во взглядах Бакунина был силен элемент русского и славянского национализма. Он утверждал, что славяне, сохранившие крестьянскую общину, способны на истинную солидарность, которую разрушает современное бюрократическое государство немецкого образца.

«Славяне, — писал Бакунин, — были по преимуществу племенем мирным и земледельческим... Живя отдельно и независимо в своих общинах, управляемых по патриархальному обычаю стариками, впрочем, на основании выборного начала и пользуясь все одинаково общинною землею, они... были все равны между собою, осуществляя, правда, еще только в патриархальном и, следовательно, в самом несовершенном виде, идею человеческого братства»⁵².

Михаил Бакунин был неглубоким и непоследовательным мыслителем. Он мало что мог сказать о том, когда может произойти восстание, и о практических политических его целях. Но его идеи были очень важны в тот период, потому что он определил крестьянскую общину как силу, которая сможет совершить тысячелетний переворот, смести близкую рациональную бюрократию по всей Европе и восстановить первозданную человеческую солидарность. «Русская демократия, — заявлял он, — своим пламенем поглотит мощь государства и осветит всю Европу кровавым заревом!»⁵³. Учение Бакунина получило широкое распространение во всем мире, но в России оно стало особенно популярным.

Михаил Бакунин был пламенным пророком революционного социализма. Александр Герцен был скорее сомневающимся мудрецом. События 1848 г. во Франции и Италии, свидетелем которых ему довелось стать, развеяли его иллюзии о спасительной роли Запада. Теперь Герцен возлагал

надежды на традиции русской крестьянской общины, которая сможет защитить свободу без высоких каменных стен, без полицейских и судей в огромных белых париках.

Первым шагом на этом пути должно было стать освобождение крестьян и наделение их землей. «Земля и воля» — эти слова стали лозунгом первого поколения русских социалистов. У Герцена не было четкого представления о том, каким образом должны быть освобождены крестьяне и на каких условиях они должны получить землю. Он знал, что крестьянское восстание а-ля Бакунин может разрушить многое из того, к чему он стремился.

В конце 50-х гг. XIX в. взгляды Герцена стали особенно умеренными. Он надеялся на то, что социализм будет введен сверху по указанию царя как продолжение крестьянской реформы. Когда же был провозглашен Манифест об освобождении крепостных крестьян, для всех стало очевидным, насколько глубоко заблуждался Герцен. Несмотря на огромное влияние «Колокола» на читающую публику России, Герцен был постепенно оттеснен на задний план более молодыми, энергичными и менее сомневающимися революционерами⁵⁴.

Идеи Александра Герцена нашли свое отражение в романе Николая Чернышевского «Что делать?». Этот роман появился в журнале «Современник» в 1862 г., самым невероятным образом обойдя царскую цензуру. В романе изображена жизнь швейной артели. Молодые женщины оставили свои патриархальные семьи, в которых главенствовали их мужья и отцы, и, объединив усилия, начали шить одежду на продажу.

Таков сюжет, но за ним безошибочно узнается завуалированная (из-за цензуры) в художественные образы деятельность подпольного кружка молодых революционеров, готовящих грядущую революцию. Рахметов, лидер кружка, ведет аскетический образ жизни. Он много времени посвящает чтению книг, физическим упражнениям и рациональному питанию, воздерживается от секса.

Можно сказать, что в Рахметове отразился петровский идеал — самоотверженная работа на благо общества, — соединенный с православным монастырским и социалистическим фаланстерством. Образ Рахметова, несмотря на его надуман-

ность, стал необычайно популярен и оказал огромное влияние на два поколения русских революционеров. В их число входил и В.И. Ленин⁵⁵.

В романе Чернышевского серьезно внимание уделено женскому вопросу. Одной из замечательных черт русского социализма было то, что он придавал большое значение активности женщин в этом движении. В начале XIX в. под влиянием идей Просвещения и романтизма взгляды на семейные отношения и соотношение полов в жизни общества начали меняться. В аристократических и профессиональных кругах утвердилась мысль о том, что женщина должна получать такое же хорошее образование, как и мужчина, быть равноправным партнером своему мужу и оказывать благотворное влияние на своих детей.

Однако подобное отношение к женщине противоречило русским традициям в гораздо большей степени, чем европейским. С одной стороны, русские женщины обладали значительно большими правами собственности, что создавало определенный базис для независимых действий. С другой — можно предположить, что они были более подавлены морально и более разобщены, чем во многих других странах.

Реформы 60-х гг. XIX в. только усилили это противоречие. Благополучие многих аристократических семей было подорвано. Теперь им стало намного труднее обеспечивать содержание молодых женщин. В то же время эта ситуация, хотя и неохотно, открыла женщинам дорогу к образованию. Многим молодым аристократкам теперь пришлось вести самостоятельную жизнь, но для этого было необходимо создать определенные условия.

Конфликт поколений, принимавший болезненные формы, когда речь шла об отцах и сыновьях, еще более обострялся, когда речь заходила об отцах и дочерях. Многих отцов семейств оскорбляло, что их дочери не желали больше вести традиционный образ жизни, выйдя замуж или оставаясь в родительском доме, а стремились в большие, испорченные города, посещали одни, без сопровождавших их родственников или слуг переполненные лекционные аудитории или даже анатомические театры, открывали свои собственные счета и начинали свое

собственное дело. Таким образом, вопрос самореализации стал особенно актуальным для российских женщин. Он был важной частью социалистического идеала самоэмансипации в обществе взаимной поддержки⁵⁶.

Первые революционные организации начали возникать в 1860-х гг. Их появление стало результатом неудовлетворенности реформами, а питательной средой — исключительная атмосфера российских университетов. Студенческая практика взаимопомощи и чтение Чернышевского вдохновляли молодых людей на создание подпольных групп со злонамеренными целями, включая революционную пропаганду, контакты с рабочими и убийство правительственных чиновников.

Один из членов такой группы, Д.В. Каракозов, попытался в 1866 г. убить Александра II. Сам Каракозов так писал о мотивах революционеров того периода: «Братья! Меня долго мучила мысль о том, почему мой любимый русский народ так много страдает! Я искал причину его страданий в книгах, и я нашел ее. Человек, ответственный за все, — царь... Подумайте хорошенько об этом, братья, и вы поймете, что царь — главный господин. Он ни разу не протянул руки простому народу, потому что он и есть самый страшный враг народа»⁵⁷.

Преклонение перед народом, наивная вера в книги, грубое деление мира на добро и зло — все это характерно для интеллигенции, оторванной от масс, без практического опыта, соблазненной тысячелетними надеждами, почерпнутыми из русской народной традиции «признаков, знамений».

Одной из самых отвратительных фигур подпольных революционных кружков был Сергей Нечаев. Он утверждал, что революционером может считать себя только тот, кто «порвал все связи с обществом... и с этикой его общежития»⁵⁸. Свои взгляды Нечаев воплощал в жизнь. Он организовал подпольную группу, члены которой должны были чувствовать себя ничтожной частицей огромной машины. Единственным непререкаемым авторитетом для них был только сам Нечаев.

Нечаев отправился в Швейцарию к Михаилу Бакунину. Там он сумел убедить Бакунина в искренности своих намерений и получил от него большую сумму денег на революционную борьбу. Вернувшись в Россию, он заявил членам своей

группы, что один из них является политическим шпионом, и приказал убить его. Они выполнили его приказ.

После полицейского расследования в 1872 г. дело Нечаева слушалось в суде. Власти решили сделать суд открытым. Они надеялись, что свидетельства жестокости революционеров по отношению к своему товарищу вызовут у людей отвращение. На деле все оказалось наоборот. Многие молодые люди восхищались мужеством и целеустремленностью Нечаева, а также тем, что он бросил вызов традиционной общественной морали⁵⁹.

Однако в России были революционеры, с отвращением отринувшие его как пример извращения прекрасных целей революционного движения. В 70-е гг. XIX в. были предприняты мирные попытки вывести революционное движение из его болезненной замкнутости, найти контакт с массами и убедить их в необходимости общих действий, чтобы положить конец существующему строю.

Это мирное направление революционного движения в России возглавил отставной военный инженер Петр Лавров. В молодости он принимал участие в одном из студенческих кружков, за что и был сослан в Вологодскую губернию.

В 1869 г. Лавров написал свое главное произведение — «Исторические письма», ставшее своего рода библией интеллигенции. Лавров считал, что интеллигенция смогла получить образование и культуру только благодаря тому, что простой народ трудился и страдал. Теперь настал черед вернуть народу долг и поделиться с ним своими знаниями.

Лавров утверждал, что революция должна стать результатом работы самих людей, но он отрицал идею Бакунина, что слепое, бессмысленное разрушение может быть благотворным. Лавров призывал к повышению культурного уровня и сознания крестьянских масс, с тем чтобы они сами могли реализовать свои социалистические возможности и не растрачивали их на огульное, неразборчивое насилие.

В середине 70-х годов XIX в. тысячи молодых людей, большинство из которых были студентами, попытались претворить идеи Петра Лаврова в жизнь. Первые попытки «хождения в народ» были предприняты еще старовсрами и сектантами, ведь

они больше кого бы то ни было были отчуждены от режима и церкви. Однако со временем оппозиционный пыл староверов остыл. В любом случае они с отвращением и опаской относились к атеизму наиболее радикально настроенных людей⁶⁰.

Городские рабочие оказались очень восприимчивы к революционным идеям. В 1869 г. Марк Натансон основал революционный кружок в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии. В 1871 г. Натансона арестовали. После его ареста кружок возглавил Николай Чайковский. «Чайковцы» отрицали «иезуитство и макиавеллизм» Нечаева. Сам Чайковский называл свой кружок рыцарским орденом. Обращаясь к соратникам, он писал: «Мы должны быть чисты. Мы должны очень хорошо узнать друг друга. Когда наступят тяжелые времена преследований и борьбы, мы будем заранее знать, как поведет себя каждый из нас»⁶¹.

Кружок Чайковского начинался с собирания социалистических книг. Сначала эти книги использовались внутри кружка, а затем их начали распространять среди рабочих. В библиотеку «чайковцев» входили «Капитал» Карла Маркса, «Исторические письма» Петра Лаврова, «История Французской революции» Луи Блана, а также произведения Александра Герцена и Николая Чернышевского. Помимо распространения социалистической литературы, члены кружка организовывали подпольные группы, в которых обучали рабочих и проводили с ними беседы. Такие группы приобрели большую популярность⁶².

В 1873 г. члены кружка поняли, что готовы к работе в самой гуще народа, в деревнях. Для молодых людей это был значительно более решительный шаг, чем агитация в городе. Они должны были прервать свое образование и карьеру, расстаться с семьей и друзьями. И тем не менее несколько тысяч молодых людей приняли решение отправиться в деревни. По словам одного из участников этой агитационной кампании, «молодые революционеры верили в народ и в свои собственные силы. Охваченные вдохновением, они отправились в долгое путешествие в неизведанное... Все их корабли сгорели. Дороги назад не было»⁶³.

Судя по стилю этого документа, настроение молодых людей — революционеров вполне сравнимо с душевным порывом

вом викторианских миссионеров, направлявшихся в «черную Африку». Живя среди крестьян, воспринимая их образ жизни, они хотели заново связать нити разорванного этнического полотна России. Кроме того, революционеры-народники пытались довести до крестьянского сознания плоды социалистического учения, распространившегося по всей Европе.

Стремление к национальному единству у народников в первую очередь проявлялось в одежде, которую они носили. Юноши надевали красные рубашки, мешковатые штаны, отращивали волосы. Девушки же, наоборот, коротко стриглись и носили простые белые блузы, черные юбки и грубую обувь. Они не только старались быть похожими на простых работников, но еще и намеренно пренебрегали половыми различиями в одежде, бросая вызов общественным условностям.

Некоторые народники обучились ремеслам. В деревнях они работали каменщиками, столярами и печниками. Другие революционеры смогли применить на селе полученное ими в городе образование. Они работали школьными учителями, фельдшерами и волостными чиновниками⁶⁴.

На вопрос о том, как крестьяне относились к народникам, историки обычно отвечали, что простые деревенские жители не понимали революционных идей и с подозрением относились к самим революционерам. Часто крестьяне выдавали их властям. Однако последние исследования показали, что так было далеко не всегда. Бесспорно, в отношениях между революционерами-народниками и крестьянами существовали серьезные трудности. Сельские жители с уважением относились к царю и верили в Бога. Для большинства студентов вера в Бога и царя была грубым суеверием. Осип Аптекман, поселившийся в одной из деревень Псковской губернии, писал об этом так: «Мои взгляды на мир абсолютно отличаются от их взглядов. У нас разные мысли и два разных типа сознания. Они не просто противоположны, они противоречат друг другу»⁶⁵.

И все-таки способы установления человеческих контактов существовали. Аптекман, служивший сельским фельдшером, понял, что может завоевать доверие крестьян, внимательно рас-

спрашивая их о жизни во время своей работы. Вера Фигнер работала санитаркой в самарской земской больнице. Она также обнаружила, что крестьянам очень нравится, когда их доброжелательно и детально расспрашивают о здоровье и подробно объясняют им, как принимать лекарства.

Когда Вера Фигнер и ее сестра Евгения открыли бесплатную школу, учиться в ней захотели не только дети, но и взрослые. В своей школе сестры преподавали основы грамоты и арифметику. Эти знания были необходимы крестьянам в их повседневной жизни. «Каждую минуту мы чувствовали, что мы необходимы, что мы не лишние. Это понимание своей нужности и было той самой силой, которая привлекала молодых людей в деревни. Для этого нужно было только открыть свое сердце и смирить гордыню»⁶⁶.

Крестьяне действительно разделяли некоторые идеи революционеров-народников. Например, об уравнительном землевладении и о предоставлении самоуправления крестьянским общинам. Но крестьяне понимали эти идеи совершенно по-другому. В крестьянском сознании справедливость на местах мог гарантировать только добрый царь-батюшка, не важно, что он был очень далеко.

Двое активистов народнического движения в Киеве выяснили, что крестьяне Киевской губернии надеялись получить всю землю в награду за несение всеобщей воинской повинности, недавно введенной Милютиным. Они распространили подложный манифест от имени царя, в котором призывали крестьян отнимать земли у помещиков, якобы препятствующих исполнению воли царя. Крестьяне образовали дружину, но полиция узнала о заговоре и обезвредила его⁶⁷.

Этот эпизод показывает, что крестьяне были готовы на политические действия, если они думали, что царь одобряет их. Большинство революционеров-народников все-таки считали, что нельзя завосвывать поддержку крестьян хитростью. Это нарушало нравственные принципы, на которых основывалось их движение.

Деревенские власти — старосты, полицейские, а порой и священники — рано или поздно узнавали о незнакомцах в

своих волостях. Молодые люди выделялись речью, поведением, иногда одеждой. Они были абсолютно незащищены, так как их движение было мирным и неорганизованным. Им не удалось избежать арестов, поскольку они и не предполагали скрываться. Несколько сотен человек были схвачены и брошены в тюрьму. С этого момента для них все изменилось: активная жизнь, наполненная социальными обязанностями, обернулась пассивным, изолированным от мира существованием в тюремной камере. Более того, многие обнаружили, что некоторые их товарищи вовсе не «рыцари в сверкающих доспехах». Они сломались под прессом следствия и стали доносчиками. Кто-то покончил с собой, кто-то сошел с ума.

В 1877—1878 гг. состоялось два больших судебных процесса. На первом слушались дела 50 подсудимых, на втором — 193. Суды были открытыми. Тем, кто хотел сохранить себе жизнь, был дан шанс доказать свою правоту перед публикой. Они могли это сделать лично или через адвокатов.

Опыт «хождения в народ» показал, что мирная социалистическая пропаганда ограничена существующим режимом. Основой социалистической деятельности в России стали подпольные организации. В 1876 г. Марк Натансон с товарищами основали организацию, которую впоследствии можно будет назвать первой политической партией России в том смысле, что она имела центральный комитет и ответвления во многих провинциях. Названием для организации послужили слова Герцена — «Земля и воля». В декабре 1876 г. члены «Земли и воли» организовали демонстрацию перед Казанским собором в Санкт-Петербурге, в которой принимало участие более 200 человек, включая рабочих.

С самого начала существования «Земли и воли» среди ее членов возникли разногласия по поводу методов борьбы. Одно крыло организации настаивало на продолжении мирной пропаганды, другое утверждало, что только насильственное свержение существующего режима может привести к реальным изменениям в стране.

Сторонников насильственных действий обнадежил исход дела Веры Засулич, которая в январе 1878 г. стреляла в гене-

рал-губернатора Санкт-Петербурга Трепова в его приемной. Генерал был ранен.

Дело Засулич рассматривалось на открытом заседании судом присяжных. К ужасу властей, присяжные оправдали Засулич, хотя никто из них не отрицал, что было совершено покушение на убийство. Приняли довод ее адвоката о том, что у нее не было «личного интереса» убивать Трепова. Засулич «боролась за идею». Люди, собравшиеся в зале суда, встретили оправдательный вердикт аплодисментами⁶⁸.

Присяжными на этом суде были мещане из Санкт-Петербурга и крестьянские официальные представители из близлежащих деревень. Аргумент защиты, что существовавший в России режим аморален, сильно подействовал на них. Даже Федор Достоевский, придерживавшийся монархических взглядов, признался как-то своему другу, что, если бы он узнал о готовящемся террористическом заговоре, он все-таки не доложил бы о нем правительству из-за боязни публичного осуждения и насмешек⁶⁹.

В 1879 г. подпольный съезд «Земли и воли» принял постановление о начале политики систематического террора. Целью террористической деятельности народовольцев были дезорганизация деятельности правительства и в конце концов его свержение. Самодержавие планировалось заменить конституционным правлением, которое подготовит почву для народного самоуправления.

Несколько членов организации не согласились с этим решением. Среди них был бывший студент Горного института Георгий Плеханов, предпринявший не очень удачную попытку создать оппозиционную организацию.

Большинство же членов «Земли и воли» одобрили принятый курс на свержение существующего режима и проголосовали за новое название своей организации. Теперь она называлась «Народная воля». 26 августа 1879 г. исполнительный комитет «Народной воли» приговорил Александра II к смерти за «преступления против народа». С тех пор деятельность организации была посвящена приведению этого приговора в действие.

Панславизм и Русско-турецкая война 1877—1878 гг.

Растущее напряжение между правящим режимом и образованной частью общества способствовало возникновению панславизма, первого независимого общественного движения, которое соответствовало как потребностям внешней политики так и потребностям государства и общества России того времени. Панславизм был особенно распространен среди богатых и образованных москвичей. Русские панслависты, воодушевленные примером Германии, надеялись, что Россия сможет восстановить национальное достоинство и усилить свои позиции в Европе, способствуя созданию национальных государств славянских и православных народов Центральной и Юго-Восточной Европы.

Причины возникновения панславизма были отчасти геополитическими. Результаты Крымской войны заставили Россию искать компенсации в Европе. Развитие отношений со славянами и православными народами могло привести к ослаблению мощи Габсбургской монархии и Османской империи.

Панславизм также был обращен к бессознательному мессианизму в русской культурной и религиозной традиции. В этом смысле он имел что-то общее с социализмом. В 1849 г. поэт Федор Тютчев писал о граде Константинополе как об одной из тайных столиц Русского царства. Он призывал к расширению границ империи от Нила до Невы, от Эльбы до Китая, как предвидел Святой Дух и прорицал Даниил⁷⁰.

Мессианские настроения были сформулированы Николаем Данилевским в работе «Россия и Европа» (1869). Он заявлял, что романо-германское господство в Европе подходит к концу. Его заменит православно-славянское господство. В соответствии с теорией Данилевского новая славянская цивилизация со столицей в Константинополе синтезирует все лучшие достижения своих предшественников: религиозность Израиля, культуру Греции, политическое устройство Рима и социально-экономические достижения современной Европы. Она обогатит их славянским гением общинности и социаль-

ной справедливости. Славянские народы объединит глубоко укоренившаяся «вера в царя».

В рассуждениях Данилевского ясно слышится эхо мифа о «Москве как Третьем Риме», превращенного в современную геополитическую проповедь⁷¹.

Самым популярным распространителем таких идей был Достоевский. В его публицистических работах и романах явно прослеживается идея о богоизбранности русского народа, на который возложены невероятные страдания и особая миссия. Достоевский верил в то, что скромная, податливая природа русского характера облегчает взаимодействие русских с другими культурами и нациями. Из этого следует, что в Российской империи другие нации могут процветать при условии, что они принимают законность русской политической власти.

В отношении балканских государств это означало принятие Россией руководства славянскими и православными народами в крестовом походе против Османской империи. Над собором Святой Софии в Константинополе вновь должен быть воздвигнут крест. Достоевский верил в то, что это станет первым шагом к установлению «вечного мира» в Европе в славянском духе⁷².

Некоторые панслависты надеялись, что сотрудничество России с другими славянскими и православными народами будет сопровождаться созданием Земского собора, представляющего различные народы. Через Земский собор они смогут доносить свои желания до царя. Если бы империя пошла таким путем, это было бы началом демократизации⁷³.

Однако такую точку зрения разделяли отнюдь не многие. Далеко не все славянские народы были согласны на роль, отведенную им самозваными русскими пророками. Большинство польских интеллектуалов были католиками и не желали признавать себя частью православного культурного сообщества. Поляки были решительно настроены против российского господства, которое им уже порядком надоело.

Даже православные славяне Балкан, хотя и были рады принять помощь русских в борьбе против Османской империи, всеми силами избегали подчинения своей нации Российской империи.

Панславистская программа могла быть эффективной только в случае войны России против Османской империи и, возможно, против Австрии. После образования империи в Германии в 1871 г. панславизм переходит из области культурных представлений в область реальной политики. Он становится средством сдерживания влияния Германии в Восточной Европе.

Генерал Ростислав Фадеев был убежден в том, что выяснение отношений между славянами и немцами неизбежно. Россия, настаивал он, либо в противовес австрийской экспансии укрепит позиции на Дунае, используя свои славянские связи, либо утратит всякое влияние в Европе и будет отброшена за Днепр, вновь став абсолютно азиатской страной. «Славяне или Азия», — любил повторять Фадеев в разговорах с русскими дипломатами⁷⁴.

За пропаганду подобных идей Фадеев был уволен из русской армии. Правда заключалась в том, что русские дипломаты не хотели рисковать, начиная большую европейскую войну. Их задачей было восстановление стабильности в Европе, которую уже довольно сильно нарушило появление объединенной Германии. Кроме того, царь не хотел поддерживать восстания против законных монархий.

Сербское и болгарское восстания 1875—1876 гг. против Османской империи выдвинули эту дилемму в острой и неизбежной форме. Армейские офицеры, светские дамы и купцы образовывали славянские благотворительные комитеты, собиравшие деньги и посылавшие добровольцев в Сербию. Власти официально не поддерживали эти начинания, но с их молчаливого согласия офицеры и солдаты русской армии покидали свои полки и присоединялись к сербским вооруженным отрядам. Одним из таких офицеров был друг Фадеева, генерал Михаил Черняев, герой последней русской кампании в Средней Азии.

После того как, несмотря на все усилия, сербская армия была все-таки разбита, русское правительство не могло больше медлить. Россия должна была либо прийти на помощь Сербии, либо смириться с резким уменьшением своего влияния на Балканах.

Наконец Александр II решился объявить войну Турции на том основании, что она не выполняет обязательств по введе-

нию реформ перед европейскими государствами. Военные действия начались после того, как между Россией и Австрией было заключено соглашение, исключавшее образование «крупного объединенного славянского государства»⁷⁵. Россия вступила в войну с Турцией в соответствии с европейскими соглашениями, а не из солидарности с балканскими славянами.

Война оказалась очень сложной. Турция, хотя и имела репутацию «тяжелобольного», вовсе не была аутсайдером. Она способствовала разжиганию беспорядков на Кавказе среди недавно усмирённых мусульманских народов Дагестана и Чечни. Османские войска высадились на побережье Черного моря. Они привели с собой абхазцев, депортированных из этих мест несколько лет назад. Это вызвало волнения среди местного населения.

Русские сумели подавить восстания, но вынуждены были держать на Кавказе более 60 000 солдат. Командовал операцией генерал М.Т. Лорис-Меликов. Его войска успешно атаковали на юге и западе Анатолии, захватили город Карс и отрезали портовый город Батум.

На Балканском театре военных действий русские войска переправились через Дунай, форсировали Шипкинский перевал, одно из самых серьезных препятствий на их пути в южном направлении, и успешно продвигались вперед, отражая яростные атаки турок.

Первые сложности начались при взятии крепости Плевна, которую пришлось штурмовать трижды. В конце концов после продолжительной осады Плевна сдалась. Затем дела пошли лучше. В результате большого сражения пал Пловдив. В январе 1878 г. русские войска вошли в Адрианополь и уже были готовы к захвату Константинополя.

Успехи русской армии на Балканах вновь встревожили европейцев, опасавшихся российской экспансии в Средиземноморье. Британцы послали свой флот в Мраморное море и расположили его рядом с Константинополем. Русские войска отступили и вместо взятия Константинополя заключили с Турцией Сан-Стефанский договор. По этому договору за Россией закреплялось право «гарантировать» реформы в Османской империи. К России также отходили порт Батум и анатолий-

ский город Эрзурум. Договор оговаривал создание большого Болгарского государства, включавшего всю Македонию и имевшего выходы к Эгейскому морю. Сан-Стефанский договор фактически ставил Россию в зависимое положение от европейских государств.

И снова перспектива раздела Турции и присутствия России на Балканах вызвала общую тревожную реакцию в Европе. Бисмарк созвал в Берлине конгресс, который согласился признать русские аннексии на юге Кавказа, а также согласился с присутствием России в бассейне Дуная и в потерянной в результате Крымской войны Южной Бессарабии, но только за счет упразднения Болгарского государства: его южная часть, переименованная в Восточную Румелию, оставалась за Османской империей. Македония также переходила к туркам.

Панслависты были в бешенстве. То, что Россия завоевала ценой героических сражений, было предано ее дипломатами. В 1878 г. на банкете Славянского благотворительного общества Иван Аксаков осудил решения Берлинского конгресса. Он назвал его «открытым заговором против русского народа, в котором приняли участие сами русские»⁷⁶.

Панславизм теперь пытался склонить власти и народ к более агрессивной, национально ориентированной внешней политике, аналогичной той, что проводила Пруссия по отношению к другим частям Германии. Эта позиция получила поддержку образованной части общества. Пресса также поддерживала ее. Однако народные массы оставались в стороне от этих дебатов. Панславизм был связан в их сознании с действиями, направленными против законной монархии⁷⁷. Более того, идеология панславизма не могла укорениться в многонациональной империи, где далеко не все народы были славянами и православными. Насажение панславизма было чревато возникновением национальных конфликтов, интернациональных войн и народных восстаний.

В течение двух десятилетий России удавалось сдерживать Германию путем сокращения возмещения материальных издержек Священного союза. В 1873 г. Россия, Германия и Австрия подписали «Союз трех императоров», но ему досаждали постоянные трения между Россией и Австрией. В

конце 1880-х гг. действие договора кончилось. Россия для поддержания баланса сил вынуждена была заключить союз с Францией.

Она неохотно пошла на этот шаг. Франция была республикой. Против нее был настроен Священный союз. К тому же она была политически нестабильна. Русский царь ненавидел стоять с непокрытой головой и в торжественном молчании слушать Марсельезу, республиканский боевой гимн французов. Но несмотря на это, союз был заключен в 1891 г. За ним последовали совместные военные планы союзников⁷⁸.

М.Т. Лорис-Меликов и чрезвычайное правление

1 марта 1881 г. «Народная воля» достигла своей главной цели. Карета Александра II, возвращавшегося по набережной с военного парада в Санкт-Петербурге, была подорвана бомбой. Однако это трагическое происшествие на самом деле означало полный провал движения. Народовольцы не могли взять власть или созвать Конституционное собрание. А на политику нового царя, Александра III, они смогли повлиять разве что негативным образом. Большинство членов исполнительного комитета «Народной воли» были схвачены и арестованы в результате слежки и внедрения полицейских агентов в их ряды.

За год или несколько ранее до своей смерти Александр II учредил Верховную распорядительную комиссию, наделенную чрезвычайными полномочиями для борьбы с возросшей угрозой терроризма. Верховная распорядительная комиссия отвечала за подавление террора и за формирование общественного мнения, порицавшего терроризм.

Главой комиссии был назначен М.Т. Лорис-Меликов. Армянин по национальности, он отличился в период турецкой кампании 1877—1878 гг. Вскоре Лорис-Меликов понял, что карательные методы неэффективны, и подчеркивал важность внимательного и позитивного отношения правительства к нуждам людей всех сословий. Лорис-Меликов настаивал на принятии мер для усиления доверия общества правительству.

Он способствовал активизации общественных сил в борьбе с ложными идеологическими доктринами⁷⁹.

Для реализации поставленных целей Лорис-Меликов взял на вооружение идеи, оставшиеся невоплощенными в 1860-е гг. Эти идеи постоянно упоминались в конфиденциальных правительственных документах.

Лорис-Меликов предлагал наделить крестьян большими гражданскими правами, расширить их правовой статус, облегчить им получение земельных наделов в полную собственность. Он хотел увеличить власть земств и городских дум и управ и усилить их налоговую базу.

Самым смелым было его предложение, по которому выборные представители от земств и больших городов вместе с делегатами от Сибири и национальных окраин, назначенными царем, должны были принимать участие в работе предварительного комитета Государственного Совета над проектами законов. Затем проекты законов направлялись на рассмотрение сессии Государственного Совета и в конечном итоге — к императору. Это был первый робкий шаг к участию в работе над законодательством выборных представителей. Проект был одобрен Александром II 1 марта 1881 г., за несколько часов до гибели⁸⁰.

Когда его преемник Александр III собрал своих министров для решения вопроса о продолжении этого проекта, поверенный Священного синода К.П. Победоносцев осудил его. По его словам, формирование представительного государственного органа приведет к пустой болтовне и подражанию западной конституции. Одним словом, это будет *конец* России. «Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем... Мы и без того страдаем от говорилен, которые, под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти»⁸¹.

Внимая призыву Победоносцева, правительственные чиновники должны были бы вспомнить, что в течение двух лет они не без основания опасались за свою жизнь. И тем не менее Победоносцев отверг предложения Лорис-Меликова об учреждении представительств в правительстве, не предло-

жив ничего взамен. Лорис-Меликов подал в отставку, уведя за собой большинство своих сторонников.

В 1882 г. с альтернативными предложениями выступили панслависты. Н.П. Игнатъев, бывший посол России в Константинополе, а теперь министр внутренних дел, выдвинул проект возобновления Земского собора. Земский собор предполагалось созвать на Пасху 1883 г., приурочив его к коронации Александра III. Земский собор должен был доводить до царя желания «земель» и выдвигать предложения реформ, особенно в отношении крестьянских учреждений.

Победоносцев счел предложение Игнатъева аналогичным предложениям Лорис-Меликова. Он говорил, что конституция означает «ослабление правительства и ослабление России». Александр III отверг идею о созыве земских соборов. Игнатъев подал в отставку⁸². Навязчивая идея о том, что самодержавие — русская слава, победила.

Вместо робкого партнерства с гражданским обществом правительство ввело в некоторых частях империи чрезвычайное управление, которое позволяло министру внутренних дел, губернаторам и даже полицейским чиновникам значительно ограничивать гражданские права, смещать чиновников, включая судей, отменять решения земств, городских дум и управ, закрывать газеты и высшие учебные заведения, накладывать арест на собственность и брать под стражу людей без суда и следствия.

В десяти провинциях, включая Москву и Санкт-Петербург, чрезвычайное управление было введено немедленно. «Временное» законодательство просуществовало на самом деле вплоть до 1917 г. В некоторых областях России юридические гарантии в любое время могли быть заменены полицейским режимом⁸³.

В 1880—1890-е гг. были приняты очередные меры по ограничению нежелательных последствий реформ 1860-х гг. Высшие чиновники продолжали бить тревогу по поводу недостатка надзора за крестьянскими учреждениями. Министр внутренних дел Дмитрий Толстой утверждал, что несобранная натура крестьян, их низкий экономический и культурный уровень, удаленность от судов требуют контроля со

стороны чиновников, назначаемых правительством и «не страдающих излишним формализмом».

В 1889 г. была введена новая должность — земский начальник. Один земский начальник надзирал над несколькими волостями. Они назначались из числа местных мелких помещиков министром внутренних дел. Земские начальники были уполномочены отменять решения деревенских сходов и судов, а также смещать с постов любых чиновников. Это было частичное восстановление личной власти, характерной для крепостничества, тем более что контроль правительства над земскими начальниками был слабым. Один из них позднее написал в своих воспоминаниях: «...земскому начальнику ничто не мешает быть в полном смысле полновластным и почти бесконтрольным начальником»⁸⁴.

Еще с 60-х гг. XIX в. власти были озабочены политической неблагонадежностью некоторых местных правительственных собраний. В 1890—1892 гг. участие в земских и городских выборах было резко ограничено в пользу крупных помещиков и буржуазии. Губернаторы получили больше прав для отклонения решений местных правительственных собраний и внесения изменений в них.

Попытка Дмитрия Толстого подчинить земства и городские советы Министерству внутренних дел не удалась, но «самоуправление» в первоначальном значении этого понятия было ограничено⁸⁵.

В конце XIX в. российская внутренняя политика оказалась перед тяжелым выбором между двумя несовместимыми системами. Реформы Александра II сильно подорвали традиционную структуру личной власти, но не смогли заменить ее гражданско-правовой. Для восполнения вакуума власти у режима не нашлось ничего, кроме полиции, которую он наделил чрезвычайными полномочиями.

Режим сначала разобрал старое здание, построил новое, но затем передумал и начал восстанавливать руины. Получившийся в результате этих непоследовательных действий гибрид угрожал равновесию всего здания. Правящий режим стоял перед неразрешимой дилеммой: он разрывался между необходимостью введения гражданских институтов и невозможностью ввести их без подрыва собственной стабильности.

8. Подъем национализма

Средняя Азия

1860—1880-е гг. были временем наибольшего расширения территории Российской империи за счет Средней Азии. Издавна на границах империи строились многочисленные укрепления для отпора кочевым племенам. Теперь царское правительство поставило перед собой задачу присоединить все территории кочевых племен к России и установить там стабильную, предсказуемую власть.

Много столетий назад этот регион находился под властью одного правителя. На севере раскинулись в основном степные земли, а на юге — пустынные. Среди степей и пустынь было несколько оазисов. Наиболее известные из них Хива в устье Амударьи, долина Зеравшана между Самаркандом и Бухарой и очень плодородная Ферганская долина, омываемая реками, текущими с Памира. В Ферганской долине процветало интенсивное орошаемое земледелие.

Города Мерв, Бухара и Самарканд когда-то были крупными центрами международной торговли между Средней Азией, Ираном, Индией и Китаем. Через них проходил так называемый шелковый путь. Со временем эти города пришли в упадок. Этому способствовали развитие океанского транспорта и закат континентальной торговли.

Регион долгое время был сферой персидского господства. Его населяли древние иранцы. Турки называли их таджика-

ми. На протяжении столетий, и особенно после монгольского нашествия в XIII в., таджики взаимодействовали с огромным количеством тюркских кочевых племен. Эти племена можно разделить на два вида. Одни оставались в степи весь год, перегоняя отары с одного пастбища на другое. Другие летом поднимались со своими отарами в горы, на альпийские луга, а зимой спускались обратно в долины.

В XII—XIII столетиях регион находился под властью монголов. Сначала это были непосредственные преемники Чингисхана, а позже Тимура (Тамерлана), который сам был родом из Самарканда.

В XVI столетии союз узбекских племен, которые также были в родстве с Чингисханом, объединял под своей властью большую часть территории, но постепенно она распалась на небольшие ханства и эмираты, осуществлявшие неустойчивую гегемонию над кочевыми вождями.

Языковое и культурное наследие региона было многообразным. Турецкий язык использовался в административной и военной областях, а персидский — в области торговли, культуры и религии. Управляли регионом в основном узбеки. Они становились все более и более оседлыми. Узбеки пользовались персидским языком, особенно в коммерции и светском общении.

Оседлые узбеки и таджики оазисов были двуязычными. Постепенно они смешивались и становились почти неразличимы. Русские называли их сартами (это санскритское слово означает купец).

На севере в Кипчакской степи жили казахи, а ближе к Аральскому морю — каракалпаки. На востоке в горах Тянь-Шаня жили киргизы, а в юго-западных пустынях и на восточном побережье Каспийского моря — туркмены, западнотюркский народ, принадлежавший к той же языковой группе, что и азербайджанцы¹.

Ислам получил распространение среди народов, населявших оазисы, задолго до монгольского вторжения. Суннизм — одна из ортодоксальных форм ислама — процветал в этом регионе и после вторжения монголов.

На протяжении столетий Средняя Азия была крупным центром исламского образования. Ученые, получившие об-

разование в учебных заведениях региона, путешествовали по всему мусульманскому миру. Они внесли значительный вклад в философию, юриспруденцию и науку. Ибн Сина (Авиценна), великий ученый XI в., последователь Аристотеля, был родом из Бухары.

Административная раздробленность и упадок мировой торговли в XVI в. подорвали экономические основы, на которых держалась эта культура. Кроме того, в Иране доминирующей религией стал шиизм, а русские постепенно оккупировали Волгу и прилегающие к ней степи. Среднеазиатский ислам стал изолированным и провинциальным. Для верующих этого региона даже традиционное паломничество в Мекку стало затруднительным².

Кочевые народы были менее восприимчивы к исламу. Большинство кочевников оставались шаманистами. Они поклонялись богу неба Тенгри и почитали святые места, связанные с их предками, или обожествляли природу: рощи, родники, камни.

Ислам в эти места принесли миссионеры суфи, исповадовавшие суфизм. Суфи кочевали от одного племени к другому, приспособившись к кочевому образу жизни. Завоевая симпатии племенных вождей, суфи распространяли свою веру. Суфийские шейхи играли большую роль в укреплении власти местных ханов. Суфи наделяли шейхов аурой божественного избрания и помогали организовывать народ на поддержку властей.

Взамен суфи получали лучшие земли и другую собственность, поэтому суфийские благотворительные общества — *ваафы* — могли распределять социальные блага в значительных размерах.

В отдаленных областях вплоть до XVIII в. ислам не имел реального влияния. Многие племена и поселения имели свою собственную религию. Исханы, местные религиозные лидеры, были хранителями племенных обычаев и легенд, в которых слышались отголоски шаманизма. Исханы проводили молитвы и обряды, давали наставления и успокоение соплеменникам³.

Интерес России к Средней Азии проявился в конце XVI в., когда между Тобольском и Бухарой был установлен караван-

ный торговый путь. В 1730—1734 гг. Малая и Средняя Орда, две крупные казахские племенные конфедерации, признали российское владычество. Генерал-губернатор Оренбурга на этом этапе не вмешивался во внутренние дела казахов. Он использовал свою власть, для того чтобы сохранять мир на зыбких российских границах.

В начале XIX в. хан Коканда решил объединить Среднюю Азию. Он посылал войска кочевников разрушать караванные пути. Русские вынуждены были защищаться. Российские армейские подразделения углубились в степь, где были построены новые крепости. Русские начали привлекать на свою сторону вождей племен. В то время в степи были заложены города Кокчетав и Акмолинск. К 1850 г. Россия располагала линией пограничных укреплений, протянувшейся от Южного Урала до Алма-Аты.

У России был еще один повод для укрепления своих позиций в среднеазиатском регионе. Наряду с другой стремительно растущей империей, Британией, она быстро увеличивала свои территории в Азии. Между двумя державами образовался огромный и неопределенный вакуум власти. Правительства обеих стран были обеспокоены неустойчивостью своего владычества над многочисленными неуправляемыми азиатскими народами. Появление серьезного соперника в регионе могло привести к неожиданному развалу империи.

В 1840 г. британцы аннексировали Синд и Пенджаб и начали посылать коммерческие, дипломатические и военные миссии в Афганистан. Премьер-министр Великобритании выступил в палате общин со следующим заявлением: «Какими бы ни были принципы, регулирующие поведение цивилизованных наций, вступая в контакт с варварами, необходимо придерживаться абсолютно другой линии поведения»⁴.

В своем заявлении британский премьер-министр подразумевал, что в Азии джентльменские соглашения невозможны. В момент кризиса необходимо показать свою силу и установить твердую власть.

Русский премьер-министр Горчаков выразил ту же точку зрения несколько иначе: «Положение России в Средней Азии... одинаково с положением всех образованных госу-

дарств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народы к более или менее близкому подчинению»⁵.

О том, какую силу необходимо было применять России в Средней Азии, новый наместник на Кавказе князь Барятинский писал так: «Англия сильна золотом. У России мало золота, поэтому она продемонстрирует силу оружия»⁶.

Однако делать это планомерно и систематически было трудно. Расстояние между Средней Азией и Санкт-Петербургом было настолько велико, что инструкции императора достигали своего назначения только через два или три месяца. Инициатива принятия решений во время кризисов была возложена на генералов и проконсулов. Они были уполномочены расширять «миссии и экспедиции» до полномасштабных военных вторжений.

Генерал Михаил Черняев, местный военный начальник, и генерал-губернатор Оренбурга Н.А. Крыжановский были честолюбивы и соперничали друг с другом. В 1864 г. Черняев в ответ на волнения местного населения захватил крупные торговые города Чимкент и Ташкент. Крыжановский, возможно, из зависти упрекнул его в превышении полномочий, но политику применения силы он оправдывал: «Настала пора прекратить потворствовать нашим слабым соседям, ханам Хивинскому и Кокандскому, а также эмиру Бухарскому. Мы должны заставить их принять наши правила игры. В Средней Азии мы одни должны быть хозяевами, вместе с нами туда придет цивилизация, и жизнь этих несчастливых отпрысков человеческой расы улучшится»⁷.

Военный министр Михаил Милютин довольно вяло отреагировал на факт подавления волнений в Азии: «Генерал Черняев доложил мне об уже состоявшемся факте. Теперь я вынужден либо подтвердить меры, полностью несовмести-

мые с нашими главными задачами, либо отменить эти меры, что нанесет непоправимый ущерб престижу нашей власти»⁸.

Черняев в конце концов был отстранен от должности, но он изменил курс российской политики в Азии или по крайней мере ускорил эти перемены. Это вызвало бурю восторгов в России.

Преемники Черняева продолжили его политику. Хан Коканда принял русские условия мира. Они включали безопасность русских купцов, торговавших на территории ханства, и компенсацию их потерь в случае нападений на них.

Хивинское и Бухарское ханства стали русскими протекторатами, хотя номинально оставались самостоятельными. После восстания 1876 г. Коканд потерял статус ханства. Оставшиеся туркменские племена были подчинены в ближайшие годы, но перед этим, в 1879 г., в битве с туркменами под Гок-Тепе русская армия понесла серьезные потери. В ответ генерал Скобелев, герой недавней балканской кампании, в 1881 г. вырезал почти все мужское население крепости Денгил-Тепе.

Как и на Кавказе, в Азии Россия с самого начала прибегла к силовым методам, явно давая понять, кто здесь хозяин. Скобелев объяснял это так: «В Азии продолжительность мира находится в прямой зависимости от физического истребления врага. Сражайтесь отчаянно до тех пор, пока сопротивление не будет подавлено. Затем четко установите дистанцию отношений, прекратите кровопролитие и будьте добры и гуманны с поверженным врагом».

Американец, посетивший Среднюю Азию в тот период, оставил нам подтверждение этой политики: «Довольно странно, но мусульмане отзывались о русском императоре самым лучшим образом. Поведение генерала Черняева произвело на них самое благоприятное впечатление. С тех пор местное население ни разу не выступило против своих завоевателей»⁹.

Русские не собирались в то время делать Среднюю Азию полноценным субъектом империи. Ее жителей называли *иногородцами*. Средняя Азия стала колонией в более или менее полном смысле этого слова. Она была географически отрезана от метрополии пустыней и степью, имела более низкий социально-экономический и культурный уровень. Для про-

мышленности России она являлась источником сырья, в основном хлопка. В то же время освоение огромных азиатских территорий и несколько миллионов мусульманского населения усилили у России ощущение себя не только европейской, но и азиатской страной¹⁰.

Для надзора за вновь завоеванными территориями было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Его возглавил генерал К.П. Кауфман, ранее участвовавший в военной администрации Польши.

Сначала русская администрация не вмешивалась во внутренние дела местного населения. Однако дальнейшая интеграция среднеазиатских земель в российскую экономику привела к значительным переменам в религии, обычаях и правовой системе местного населения. В оазисах продолжалось интенсивное выращивание хлопка. Это требовало развития оросительных систем, строительства новых текстильных фабрик и железных дорог. Для этих объектов была необходима квалифицированная рабочая сила из России.

В степи происходили еще более кардинальные перемены. Земли ханов и бсков были экспропрированы и перераспределены среди простых членов племен. Землями также наделялись крестьяне, переселенные из бедных регионов европейской части России. Эти земли были традиционными кочевыми пастбищами, и появление на них русских крестьянских хозяйств оскорбляло чувства местного населения.

Русское правительство, пытаясь сгладить это обстоятельство, обучало кочевников выращивать зерно, заготавливать сено и улучшать породные качества скота — овец и лошадей. Предпочтение отдавалось более покорным или более экономически эффективным племенам. Это обострило традиционную феодальную межплеменную рознь.

В то же время русские власти поддерживали распространение официального (провозглашаемого в мечети) ислама, который в отличие от доморощенных доктрин ишанов помогал им поддерживать законность, порядок и экономическую деятельность¹¹.

Все эти причины способствовали постоянному возникновению волнений среди кочевого и оседлого населения ре-

гиона. Волнения возглавляли суфийские шейхи или племенные религиозные вожди (ишаны). Далекое не всегда это были проявления религиозного фанатизма. В ситуации, когда светские власти оказались полностью подчинены русским властям, религиозные деятели стали естественными лидерами местного населения.

Участниками волнений были в основном безработные горожане и перемещенные кочевники. В 1898 г. двухтысячная толпа, руководимая одним из религиозных вождей, ворвалась в казармы Андигана и Ферганы. В результате этого инцидента погибли 22 русских солдата¹².

Русское господство в Средней Азии не могло не повлиять на внутреннюю эволюцию ислама. Так же как и в других колониальных обществах, это влияние имело двойное действие. Одни мусульмане восхищались колонизаторами и хотели реформировать местную религию. Другие не принимали завоевателей, относились к ним как к неверным и стремились сохранить свои традиционные верования.

К первому направлению относился джадидизм (новый метод). Он возник в 80-е гг. XIX в. в бассейне Волги, где русское воздействие на мусульман было особенно продолжительным. Изначально это было движение, направленное на европеизацию мусульманского образования. Оно способствовало распространению всеобщей грамотности, усваивало приемы светского образования, науки и техники. Благодаря джадидизму русский язык распространялся среди мусульман.

Движение ширилось, что особенно заметно в работах мыслителя Исмаила Бей Гаспирали, крымского татарина. В своих работах он призывал к проведению социально-политических реформ, демократии, равноправию женщин. Гаспирали способствовал развитию письменного языка для народов Туркестана. Таким образом он хотел объединить мусульманские и тюркские народы империи. Более радикальные сторонники джадидизма призывали к созданию пантюркистского союза, исключавшего как Россию, так и Османскую империю.

Джадидизм никогда не получал массовой поддержки, но имел влияние на образование и взгляды молодежи из аристократических семей. Как и движение младотурок в Осман-

ской империи, он способствовал развитию новых доктрин социальной солидарности в формах туркестанского национализма, панисламизма и пантюркизма¹³.

Когда после событий революции 1905 г. на политические организации был наложен запрет, идеи Гаспирали помогли создать Всероссийскую мусульманскую лигу. Лига потребовала отмены дискриминации мусульман и поддержала конституционные устремления русских либералов. Вопреки названию основной целью программы лиги стало формирование туркестанской нации внутри Российской империи. Туркестанская нация должна была состоять из тюрко-татарских народов и племен, рассчитывавших воспользоваться гражданскими правами, обещанными либералами¹⁴.

С началом работы Государственной думы в 1906 г. появилась надежда на то, что идеи джадидизма станут реальностью. Во Второй Думе был 31 представитель от Мусульманского союза.

В 1907 г. новый закон о выборах отменил представительство среднеазиатских мусульман в Думе. Российские власти поддержали хана Хивинского и эмира Бухарского, закрывавших джадидские школы и газеты. Драматург Абдальрауф Фитрат с горечью упрекал мусульманских лидеров за забвение деятельной религии пророков и замену ее болезненной верой, враждебной прогрессу и заискивающей перед светскими властями.

Разочаровавшись в России, некоторые мусульманские лидеры стали искать поддержку своему движению у мусульман Османской империи. «Наша кровь турецкая. Наш язык тюркский. Наша вера — священный Коран ислама, поэтому мы одна нация», — говорили они. Многие из них эмигрировали в Турцию, где в более благоприятной среде продолжали свою политическую и публицистическую деятельность¹⁵.

В 1916 г. в Ферганской долине вспыхнуло восстание. Оно совпало по времени с волнениями степных кочевников и превратилось в крупномасштабное антирусское выступление. Восставшие требовали немедленного освобождения всех мусульман от несения воинской повинности. Так как списки потенциальных рекрутов были уже составлены, толпы восставших бросились к призывным пунктам, полицейским уча-

сткам и другим административным зданиям в главных городах региона.

Для восстановления порядка правительство вынуждено было применить войска. Много восставших было убито. Сотни тысяч мусульман ушли за границу в Китай. В результате население региона уменьшилось на 17%, а в некоторых районах этот процент был даже выше¹⁶. Русское господство в Средней Азии оказалось таким же беспокойным, как и покорение Кавказа.

Дальний Восток

Территории на Дальнем Востоке принадлежали России с XVII в. Однако отсутствие налаженной коммуникационной системы препятствовало освоению этого региона или даже серьезной попытке эксплуатировать его ресурсы. Единственной дорогой, соединявшей Россию с Тихоокеанским побережьем, был заросший травой тракт, пролежавший через тайгу и замерзшие равнины. Зимой и летом по тракту еще можно было проехать, но весной и осенью грязь и вода делали его непроходимым. В 1890 г. Антону Чехову понадобилось почти три месяца, для того чтобы добраться по тракту до Сахалина.

В середине XIX в. Россия, воспользовавшись слабостью Китая после Тайпинского восстания, захватила «Тихоокеанскую Ривьеру» — бассейн Амура и территорию между рекой Уссури и океаном. Инициативу проявил молодой непокорный офицер Военно-морского флота Геннадий Невельской. Без разрешения властей он обогнул малоизученный к тому времени Сахалин, доказав, что это остров. На территории материка напротив острова Сахалин был поднят флаг Российской империи. Невельской назвал это место Николаевский пост. Уловка удалась. Император Николай пожурил Невельского за самоволие и заявил: «Где русский флаг однажды поднялся, там спускаться он не должен».

Российская экспансия на Дальний Восток расширялась благодаря усилиям Николая Муравьева, генерал-губернатора

Сибири с 1847 г. Муравьев был убежденным сторонником реформ Александра II. Он верил в то, что Россия сможет удержать статус великой державы, только решительно завоевывая дальневосточные территории. России следовало воспользоваться слабостью Китая и опередить другие европейские государства, миссия которых в регионе была, по мнению Муравьева, несравнима с русской.

В Петербурге планы Муравьева были встречены настороженно. Тогда он сам собрал армию из бойцов Забайкальского казачьего войска, крестьянских рекрутов, осужденных и потомков донских и запорожских казаков. Во время Крымской войны он воспользовался перемещением англо-французского морского эскадрона с Сахалина и расположил русские гарнизоны по линии Тихоокеанского побережья.

По Айгунскому (1858) и Пекинскому (1860) договорам весь бассейн Амура, а также территория между рекой Уссури и океаном оставались за Россией. На такие условия договора Китай согласился по причине своей исключительной слабости. В 1860 г. в самой южной точке новой территории был основан город Владивосток. Он смотрел прямо на Корею и Японию и был базой Российского военно-морского флота. Так Россия открыла «окно в Азию»¹⁷.

Проблема состояла в том, как закрепить этот успех. Владивосток и весь Приморский край были незащищены. На их территории располагалось несколько военных гарнизонов, отрезанных несколькими месяцами пути от основных укреплений.

Ситуация изменилась только с завершением строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. Это грандиозное мероприятие было предпринято также в целях укрепления российской мощи на Дальнем Востоке. Министр финансов Сергей Витте понимал, какие экономические выгоды принесло строительство этой магистрали. Даже он, лучше других осознававший экономическую цену войны, стремился к тому, чтобы Россия смогла стать могучей евразийской военной державой.

И тем не менее для Европы Россия была отсталой страной. Она импортировала в Европу капитал и сама была объектом империалистических желаний крупных европейских

стран. В Азии же Россия была империалистической державой в полном смысле этого слова.

В 1893 г. Сергей Витте сказал царю: «Большие перемены на монголо-тибетско-китайской границе неизбежны. Политическое превосходство европейских держав в этом регионе может повредить России. Если же Россия сможет опередить Европу в восточноазиатских делах, это сулит ей бесчисленные выгоды... С побережья Тихого океана и с гималайских высот Россия будет господствовать не только в азиатских, но и в европейских делах»¹⁸.

Воспринимал сам Витте серьезно полет своей фантазии или нет, но Министерство иностранных дел, как всегда осторожное, не отреагировало на его порыв. Проблема заключалась в том, что император был единственным человеком, координировавшим внешнюю политику, экономику и военную политику. Николай II был человеком чрезвычайно восприимчивым и легко поддавался под влияние сильных личностей с грандиозными проектами.

Кроме того, у России появился серьезный противник на Дальнем Востоке. Мало кто в то время понимал, какие потенциальные в качестве великой державы возможности таит Япония. С 1868 г., со времен социально-политических преобразований, проведенных в ходе реформ Мэйдзи Исин*, Япония укрепляла свою армию и военно-морской флот. В императорском дворце и в армии все чаще раздавались требовательные голоса в пользу расширения территорий страны и утверждения Японии в качестве великой азиатской империи.

В 1894 г. Япония атаковала китайские войска в Корее и Маньчжурии. Только согласованные действия России, Германии и Франции смогли предотвратить японскую аннексию Ляодунского полуострова. Россия воспользовалась возможностью заключить с Китаем договор, который позволял ей строить железную дорогу через Маньчжурию, ставшую бы ответвлением Транссибирской магистрали. Это было большим достижением, так как открывало России доступ к богатым полезным ископаемым Маньчжурии.

* Обновление, реставрация (япон.).

Для финансирования строительства железной дороги в Маньчжурии был основан Русско-Китайский банк, оказавшийся особенно привлекательным для французских инвесторов. Россия также воспользовалась кячоуским кризисом 1897 г. и потребовала в аренду Порт-Артур, город, расположенный на оконечности Ляодунского полуострова, откуда только что были выдворены японцы. Аренда Порт-Артура позволила России получить одновременно незамерзающую базу для военно-морского флота и торговый порт. К городу планировалось провести ветку от Маньчжурской железной дороги.

Благодаря этим достижениям российское присутствие в Маньчжурии резко усилилось. Участие в подавлении Боксерского восстания в 1899—1900 гг. обеспечило России еще большие преимущества. После подавления восстания Россия просто не стала выводить свои войска из региона.

В этот период в правительстве наметились серьезные разногласия по вопросу российского военного присутствия в Восточной Азии. Витте, при поддержке министра иностранных дел Ламсдорфа, считал, что Россия должна вывести войска из Маньчжурии, так как расходы на содержание армии становились непосильны казне. Кроме того, военное присутствие России в Маньчжурии провоцировало другие государства, особенно Японию, к началу войны. Этого нельзя было допускать, так как Россия в то время к войне готова не была.

С другой стороны, военный министр генерал Куропаткин утверждал, что Россия должна остаться в Северной Маньчжурии, объявив ее протекторатом. Номинальным сюзереном в этом случае мог стать Китай.

При дворе были люди, строившие еще более далеко идущие планы. В 1898 г. на реке Ялу в Корею начала работу российская лесозаготовительная компания. Ее основателем был гвардейский офицер в отставке капитан А.М. Безобразов, имевший связи при императорском дворе. В число акционеров компании входил сам император Николай. Ему принадлежала инициатива установления на Дальнем Востоке наместничества. Наместником был назначен адмирал Е.И. Алексеев, командовавший Тихоокеанским флотом.

Установление наместничества по образцу Кавказа вывело регион из-под юрисдикции российских министерств и означало, что Николай II лично собирается проводить экспансионистскую политику на Дальнем Востоке. В августе 1903 г. Сергей Витте был смещен, и его и без того уже ограниченное влияние на политику было полностью устранено. Двор праздновал победу над дипломатией и министерствами.

Такое положение дел встревожило японцев. Они направили ноту русскому правительству. Для стабилизации отношений между двумя странами японцы предлагали признать особые интересы России в Маньчжурии взамен на эквивалентное признание японских интересов в Корее. Обеим сторонам запрещалось вводить войска на указанные территории, за исключением случаев необходимости поддержания общественного порядка.

На эти предложения Японии Россия так и не дала однозначного ответа. Ни министры, ни наместники не могли решить этого вопроса самостоятельно без одобрения императора, который почти все лето и осень 1903 г. находился вне Петербурга. Россия оставляла за собой свободу действий в Маньчжурии, но не спешила признать эквивалентные права Японии в Корее¹⁹.

В конце концов Япония отозвала своих дипломатов из Санкт-Петербурга и торпедировала русские корабли в Порт-Артуре. Несмотря на то, что ответственность за непосредственное начало войны лежит на японцах, общее разворачивание событий показывает русскую дипломатию далеко не в самом лучшем, но типичном для нее свете. Встревоженная появившимся на ее отдаленных границах вакуумом власти, Россия, как всегда, переоценила важность территориальных завоеваний (непонятно, зачем стране с таким количеством неосвоенных территорий нужны были новые земли). России не удалось правильно оценить свои возможности и четко сформулировать цели. Японская дипломатия внесла сумятицу в российские дела, потому что политическую линию поведения формировало не правительство, а дворцовая клика и отдельные министры, борющиеся за расположение царя.

Россия, как и все остальные страны в то время, недооценивала возможности Японии. Японцы сумели эффективно

мобилизовать силы на суше и море. Россия перевозила войска и снаряжение по единственной однокорлейной железной дороге — Транссибирской магистрали. Для укрепления Тихоокеанского флота она вынуждена была посылать корабли через целое полушарие. Никогда еще проблема нехватки выхода к морю не проявляла себя с такой остротой.

Русско-японская военная кампания 1904—1905 гг. была крупномасштабной и превзошла большинство европейских сражений XIX столетия. Две армии численностью 100 и 150 тысяч вели боевые действия вдоль границы, протяженность которой составляла около ста километров. Один этот факт стал серьезным препятствием для передвижения российских войск. В декабре 1904 г. после шестимесячной осады японцы захватили Порт-Артур. Через несколько месяцев под Мукденом, в Маньчжурии, была разбита большая русская армия. Тихоокеанский флот, зажатый японцами в Порт-Артуре, был потерян. Балтийский флот, более шести месяцев шедший ему на помощь, был разбит и почти полностью уничтожен в битве под Цусимой в мае 1905 г.

Вслед за этим Россия приняла предложение президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта выступить посредником в разрешении этого конфликта. Японцы, чьи ресурсы, несмотря на победу, резко истощились, были рады завершить войну. Потери России были не такими серьезными, как могло показаться. За ней оставались весь Приморский край, Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) и господствующее положение в Северной Маньчжурии.

Русификация

К 1881 г. можно было убедиться, что гражданская стратегия Александра II приведет его прямо под пулю убийцы. Со времен Польского восстания 1863—1864 гг. начались поиски альтернативной национальной стратегии. Главным ее сторонником был блестящий журналист Михаил Катков, издававший ежедневную газету «Московские ведомости». В начале

своей карьеры Катков был страстным поклонником британской политической системы и поддерживал реформы Александра II. Польское восстание убедило его в том, что местное мелкопоместное дворянство в многонациональной империи не стремится поддерживать порядок и закон, а, как правило, возглавляет антиправительственные силы и поддерживает сепаратистские тенденции. Катков предупреждал: «Свобода не означает свободу вооружать врага». Он пришел к заключению, что Россия и Польша не могут быть суверенными государствами одновременно. «Должно быть только одно: или Польша, или Россия... В этнографическом смысле нет антагонизма между русскими и поляками... Но поляк, как термин политический, есть естественный и непримиримый враг России»²⁰. Это был четкий призыв заменить гражданскую стратегию интеграции империи на национальную.

Польская модель стала просто отправным пунктом для процессов, происходивших в России в эпоху, когда национальное государство было одной из самых успешных политических форм в Европе.

«Есть в России одна господствующая народность, один господствующий язык, выработанный веками исторической жизни. Однако есть в России и множество племен, говорящих каждое своим языком и имеющих каждое свой обычай; есть целые страны со своим особенным характером и преданиями. Но все эти разнородные племена, все эти разнохарактерные области, лежащие по окраинам великого русского мира, составляют его живые части и чувствуют свое единство с ним в едином государстве, в единстве верховной власти — в царе»²¹ (М. Катков).

Рецепт Каткова заключался в объединении разрозненного национального материала в единый политический организм. Связующим звеном этого организма была верховная власть царя. Впоследствии это сочетание станет лейтмотивом многих авторитарных националистических движений XX столетия. Однако в самой Российской империи, где по-прежнему правили национальные элиты, его трудно было применять постоянно. Александра II сдерживали иерархия и привычные понятия об ответственном самодержавном правлении.

Его преемники, Александр III и Николай II, были более свободны в этом отношении. Они попытались объединить нерусские народы и регионы в единую систему империи сначала через административную интеграцию, а затем через распространение русского языка, культуры и православной религии. Национальные традиции нерусских народов из живой общественной силы превращались в декоративные этнографические приделки. Такая политика была естественным дополнением к экономической программе Витте, целью которой были развитие транспорта и ассимиляция отдаленных регионов в единую империалистическую экономику.

В исторической литературе Каткова обычно называют реакционером. На самом же деле то, что он предлагал, было радикальным средством обновления, прорывом в русской имперской практике, основанной на заигрывании с национальными элитами, используя их богатство, репутацию и покровительство, чтобы управлять различными народами. Катков предлагал обойти национальные элиты и установить протекторат непосредственно над народами, как это было сделано во время освобождения польских крепостных и последующих административных изменений в бывшем королевском конгрессе.

Катков понимал, что такая политика принесет стране больше единства и в дальнейшем будет способствовать распространению российской политической лояльности на территории империи. До некоторой степени эта модель напоминала британскую с ее монархией и национальными составляющими — Англией, Шотландией, Уэльсом и частью Ирландии, — принявшими единое гражданское сознание, не разрушив при этом свою национальную неповторимость.

Проблема заключалась в том, что даже после реформ Александра II гражданские институты в России были настолько неразвиты, что стратегия Каткова работала только в том случае, если нерусские народы оставались подчиненными и покорными. Такая национальная политика могла иметь успех на восточных окраинах Российской империи. Но среди более развитых народов запада России, например поляков, финнов, немцев или евреев, она привела бы к решительному сопротивлению с их стороны.

Украина

Наиболее жестко новая национальная стратегия была применена на Украине. Украина всегда была предметом спора между Россией и Польшей. Польское восстание только усугубило этот давнишний спор. Украина играла важную роль в этнической структуре империи. Украинцы были второй по численности национальностью. Согласно переписи 1897 г. их было 22,4 миллиона, что составляло 18% всего населения империи. Если бы они были ассимилированы русскими, то русские составили бы большинство населения — 62%. С другой стороны, если бы украинский разговорный диалект был признан самостоятельным литературным языком украинской нации, тогда русские составили бы всего 44% населения империи²².

Во второй половине XIX в. начинает формироваться украинская интеллигенция. Она возникла не в среде малороссийских помещиков, представлявших дворянское сословие, а в среде духовенства, горожан, обедневшей казацкой аристократии, гетманства. Как и в России, они объединялись в *кружки*, которых особенно много было в университетах Харькова и Киева.

Создание литературного украинского языка стало важнейшей задачей для украинской интеллигенции. Украинский язык не использовался для письменных или официальных целей. Для этого применялись церковно-славянский и русский языки. Существовало только множество крестьянских диалектов украинского языка.

Многие образованные украинцы сомневались в необходимости развития своего литературного языка. Самый талантливый украинский писатель 30-х годов XIX в. Николай Гоголь намеренно покинул родину и уехал в Петербург, где его произведения публиковались на русском языке. Он считал, что это единственно правильный путь к серьезной литературе.

Выход из этой сложной ситуации нашелся неожиданно. В 1798 г. Иван Котляревский опубликовал пародию на «Энеиду» Вергилия. В этой пародии греческие герои и боги Олимпа говорят, как простые украинские крестьяне. Сатира Котляревского имела непредвиденный эффект. Она была воспри-

нята очень серьезно, так как показала, что из сельских украинских диалектов можно создать литературный язык.

Пример Котляревского вдохновил первого крупного украинского поэта Тараса Шевченко. Его поэтический сборник «Кобзарь» был основан на сюжетах из украинской истории и фольклора. Шевченко синтезировал сельский и городской украинский диалекты с церковно-славянским языком, что позволило ему с предельной полнотой выразить свои мысли и чувства.

Поэзия Шевченко чем-то напоминает стихи Роберта Бернса. У обоих поэтов одинаковое мировоззрение. Шевченко выступал против русского самодержавного государства. «Земля наших предков теперь не наша», — писал он в своих стихах²³. Проникнутые национальным духом стихи Шевченко оставались неопубликованными до 1905 г. Они распространялись в рукописи и убеждали грамотных украинцев в том, что они могут быть нацией.

Становление украинской нации было серьезной проблемой, так как большинство малороссийской элиты составляли русские и польские помещики, евреи, немцы и русские горожане. Национальный дефицит до некоторой степени восполнялся с территории Галиции, которая была частью Габсбургской империи. В Галиции развитие украинской (рутенианской) культуры в противовес польской официально поощрялось. Благодаря неформальному ввозу литературы из Галиции к 60-м годам XIX в. российские украинцы открыли для себя собственный фольклор, начали собирать свои древности и писать собственную историю как историю, отличную от «москалей». В городах начали создаваться громады — украинские культурные общества. Для только что освобожденных украинских крепостных крестьян создавались специальные образовательные программы²⁴.

Активные культурные процессы на Украине встревожили императорский двор. Министр внутренних дел П.А. Валуев в 1876 г. предостерегал царя о том, что «разрешение создавать специальную литературу на украинском диалекте для простых людей способствует отделению Украины от России... Допустить отделение тринадцати миллионов малороссов будет крайней политической безответственностью, особенно на фоне объединительных процессов, происходящих в соседней Германии».

В результате царь издал указ, запрещающий публикацию на украинском языке любых книг, кроме художественной литературы и фольклора. Украинский язык был запрещен для использования в театре. На ввоз литературы на украинском языке из-за границы также был наложен запрет²⁵.

Эти меры способствовали тому, что центр культурной деятельности украинцев переместился за границу, в габсбургскую Галицию, регион с совершенно другими традициями. Корни восточных украинцев, непосредственно связанных с Россией, лежат в традициях казачьей вольницы. Украинцы, жившие в Галиции, имели собственную Грекокатолическую, или униатскую, церковь. У них сильнее было развито сословное сознание, они были представлены на всех уровнях габсбургского общества, имели более крепкие правовые традиции. И тем не менее габсбургские галисийцы оставались бесперспективным, экономически неразвитым этносом. У них не было серьезных национальных лидеров в светской среде²⁶.

К началу XX столетия перспективы появления самостоятельной украинской нации были весьма слабыми. Украинская национальная элита была неразвита и разбросана по маленьким городкам. Крупные украинские города находились в руках других национальных групп. Письменная культура украинцев была едва развита и не имела широкого распространения. Только революционные преобразования XX столетия наряду с крушением Российской империи смогли обеспечить условия для национальной независимости украинцев.

К юго-западу от Украины, между Днестром и Прутом, находилась Бессарабия. После Крымской войны она была потеряна, затем по условиям Берлинского договора вновь стала территорией России. Когда-то Бессарабия была частью Румынии. Там жило смешанное городское население. Крестьяне говорили на множестве романских диалектов. Это была единственная европейская территория Российской империи, находившаяся под постоянной угрозой отделения. Русское правительство активно посылало сюда своих чиновников, купцов и помещиков. В начале XX в. в среде этого грубого, неотесанного правящего класса иммигрантов получили широкое распространение антисемитские и правозкстремистские взгляды.

Финляндия и Прибалтика

Финляндия была особым регионом. Ее границы слишком близко прилегали к столице Российской империи и базе Балтийского флота. Финляндия стала частью России в 1809 г. С самого начала она пользовалась особым статусом великого княжества, управляемого царем. У Швеции Финляндия занимала четырехсословный парламент, в состав которого входили крестьяне. Поначалу финский парламент был не очень активен, но с 1863 г. начал собираться регулярно. Финляндия имела свои собственные законы, образовательную систему, валюту и даже армию. Лютеранская церковь пользовалась правом свободы религиозных отправлений и могла открывать свои школы.

Под покровительством империи, в условиях громадного российского рынка финская экономика развивалась в благоприятных условиях. Гражданские права в Финляндии были развиты гораздо сильнее, чем в других частях империи. Финны в отличие от темпераментных и непокорных поляков были весьма лояльны по отношению к России²⁷.

Финский правящий класс, дворянство, чьи предки были увековечены в пышном готическом Риттерсаале в Хельсинки, говорили в основном по-шведски. По-шведски говорила торговая и промышленная буржуазия. С другой стороны, духовенство и быстро растущая интеллигенция одинаково хорошо владели и шведским, и финским языками. Они сознательно развивали и пропагандировали финскую культуру и финский язык. Финский язык преподавали в начальной и средней школах, где обучалась большая часть населения.

Доктор Элиас Лённрот много путешествовал среди финнов, карелов и лопарей, записывал их фольклор. Лённрот был уверен, что фольклорные песни и баллады, которые он записал, содержат фрагменты утерянного древнего эпоса. Он составил из них фольклорную поэму «Калевала» (1835), положив тем самым начало финскому литературному языку. Это был хороший пример того, как интеллигенция может если и не создавать национальные традиции, так по крайней мере синтезировать их²⁸.

Относительная гармония между Финляндией и Россией была нарушена в конце 1898 г., когда Николай II назначил генерал-губернатором Финляндии Николая Бобрिकова. Задачей Бобрикова была полная интеграция финского населения в рамках Российской империи. Бобриков намеревался отменить особый статус финской армии и призывать финнов на службу в российскую армию. Предполагалось также увеличить объем преподавания русского языка в средней школе и сделать русский официальным языком администрации. Парламент Финляндии должен был перестать подчиняться непосредственно императору и перейти в подчинение Государственному Совету в Санкт-Петербурге.

Ответная реакция финнов была достойна их прежнего автономного статуса. Они бойкотировали все русские учреждения и составили Великое обращение к царю, которое подписала примерно пятая часть всего населения. С этим письмом в Петербург к царю отправилась делегация из 500 человек (которую царь отказался принять). Призывники не являлись на призывные пункты. Соотечественники прятали их. Финское сопротивление оказалось не только пассивным. В июле 1904 г. Бобриков был убит²⁹.

Русификация превратила спокойных, лояльных к империи финнов в разочаровавшийся и потенциально взрывоопасный народ. И тем не менее поведение финнов было необычно для подобных ситуаций. Их стремление иметь собственные политические учреждения, высокий уровень грамотности и традиции крестьянской независимости почти всегда сочетались с мирным гражданским сопротивлением.

Русское правительство применило политику русификации даже в Балтийских провинциях, где господствующим классом были немецкие землевладельцы, непоколебимо лояльные по отношению к царю. Балтийские бароны были единственным сословием в империи, сохранившим свои средневековые привилегии до XIX в. Правда, они не имели прав собственности над эстонскими и латышскими крестьянами, которые были освобождены в 1816—1819 гг., не получив в собственность даже маленького надела земли, поэтому бароны все еще имели над ними значительную экономическую власть.

В ландтаге — местной правительственной ассамблее Балтийских провинций — власть принадлежала корпорациям баронов (риттершафтен). Немецкие бароны контролировали органы самоуправления, гильдии и Лютеранскую церковь.

Начиная с Петра I все русские цари подтверждали привилегии немецких баронов. Александр III, взойдя на трон, принял символически важное решение более не подтверждать их. Он не отменил риттершафтен в качестве местных правительственных учреждений, а начал постепенно подтачивать их власть, вводя русское судопроизводство и русский язык для административных и юридических нужд. Были открыты «министерские школы», обучение в которых велось только по-русски. Эти школы контролировались непосредственно из Санкт-Петербурга. Многие эстонцы и латыши получили в них образование, позволявшее им работать в любом месте империи.

В 1893 г. был закрыт Дерптский немецкий университет. Он вновь открыл свои двери уже как русский Юрьев университет. В Риге и Ревеле были построены большие православные соборы с золотыми куполами. На фоне средневековой ганзейской архитектуры они выглядели довольно странно³⁰.

Мероприятия русского правительства ослабили власть немецких баронов в регионе не очень значительно; они лишь подорвали их политическое положение. Это дало латышам и эстонцам возможность развить свой собственный гражданский статус. Они были к этому хорошо подготовлены. С конца XVI в. немецкие лютеранские пасторы доносили слово Божие своей пастве на латышском и эстонском языках. Библия также была переведена на эти языки и доступна для простых людей. В XIX столетии начальное обучение было уже широко распространено. Немцы также способствовали изучению фольклора и систематизации эстонского и латышского языков. Иоганн Гердер, первый крупный проповедник национальной самобытности в Европе, заимствовал идеи из латышского фольклора, когда служил пастором в Риге.

С 60-х годов XIX в. местные крестьяне получают землю в полную собственность. Они также начинают осваивать го-

родские профессии и пополнять рабочий класс быстро растущих портовых городов Риги и Ревеля (Таллина). К концу XIX столетия у эстонцев и латышей появляется широкая сеть певческих клубов, учительских ассоциаций, сельскохозяйственных кооперативов и других культурных и экономических организаций. Не считая немцев, эстонцы и латыши были наиболее грамотными народами в империи³¹.

В результате образовалась взрывоопасная смесь: архаические политические институты, которые сдерживали быстрое экономическое развитие, и давление неудовлетворенных эстонцев и латышей, стремившихся принимать активное участие в политической жизни своих стран. Во время событий революции 1905—1907 гг. Балтийские провинции стали одним из самых беспокойных регионов империи. В январе 1905 г. Рига тоже прошла через «кровавое воскресенье». Войска расстреляли демонстрацию рабочих, протестовавшую против расстрела 9 января 1905 г. Двадцать два человека были убиты и около шестидесяти ранены. Крестьяне устроили забастовку, отказались платить ренту, бойкотировали немецкие и русские суды. Власти предприняли попытку усмирить крестьян, но те начали поджигать поместья. Ливонским помещикам пришлось прибегнуть к помощи вооруженных отрядов, чтобы защитить свою собственность. Потери с обеих сторон оказались серьезными. Для восстановления порядка правительство вынуждено было послать в регион карательные экспедиции³².

Русскому правительству и немецким баронам приходилось приспособляться друг к другу. Русификацию начали сворачивать. Немецкие бароны поддержали в Думе октябристов, сторонников реформы монархической империи. Некоторые балтийские землевладельцы, не особенно доверяя этим договоренностям, начали налаживать отношения с немцами из других регионов и культивировали связи с немецким рейхом. Они словно предвидели то время, когда принадлежность к немецкой нации будет более важна, чем статус в Российской империи³³.

Кавказ

Русская администрация на Кавказе сумела объединить разрозненные феодальные княжества в более или менее единые провинции, сглаживая все несоответствия и аномалии, и, несмотря на жестокое сопротивление, феодальным распрям был положен конец. Грузинские аристократы и армянские торговцы были вовлечены в имперскую образовательную систему. Они усвоили европейские идеи, в том числе идею национального государства, и начали осознавать себя в качестве элиты формирующихся наций. Они осознавали свой долг донести национальный язык и культуру до неграмотных соплеменников. Часто такое национальное сознание принимало форму враждебного отношения к мусульманским народам, жившим среди них.

Экономическая система империи в целом способствовала обогащению кавказских народов. Особенно преуспевали армяне. Они с успехом использовали обширный рынок империи для продажи вина, коньяка, оливок и цитрусовых. У грузинских аристократов дела шли немного хуже, особенно после освобождения крестьян в 1860-х гг. Многие грузинские помещики так же, как когда-то русские, продавали то, что оставалось от их поместий, и искали себе занятие в больших городах. Здесь они, к своему неудовольствию, обнаружили, что в большинстве городских профессий доминируют армяне. В этих условиях некоторые из них стали членами подпольных националистических и социалистических организаций. В Грузии национализм и социализм шли рука об руку. Антиармянские настроения часто маскировались как антикапиталистические³⁴.

Современное армянское национальное сознание формировалось не как оппозиция России, которую они рассматривали как свою защитницу, а как оппозиция Османской империи, где в 1890-е гг. армяне подвергались погромам со стороны турок и курдов. Дашнаки, члены армянской революционной партии, организовывали на территории Османской империи отряды народной милиции, но когда в 1896—1903 гг. русское правительство отобрало у армян их церковную собственность,

включая церковные школы, оружие дашнаков обратилось против русских чиновников. Армяне также с подозрением относились к азербайджанским туркам, которых они считали родственниками своих угнетателей из Османской империи³⁵.

Азербайджанцы были в основном скотоводами и торговцами цитрусовыми и оливками. Они принадлежали к той же языковой семье, что и анатолийские турки. Несколько столетий азербайджанцы жили на территории Персидской империи и исповедовали шиитскую форму ислама. Немногочисленная азербайджанская интеллигенция, сосредоточенная в основном в городах, пользовалась собственным письменным языком.

Развитие нефтедобывающей промышленности заставило многих неквалифицированных азербайджанских рабочих искать заработки на Каспийском побережье. Их национальное сознание резко активизировалось во время событий 1905—1906 гг. Армяне Баку и Тифлиса были изолированным и относительно благополучным средним классом. Они-то и стали мишенью для обиженных азербайджанцев, занимавших самые низкие социальные позиции в больших городах.

Теперь антиармянские погромы начали происходить и на территории Российской империи, так же как и Османской. Армяне под руководством дашнаков вновь стали создавать отряды народной милиции для самообороны. В этот момент политика русских властей по отношению к дашнакам резко изменилась. Осознав, что армяне — их неизменные союзники на Кавказе, русские власти вернули им церкви и школы и начали сотрудничать с дашнаками, восстанавливая порядок в регионе³⁶.

Евреи

Отношение русского правительства к евреям в этот период обычно рассматривается в русле политики русификации. Однако этот термин не совсем подходит. Царский режим постепенно отказался от ассимиляции евреев в российскую нацию и отверг их как чужаков. С 1880-х гг. наряду с кочев-

никами и мусульманами Средней Азии евреев стали причислять к инородцам³⁷.

Опыт 1878—1882 гг. показал, что ни панславизм, ни популизм не годятся как стратегии для объединения народов Российской империи. В то же время после гибели Александра II в черте оседлости начались еврейские погромы. Это натолкнуло Ивана Аксакова, одного из лидеров панславистов, на мысль о том, что антисемитизм может стать альтернативной объединительной идеологией. «Евреи в черте оседлости, — писал Аксаков, — составляют у нас «государство в государстве»... Государство, центр которого вне России, за границей, которого верховным правительством является «Всемирный Еврейский Союз» в Париже». По мнению Аксакова, этот союз стремится к господству над христианским миром³⁸.

Аксаков придумал историю о заговоре, которая в течение многих десятилетий была популярной темой для сплетен и упоминалась в одной или двух работах по этнографии и теологии, но которую ни один серьезный политический деятель не использовал. В теории «всемирного еврейского заговора» отразилась неосознанная неудовлетворенность русской интеллигенции своей неспособностью привести русскую нацию к процветанию. Сторонники этих взглядов ощущали себя жертвой некоей мистической международной силы. В каком-то смысле они были правы, но их истинным врагом было Российское государство, импортировавшее чуждую культуру и отвергавшее русские национальные традиции.

Антисемитизм был разновидностью неудовлетворенного славянофильства, порожденного отчаянным сознанием того, что русские потерпели неудачу в формировании собственной нации. В интересах империи русские подавляли свой мессианский миф, в то время как евреи продолжали верить, что они избранный народ. Славянофилы тщетно грезили о крестьянской общине, основанной на истинно христианских принципах. Руководимые религиозными лидерами, евреи сохранили прочные общественные связи и продолжали развивать свою мессианскую религию. Русские же не сумели сделать мессианскую религию центром своего национально-го единства³⁹.

Антисемитизм не был логически последовательной правительственной политикой. Некоторые министры выступали против него. Министр финансов Витте одобрял энергию и предпринимательство евреев, имевших хорошие связи в международном финансовом мире. Однако с 1880-х гг. режим сократил и без того урезанные права евреев. Власти опасались, что в условиях более свободной пореформенной экономики евреи превзойдут русских в бизнесе и приведут их к банкротству.

Евреям запрещалось приобретать собственность в сельских районах, даже в черте оседлости. Полиции было предписано усилить паспортный режим. На Пасху 1891 г. евреев выселили из Москвы. Им запретили заниматься адвокатской практикой и военно-медицинскими профессиями. Доступ евреев к среднему и высшему образованию был ограничен. Они не могли принимать участие в земских и муниципальных выборах⁴⁰.

Антисемитская кампания, направленная против Витте, достигла своей кульминации в создании документа, ставшего известным как «Протоколы сионских мудрецов». Непосредственное отношение к созданию «Протоколов» имеет глава департамента полиции при Министерстве внутренних дел Вячеслав Плеве, ярый противник Витте. «Протоколы сионских мудрецов» якобы представляют собой дословную запись собраний лидеров международных еврейских организаций, разрабатывавших захват мира. Из текста этого документа следует, что евреи использовали либерализм и лозунги Французской революции для подрыва законных монархий во всей Европе. Они манипулировали промышленностью и финансами, для того чтобы разрушить земельную аристократию. Используя школы, университеты и средства массовой информации, они пытались подорвать общественную мораль. Единственным препятствием на их пути осталось российское самодержавие. Свергнув его, евреи установят собственное мировое правительство и безжалостное, но действенное полицейское государство⁴¹.

Это была модернизированная версия старого русского мифа об Антихристе из заморских земель. Она не смогла

повлиять на карьеру Витте, чьи заслуги были слишком очевидны, но запятнала конституционную политику России после 1905 г. и отрицательно повлияла на судьбы евреев по всей Европе. По иронии судьбы этот кошмар предвосхитил советское коммунистическое государство и нацистскую Германию.

«Протоколы сионских мудрецов» имели мало отношения к волне погромов, прокатившейся по черте оседлости в 1903—1906 гг. Этот деструктивный выброс нездоровых эмоций был результатом быстрого экономического роста, радикальных политических изменений и миграции населения. Все это породило ненависть по отношению к народу, который, по общему мнению, преуспевал, не порывая с традиционным образом жизни.

Погромы следует рассматривать в контексте всех общественных беспорядков, имевших место в те годы: крестьянских волнений, стачек, демонстраций, беспорядков в городах и этнических распрей. Погромы возродили традиции самосуда. Простые люди, возомнив себя вершителями правосудия, жестоко и несправедливо мстили тем, кого они считали повинными в своих бедах. С октября 1905 г. по январь 1906 г. более 3000 евреев были убиты, 800 из них в Одессе, городе с этнически смешанным населением, где межэтнические распри были очень сильны.

Местные власти часто оказывались не в состоянии самостоятельно справиться с крупными общественными беспорядками, особенно после Октябрьского манифеста. Стало непонятно, где настоящая власть и кого нужно поддерживать. Даже если представители местной администрации не страдали антисемитизмом, они знали, что сам Николай II недолюбливал евреев. В письме своей матери он так объяснял причину еврейских погромов: «...народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как $\frac{9}{10}$ из них — жида, то вся злость обратилась на тех — отсюда еврейские погромы»⁴².

Николай приветствовал образование Союза русского народа, создававшего вооруженные формирования — «черные сотни» — для защиты веры, царя и отечества против внутреннего врага. «Черные сотни» ответственны не только за

нападение на евреев. Они нападали на студентов, на тех, кого они считали социалистами. На их совести убийство двух членов партии кадетов из Государственной думы. Они также покушались на жизнь Витте. Невзирая на все эти безобразия, Николай II носил знаки отличия Союза русского народа и публично приказал субсидировать его из государственной казны⁴³.

Личная позиция царя не стала правительственной политикой и никого не освободила от ответственности за погромы. Наряду с другими революционными беспорядками погромы угрожали закону и хрупкому межнациональному согласию, на котором держалась империя. Однако отдельные министры поступали по-своему. Департамент полиции, подотчетный Министерству внутренних дел, отпечатал листовки, имевшие отношение к «Протоколам сионских мудрецов». «Знаете ли вы, братья, кто виноват в наших бедах? Знаете ли вы, что евреи всего мира объединились и решили разрушить Россию до основания? Когда бы вы ни встретили этих отступников Христовых, рвите их на куски, убивайте их»⁴⁴. Министр внутренних дел П.Н. Дурново не мог лично приказать распространять такую пропаганду, но и не препятствовал этому.

И все же правительство не может полностью снять с себя ответственность за то, что использовало антисемитизм для привлечения в поддержку режима простых людей в периоды общественной нестабильности.

Русская культура и национальная идея

На протяжении всего XIX столетия ни самодержавное государство, ни Русская православная церковь не смогли создать образ России или краткую историю России и ее традиций, которые привлекали бы всех русских людей, независимо от их социального положения. Этим были обеспокоены писатели, музыканты, художники и театральные деятели.

В русской музыке можно выделить две традиции: фольклорные песни и танцы и церковные песнопения⁴⁵. Песнопения

пришли из Византии, где хоровое пение не сопровождалось инструментальным аккомпанементом. Так же как русские иконы, церковное пение приобрело на Руси свой неповторимый колорит, впитав традиции фольклорного пения.

Русское фольклорное пение было гетерофоничным. Оно не знало гармонии и полифонии. Каждый певец вел свою мелодическую линию независимо от других, но оставаясь с остальными в одном музыкальном ключе. Один из исследователей писал о русском пении: «Эти мелодии не греются на солнышке, как итальянские. Они, как корни, с трудом пробиваются в почве»⁴⁶. Приземленность и меланхоличность русской мелодики обеспечили особую ценность в России низким голосам как в церковной, так и в светской музыке.

В XIX в. связи со средневековой литургической традицией в музыке были уже незначительны. После реформ Петра I русские музыканты изучили посттридентские образцы западной полифонической и гармонической музыки и освоили ее исполнение в императорской часовне, а потом новую манеру пения подхватили и другие церковные хоры. Старый стиль пения постепенно исчезал. Знаки, которыми он был записан, трудно было расшифровать. Собранное и опубликованное Священным синодом в 1772 г. четырехтомное собрание песнопений, пожалуй, единственная сохранившаяся запись подобной музыки.

Тем временем в поместьях начал появляться новый музыкальный стиль, основанный на западных образцах. Оркестр и хор состояли из крепостных музыкантов, обученных игре в итальянской и австрийской манере. В Санкт-Петербурге опера и балет развивались при поддержке двора. Сначала композиторов и постановщиков привозили из-за рубежа. Затем ведущих русских музыкантов стали посылать за границу для обучения.

Первым композитором, сумевшим объединить разрозненные музыкальные стили в нечто цельное, был Михаил Глинка (1804—1857). Он получил музыкальное образование в Италии у Доницетти и Беллини. Опера Глинки «Жизнь за царя», поставленная в Санкт-Петербурге в 1836 г., считается первой русской оперой. Она написана в итальянском фор-

мате с использованием мелодий, заимствованных из русского фольклора. Сюжет оперы относится к событиям 1613 г. Он повествует о простом крестьянине Иване Сусанине, который, рискуя жизнью, намеренно завел польскую армию в лес, спасая молодого царя Михаила. Звучащая в опере оркестровая пьеса «Камаринская» написана с использованием русской мелодической техники путем простых повторений.

В 1850—1870-е гг. все русские композиторы были либо самоучками, либо получили неполное образование за границей. Николай Римский-Корсаков (1844—1908), ставший профессором музыки в 1871 г., признавался, что ко времени своего назначения профессором он не написал ни одного контрапункта и не знал, как называется седьмая уменьшенная октава⁴⁷. Возможно, по этой причине русские музыканты любили демонстрировать свое пренебрежение «академическим германским занятиям» гармонией и контрапунктом.

Значительно больше они заботились об изучении русской народной музыки. Милий Балакирев (1836—1910) объездил все Поволжье, собирая и записывая фольклорные песни, в том числе знаменитую «Дубинушку». Путешествуя по Кавказу, Балакирев услышал мотив, который использовал в фортепьянной пьесе «Исламей». Балакирев стал признанным лидером национальной школы композиторов, стремившихся создать истинно русский стиль в музыке. Влиятельный критик Владимир Стасов назвал их «Могучей кучкой».

Одним из самых талантливых и долгое время самым влиятельным композитором «Могучей кучки» был Модест Мусоргский (1839—1881). Он неоднократно повторял, что русская музыка должна отражать русскую жизнь. Некоторое время Мусоргский жил в артели, созданной по образцу той, что описана в романе Чернышевского «Что делать?». Он считал, что мелодии нужно заимствовать из фольклора, церковных распевов и ритмов русской разговорной речи. Оркестровки Мусоргского были очень скудны, а гармонии так необычны, что его последователи считали необходимым дорабатывать их перед исполнением на публике.

Исправления или по крайней мере редакция произведений Мусоргского были неизбежны. Он умер молодым и оставил два

самых значительных произведения — оперы «Борис Годунов» и «Хованщина» — незаконченными. Сюжеты обеих опер относятся к поворотным моментам русской истории, когда сталкиваются русская и западная культуры и возникает вопрос о недостатке доверия народа к своим правителям.

Опера «Борис Годунов» основана скорее на пушкинском тексте, нежели на исторических событиях. В ней показан царь-герой, которому бросил вызов изворотливый, лживый притворщик, приведший в Россию польские войска и иезуитов.

У Бориса абсолютно русская натура, но он подточен изнутри, подавлен виной за убийство царевича Дмитрия, хотя больной человек не смог бы руководить национальным сопротивлением. Время от времени толпы москвичей собираются около Кремля, чтобы понаблюдать и обсудить события, на которые они не в силах повлиять⁴⁸. Власть в России показана как вынужденная, но далекая от людей и аморальная.

«Хованщина» требовала более серьезной доработки, чем «Борис Годунов». В ней еще острее показан конфликт между русской стариной и западными нововведениями. Зрители наблюдают интриги конца XVII в., разворачивающиеся в период восшествия на престол Петра I. Опера заканчивается тем, что староверы, недовольные реформами правительства, сжигают себя заживо внутри деревянной церкви. К загорающейся церкви приближаются петровские солдаты.

Музыкально эта коллизия выражена полным сопоставлением православного литургического песнопения и западного военного марша. Комментаторы и корректоры партитуры так и не смогли с уверенностью сказать, на чьей же стороне был Мусоргский: на стороне Петра или на стороне староверов. Не исключено, что его занимал именно жестокий и неразрешимый конфликт между старым и новым.

В июне 1872 г. Мусоргский написал письмо критику Владимиру Стасову в связи с празднованием двухсотлетия со дня рождения Петра I. Оно помогает нам понять сильные, но еще незрелые чувства Мусоргского того времени:

«Черноземная сила проявится, когда до самого днища ковырнешь. Ковырнуть чернозем можно орудием состава ему по-

стороннего, и ковырнули же в конце XVII-го <века>. Русь-матушку таким орудием, что и не распознала сразу, чем ковыряют, и как чернозем раздалась и дыхать стала. Вот и восприняла сердечная разных действительно и тайно статских советников и не дали ей, многострадальной, опомниться и подумать: «куда прет»?.. «Ушли вперед!» — врешь, «там же!».. Пока народ не может проверить воочию, что из него стряпают, пока не захочет сам, чтобы то или то с ним состряпалось — там же! Всякие благодетели горазды прославиться, документами закрепить препрославление, а народ стонет, а чтобы не стонать, лих упивается и пуще стонет: «там же!»⁴⁹.

В 1862 г. Антон Рубинштейн открывает в Санкт-Петербурге консерваторию. В 1866 г. открывается консерватория в Москве. У русских появляется возможность получать высшее музыкальное образование. Одним из первых полный курс обучения прошел Петр Чайковский (1840—1893). «Могучая кучка» относилась к нему с подозрением. Он сделал больше, чем кто-либо другой, для сближения русской и западноевропейской музыки. В своих симфониях и концертах Чайковский использовал русские мелодии в рамках сонатной формы. Мелодии из его произведений, особенно балетов, вскоре стали известны в Европе и Северной Америке⁵⁰.

Чайковский открыл дорогу более поздним композиторам, которые могли не просто синтезировать русскую и западную музыку, но и изобретать новые стили на базе этого синтеза, недаром в 1910-х гг. отсталая Россия находилась в авангарде мировой экспериментальной музыки. Европейцы перенимали у русских музыкантов современные технические приемы. Самым радикальным русским музыкантом был Игорь Стравинский (1882—1971). Он изучал традиции фольклорной музыки еще более углубленно, чем «Могучая кучка», его также интересовали языческие мелодии и ритмы.

В балете «Петрушка» в качестве музыкальной основы используются ярмарочные, балаганные мелодии, а движения танцоров напоминают движения кукол-марионеток⁵¹. В «Весне священной» Стравинский средствами балета воспроизводит древние обряды, связанные с культом плодородия и человеческими жертвоприношениями. Скупые мелодические сред-

ства и однообразные, повторяющиеся, суровые ритмы должны были олицетворять замкнутость и ненарушимость природных циклов. Здесь контраст между элитарной и народной культурой проявился очень резко. Никому из европейских композиторов не удавалось достичь такого поразительного результата. «Весна священная» резала уши как не подготовленным к ней европейцам, так и русским. Она была наполнена примитивной энергией, которая в зависимости от вкусов привлекала или отталкивала. Первое представление «Весны священной» в Париже было освистано, зрители покидали зал во время действия, но это было сигналом к появлению модернизма — нового направления в современной европейской музыке⁵².

Спектакли «Русского балета Сергея Дягилева», представлявшего в том сезоне произведения Стравинского, демонстрировали одновременно и достижения русского изобразительного искусства. В 1863 г. четырнадцать студентов Императорской академии художеств отказались принимать участие в борьбе за золотую медаль, присуждаемую за лучшее произведение в классическом стиле. Они покинули стены академии и основали независимую артель художников в духе Чернышевского. Молодые живописцы заявили о намерении отображать в своих работах жизнь простых русских людей, бедных и угнетенных. Они называли себя передвижниками, так как выставлялись в провинциальных галереях, переезжая из города в город. Их деятельность поддерживал русский промышленник Павел Третьяков, основавший в Москве картинную галерею. Билеты в эту галерею были очень дешевыми, поэтому ее могли посещать простые люди⁵³.

Еще одним известным ценителем искусства был железнодорожный магнат Савва Мамонтов. В 1870 г. он купил Абрамцево, поместье писателя-славянофила Сергея Аксакова, расположенное неподалеку от Троице-Сергиева монастыря, и превратил его в центр по возрождению русских художественных ремесел. В Абрамцево занимались керамикой, мебелью, вышивкой и иконописью. Мамонтов основал мастерские, в которых местные крестьяне обучались этим ремеслам, а также приглашал известных художников, изу-

чавших народные приемы мастерства и использовавших их в своем творчестве. Такое взаимодействие положило начало новой школе русского прикладного искусства, которая включала гончарное искусство, дизайн интерьера, театральные декорации и так далее. Мамонтов финансировал журнал «Мир искусства», выпускаемый Сергеем Дягилевым. Этот журнал помогал объединить достижения абрамцевских мастеров с основными направлениями в развитии русского изобразительного искусства, а позднее использовать их при создании костюмов и декораций для постановок «Русского балета»⁵⁴.

В живописи, как и в музыке, наметилась тенденция отхода от общепринятых сюжетов и форм в сторону примитивизма и основ. Так, Василий Кандинский изображавший в своих ранних работах казаков, церкви, крестьянские хаты и народные праздники в яркой красочной манере, постепенно изгнал эти сюжеты со своих холстов. Остались только цвет и форма. Наталия Гончарова и Михаил Ларионов вначале писали жанровые сцены из жизни крестьян, рабочих и солдат, но затем все больше и больше стали концентрироваться на линии и форме, пока их картины не приобрели абстрактные конфигурации. Кульминацией абстрактного искусства стала картина Казимира Малевича «Черный квадрат», выставленная в «красном» углу Петроградской выставки 1915 г. Трудно представить себе больший отход живописи от изобразительности и смысла.

Апокалиптические настроения в обществе и колоссальный разрыв между элитарной и народной культурой заставили русских художников искать новые изобразительные средства и формы, а также новый смысл искусства. Россия была местом самых радикальных экспериментов в Европе в области искусства. На протяжении большей части XX столетия она оставалась в авангарде эстетических исследований.

После отмены в 1882 г. монополии императорского театра Мамонтов снова помог в финансировании театральных постановок. Билеты на спектакли, финансируемые Мамонтовым, были доступны по цене простым людям. С помощью актера и режиссера Константина Станиславского Мамонтов открывает Московский Художественный театр, в котором

играл роль хозяина по отношению к труппе, формировавшейся на принципах артели. В ней не было «звезд», которые обычно занимали все внимание рецензентов. Аплодисменты во время действия и музыка в паузах не поощрялись. Актеры старались создать на сцене иллюзию реальной жизни. Самые удачные постановки театра, включая пьесы Антона Чехова (1860—1904) и Максима Горького (1868—1936), содержали сильный элемент социальной критики. В них изображалась жизнь простых русских людей из разных общественных слоев, в том числе и самых низших⁵⁵.

Третьякова и Мамонтова вдохновляла мысль о том, что они возрождают истинно русское, московское искусство, отличное от академической и космополитичной культуры Санкт-Петербурга. Вот почему они поощряли изображение в художественных произведениях жизни простых людей, фольклорные и религиозные темы, включая сюжеты из жизни староверов. Они были убеждены в том, что их богатство должно служить обществу и помогать людям как в материальном, так и в духовном смысле. Помимо прочего они хотели добиться признания и политического влияния в обществе, в котором все еще господствовали крупные помещики⁵⁶.

Несомненно, однако, что художественной формой, в которой наиболее полно отразились чаяния русских людей, была литература, особенно художественная проза. Это направление было начато еще Пушкиным в поздний период его творчества, когда он все меньше писал стихи и все больше внимания уделял исторической прозе.

Еще в 1830—1840-х гг. Николай Гоголь поверил в то, что его произведения смогут спасти Россию. Он сравнивал государство с Молохом, разрушающим человеческие жизни. Империя держалась на «мертвых душах». Сюжет поэмы (именно так обозначил жанр сам автор) с таким названием был основан на административной уловке, которая позволяла считать живыми всех крестьян, умерших в промежутке между двумя переписями. Такие крестьяне официально именовались душами, что староверы считали очень оскорбительным. За таких крестьян нужно было платить налог. Мошенник Чичиков,

скупавший «мертвые души», стал символом бездушия официальной России.

Во втором томе «Мертвых душ» Гоголь пытался отразить дух православия и тем самым сгладить впечатление от первого тома. Но он не смог закончить эту книгу и в конце концов сжег рукопись второго тома. Его величайшее произведение заканчивается символическим изображением несущейся тройки. По заснеженным просторам необъятной России она несется стремглав в неизвестном направлении, а люди с изумлением и ужасом смотрят ей вслед. Современники писали, что «Гоголь не выдержал груза своего предназначения»⁵⁷.

Лев Толстой (1828—1910) вынес свои религиозные искания за рамки литературной деятельности, создал религиозное движение, не признанное Церковью. Оно стало очень популярным в последние десятилетия существования империалистического режима. Толстому в его литературных произведениях удалось отразить образ России. В романе «Война и мир» он показывает победу русских над Наполеоном не как триумф генералов, а как заслугу простого народа. Эту победу определило не «количество боевых знамен на поле боя», а нравственная убежденность простого русского человека, обезоружившая врага⁵⁸. Для исхода битвы решающим фактором стали не расчеты генералов, а солидарность простых солдат. Кутузов у Толстого — мудрый командир, понимающий ограниченность своего значения для истории, в отличие от Наполеона, для которого поле боя — шахматная доска и который верит в то, что история совершается по его приказам.

Главный герой романа «Война и мир» Пьер Безухов — альтер эго самого писателя. В молодости он пытается спасти себя и Россию, став членом масонской ложи и мечтая об убийстве Наполеона. В конце книги он следует доморощенному учению простого крестьянина покориться воле Божией и принимать жизнь такой, какая она есть.

Религия Льва Толстого отрицала все государственные ценности: армию, правительство, Православную церковь. Толстой отрицал насилие и приветствовал создание общества, основанного на морали мирного взаимодействия. Работы, в

которых Толстой изложил свои религиозные взгляды, были осуждены Православной церковью. Писатель был отлучен от церкви. Однако это не повлияло на его огромную популярность среди людей всех общественных слоев — скорее наоборот. После смерти Толстого в 1910 г. его отказались хоронить по церковному обряду. Это вызвало протест широких слоев российской общественности и привело к студенческим беспорядкам по всей империи.

Глубже других писателей в душу русского человека смог проникнуть Федор Достоевский (1821—1881). Популярность его литературных героев среди читающей русской публики была огромной. В своем романе «Братья Карамазовы» Достоевский описал старца отца Зосиму, ведущего аскетический созерцательный образ жизни в традициях Афонского монастыря. Еще в молодости Зосима порвал с царской Россией, которую для него олицетворяла армия, и ушел в монастырь. До конца своих дней он принимал паломников, приходивших к нему в трудные минуты своей жизни, и давал им утешение.

Герой романа «Братья Карамазовы» Алеша проходит через похожие испытания. Сначала его увлекает социализм и атеизм, но затем он встает на путь Зосимы, который был убежден: «От народа спасение Руси... Народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь»⁵⁹.

Хотя Достоевскому не удалось претворить свои идеи в жизнь, он сумел создать «литературную конструкцию» России. Достоевский верил в богоизбранность русского народа. Он считал, что русские люди отмечены особыми страданиями, достоинством и исключительным сочувствием к другим народам. Вот почему на русский народ возложена особая миссия: донести правду православной религии всему остальному миру.

Это был мессианский миф о «святой Руси», возрожденный в век атеизма, национализма и технического прогресса. По мнению Достоевского, Россия не переняла этих ценностей Запада. Атеистическое сознание не было сильно в России, ее материальный уровень был низок, в ее национализме присутствовали щедрость и понимание по отношению к дру-

гим нациям. Именно эти качества русской природы должны были спасти человечество. Достоевский больше, чем кто-либо, видел величие России в скромности ее людей и их умении страдать. Многонациональная империя и крестьянская община объединялись им в единое целое.

К 1890-м годам в русской литературе, помимо реализма, появляются другие направления. Реалистическое мировоззрение соединяется с детерминизмом, материализмом и секуляризмом. Застывшая, отставшая от жизни Православная церковь начинает сдавать свои позиции. Ее место в душах людей занимает искусство.

Лидером поколения символистов был философ, теолог и поэт Владимир Соловьев (1853—1900). Символисты считали, что «настоящий» мир находится за пределами действительности. Только там человек может быть абсолютно свободным, жить жизнью духа и разделять с Богом работу созидания. Идея богочеловечества очаровала многих молодых людей того времени. Другие более привлекательным находили образ сверхчеловека, созданный Фридрихом Ницше, или же новое, гармоничное человеческое общество, которое обещали социалисты-революционеры.

В своих поздних работах Соловьев выразил апокалиптические настроения человечества перед лицом надвигающейся урбанизации, индустриализации и появлением массовой культуры. В конце XIX в., так же как и в начале XVI, апокалиптическое мировосприятие предсказывало великие революционные перемены, которые изменят жизнь всего человечества, особенно жизнь угнетенных и бедных слоев населения.

Один из самых значительных поэтов-символистов, Александр Блок, разрываемый надеждами и отчаянием, желанием служить народу и страхом быть им раздавленным, в 1908 г. в своей публичной лекции обращается к образу гоголевской тройки. Блок считал, что Россия несется галопом в неизведанное будущее, и предупреждал: «если образованная часть русского общества бросит себя под ноги народу, она будет растоптана копытами свирепой тройки»⁶⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Goehrke Carsten. Geographische Grundlagen der russischen Geschichte // *Jahrbücher der osteuropäischen Geschichte*. — 1970. — Vol. 18. — S. 161—204; Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984; Taaffe Robert N. *The Geographic Setting // The Cambridge History of Early Inner Asia* / Ed. by Denis Sinor. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 19—40; Christian David. Inner Eurasia as a Unit of World History // *Journal of World History*. — 1994, — Vol. 5. — P. 173—211.

2. Rieber Alfred. *Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretative Essay // Imperial Russian Foreign Policy* / Hugh Ragsdale, ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1993. — P. 347.

3. Rieber A. *Persistent Factors...*

4. Brunt P. A. *Social Conflicts in the Roman Republic*. — London: Chatto & Windus, 1971. — P. 48—50.

5. Афанасьев М.Н. *Клиентелизм и российская государственность*. — М.: Центр конституционных исследований, 1997.

6. Эти общие наблюдения основаны, в частности, на работе: LeDonne John P. *The Russian Empire and the World, 1700—1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*. — New York: Oxford University Press, 1997. — P. 1—20.

7. Milner-Gulland Robin. *The Russians*. — Oxford: Blackwell, 1997. — P. 28—36; Kerblay Basile. *L'Isba d'hier et d'aujourd'hui*. — Lausanne: L'Age d'Homme, 1973. — Chaps. 2—3.

8. Kerblay B. *L'Isba...* — P. 38—41; Weber Friedrich Christian. *The Present State of Russia*. — 1722; reprint. — New York: Da Capo Press, 1968. — Vol. 1. — P. 118.

9. Moon David. *The Russian Peasantry, 1600—1930: The World the Peasants Made*. — London: Longman, 1999. — Chap. 4.

10. Kahan Arcadius. *Natural Calamities and Their Effect upon the Food Supply in Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* —

1968. — Vol. 16. — P. 353—377; его же: Social Aspects of Plague Epidemics in 18th Century Russia // Economic Development and Cultural Change. — 1978—1979. — Vol. 27. — P. 255—266; McGrew Roderick. Russia and the Cholera: 1823—1832. — Madison: University of Wisconsin Press, 1965; Alexander John T. Bubonic Plague in Early Modern Russia: Public Health and Urban Disaster. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1980. — P. 229—238. Активные попытки противостоять эпидемиям свидетельствовали о том, что Российское государство XVIII в. становилось более «европейским», см. об этом: Jones E. L. The European Miracle: Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. — 2d ed. — Cambridge: Cambridge University Press, 1987. — P. 139—149.

11. Этот аргумент получил всестороннее развитие в работе: White Colin. Russia and America: The Roots of Economic Divergence. — London: Croom Helm, 1987, особенно part 2; см. также: Gatrell Peter. Poor Russia: Environment and Government in the Long-Run Economic History of Russia // Reinterpreting Russia / Ed. by Geoffrey Hosking and Robert Service. — London: Edward Arnold, 1999. — P. 89—106.

12. Smith R. E. F. and Christian David. Bread and Salt: A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 129—133, 194—197; Moon. Russian Peasantry. — P. 94—95, 139—142.

13. Moon D. Russian Peasantry. — P. 295—298.

14. Ibid. — P. 280—283.

15. Ibid. — P. 284—287.

16. Цит. по: Smith R.E.F. and Christian D. Bread and Salt. — P. 8.

17. Похлебкин В.В. История важнейших пищевых продуктов. — М.: Центрполиграф, 1996. — С. 136—140, 150—156.

18. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI — начало XII века. — М.: Художественная литература, 1978. — С. 98—99.

19. Smith R.E.F. and Christian D. Bread and Salt. — P. 81.

20. Ермолай Еразм. Цит. по книге, указанной в предыдущей сноске — P. 92.

21. Ibid. — P. 323—326.

22. Ibid. — P. 225, 301—303, 305; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. — М.: Наука, 1966. — С. 219.

23. Smith R.E.F. and Christian D. Bread and Salt. — P. 140—149, 305—307.

24. Похлебкин В.В. Указ. соч. — С. 216—228.

25. Там же. — С. 300—305.
26. Цит по: Smith R.E.F. and Christian D. Bread and Salt. — P. 59.
27. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. — М.: Мысль, 1987. — Т. 1. — С. 50—51.
28. Громыко М.М. Мир русской деревни. — М.: Молодая гвардия, 1991. — С. 74—76; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: Росспэн, 1998. — С. 429—430.
29. Dewey Horace W. Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility // Comparative Studies in Society and History. — 1988. — Vol. 30. — P. 249—270.
30. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 1. — С. 330. Даже сегодня опрос общественного мнения показывает, что русские считают справедливость более важной категорией в ряду социальных ценностей, чем свободу (Власть и общество: результаты репрезентативного опроса жителей России. — М.: Всероссийский центр изучения общественного мнения, 1998).
31. Милов Л.В. Указ. соч. — С. 418—423; Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие в России: XIX — XX вв. / Под ред. В.П. Данилова, Л.В. Милова. — М.: Росспэн, 1996. — С. 22—39.
32. Levin Eve. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs: 900—1700. — Ithaca: Cornell University Press, 1989. — Особенно введение и гл. 1.
33. Perrie Maureen. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. — С. 7—59.
34. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Новый мир. — 1980. — № 3, 12; Givens John. Siberia as Volia: Vasilii Shukshin's Search for Freedom // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / Ed. by Galya Diment and Yuri Slezkine. — New York: St. Martin's Press, 1993. — P. 171—184.
35. Милов Л.В. Великорусский пахарь. — С. 433—482; Hoch Steven L. Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. — Chicago: University of Chicago Press, 1986. — Chaps. 3—4.
36. Ключевский В.О. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1956. — Т.1. — С. 32.
37. Яцунский В.К. Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVII века до 1917 г. //

Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1964. — Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1966. — С. 44—64; Moon David. Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550—1897 // *Historical Journal*. — 1997. — Vol. 40. — P. 859—893.

38. Shaw D. J. B. The Southern Frontiers of Muscovy, 1550—1700 // *Studies in Russian Historical Geography* / Ed. by James H. Bate and R. A. French. — London: Academic Press, 1983. — P. 117—142.

39. Slezkine Yuri. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. — P. 97—98; Sunderland Willard. Russians into Yakuts? 'Going Native' and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s—1914 // *Slavic Review*. — 1996. — Vol. 55. — P. 806—825.

40. Donnelly Alton. The Mobile Steppe Frontier: The Russian Conquest and Colonisation of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // *Russian Colonial Expansion* / Ed. by M. Rywkin — London: Mansell, 1988. — P. 189—207.

41. Khodarkovsky Michael. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600—1771. — Ithaca: Cornell University Press, 1992. — P. 229—235.

42. Moon D. Peasant Migration... — P. 893.

43. Кондаков И.В. Введение в русскую культуру. М.: Аспект-пресс, 1997. — С. 59—68.

44. Lotman Iu. M., Uspenskii B.A. The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (up to the End of the Eighteenth Century) // Lotman Iu. M., Uspenskii B.A. The Semiotics of Russian Culture / Ed. by Ann Shukman, Michigan Slavic Contributions. — no. 11. — Ann Arbor: Department of Slavic Studies, University of Michigan, 1984. — P. 5.

45. Это основной тезис работы А.С. Ахиезера «От прошлого к будущему» (М.: ПИК, 1994); а также: «Россия: критика исторического опыта» (М.: Философское общество СССР, 1991. — Т. 1).

46. Цит. по: Ouspensky Leonid. Theology of the Icon / Пер. Anthony Gythiel. — Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1992. — Vol. 2. — P. 266.

47. Флоренский П.О. Иконостас // Флоренский П.О. Избранные труды по искусству. — М.: Изобразительное искусство, 1996. — С. 98; детальное описание отдельных элементов иконостаса можно найти в работе: Ouspensky Leonid. Theology of the Icon. — Vol. 2. — P. 275—285.

48. Ivanits Linda J. Russian Folk Belief. — Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1992, особенно. chap. 3.

49. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. — С. 7—59; Zguta Russell. Russian Minstrels: A History of the Skomorokhi. — Oxford: Clarendon Press, 1978.

50. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Указ. соч. — С. 72—153.

51. Thompson Eva M. Understanding Russia: The Holy Fool in Russian Culture. — Lanham, Md.: University Press of America, 1987.

52. Егоров В.Ф. Очерки по истории русской культуры XIX века // Из истории русской культуры. — М.: Язык русской культуры, 1996. — Т. 5: XIX век. — С. 51—79. О широком распространении утопий и антиутопий см.: Heller Leonid and Niqueux Michel. Histoire de l'Utopie en Russie. — Paris: Presses Universitaires de France, 1995.

1. КИЕВСКАЯ РУСЬ, ТАТАРО-МОНГОЛЫ И ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКОВИИ

1. Goehrke Carsten. Fruhzeit des Ostslaventums. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. — P. 170—172; Dolukhanov Pavel M. The Early Slavs: Eastern Europe from the Initial Settlement to the Kievan Rus. — London: Longman, 1996. — Chap. 8; Golden Peter B. The Peoples of the South Russian Steppes // The Cambridge History of Early Inner Asia. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 256—284; Christian David. A History of Russia, Central Asia and Mongolia. — Oxford: Blackwell, 1998. — Vol. 1: Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire — P. 287—297, 327—333.

2. Jones Gwyn. A History of the Vikings. — 2d ed. — London: Oxford University Press, 1984. — P. 255.

3. Golden P.B. Peoples of South Russian Steppes; Noonan Thomas. Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1986. — Vol. 34. — S. 321—348; Martin Janet. Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and Its Significance for Medieval Russia. — Cambridge: Cambridge University Press, 1986. — P. 5—14.

4. Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales, rev. ed. // Ed. by Serge A. Zenkovsky. — New York: E. P. Dutton, 1974. — P. 49—50.

5. Christian D. History... — Vol. 1: — P. 338.

6. Schramm Gottfried. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: zur historischen Einordnung der Kiever Rus // Staat und Gesellschaft im Mittelalter und Früher Neuzeit / Ed. by K. Colberg. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1983. — S. 15—39; Noonan. Why the Vikings First Came.

7. Dewey Horace W. and Kleimola Ann M. From the Kinship Group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — 1982. — Vol. 30. — S. 321—335; Dewey Horace W. Russia's Debt to the Mongols in Suretyship and Collective Responsibility // *Comparative Studies in Society and History* — 1988. — Vol. 30. — P. 249—270.

8. О местных общинах см. блестящую работу историков позднего советского и постсоветского периода: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988; Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси. — М.: Наука, 1994.

9. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. — С. 63—64; Сергеевич В.И. Вече и князь: Русское государственное управление во времена князей Рюриковичей. — М., 1867. — С. 51—80.

10. Фроянов И.Я. Киевская Русь... — С. 185—215.

11. Franklin Simon and Shepard Jonathan. The Emergence of Rus, 750—1200. — London: Longman, 1996. — P. 142.

12. Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы: XI — начало XII века (далее — ПЛДР). — С. 122—123.

13. Franklin and Shepard. Emergence of Rus... — P. 163—164.

14. Lotman Iu. M. and Uspenskii B. A. The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (up to the End of the Eighteenth Century) // Lotman Iu. M. and Uspenskii B.A. The Semiotics of Russian Culture / Ed. by Ann Shukman // *Michigan Slavic Contributions*. № 11. — Ann Arbor: Department of Slavic Studies, University of Michigan, 1984. — P. 3—35, гл. образом P. 6—7.

15. Franklin and Shepard. Emergence of Rus... — P. 241.

16. Zenkovsky S. Medieval Russia's Epics. — P. 87—91; Fedotov George P. The Russian Religious Mind: 2 vols. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. — Vol. 1. — P. 94—100.

17. Zenkovsky S. Medieval Russia's Epics. — P. 101—105; Medlin W. K. Moscow and East Rome: A Political Study of the Relations of Church and State in Muscovite Russia. — Geneva: E. Droz, 1952. — P. 47; Franklin and Shepard. Emergence of Rus... — P. 246—249.

18. Smolitsch Igor. Russisches Mönchtum: Entstehung, Entwicklung, und Wesen. — Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1978. — P. 55—58; Zenkovsky S. Medieval Russia's Epics... — P. 92—98.

19. Zenkovsky S. Medieval Russia's Epics... — P. 47.

20. Существует множество предположений о том, почему князь Ярослав пренебрег обычаем и одобрил назначение местного свя-

шенника. Большинство авторитетных исследователей этого вопроса считают, что он поступил так не из желания бросить вызов церковной власти патриарха Византийского, но стремясь утвердить канонический закон, согласно которому епископ назначался бы общим собранием духовенства и мирян в своей епархии. Poppe Andrzej. La tentative de reforme ecclesiastique en Russia au milieu du xième siecle // *The Rise of Christian Russia*. London: Variorum Reprints, 1982. — Item V.

21. *Sermons and Rhetoric of Kievan Rus'* / Trans. and ed. by Simon Franklin. // *Harvard Library of Early Ukrainian Literature*. — № 5. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. — P. 23—24.

22. Все исследуемые тексты «Русской правды» являются позднейшими компиляциями, и поэтому существуют сомнения относительно того, действительно ли Ярослав написал единый свод законов или просто собрал воедино существовавшие в то время княжеские указы. См.: Franklin and Shepard. *Emergence of Rus...* — P. 217.

23. Vernadsky George. *Medieval Russian Laws*. — New York: W. W. Norton, 1969. — P. 26—56; Kaiser Daniel. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. — Princeton: Princeton University Press, 1980. — P. 3—17.

24. Vernadsky George. *Kievan Russia*. — New Haven: Yale University Press, 1948. — P. 83.

25. Noonan T. S. *The Flourishing of Kiev's International and Domestic Trade, 1100 — ca. 1240* // *Ukrainian Economic History: Interpretive Essays* / Ed. by I. S. Koropecky. — Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1991. — P. 102—146; Фроянов И.Я. *Древняя Русь: Опыт исследования истории и социально-политической борьбы*. — М.: Златоуст, 1995. — Ч. 5. Фроянов проводит параллель с Афинами при Солоне на с. 248—254.

26. ПЛДР. — С. 392—413; цитируемый отрывок на с. 396.

27. Noonan T.S. *The Flourishing*.

28. Данилова Л.В. *Сельская община...* — Ч. 4.

29. На английский язык текст закона Игоря о ведении войны переведен Ириной Петровой (М.: Прогресс, 1981). О спорах относительно подлинности закона см.: Fennell John and Stokes Anthony. *Early Russian Literature*. — London: Faber & Faber, 1974. — P. 191—206.

30. Christian D. *History...* — Vol. 1. — P. 395.

31. Morgan David. *Who Ran the Mongol Empire?* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. — 1982. — N. 2. — P. 124—136.

32. Vernadsky George. *The Mongols and Russia*. — New Haven: Yale University Press, 1953. — P. 10—32; Morgan David. *The Mongols*. —

Oxford: Blackwell, 1986; Allsen Thomas T. *Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251—1259.* — Berkeley: University of California Press, 1987; Кара-Даван Е. Чингисхан как полководец и его наследие. — Белград, 1930; перепечатано в кн.: На стыке континентов и цивилизаций / Под ред. И.В. Муслимова. — М.: Инсан, 1996. — С. 95—162.

33. Лаврентьевская летопись так говорит о первом появлении монголов в 1223 г.: Того же лѣта явишася языци, их же никто же добръ ясно не вѣсть, кто суть, и отколѣ изидоша, и что языкѣ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра их (ПЛДР: XIII век. — М., 1981. — С. 132).

34. Morgan D. *Mongols...* — P. 61—73; Allsen. *Mongol Imperialism.* — Chap. 7 and P. 224—225.

35. Fennell John. *The Crisis of Medieval Russia, 1200—1304.* — London: Longman, 1983. — P. 66—69. Это послание монголов позволило этнографу Льву Гумилеву предположить, что они не имели намерения воевать с Русью, но изменили свое намерение, потому что по их законам убийство посланника было преступлением, требующим отмщения. См. его работу: От Руси к России: Очерки этнической истории. — М.: Экпрос, 1992. — С. 116.

36. ПЛДР: XIII век. — С. 136.

37. Noonan Thomas. *Rus, Pechenegs, and Polovtsy: Economic Interaction along the Steppe Frontier in the Pre-Mongol Era // Russian History.* — 1992. — Vol. 19. — P. 301—327; Halperin Charles J. *Russia and the Golden Horde.* — Bloomington: Indiana University Press, 1985. — Chap. 2.

38. Allsen T. *Mongol Imperialism.* — Chap. 2.

39. Christian D. *History...* — Vol. 1. — P. 416, 425—427.

40. Fennell J. *Crisis of Medieval Russia.* — P. 118—119.

41. Allsen Thomas T. *Mongol Census Taking in Rus, 1245—1275 // Harvard Ukrainian Studies.* — 1981. — Vol. 5. — P. 32—53.

42. Ostrowski Donald. *Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 42—43.

43. Khazanov Anatoly M. *Muhammad and Jenghis Khan Compared: The Religious Factor in World Empire-Building // Comparative Studies in Society and History.* — 1993. — Vol. 35. — P. 461—479.

44. Ключевский В.О. *Сочинения.* — М., 1957. — Т. 2. — С. 244—262.

45. Трубецкой Н.С. *Наследие Чингисхана: взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык.* — М.: Универс, 1995. — С. 223.

46. Stökl Günther. Die politische Religiosität und die Entstehung des Moskauer Staates // Der russische Staat in Mittelalter und früher Neuzeit. — Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1981. — P. 411.

47. Magocsi P. R. A History of Ukraine. — Toronto: University of Toronto Press, 1996. — Chap. 9.

48. Раздел о Литве-Польше основан на работе: Magocsi. A History of Ukraine. — Chaps. 10—12; Rowell S. C. Lithuania Ascending: A Pagan Empire within East-Central Europe, 1295—1345. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории, — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. — Т.2. — Ч. 1: Западная Русь и литовско-русское государство; Davies Norman. God's Playground: A History of Poland. — Oxford: Clarendon Press, 1981. — Vol. 1. — Chap. 5.

49. Martin J. Treasure... — P. 49—68.

50. Christiansen Eric. The Northern Crusaders. — 2d ed. — Harmondsworth: Penguin Books, 1997. — P. 113—117.

51. Urban William. The Baltic Crusade. — 2d ed. — Chicago: Lithuanian Research and Studies Center, 1994. — P. 189—201.

52. Allsen T. Mongol Imperialism. — P. 139—140; Fennell. Crisis of Medieval Russia. — P. 106—116.

53. Это основное положение работы Л. Гумилева: От Руси к России.

54. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической жизни. — Л.: Наука, 1987. — С. 54—62.

55. Исследований местных общин средневековой Руси довольно мало. Я основываюсь на работе историка начала XX в. Н.П. Павлова-Сильванского, который подробно описал документы Волочок-Словенской волости, волок на пути от Белого озера до Вологды на одном из главных северных торговых путей. Документы датируются в основном XV в., но, судя по ним, порядок, который тогда существовал, изменился совсем незначительно. В любом случае во многих ранних летописях встречаются слова «старосты», «сотские» и «волости». См.: Феодализм в Древней Руси. — М.: Наука, 1988, — С. 152—168, 184—186, 194—196, 204—207, 217—233.

56. Данилова Л.В. Сельская община... — С. 191—194.

57. Pipes Richard. Russia under the Old Regime. — Harmondsworth: Peregrine Books, 1977. — P. 50—52.

58. Pushkarev S. G. Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917. — New Haven: Yale University Press, 1970. — P. 167; Eck Alexandre. Le Moyen Age Russe. — 2d ed. / Ed. by Marc Szeftel. — 1933; reprint: The Hague: Mouton, 1968. — P. 43—49.

59. Данилова Л.В. Сельская община... — Ч. 5; Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. — С. 79—125, 178—207.
60. Davies Brian. The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488—1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359—1584 / Ed. by A. M. Kleimola and G. D. Lenhoff. — UCLA Slavic Studies, New Series. — Vol. 3 (Moscow: ITZ-Garant, 1997). — P. 39—67.
61. Об удельных князьях и их взаимоотношениях см.: Сергеевич В.И. Вече и князь: русское государственное управление во времена князей Рюриковичей. — М.: Типография А.И. Мамонтова, 1867; and Eck. Le Moyen Age Russe. — P. 61—121.
62. Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow, 1304—1359. — London: Secker & Warburg, 1968. — P. 186—190, 290—291; The Testaments of the Grand Princes of Moscow / Ed. by R. C. Howes — Ithaca: Cornell University Press, 1967. — P. 212.
63. Ostrowski Donald. Why Did the Metropolitan Move from Kiev to Vladimir in the Thirteenth Century? // California Slavic Studies. — 1993. — Vol. 16. — P. 83—101; Fennell John. A History of the Russian Church to 1448. — London: Longman, 1995. — P. 134—136.
64. О функциях церкви, ее правах и иммунитетах см.: Eck. Le Moyen Age Russe. — P. 122—184.
65. Meyendorff John. St. Gregory Palamas and Orthodox Spirituality. — Crestwood; N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1998; его же. Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantine-Russian Relations in the Fourteenth Century. — Cambridge: Cambridge University Press, 1981. — Chap. 5.
66. Meyendorff J. Byzantium... — P. 224.
67. Ibid. — P. 254—255.
68. Smolitsch I. Russisches Mönchtum. — P. 79—100; Gonneau Pierre. Monachisme et diffusion de la foi dans la Russie moscovite (14—16ème siècle). — Annales ESC. — 1996. — Vol. 51. — P. 463—489.
69. Эта идеальная биография представлена в: Smolitsch I. Russisches Mönchtum... — P. 82—85.
70. Ibid. — P. 86—93; Кучкин В.А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. — 1992. — 10. — С. 75—92; Gonneau Pierre. The Trinity-Sergius Brotherhood in State and Society // Kleimola and Lenhoff. Culture and Identity. — P. 116—145.
71. Клибанов А.И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха / Под ред. М.В. Алпатова. — М.: Искусство, 1971. — С. 62—102.
72. Meyendorff J. Byzantium... — P. 136—138; Fedotov. The Russian Religious Mind. — Vol. 2. — P. 230—245.

73. Флоренский П. Иконостас // Флоренский П. Избранные труды по искусству. — М.: Изобразительное искусство, 1996. — С. 122.
74. Ouspensky Leonid. The Theology of the Icon / Trans. Anthony Gythiel. — Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1992. — Vol. 2. — Chap. 13.
75. Клибанов А.И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева.
76. Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого. — М.: Издательство АН СССР, 1962. — С. 116—132.
77. Crummeу Robert O. The Formation of Muscovy, 1304—1613. — London: Longman, 1987. — P. 49.
78. Кучкин В.А. Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. — 1980. — № 8. — С. 3—21.
79. Fennell J.L.I. History of the Russian Church... — P. 170—183.
80. Szeftel Marc. The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century // Canadian-American Slavic Studies. — 1979. — Vol. 13. — P. 59—81, гл. обр. P. 62—65.
81. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. — М.: Изд-во Восточной литературы РАН, 1995. — С. 63—64, 71—72.

2. ИВАН IV И РАСШИРЕНИЕ МОСКОВИИ

1. Szeftel Marc. The Title of the Muscovite Monarch up to the End of the Seventeenth Century. — P. 59—81; Alef Gustav. The Adoption of the Muscovite Two-Headed Eagle: A Discordant View // Rulers and Nobles in Fifteenth-Century Muscovy. — London: Variorum Reprints, 1983. — Item IX; Ostrowski Donald. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304—1589. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 176—187.
2. Raba Joel. The Fate of the Novgorodian Republic // Slavonic and East European Review. — 1967. — № 45. — P. 311—323.
3. Birnbaum Henrik. Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. — Columbus, Ohio: Slavic Publishers, 1981; Его же. Medieval Novgorod: Political, Social, and Cultural Life in an Old Russian Community // California Slavic Studies. — 1992. — Vol. 14. — P. 1—43; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М.: Издательство Сабашниковых, 1994. — Ч. 1—2.
4. Collins Leslie. On the Alleged 'Destruction' of the Great Horde in 1502 // From Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071—1571 / Ed by Anthony Bryer and Michael Ursinus //

Byzantinische Forschungen. — Amsterdam: Adolf M. Hakkert Verlag, 1991. — № 16. — P. 361—399.

5. Alef Gustav. The Origins of the Muscovite Autocracy: The Age of Ivan III // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1986. — № 39; Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. — М.: Мысль, 1986. — С. 233—262.

6. Freiherr von Herberstein Sigismund. Notes upon Russia. — London, 1851. — Vol. 1. — P. 106; Alef Gustav. The Origin and Development of the Muscovite Postal Service // Rulers and Nobles. — Item VIII.

7. Gustav Alef. The Crisis of the Muscovite Aristocracy: A Factor in the Growth of Monarchical Power // Rulers and Nobles. — Item V; его же. The Boyar Duma under Ivan III // Там же. — Item VI. Согласно Коллман Патрикеевы поддерживали Дмитрия как наиболее вероятного претендента на трон даже после того, как стало ясно, что Иван предпочел Василия; Shields Kollmann Nancy. Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345—1547. — Stanford: Stanford University Press, 1987. — P. 138—140.

8. Ostrowski Donald. The Military Land-Grant along the Muslim-Christian Frontier // Russian History. — 1992. — Vol. 19. — P. 327—359.

9. Кобрин В.Б. Становление поместной системы // Исторические записки. — 1980. — 105. — С. 150—195; его же. Власть и собственность в средневековой России. — М.: Мысль, 1985. — С. 133—135; Ostrowski. The Military Land-Grant.

10. Alef Gustav. Muscovite Military Reforms in the Second Half of the Fifteenth Century // Rulers and Nobles. — Item VII.

11. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII веках. — М.: Воениздат, 1954. — С. 27—33.

12. Herberstein. Notes upon Russia. — Vol. 1. — P. 30.

13. Pipes Richard. Russia under the Old Regime. — Harmondsworth: Peregrine Books, 1977. — Esp. p. 64—79.

14. Ibid. — P. 64.

15. Марк Сцефтел указывает на это в отзыве на книгу Пайпса (Pipes) «Two Negative Appraisals of Russian Pre-Revolutionary Development» // Canadian-American Slavic Studies. — 1980. — Vol. 14. — P. 74—76.

16. The Testaments of the Grand Princes of Moscow / Trans. and ed. by Robert Craig Howes. — Ithaca: Cornell University Press, 1967. — P. 241—261, 271.

17. Автор заимствовал этот термин из работы М.Н. Афанасьева «Клиентелизм и российская государственность» (М.: Центр

конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. — С. 85).

18. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность; Foe Marshall. What Did Russians Mean When They Called Themselves 'Slaves of the Tsar'? // *Slavic Review*. — 1998. — Vol. 57. — P. 585—608; Gellner Ernest. *Nations and Nationalism*. — Oxford: Blackwell, 1983.

19. Ingerflom Claudio Sergio. Oublier l'état pour comprendre la Russie? (XVI—XIXeme siècle // *Revue des études Slaves*. — 1994. — Vol. 66. — P. 125—134.

20. Vasmer Max. *Russisches Ethymologisches Wörterbuch*. — Heidelberg: C. Winter, 1953. — Vol. 1. — P. 114—115.

21. Kollmann. *Kinship and Politics*. — Гл. обр. chap. 1.

22. Строго говоря, наместник назначался для управления уездом, тогда как меньшим территориальным объединением, волостью, управлял волостель. На самом деле, однако, в структуре и наименовании постов существовало много несообразностей.

23. Чистяков О.И., Мартысевич И.Д. История государства и права СССР. — М.: Издательство Московского университета, 1985. — Т.1. — С. 89—90; Davies Brian. *The Politics of Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488—1726* // *Culture and Identity in Muscovy, 1359—1584* / Ed. by A. M. Kleimola and G. D. Lenhoff // *UCLA Slavic Studies: New Series*. — Moscow: ITZ-Garant, 1997. — Vol. 3. — P. 39—67.

24. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. — М.: Наука, 1988. — С. 209—215; Dewey Horace W. and Kleimola Ann M. *From the Kinship Group to Every Man His Brother's Keeper: Collective Responsibility in Pre-Petrine Russia* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — 1982. — Vol. 30. — P. 321—335.

25. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. — 6-е изд. — СПб.: Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1909. — С. 215—217; Dewey Horace W. *The 1497 Sudebnik — Muscovite Russia's First National Law Code* // *American Slavonic and East European Review*. — 1956. — Vol. 15. — P. 325—338.

26. Очерчивая принципы политической культуры Московии, автор использовал работу: Keenan Edward L. *Muscovite Political Folkways* // *Russian Review*. — 1986. — Vol. 45. — P. 115—181.

27. *Ibid.* — P. 132.

28. Shields Kollmann Nancy. *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*. — Ithaca: Cornell University Press, 1999.

29. Pushkareva Natalia. *Women in Russian History* (Пушкарева Наталия. Женщины в российской истории) / Trans. and ed. Eve Levin. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1997. — P. 44—50. — Цит.: p. 49.

30. Ibid. — P. 105—108.

31. Ibid. — P. 91.

32. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. — Chap. 3.

33. Nancy Shields Kollmann. Woman's Honor in Early Modern Russia // *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / Ed. by Barbara Evan Clements, Barbara Alpern Engel, and Christine D. Worobec. — Berkeley: University of California Press, 1991. — P. 60—73.

34. Иваницкий Владимир. Русская женщина и эпоха Домостроя // *Общественные науки и современность*. — 1995. — № 3. — С. 161—173.

35. *The Domostroi: Rules for Russian Households in the Time of Ivan the Terrible* / Trans. and ed. by Carolyn Johnston Pouncy. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. — P. 124.

36. Martin Janet. Muscovy's Northeastern Expansion: The Context and a Cause // *Cahiers du monde Russe et Soviétique*. — 1983. — Vol. 24. — P. 459—470.

37. Brunner Otto. Stadt und Bürgertum in der europäischen Geschichte // *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte*. — 2d ed. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. — S. 214, 225—241.

38. Pelenski Jaroslaw. The Origins of the Official Muscovite Claims to the 'Kievan Inheritance' // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1977. — Vol. 1. — P. 29—52; quotation p. 40.

39. Ostrowski D. Muscovy and the Mongols. — P. 137.

40. Рыбаков Б.А. Стригольники: русские гуманисты XIV века. — М.: Наука, 1993. — Особое внимание обратить на с. 218—222, 328—335.

41. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. — М.: Издательство АН СССР, 1960. — С. 154—203; Klier John D. Judaizing without Jews? Moscow—Novgorod, 1470—1504 // Kleimola and Lenhoff. *Culture and Identity*. — P. 336—349.

42. Wiczynski Joseph L. Archbishop Gennadius and the West: The Impact of Catholic Ideas upon the Church of Novgorod // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1972. — Vol. 6. — P. 372—389.

43. *Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales* // Rev. ed. Serge A. Zenkovsky. — New York: E. P. Dutton, 1974. — P. 328—329; Памятники старинной русской литературы / Под ред. Г. Кушелева-Безбородко. — СПб., 1860. — Т. 1. — С. 296; см. также: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. — Киев, 1901. — С. 492. Некоторые ученые, однако, верят, что «Леген-

да» написана только в конце XVI в., см.: Ostrowski. Muscovy and the Mongols. — P. 236.

44. Оригинальный текст приводится в работе В. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания» (Приложения. — С. 54—55). О подоплеке письма см.: Andreyev N. Filofei and His Epistle to Ivan Vasilievich // Slavonic and East European Review. — 1959. — Vol. 38. — P. 1—31.

45. Rowland Daniel. Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s—1660s)? // Russian Review. — 1990. — Vol. 49. — P. 152—153.

46. Ostrowski Donald. Church Polemics and Monastic Land Acquisition in Sixteenth-Century Muscovy // Slavonic and East European Review. — 1986. — Vol. 64. — P. 355—379. Убедительное изложение традиционного взгляда, основанное на глубоком изучении источников, можно найти в работе: Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI века (Л.: Наука, 1970). — С. 68—86.

47. Казакова Н.А. Очерки... — С. 60—65; Szeftel Marc. Joseph Volotsky's Political Ideas in a New Historical Perspective // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1965. — № 13. — S. 19—29; quotation p. 20.

48. Казакова Н.А. Очерки... — С. 65—68; Maloney George A. Russian Hesychasm: The Spirituality of Nil Sorskii. — The Hague: Mouton, 1973. — Chap. 3.

49. Haney Jack V. From Italy to Muscovy: The Life and Works of Maxim the Greek. — Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1973. — P. 175.

50. О жизни Максима Грека и его взглядах см. там же, а также: Казакова Н.А. Очерки... — Ч. 4.

51. Cherniavsky Michael. Tsar and People: Studies in Russian Myths. — New Haven: Yale University Press, 1961. — P. 41—42; Miller David B. The Velikie Minei-Chetii and the Stepennaia Kniga of Metropolitan Makarii and the Origins of Russian National Consciousness // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1979. — № 26. — S. 263—382; Hosking Geoffrey. Russia: People and Empire, 1552—1917. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. — P. 6.

52. См.: Hösch Edgar. Zur Rezeption der Rom-Idee im Russland des 16 Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1978. — № 25. — P. 136—145; Nitsche Peter. Translatio Imperii? Beobachtungen zum historischen Selbstverständnis im Moskauer Zartum um die Mitte des 16 Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1987. — Vol. 35. — S. 321—338; Rowland Daniel. Moscow—Third Rome or New Israel? // Russian Review. — № 55. — 1996. — P. 59—88.

53. Dvorkin Alexander. Ivan the Terrible as a Religious Type, Quellen und Studien zur orthodoxen Theologie. — Erlangen: Oikonomia, 1992. — Vol. 31. — P. 78.

54. Cherniavsky Michael. Ivan the Terrible and the Iconography of the Kremlin Cathedral of Archangel Michael // Russian History. — 1975. — Vol. 2. — P. 3—28; Miller David B. Creating Legitimacy: Ritual, Ideology, and Power in Sixteenth-Century Russia // Russian History. — 1994. — № 21. — P. 289—315.

55. Dvorkin A. Ivan the Terrible. — P. 40, 58.

56. Crummey Robert O. Court Spectacles in Seventeenth-Century Russia: Illusion and Reality // Essays in Honor of A. A. Zimin / Ed. by Daniel Waugh. — Columbus, Ohio: Slavica Publications, 1985. — P. 130—146; Bushkovitch Paul A. The Epiphany Ceremony of the Russian Court in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Russian Review. — 1990. — Vol. 49. — P. 1—17; Flier Michael S. Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // California Slavic Studies. — 1994. — Vol. 19. — P. 213—242.

57. Dvorkin A. Ivan the Terrible. — P. 86—87, 92.

58. Сочинения И. Пересветова / Под ред. А.А. Зими́на. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 224—232. — Цит.: с. 226.

59. Cherniavsky Michael. Ivan the Terrible as Renaissance Prince // Slavic Review. — 1968. — Vol. 27. — P. 195—211.

60. Philipp Werner. Ivan Peresvetov und seine Schriften zur Erneuerung des Moskauer Reiches. — Königsberg: Ost-Europa Verlag, 1935. — S. 1—10.

61. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. — М.: Соцэкиз, 1960.

62. Кизеветтер А.А. Местное самоуправление в России IX—XIX столетий. — 1917 (репринт: The Hague: Mouton, 1974). — С. 40—69.

63. Черепнин А.В. Земские соборы Русского государства в XV—XVII вв. — М.: Наука, 1978. — С. 55—115.

64. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный: В 2 т. — Смоленск: Русич, 1996. — Т. 1. — С. 157—159.

65. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. — М.: Терра, 1993. — Т. 1. — С. 433—442; Hosking, Russia: People and Empire, 51.

66. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII веках. — С. 55—57.

67. Там же. — С. 57—59; Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 1. — С. 166—167, 265—267.

68. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII веках. — С. 82—86, 89—91, 100—104.

69. Stökl Günther. Die Entstehung des Kosakentums // Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts München. — München: Isar Verlag, 1953. — № III.; Philip Longworth. The Cossacks. — London: Constable, 1969. — Chap. 1.

70. Казачий Дон: Очерки истории / Под ред. А.П. Скорика. — Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского обл. ун-та, 1995. — Т. 1. — С. 140—144.

71. Казачий Дон... — Т. 1. — С. 67—79.

72. Keenan Edward. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. — 1967. — Vol. 26. — P. 548—558.

73. Эти аргументы рассмотрены в работе: Pelenski Jaroslaw. Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438—1560s). — The Hague: Mouton, 1974.

74. Андреев Н. О деле дьяка Висковатого // Andreyev N. Studies in Muscovy: Western Influence and Byzantine Inheritance. — London: Variorum Reprints, 1970. — Item III; Miller David B. The Viskovatyi Affair of 1553—1554: Official Art, the Emergence of Autocracy, and the Disintegration of Medieval Russian Culture // Russian History. — 1981. — Vol. 8. — P. 293—332.

75. Скрышников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 1. — С. 227—231.

76. Anderson M. S. Britain's Discovery of Russia, 1553—1815. — London: Macmillan, 1958. — Chap. 1.

77. Christiansen Eric. The Northern Crusades. — 2d ed. — Harmondsworth: Penguin Books, 1997. — P. 248—258; Kirby David. Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World, 1492—1772. — London: Longman, 1990. — P. 66—73.

78. Скрышников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 2. — С. 146—150.

79. Самый лучший вариант этой переписки представлен в книге: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. — Л.: Наука, 1979; существует ее перевод на английский язык: The Correspondence between Prince A. M. Kurbsky and Tsar Ivan IV of Russia, 1564—1579 / Ed. by J. L. I. Fennell. — Cambridge: Cambridge University Press, 1955.

80. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — М.: Мысль, 1964. — С. 249—257.

81. Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 265—266.

82. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России: период феодализма. — М.: Наука, 1977. — С. 55—83.
83. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 2. — С. 311—326.
84. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. — С. 342—343; Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 1. — С. 365—371.
85. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 1. — С. 375—407, 417—421.
86. Там же. — Т. 2. — С. 70—87, 97.
87. Там же. — С. 87—90.
88. Fedotov G. P. *The Russian Religious Mind*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press. — 1966. — Vol. 2. — Chap. 12; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. — Л.: Наука, 1984. — С. 81—153.
89. Заметки о степном ханстве см.: Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols*. — P. 191—197.
90. Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Т. 2. — С. 226—231, 240—241.
91. Там же. — С. 273—275.

3. БУРНЫЙ XVII в.

1. Ostrowski D. *Muscovy and the Mongols...* — P. 239.
2. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. — 2-е изд. — Сергиев Посад: Изд-во М.С. Елова, 1914. — С. 34—60; Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 495—517.
3. Bushkovich Paul. *The Formation of National Consciousness in Early Modern Russia* // *Harvard Ukrainian Studies* 10. — № 3/4. — 1986. — P. 355—376; Cherniavsky Michael. *Russia // National Consciousness, History, and Political Culture in Early Modern Europe* / Ed. by Orest Ranum. — Baltimore: Johns Hopkins Press, 1975. — P. 118—143.
4. Памятники литературы Древней Руси: XII век // Под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. — М.: Художественная литература, 1980. — С. 130.
5. Лурье А.С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней

Руси / Под ред. А.С. Лурье, Ю.Д. Рыкова. — М.: Наука, 1993. — С. 214—249.

6. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). — СПб.: Наука, 1992. — Ч. 2.

7. О растущем бремени налогов см.: Zlotnik Marc D. Muscovite Fiscal Policy, 1462—1584 // *Russian History*. — 1979. — Vol. 6. — P. 243—258.

8. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. — М.: Мысль, 1980. — С. 55—56.

9. Hellie Richard. Enserfment and Military Change in Muscovy. — Chicago: University of Chicago Press, 1971. — P. 93—103. Русские до сих пор иногда говорят: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» — когда какой-нибудь заветный замысел оказывается невозможно осуществить.

10. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. — Ч. 9, 12.

11. Pipes Richard. *Russia under the Old Regime*. — P. 78.

12. Uspenskii B. A. Tsar and Pretender: *Samozvanchestvo* or Royal Imposture in Russia as a Cultural-Historical Phenomenon // Lotman Iu. M. and Uspenskii B. A. *The Semiotics of Russian Culture* / Ed. by Ann Shukman. — Michigan Slavic Contributions // Ann Arbor: Department of Slavic Studies, University of Michigan. — 1984. — № 11. — P. 259—292; Perrie Maureen. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

13. Ключевский В.О. Сочинения. — М.: Госполитиздат, 1957. — Т. 3. — С. 41—43.

14. Любомиров П.Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. — М., 1939. — С. 72—77.

15. Orchard G. Edward. The Election of Michael Romanov // *Slavonic and East European Review*. — 1989. — Vol. 67. — P. 378—402.

16. Сказание Авраама Палицына / Под ред. Л.В. Черепнина. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 231—233; цитата на с. 232.

17. Соловьев С.М. Сочинения. — М.: Мысль, 1990. — Т. 5. — С. 7—16.

18. Исследование Смутного времени основано автором прежде всего на классической работе С.Ф. Платонова «Смутное время» (Platonov S. F. *The Time of Troubles*. — Lawrence: University of Kansas Press, 1970); и современном исследовании Р.Г. Скрынникова: *Россия в начале XVII века: Смута*. М.: Мысль, 1988. См. также важные поправки, содержащиеся в работе: Dunning Chester. *Crisis, Conjunction, and the Causes of the Time of Troubles* // Harvard

Ukrainian Studies. — 1995. — Vol. 19. — P. 97—119, и его отзыв на труд Скрынникова: Russian Review. — 1991. — Vol. 50. — P. 71—81.

19. Andreas Kappeler. Russlands erste Nationalitäten: das Zarenreich und die Völker der mittleren Wolga vom 16ten bis zum 19ten Jahrhundert. Cologne Böhlau Verlag, 1982. — S. 217—218.

20. Ibid. — S. 238—243.

21. Lantzeff and George V. Pierce Richard A. Eastward to Empire Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. — Montreal: McGill-Queen's University Press, 1973. — P. 84—91.

22. Forsyth James. A History of the Siberian Peoples: Russia's North Asian Colony, 1581—1990. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — P. 28—33; Skrynnikov R. G. Ermak's Siberian Expedition // Russian History. — 1986. — Vol. 13. — P. 1—40, в этой работе выдвинуты веские аргументы в пользу даты 1582 г., хотя более традиционно датировать эти события 1581 г. Автор также утверждает, что сибирские отряды имели огнестрельное оружие и артиллерию. Таким образом, победу Ермака над значительно превосходящими силами противника объяснить довольно трудно.

23. Fisher R. H. The Russian Fur Trade, 1550—1700. — Berkeley: University of California Press, 1943. — P. 29—34.

24. Slezkine Yuri. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. — Ithaca: Cornell University Press, 1994. — P. 13—17.

25. Wood Alan. Russia's 'Wild East': Exile, Vagrancy and Crime in Nineteenth Century Siberia // The History of Siberia From Russian Conquest to Revolution / Ed. by Alan Wood. — London: Routledge, 1991. — P. 117—139.

26. Lantzeff and Pierce. Eastward to Empire. — Chap. 10; Stephan John J. The Russian Far East: A History. — Stanford: Stanford University Press, 1994. — Chap. 4.

27. Eaton Henry L. Decline and Recovery of Russian Cities from 1500 to 1700 // Canadian-American Slavic Studies. — 1977. — Vol. 11. — P. 220—252.

28. Lincoln Fitzpatrick Anne. The Great Russian Fair: Nizhnii Novgorod, 1840—1890. — London. Macmillan, 1990. — Chap. 1.

29. Baron Samuel H. The *Gosti* Revisited // Explorations in Muscovite History. — London: Variorum Press, 1991. — Item II.

30. Hellie Richard. The Stratification of Muscovite Society: The Townsmen // Russian History. — 1978. — Vol. 5. — P. 119—175, Baron Samuel H. Who Were the *Gosti*? // California Slavic Studies. — Vol. 7. — 1973. — P. 1—40; его же. Vasilii Shorin: 17th Century Russian Merchant Extraordinary // Canadian-American Slavic Studies. — 1972. — Vol. 6. — P. 503—548.

31. Baron S.H. Vasilii Shorin...

32. Langer L. The Historiography of the Pre-Industrial Russian City // *Journal of Urban History*. — 1978—1979. — Vol. 5. — P. 209—240; Baron Samuel H. Entrepreneurs and Entrepreneurship in 16th and 17th Century Russia // *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* / Ed. by Gregory Guroff and Fred V. Carstensen. — Princeton: Princeton University Press, 1983. — P. 27—58.

33. Кизеветтер А.А. Посадская община в XVIII веке // *Исторические очерки*. — М., 1912. — С. 242—263; Hittle J. Michael. The Service City: State and Townsmen in Russia, 1600—1800. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. — Chap. 6.

34. Hellie Richard. Slavery in Russia, 1450—1725. — Chicago: University of Chicago Press, 1982; см. его же: *Muscovite Slavery in Comparative Perspective* // *Russian History*. — 1979. — Vol. 6. — Pt. 2. — P. 133—209.

35. Keep John L. H. The Regime of Filaret, 1619—1633 // *Slavonic and East European Review*. — 1959—1960. — Vol. 38. — P. 334—360.

36. Fuller William C. Jr. Strategy and Power in Russia, 1600—1914. — New York: Free Press, 1992. — P. 6—14, 33—34.

37. Keep John L. H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874. — Oxford: Clarendon Press, 1985. — P. 80—83, 88—90.

38. Цит. по: Smith R. E. F. and Christian David. Bread and Salt... — P. 71.

39. Keep John L. H. Soldiers of the Tsar... — Chaps. 3—4.

40. Поворот к «военно-финансовому государству» в это же время совершила и Англия. В период после 1689 г. она была парламентской монархией. В парламенте преобладали землевладельцы и состоятельные горожане, поэтому кредитоспособность государства была гораздо выше, а займы на военные нужды было получить значительно легче. См.: Brewer John. *Sinews of Power: War, Money and the English State, 1688—1783*. — London: Unwin Hyman, 1989; and, for broader European comparisons, Marshall Poe, «The Consequences of the Military Revolution in Muscovy in Comparative Perspective». *Comparative Studies* // *Society and History*. — Vol. 38. — 1996. — P. 603—618; and Downing Brian M. *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe*. (Princeton: Princeton University Press, 1991).

41. Peter B. Brown. Muscovite Government Bureaus // *Russian History*. — 1983. — Vol. 10. — P. 269—330.

42. Демидова Н.Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // *Исторические записки*. — 1982. — Т. 108. — С. 109—155.

43. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1978. — С. 55—115; John L. H. Keep The Decline of the Zemskii Sobor // Power and the People: Essays on Russian History: Boulder, Colo.: East European Monographs, 1995. — P. 51—86.

44. Torke Hans-Joachim. Die Staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613—1689. — Leiden: E. J. Brill, 1974. — P. 100—116, 213—224; Kivelson Valerie. The Devil Stole His Mind: The Tsar and the 1648 Moscow Rising // American Historical Review. — 1993. — Vol. 98. — P. 733—756.

45. Kivelson Valerie A. Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. — Stanford: Stanford University Press, 1996. — Chap. 8.

46. Belkin Stevens Carol. Soldiers on the Steppe: Army Reform and Social Change in Early Modern Russia. — De Kalb: Northern Illinois University Press, 1995. — P. 163.

47. Hellie R. Enserfment and Military Change. — P. 130—131.

48. Соборное уложение 1649 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова, П.П. Епифанова. — М.: Издательство Московского университета, 1961. — Гл. 11. — Ст. 2. — С. 160—161.

49. Перевод отдельных статей Соборного уложения на английский язык дается в книге: Smith R. E. F. The Enserfment of the Russian Peasantry. — Cambridge: Cambridge University Press, 1968. — P. 141—152.

50. Hellie R. Enserfment and Military Change — P. 137—138, 241; Соборное уложение 1649 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова, П.П. Епифанова. — С. 228—236; Hittle. The Service City. — Chap. 6.

51. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — С. 413—415.

52. Термин «русин» использовался при описании восточных не великорусских славян, то есть той ее части, которая позднее стала Белоруссией и Украиной. «Украина» в переводе означает «пограничная земля». Поляки называли так юго-восточную пограничную королевскую провинцию Киев — Брацлав — Чернигов, а запорожские казаки — свою родину. Как описание конкретных наций эти слова стали употребляться писателями и этнографами в начале XIX в. См. Kaminskij Andrzej Sulima. Ruthenia, Cossackdom, the Ukraine, and the Commonwealth of Two Nations // Polish Review. — 1987. — Vol. 32. — P. 93—110.

53. Gudziak B. Crisis and Reform: The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998.

54. Magocsi Paul Robert. A History of Ukraine. — Toronto: University of Toronto Press, 1996. — P. 188.

55. Костомаров Н.Л. Киевский митрополит Петр Могила // Исторические произведения. — Киев: Изд-во Киевского государственного университета, 1989. — С. 282—312.

56. Magocsi P.R. A History of Ukraine. — Chaps. 12—16; Subtelny Orest. Ukraine: A History. — Toronto: University of Toronto Press, 1988. — Chap. 8.

57. Шульгин В.С. «Капитоновщина» и ее место в расколе XVII века // История СССР. — 1969. — № 4. — С. 130—139; Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. — М.: Наука, 1986. — С. 66—81; Scheidegger Gabriele. Die Kirche ist keine Kirche mehr.' Der 'Raskol': alte Quellen neu betrachtet // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1998. — Vol. 46. — S. 177—194.

58. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: В 2 т. — Сергиев Посад, 1909, 1912. — Т. 1. — Ч. 1—2; Зеньковский Сергей. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. — Мюнхен: Wilhelm Fink Verlag, 1970. — Ч. 7; Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. — С. 45—53.

59. Michels Georg. The First Old Believers in Tradition and Historical Reality // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. — 1993. — Vol. 41. — S. 481—508.

60. Зеньковский Сергей. Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. — С. 302—303.

61. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории. — СПб., 1870. — С. 68; Pascal Pierre. Avvakum et les Débuts du Raskol: la crise religieuse du 17ème siecle en Russie. — Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1938. — P. 407—408, 411, 511.

62. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. — Л.: Наука, 1984. — С. 42—45.

63. Исследуя никоновские реформы и раскол, я пользовался главным образом работами: Pascal P. Avvakum; Зеньковский С. Русское старообрядчество; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович.

64. Michels Georg. The Solovki Uprising: Religion and Revolt in Northern Russia // Russian Review. — 1992. — Vol. 51. — P. 1—15.

65. Crummey Robert O. *The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg Community and the Russian State, 1694—1855.* — Madison: University of Wisconsin Press, 1970. — P. 19.

66. Соловьев В. М. *Анатомия русского бунта: Степан Разин — мифы и реальность.* — М.: ТИМП, 1994; Ingerflom C. S. *Entre le mythe et la parole: l'action. Naissance de la conception politique de pouvoir en Russie // Annales.* — 1996. — Vol. 51. — P. 733—757; Michael Khodarkovsky, «The Stepan Razin Uprising: Was It a Peasant War? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* — 1994. — Vol. 42. — S. 1—19.

67. Zenkovsky Serge A. *The Ideological World of the Denisov Brothers // Harvard Slavic Studies.* — 1957. — Vol. 3. — P. 49—66; quotations pp. 57—58.

68. Ibid. — P. 60.

69. Пругавин А. С. *Старообрядчество во второй половине XIX века.* — М., 1904. — С. 7—23; Гурьянова Н. С. *Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.) / Под ред. Е. М. Юхименко.* — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 126—148; Geoffrey Hosking, *Russia: People and Empire, 1552—1917.* — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. — P. 70—74.

4. ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЕВРОПЕИЗАЦИЯ

1. Oestreich Gerhard. *Neostoicism and the Early Modern State.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1982; Gawthrop Richard L. *Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

2. Longworth Philip. *Alexei: Tsar of All the Russias.* — London: Secker & Warburg, 1984. — P. 37, 108—109, 156—161, 204—205.

3. Костомаров Н. И. *Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий и их преемники // Исторические произведения.* — Киев: Изд-во при Киевском государственном университете, 1989. — С. 313—349; Каптерев Н. Ф. *Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях.* — С. 477—480, 495—498, 505.

4. Карташев А. В. *Очерки по истории русской церкви.* — С. 291—297.

5. Shields Kollmann Nancy. *Concepts of Society and Social Identity in Early Modern Russia // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine / Ed. by Samuel H. Baron and Nancy Shields Kollmann.* — De Kalb: Northern Illinois University Press, 1997. — P. 34—51.

6. Platonov S. F. *Moscow and the West* / Trans. Joseph L. Wieczynski. — Hattiesburg, Miss.: Academic International, 1972. — P. 115—124.

7. Ibid. — P. 106—111; Иконников В.С. Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // *Русская старина*. — 1883. — Т. 40. — С. 17—66, 273—308.

8. Platonov S. F. *Moscow and the West*. — P. 111—115; Лавров А.С. Василий Васильевич Голицын // *Вопросы истории*. — 1998. — № 5. — С. 61—72.

9. Fuller William C. Jr. *Strategy and Power in Russia, 1600—1914*. — New York: Free Press, 1992. — P. 17—21; Stevens Carol B. *Why Seventeenth Century Muscovite Campaigns against Crimea Fell Short of What Counted* // *Russian History*. — 1992. — Vol. 19. — P. 487—504.

10. Hughes Lindsey. *Sophia, Regent of Russia, 1657—1704*. — New Haven: Yale University Press, 1990. — Chap. 3.

11. Hinsley F. H. *Power and the Pursuit of Peace: Theory and Practice in the Pursuit of Relations between States*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1963. — P. 25—26, 34.

12. Schroeder Paul W. *The Transformation of European Politics, 1763—1848*. — Oxford: Clarendon Press, 1994. — P. 8.

13. McKay D. and Scott H. M. *The Rise of the Great Powers, 1648—1815*. — London: Longman, 1982. — Chap. 7.

14. Anderson M. S. *The Rise of Modern Diplomacy, 1450—1919*. — London: Longman, 1993.

15. Ibid. — P. 71, 89—90, 95.

16. Цит. по: Dixon Simon. *The Modernization of Russia, 1676—1825*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — P. 45.

17. Anderson M. S. *The Rise of Modern Diplomacy*. — P. 185.

18. Wittram Reinhard. *Peter I: Czar und Kaiser*. — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. — Vol. 1. — P. 129—167.

19. Roberts Michael. *The Swedish Imperial Experience, 1560—1718*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1979; о влиянии шведов на реформы Петра I см.: Peterson Claes. *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms* // *Rättshistoriskt Bibliothek*. — Stockholm: Nordiska Bokhandeln, 1979. — № 29.

20. Hughes Lindsey. *Russia in the Age of Peter the Great*. — New Haven: Yale University Press, 1998. — P. 80—89.

21. LeDonne John P. *The Russian Empire and the World, 1700—1917: The Geopolitics of Expansion and Containment*. — New York: Oxford University Press, 1997. — Chaps. 1—3.

22. Pintner Walter M. *Russia's Military Style, Russian Society, and Russian Power in the Eighteenth Century* // *Russia and the West*

in the Eighteenth Century / Ed. by A. G. Cross. — Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983. — P. 262—270. — Цит.: p. 265.

23. Duffy Christopher. *Russia's Military Way to the West: The Origins and Nature of Russian Military Power, 1700—1800*. — London: Routledge, 1981. — Chap. 4.

24. Schroeder P. W. Transformation of European Politics. — P. 11—19, 46—52; Davies Norman. *Heart of Europe: A Short History of Poland*. — Oxford: Clarendon Press, 1984. — P. 296—311.

25. Цит. по: Hughes L. *Russia in the Age of Peter the Great*. — P. 56.

26. McCarthy Justin. *The Ottoman Turks: An Introductory History to 1923*. — London: Longman, 1997. — P. 185—190.

27. Attman Artur. *The Russian Market in World Trade, 1500—1860* // *Scandinavian Economic History Review*. — 1981. — Vol. 29. — P. 177—202; McCarthy. *Ottoman Turks*. — P. 132—143, 202—204; о приоритетах российского правительства в конце XVIII в. см.: William H. McNeill, *Europe's Steppe Frontier, 1500—1800* (Chicago: University of Chicago Press, 1964).

28. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России. — С. 362—379.

29. Fuller W.C. *Strategy and Power in Russia*. — P. 17—21.

30. Keep John L. H. *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462—1874*. — Oxford: Clarendon Press, 1985. — P. 103—108; Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. — P. 65—71, 115, 137—138.

31. Kimerling Wirtschafter Elise. *From Serf to Russian Soldier*. — Princeton: Princeton University Press, 1990. — Chap. 5.

32. Ibid. — P. 87—88; Bushnell John. *Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society* // *Journal of Social History*. — 1979—1980. — Vol. 13. — P. 565—576.

33. Keegan John and Holmes Richard. *Soldiers: A History of Men in Battle*. — London: Hamish Hamilton, 1985. — Chap. 2.

34. Longworth Philip. *The Art of Victory: The Life and Achievements of Generalissimo Suvorov*. — London: Constable, 1965.

35. О неостоицизме и камерализме см.: Oestreich. *Neosticism and the Early Modern State*; а также: Raeff Marc. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800*. — New Haven: Yale University Press, 1983. О параллелях с другими европейскими обществами того времени см.: Gawthrop. *Pietism and the Making of Eighteenth-Century Prussia*; Peterson. *Peter the Great's Administrative Reforms*.

36. Wortman Richard S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. — Princeton: Princeton University Press, 1995. —

Chap. 2; Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. — Vol. 1. — P. 271—275.

37. О церковных реформах Петра см.: Cracraft James. *The Church Reform of Peter the Great*. — London: Macmillan, 1971; об основании Святейшего синода и его функциях см.: Smolitsch Igor. *Geschichte der russischen Kirche, 1700—1917*. — Leiden: E. J. Brill, 1964. — P. 99—120.

38. *The Spiritual Regulation of Peter the Great* // Ed. by A.V. Muller. — Seattle: University of Washington Press, 1972. — P. 10.

39. Живов В.М., Успенский Б.М. Царь и Бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Языки культуры и проблемы переводимости* / Под ред. Б.А. Успенского. — М.: Наука, 1987. — С. 47—153.

40. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 6. — № 4012. — С. 685—689.

41. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. — Казань: 1873. — Гл. 1; Freeze Gregory. *The Disintegration of Traditional Communities: The Parish in Eighteenth Century Russia* // *Journal of Modern History*. — 1976. — Vol. 48. — P. 32—50.

42. Cracraft J. *Church Reform...* — P. 86—87, 251—261; Smolitsch Igor. *Russisches Mönchtum: Entstehung, Entwicklung, and Wesen*. — Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1978. — P. 390—395.

43. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Париж: ИМКА, 1937. — С. 84; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. — Т. 2. — С. 323—330.

44. Шмеман Александр. Исторический путь православия. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. — С. 380—381; Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — С. 82—83.

45. Живов В.М., Успенский Б.М. Царь и Бог... — С. 142.

46. Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. — P. 378—389.

47. Lotman Iu. M. and Uspenskii B. A. Echoes of the Notion 'Moscow the Third Rome' in Peter the Great's Ideology // Lotman Iu.M. and Uspenskii B.A. *The Semiotics of Russian Culture* / Ed. by Ann Shukman // *Michigan Slavic Contributions*. — Ann Arbor: Department of Slavic Studies, University of Michigan. — 1984. — № 11. — P. 53—67; Schmidt Christoph. *Aufstieg und Fall der Fortschrittsidee in Russland* // *Historische Zeitschrift* — 1996. — № 263. — S. 1—30.

48. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 6. — № 3534. — 28 февраля 1720.

49. Дихотомия исследована в работе: Raeff. *The Well-Ordered Police State*.

50. Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great*. — P. 249—257.

51. Yaney George L. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905*. — Urbana: University of Illinois Press, 1973. — особенно P. 81—100.

52. О названии знати см.: Meehan-Waters Brenda. *Autocracy and Aristocracy: The Russian Service Elite of 1730*. — New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1982. — P. 18, 208.

53. Ibid. — Чап. 1; Романович-Славатинский А. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права*. — СПб., 1870. — С. 11—22; Lee Farrow. *Peter the Great's Law of Single Inheritance: State Imperatives and Noble Resistance // Russian Review*. — 1996. — Vol. 55. — P. 430—447.

54. Meehan-Waters B. *Autocracy and Aristocracy*. — P. 31; Водарский Я.Е. *Правящая группа светских феодалов в России в XVII веке // Дворянство и крепостной строй в России XVI — XVIII вв.: Сборник статей, посвященных памяти Алексея Андреевича Новосельского / Под ред. Н.И. Павленко*. — М.: Наука, 1975. — С. 105—107.

55. LeDonne John. *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825*. — New York: Oxford University Press, 1991. — P. 3.

56. Анисимов Евгений. *Время петровских реформ*. — Л.: Лениздат, 1989. — С. 385—393; Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great* — P. 210—228.

57. Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great* — P. 301—304.

58. Романович-Славатинский А. *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права*. — С. 82—83; *Modern Encyclopedia of Russian and Soviet History*. — Vol. 6. — P. 86—89.

59. Hughes. *Russia in the Age of Peter the Great* — P. 307—308; Vucinich Alexander. *Science in Russian Culture: A History to 1860*. — London: Peter Owen, 1963. — Chaps. 2—3.

60. Vucinich. *Science in Russian Culture*. — P. 105—116; Serman Ilya Z. *Mikhail Lomonosov: Life and Poetry*. — Jerusalem: Center of Slavic and Russian Studies of the Hebrew University, 1988. — Chap. 1.

5. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ В XVIII В.

1. Lotman Iu. M. and Uspenskii B. A. The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (up to the End of the Eighteenth Century) // Lotman Iu. M. and Uspenskii B. A. The Semiotics of Russian Culture / Ed. by Ann Shukman // Michigan Slavic Contributions. — Ann Arbor: Department of Slavic Studies, University of Michigan, 1984. — № 11. — P. 5.

2. Kivelson Valeric A. Kinship Politics/Autocratic Politics: A Reconsideration of Early Eighteenth Century Political Culture // Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. by Jane Burbank and David L. Ransel. — Bloomington: Indiana University Press, 1998. — P. 5—31.

3. Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Под ред. Б.Л. Ананьича. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 158—159; Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II: просвещенный абсолютизм в России. — М.: Юрист, 1993. — С. 39—45.

4. Ransel David L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. — New Haven: Yale University Press, 1975. — P. 76—98; 136—137.

5. Article 37, in P. Dukes, ed., Russia under Catherine the Great, vol. 2: Nakaz to the Legislative Commission (Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1977), 46; Omel'chenko, «Zakonnaia monarkhiia», 100—102.

6. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II... — С. 112—126.

7. Jones. R. E. The Emancipation of the Russian Nobility, 1762—1785. — Princeton: Princeton University Press, 1973. — P. 267—283.

8. LeDonne John P. Ruling Russia: Politics and Administration in the Age of Absolutism, 1762—1796. — Princeton: Princeton University Press, 1984. — P. 343.

9. Kimerling Wirtschafter Elise. Legal Identity and the Possession of Serfs in Imperial Russia // Journal of Modern History. — 1998. — Vol. 70. — P. 561—587.

10. Bartlett R. P. Catherine II's Draft Charter to the State Peasants // Canadian-American Slavic Studies. — 1989. — Vol. 23. — P. 36—57.

11. LeDonne John. Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700—1825. — New York: Oxford University Press, 1991. — P. 297—301.

12. LeDonne J. Ruling Russia. — P. 5, 343.

13. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. — С. 82—83; Тро-

ицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. — М.: Наука, 1974. — С. 269—271.

14. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения. — Т. 5. — С. 183; Raeff Marc. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth Century Nobility. — New York: Harcourt, Brace, 1966. — P. 75.

15. Michel Confino. Histoire et psychologie: à propos de la noblesse russe au dix-huitième siècle // Société et mentalités collectives en Russie sous l'Ancien Régime. — Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1991. — P. 345—387.

16. Власть и реформы. — С. 147; Kahan Arcadius. The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. — Chicago: University of Chicago Press, 1985. — P. 319—321, уменьшал значение подушного налога. Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра I. — СПб., 1895. — С. 727—728, считал, что налоги повысились на 42 процента.

17. Hughes Lindsey. Russia in the Age of Peter the Great. — New Haven: Yale University Press, 1998. — P. 137—138.

18. Kahan Arcadius. The Plow, the Hammer, and the Knout... — Чап. 3; Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. — Изд. 7-е. — М.: Гос. соц-эком. изд-во, 1938. — Гл. 1.

19. Александров В.А. Сельская община в России XVII — начала XIX века. — М.: Наука, 1976. — С. 111—115; Confino. Histoire et psychologic. — P. 51—62, 80—86, 117—126.

20. Kahan Arcadius. The Costs of 'Westernization' in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. — 1966. — Vol. 25. — P. 40—66.

21. LeDonne J. Absolutism and Ruling Class... — P. 269—275.

22. Blum Jerome. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. — New York: Atheneum, 1964. — P. 380—385.

23. Кизеветтер А.А. Посадская община в XVIII веке. — С. 242—263; Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 40—51; Hittle J. Michael. The Service City: State and Townsmen in Russia, 1600—1800. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. — Чап. 6.

24. Hittle J. Michael. Service City. — Чап. 10; Hildermeier Manfred. Bürgertum und Stadt in Russland, 1760—1870: Rechtliche Lage und soziale Struktur. — Cologne: Böhlau Verlag, 1986. — S. 81—90.

25. Миронов Б.Н. Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л.: На-

ука, 1990; Moon David. Reassessing Russian Serfdom // *European History Quarterly*. — 1996. — Vol. 26. — P. 483—526.

26. Rudolph Richard L. Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // *Journal of Economic History*. — 1980. — Vol. 40. — S. 111—118; Hoch Steven L. Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights // *Journal of Interdisciplinary History*. — 1982. — Vol. 13. — P.221—246.

27. Достаточно глубокое исследование артели представлено в работе: Staehr Georg. *Ursprung, Geschichte, und Bedeutung des russischen Artels*: 2 vols. — Dorpat, 1890—1891.

28. Rudolph Richard L. Agricultural Structure and Proto-Industrialization in Russia: Economic Development with Unfree Labor // *Journal of Economic History*. — 1985. — Vol. 45. — P. 47—69; Melton Edgar. Proto-Industrialization, Serf Agriculture, and Agrarian Social Structure: Two Estates in Nineteenth-Century Russia // *Past and Present*. — 1987. — № 115. — P. 69—106; Rosovsky Henry. The Serf Entrepreneur in Russia. *Explorations in Entrepreneurial History 1953—1954*. — Vol. 6. — P. 207—229.

29. Hosking Geoffrey. *Russia: People and Empire, 1552—1917*. — P. 104—105; Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. — М.: Мысль, 1986. — С. 54—56, 61—62; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. — М.: Наука, 1966. — С. 214; Christian David. *Living Water: Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation*. — Oxford: Clarendon Press, 1990. — P. 42—43, 142—151.

30. Hoch Steven L. *Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov*. — Chicago: University of Chicago Press, 1986. — Chap. 1. — Цит.: р. 64; Moon. Reassessing Russian Serfdom. — P. 500—508.

31. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. — С. 429—435.

32. Александров В.А. Сельская община в России XVII — начала XIX века. — Ч. 2—3.

33. Новиков А.И. *Записки земского начальника*. — СПб., 1899. — С. 39—42; Быт великорусских крестьян-землепашцев. — СПб.: Издательство Европейского дома, 1993. — С. 45—50. Эти исследования жизни крестьян относятся к 1890-м гг., но практически они охватывают более чем вековой период.

34. Александров В.А. Сельская община в России XVII — начала XIX века. — Ч. 4; Atkinson Dorothy. *Egalitarianism and the Commune // Land Commune and Peasant Community in Russia* / Ed. by Roger Bartlett. — London: Macmillan, 1990. — P. 7—20.

35. Bohac R.D. Peasant Inheritance Strategies in Russia // *Journal of Interdisciplinary History*. — 1985. — Vol. 16. — P. 23—42; Frierson C.A. Razdel: The Peasant Family Divided // *Russian Review*. — 1987. — Vol. 46. — P. 35—51.
36. Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 218.
37. Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. — С. 99.
38. Мирошниченко П.Я. Народные истоки утопического социализма в России // *История общественной мысли: современные проблемы*. — М.: Наука, 1972. — С. 480.
39. Hughes. Russia in the Age of Peter the Great. — P. 454—455.
40. Ibid. — P. 456—457; Perrie Maureen. Popular Monarchism: The Myth of the Ruler from Ivan the Terrible to Stalin // *Reinterpreting Russia* / Ed. by Robert Service and Geoffrey Hosking. — London: Edward Arnold, 1999. — P. 156—169.
41. Из архива Пугачева // *Пугачевщина*. — М.: Государственное издательство, 1926. — Т. 1. — С. 40—42.
42. События пугачевского восстания изложены в работе: Raeff Marc. Pugachev's Rebellion // *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe* / Ed. by Robert Foster and Jack P. Greene. — Baltimore: Johns Hopkins Press, 1970. — P. 161—201; and Longworth Philip. The Pugachev Revolt: The Last Great Cossack-Peasant Rising // *Rural Protest: Peasant Movements and Social Change* / Ed. by H. A. Landsberger. — London: Macmillan, 1974. — P. 194—256.
43. См.: Raeff M. Pugachev's Rebellion. — P. 161—201.
44. LeDonne John P. The Russian Empire and the World, 1700—1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. — New York: Oxford University Press, 1997. — P. 105; Lewis Bernard. The Middle East: 2000 Years of History from the Rise of Christianity to the Present Day. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1995. — P. 279.
45. LeDonne John P. Russian Empire... — P. 106.
46. Black J. British Foreign Policy in an Age of Revolutions, 1783—1793. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — P. 288.
47. LeDonne John P. Russian Empire... — P. 107—108; Hösch E. Das sogenannte 'griechische Projekt' Katharinas II // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. — 1964. — № 12. — S. 168—206.
48. Jelavich Barbara. Russia and the Formation of the Romanian National State, 1821—1878. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — Chap. 1.
49. Jelavich Barbara. Russia's Balkan Entanglements: 1806—1914. — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — P. 86.

50. LeDonne John P. Russian Empire... — P. 137.
51. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны // Фадеев Р.А. Собр. соч. — СПб., 1889. — Т. 1. — С. 5, 6.
52. Suny Ronald Grigor. The Making of the Georgian Nation. — London: I. B. Tauris, 1989. — Chap. 2.
53. Atkin Muriel. Russia and Iran: 1780—1828. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1980. — Chap. 1.
54. LeDonne John P. Russian Empire... — P. 115—119; Bournoutian George G. The Ethnic Composition and Socio-Economic Condition of Eastern Armenia in the First Half of the Nineteenth Century // Transcaucasia: Nationalism and Social Change / Ed. by Ronald Grigor Suny; rev. ed. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. — P. 69—86; Suny Ronald Grigor. Eastern Armenians under Tsarist Rule // The Armenian People from Ancient to Modern Times / Richard G. Hovannisian. — London: Macmillan, 1997. — Vol. 2. — P. 109—134.
55. Halbach Uwe. 'Heiliger Krieg' gegen den Zarismus // Die Muslime in der Sowjetunion und in Jugoslawien / Ed. by A. Kappeler, G. Simon, and G. Brunner. — Cologne: Markus Verlag, 1989. — S. 213—214.
56. Henze Paul B. Circassian Resistance to Russia // The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World / Ed. by Marie Bennigsen Broxup. — London: Hurst, 1992. — P. 75—76.
57. Gammer Moshe. Russian Strategies in the Conquest of Chechnia and Dagestan, 1825—1859 // Broxup. North Caucasus Barrier. — P. 45—61.
58. Gammer M. Russian Strategies... — P. 47.
59. Henze P.B. Circassian Resistance... — P. 98—105.
60. О долговременных результатах этой политики см.: Lieven Anatol. Chechnya: Tombstone of Russian Power. — New Haven: Yale University Press, 1998.
61. О сравнительных перспективах налоговых сборов, монетаризации экономики и возможностей государства см.: Tilly Charles. Coercion, Capital and European States, A.D. 990—1992. — Oxford: Blackwell, 1992. — P. 74—75, 87—89.
62. Как показали историки, внешность была отчасти иллюзорной, но современников это впечатляло. См.: Lyons M. Napoleon Bonaparte and the Legacy of the French Revolution. — London: Macmillan, 1994.
63. Пыпин А. Массонство в России: XVIII и первая часть XIX века. — 1916. — Репринт. — М.: Бек, 1997. — Ч. 4; Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. — С. 83—90, 109.

64. Jones Gareth W. Nikolai Novikov: Enlightener of Russia. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — P. 145.

65. Ibid. — P. 206—215; Madariaga Isabel de. Russia in the Age of Catherine the Great. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. — P. 524—531; Parnohl K. A. The Empress and 'un Fanatique': A Review of the Circumstances Leading to Government Action against Novikov in 1792 // Slavonic and East European Review. — 1990. — Vol. 68. — P. 665—691.

66. Радищев А.Н.: Беседа о том, что есть сын отечества // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. — М.: Изд-во АН СССР, 1938. — Т. 1. — С. 215—223.

67. McConnell Allen. A Russian Philosopher: Alexander Radishchev, 1749—1802. — The Hague: Nijhoff, 1964.

6. РОССИЯ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА, АЛЕКСАНДРА I И НИКОЛАЯ I

1. Великолепное исследование павловской эпохи см.: McGrew Roderick. Emperor Paul I of Russia, 1754—1801. — Oxford: Clarendon Press, 1992.

2. Yaney George L. The Systematization of Russian Government. — Urbana: University of Illinois Press, 1973. — P. 118—128.

3. Correspondence de Frédéric César de la Harpe et Alexandre Ier. — Neuchâtel: Editions de la Baconnière, 1978. — Vol. 1. — P. 216; Бердяев Н. Русская идея. — М.: Сварог, 1997. — С. 19.

4. Возможно, неумышленно; см.: Yaney. Systematization. — P. 95—100.

5. Ibid. — P. 194—205; Raeff Marc. Mikhail Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772—1839. — The Hague: Nijhoff, 1957. — P. 105—169. Сперанский не оправдывал не только Rechtstaat, как считалось до недавнего времени. Публикация его бумаг в 1960-е гг. доказывает, что он шел дальше и основывался на англо-американской доктрине разделения власти; Gooding John. The Liberalism of Mikhail Speransky // Slavonic and East European Review. — 1986. — Vol. 64. — P. 401—424.

6. Yaney G. Systematization... — P. 212—219.

7. Эта точка зрения Наполеона изложена в работе: Schroeder Paul W. The Transformation of European Politics, 1763—1848. — Oxford: Clarendon Press, 1994.

8. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. — М.: Высшая школа, 1994. — С. 120—128, 178—183.

9. Schroeder Paul W. Transformation... — P. 416—425.
10. Alapuro Risti. State and Revolution in Finland. — Berkeley: University of California Press, 1988. — P. 23—25.
11. Тарле Е.В. 1812 год. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 585.
12. Там же. — С. 613.
13. Семевский В.И. Волнения крестьян в 1812 г., связанные с Отечественной войной // Отечественная война и русское общество / Под ред. А.К. Дживелегова и др. — М.: Изд-во И.Д. Сытина, 1912. — Т.5. — С. 76—77, 81, 92—93.
14. Тарле Е.В. 1812 год. — С. 674—675.
15. Кабанов А.К. Ополчения 1812 года // Отечественная война и русское общество. — Т. 5. — С. 49.
16. Там же. — С. 98—100.
17. Florinsky M. Russia: A History and an Interpretation. — New York: Macmillan, 1960. — Vol. 2. — P. 644.
18. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. — Париж: YMCA, 1937. — С. 132.
19. Пыпин А.Н. Российское библейское общество // Вестник Европы. — 1868. — № 8. — С. 665—667; Batalden Stephen K. Printing the Bible in the Reign of Alexander I: Towards a Reinterpretation of the Imperial Russian Bible Society // Church, Nation and State in Russia and Ukraine / Ed. by G. A Hosking. — London: Macmillan, 1991. — P. 65—78.
20. Пыпин А.Н. Российское библейское общество. — С. 262—264.
21. Smolitsch Igor. Die Geschichte der russischen Kirche, 1700—1917: Part 2 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. — 1991. — Vol. 45. — S. 19.
22. Dictionnaire de Théologie Catholique. — Paris, 1932—1934. — Vol. 12. — Col 1386.
23. Smolitsch I. Geschichte der russischen Kirche... — P. 21—23, 29; Hosking Geoffrey. Russia People and Empire, 1552—1917. — P. 138—142. Насколько мне удалось выяснить, серьезным изучением личности Филарета никто не занимался: поразительный пробел, касающийся одной из самых значительных фигур в России XIX в.
24. Johnson William H. E. Russia's Educational Heritage. — New York: Octagon Books, 1969. — P. 49—57; Madariaga Isabel de. Russia in the Age of Catherine the Great. — London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. — P. 497—498.
25. Madariaga Isabel de. The Foundation of the Russian Educational System by Catherine II // Slavonic and East European Review. — 1979. — № 57. — P. 369—395.

26. Flynn James T. The University Reform of Tsar Alexander I, 1802—1835. — Washington, D.C. Catholic University of America Press, 1988.

27. Vucinich Alexander. Science in Russian Culture: A History to 1860. — London: Peter Owen, 1963. — P. 351—360; Пыпин А.Н. История русской этнографии: В 2 т. — СПб., 1890—1892. — Т. 2. — С. 110—132.

28. Rogger Hans. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. — Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1960; Slezkine Yuri. Naturalists versus Nations: Eighteenth-Century Russian Scholars Confront Ethnic Diversity // Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700—1917 / Ed. by Daniel R. Brower and Edward J. Lazzerini. — Bloomington: Indiana University Press, 1997. — P. 27—57.

29. Kukiel M. Czartoryski and European Unity, 1770—1861. — Princeton: Princeton University Press, 1955.

30. Восстание 1830—1831 гг. всесторонне рассмотрено в работе: Leslie R.F. Polish Politics and the Revolution of 1830. — London: Athlone Press, 1956.

31. Wandycz Piotr. The Lands of Partitioned Poland, 1795—1918. — Seattle: University of Washington Press, 1974. — P. 122—125.

32. Klier John Doyle. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia, 1772—1825. — De Kalb: Northern Illinois University Press, 1986; Полное собрание законов Российской империи. — Т. 28. — № 21547. — С. 731—737.

33. Greenberg Louis. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. — New York: Schocken Books, 1976. — Vol. 1. — Chap. 4.

34. Цит. по: Нечкина М.В. Движение декабристов. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 1. — С. 101.

35. Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. — С. 77.

36. Муравьев А. Мой журнал // Мемуары декабристов: Северное общество. — М.: Изд-во Московского университета, 1981. — С. 124.

37. Нечкина М.В. Движение декабристов. — Т. 1. — С. 152—157.

38. Законоположение Союза благовещения // Декабристы: отрывки из источников / Под ред. Ю.Г. Оксмана. — М.: Госиздат, 1926. — С. 84—85.

39. Декабристы... — С. 84—102, цитата на с. 92.

40. Lotman Iurii. The Decembrist in Everyday Life: Everyday Behavior as a Psychological Category // Lotman Iu.M. and Uspenskii V.A. The Semiotics of Russian Culture / Ed. by Ann Shukman // Michigan Slavic Contributions. — Ann Arbor: Department of Slavic

Studies, University of Michigan. — 1984. — № 11. — P. 71—123;
Hosking G. Russia People and Empire. — P. 176.

41. обстоятельное исследование двух вариантов «Русской правды» можно найти в работе: The Decembrist Movement / Ed. by Marc Raeff. — Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1966. — P. 124—156, цит.: p. 130.

42. Raeff M. Decembrist Movement. — P. 146—147.

43. Ibid. — P. 153—156.

44. Lemberg Hans. Die nationale Gedankenwelt der Dekabristen. — Cologne: Böhlau Verlag, 1963. — P. 133—138.

45. обширные выдержки из конституции Северного общества, переведенные на английский язык, приведены в работе: Raeff M. Decembrist Movement. — P. 100—118.

46. Walker Franklin A.K.F. Ryleev. Self-Sacrifice for Revolution? // Slavonic and East European Review. — 1969. — Vol. 47. — P.436—446.

47. Seton-Watson Hugh. The Russian Empire, 1801—1917. — Oxford: Clarendon Press, 1967. — P. 185.

48. Александр Дмитриевич Боровков и его автобиографические записки // Русская старина. — 1898. — № 29. — Ноябрь. — С. 353—362.

49. Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование. — СПб., 1903. — Т. 1. — С. 468—470.

50. Wortman Richard. The Development of a Russian Legal Consciousness. — Chicago: University of Chicago Press, 1976.

51. Crisp Olga. The State Peasants under Nicholas I // Studies in the Russian Economy before 1914. — London: Macmillan, 1976. — P. 84—95. О картофельной кампании см.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 465—498.

52. Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. — М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918. — С. 312.

53. Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia. — Berkeley: University of California Press, 1959. — С. 74.

54. Шильдер Н.К. Император Николай I: его жизнь и царствование. — Т. 1. — С. 147; Keep John L. H. The Military Style of the Romanov Rulers // Power and the People: Essays on Russian History. — Boulder, Colo.: East European Monographs, 1995. — P. 189—209.

55. Pipes Richard. The Russian Military Colonies, 1810—1831 // Journal of Modern History. — 1950. — Vol. 22. — P. 205—219.

56. Keep John L. H. The Russian Army's Response to the French Revolution // Power and the People. — P. 211—235.

57. Bernstein Lina. Women on the Verge of a New Language: Russian Salon Hostesses in the First Half of the Nineteenth Century // Russia—

Women—Culture / Ed. by Helena Goscilo and Beth Holmgren. — Bloomington: Indiana University Press, 1996. — P. 209—224.

58. Rogger. National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. — P. 117—119; Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX века. — М.: Наука, 1964. — С. 115—153.

59. Cross A.G. N.M. Karamzin A Study of His Literary Career, 1783—1803. — Carbondale: Southern Illinois University Press, 1971. — P. 222.

60. О «воображаемых сообществах» и роли языка и печатных технологий в их создании см.: Anderson Benedict. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. — London: Verso, 1983.

61. Из недавних исследований биографии Пушкина следует назвать: Лотман Ю.М. Биография писателя // Пушкин. — СПб.: Искусство, 1995. С. 21—184.

62. Literary Journals in Imperial Russia / Ed. by Deborah A. Martinsen. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

63. Анненков П.В. Литературные воспоминания. — Л.: Akademia, 1928. — С. 306.

64. Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. — М.: Изд-во АН СССР. — Т. IX. — С. 15.

65. Rządkiwicz Chester M. Polevoi's Moscow Telegraph and the Journal Wars of 1825—1834 // Martinsen A.D. Literary Journals. — P. 64—87.

66. Terras Victor. Belinsky and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. — Madison: University of Wisconsin Press, 1974; and idem. Belinsky the Journalist and Russian Literature // Martinsen D.A. Literary Journals. — P. 117—128.

67. Чаадаев П.Я. Философические письма: Письмо первое // Чаадаев П.Я. Избранные сочинения и письма. — М.: Правда, 1991. — С. 32; The Major Works of Peter Chaadaev // Ed. by Raymond T. McNally. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. — P. 18, 37.

68. См.: Chaadaev's «Apology of a Madman // Ibid. — P. 199—218.

69. Riasanovsky N. Khomiakov on Sobornost // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. by E. J. Simmons. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1955. — P.183—184.

70. Riasanovsky N. Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. — P. 135.

71. Бродский Н.Л. Ранние славянофилы. — М., 1910. — С. 85—86.

72. Прекрасное всестороннее исследование славянофильства см.: Walicki Andrzej. The Slavophile Controversy A History of Conservative Utopia in Nineteenth Century Russia. — Oxford: Clarendon Press, 1975.

73. Greenfield Leah. Nationalism: Five Roads to Modernity. — Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1992, 265, Герцен А.И. Былое и думы. // Указ. соч. — Т. 9. — С.133.

74. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 7. — С. 435.

75. Там же. — Т. 8. — С. 472; Т. 10 (1956). — С. 9, 19—21.

76. Offord Derek. Early Russian Liberals. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — P. 178—186. На мой взгляд, как можно заметить, родовой принцип был заменен не индивидуальной ответственностью, а круговой порукой.

77. Герцен А.И. Русский народ и социализм: Письмо к Жюлю Мишеле // Герцен А.И. Указ. соч. — Т. VII. — С. 323. Описание интеллектуальной эволюции Герцена дано в работе: Malia Martin. Herzen, and the Birth of Russian Socialism, 1812—1855. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961, and Acton Edward. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. — Cambridge Cambridge University Press, 1979. О западничестве и его эволюции к социализму см.: Володин А.И. Что вы Европой нам колете глаз? Штрихи к портрету русского западничества // В раздумьях о России / Под ред. Е.Л. Рудницкой. — М.: Археографический центр, 1996. — С. 189—212.

78. LeDonne John P. The Russian Empire and the World, 1700—1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. — New York: Oxford University Press, 1997. — P. 121—122.

79. Anderson M.S. The Eastern Question, 1774—1925. A Study in International Relations. — London: Macmillan, 1966. — P. 84—85, Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX века. — М.: Высшая школа, 1963. — С. 189—190.

80. LeDonne J.P. The Russian Empire... — P. 123—125.

81. Bolsover G. Nicholas I and the Partition of Turkey // Slavonic and East European Review. — 1948. — Vol. 27. — P. 115—145.

7. НЕРЕШИТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II

1. Curtiss John Sheldon. Russia's Crimean War. — Durham, N.C.: Duke University Press, 1979. — P. 535—548; цит.: p. 545.

2. Fuller William C. Jr. Strategy and Power in Russia, 1600—1914. — New York Free Press, 1992. — P. 278—281.

3. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870-х годов в России. — М.: Изд-во Московского университета, 1952. — С. 284.
4. Lieven D.C.B. *Russia and the Origins of the First World War.* — London. Macmillan, 1983. — P. 23—24.
5. Полиевктов М. Николай I: биография и обзор царствования. — С. 312.
6. Самарин Ю. Сочинения. — Т.2. — С. 17—20.
7. Чичерин Б.Н. О крепостном состоянии // *Голоса из России.* — 1856. — Репринт. — М.: Наука, 1974. — Т. 1. — Ч. 2. — С. 131, 170.
8. Кавелин К.Д. Собр. соч. — СПб., 1889. — Т. 2. — С. 33—34.
9. Hoch Steven L. *The Banking Crisis, Peasant Reform, and Economic Development in Russia, 1857—1861* // *American Historical Review.* — 1991. — Vol. 96. — P. 795—820.
10. Там же; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* — С. 319—320, 323—324.
11. Гордон А.В. *Хозяйствование на земле — основа крестьянского самосознания // Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.).* — М.: Росспэн, 1996. — С. 57—74, гл. обр. 67—68.
12. Field Daniel. *Rebels in the Name of the Tsar.* — Boston: Houghton Mifflin, 1976. — P. 31.
13. *Власть и реформы: От самодержавной к советской России.* — С. 321—322; Гармиза В.В. *Предложения и проекты П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862—1866 гг.)* // *Исторический архив.* — 1958. — № 1. — С. 141—144.
14. Emmons Terence. *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1969. — P. 343—344.
15. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел.* — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 1. — С. 181.
16. Emmons T. *Russian Landed Gentry...* — Chaps. 9—10.
17. Yaney George. *The Systematization of Russian Government: Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711—1905.* — Urbana: University of Illinois Press, 1973. — P. 187—192.
18. Свидетельство о землевладениях помещиков содержится в работе: Grenzer Andreas. *Adel und Landbesitz im ausgehenden Zarenreich.* — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995; об их самосознании см.: Hosking Geoffrey and Thompson Manning Roberta. *What Was the United Nobility?* // *The Politics of Rural Russia, 1905—1914* / Ed. by Leopold H. Haimson. — Bloomington: Indiana University Press, 1979. — P. 142—183.

19. Timberlake Charles E. *The Zemstvo and the Development of a Russian Middle Class // Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. by Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — 164—179.

20. Frieden Nancy M. *Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905*. — Princeton: Princeton University Press, 1981. — P. 192—195, 242—261; Ruane Christine. *Gender, Class, and the Professionalization of Russian City Teachers, 1860—1914*. — Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1994. — Chap. 4.

21. Robbins Richard G. Jr. *Famine in Russia: The Imperial Government Responds to a Crisis*. — New York: Columbia University Press, 1975. — Esp. chaps. 7, 10; Hosking Geoffrey. *Russia: People and Empire, 1552—1917*. — P. 322—326.

22. Власть и реформа... — С. 291.

23. Kucherov Samuel. *Courts, Lawyers, and Trials under the Last Three Tsars*. — Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974. — P. 130, 269, 274—275; Pomeranz William E. *Justice from Below: The History of the Underground *Advokatura* // Russian Review*. — 1993. — Vol. 52. — P. 321—340.

24. Wagner William G. *Marriage, Property and Law in Late Imperial Russia*. — Oxford: Clarendon Press, 1994.

25. Kassow Samuel D. *The University Statute of 1863: A Reconsideration // Russia's Great Reforms, 1855—1881* / Ed. by Ben Eklof, John Bushnell, and Larissa Zakharova. — Bloomington: Indiana University Press, 1994. — P. 247—263.

26. Лейкина-Свирская В.Р. *Интеллигенция в России во второй половине XIX века*. — М.: Мысль, 1971. — С. 56, 62—63.

27. Милюков Павел. *Мои университетские годы // Московский университет, 1755—1930: юбилейный сборник*. — Париж: Современные записки, 1930. — С. 262.

28. Brower Daniel R. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. — Ithaca: Cornell University Press, 1975; Morrissey Susan K. *Heralds of Revolution: Russian Students and the Myth of Radicalism*. — New York: Oxford University Press, 1998. — Chaps. 1—2.

29. Гармиза В.В. *Предложения и проекты П.А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862—1866 гг.)*. — С. 151—152.

30. Ruud Charles. *Fighting Words: Imperial Censorship and the Russian Press, 1804—1906*. — Toronto: Toronto University Press, 1982. — P. 198—199.

31. Geyer Dietrich. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860—1914. — Leamington Spa: Berg, 1987. — P. 110—112, 118—121.

32. McReynolds Louise. The News under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. — Princeton: Princeton University Press, 1991; Brower Daniel R. The Penny Press and Its Readers // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. by Stephen P. Frank and Mark D. Steinberg. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — P. 147—167.

33. Beyrau Dietrich. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland. — Cologne: Bohlau Verlag, 1984. — S. 269.

34. Борьба Милютина описана П.А. Зайончковским в работе «Военные реформы». — Ч. 6—7.

35. Kenez Peter. A Profile of the Pre-Revolutionary Russian Officers Corps // California Slavic Studies. — 1973. — Vol. 7. — P. 121—158. Александр Солженицын описал этот контраст в романе «Август 1914». О возрождении кадетских корпусов см.: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. — М.: Мысль, 1973. — С. 295—299.

36. Freeze Gregory. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. — Princeton: Princeton University Press, 1983. — P. 188.

37. Ibid. — P.81—101, 311—319, 363—372; Римский С.В. Церковная реформа 60—70-х годов XIX века. — Отечественная история. 1995. — № 2. — С. 166—175.

38. Robson Roy R. Old Believers in Modern Russia. — De Kalb: Northern Illinois University Press, 1995. — Chaps. 3 and 7.

39. Lindenmeyr Adele. Poverty is Not a Vice: Charity, Society, and the State in Imperial Russia. — Princeton: Princeton University Press, 1996. — P. 10—12, 18—25.

40. Ibid. — P. 132—135, 169—173.

41. Father Sergii Chetverikov. Starets Paisii Velichkovskii: His Life, Teachings, and Influence on Orthodox Monasticism. — Belmont, Mass.: Nordland, 1980; и возрождение исихазма описывается в работе: Nichols Robert L. The Orthodox Elders of Imperial Russia // Modern Greek Studies Yearbook. — 1985. — № 1. — P. 1—30.

42. Zander Valentin. Father Serafim of Sarov. — Crestwood, N.Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1975. — P. 24.

43. Nichols. Orthodox Elders.

44. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. — Париж: YMCA Press, 1976. — С. 131; Богданов Д.П. Оптиная пустынь и паломниче-

ство в нее русских писателей // Исторический вестник. — 1910. — № 1. — С. 327—339; Павлович Н.А. Оптина пустынь: почему туда ездят великие? // Прометей. — 1980. — № 12. — С. 84—92.

45. Достоевская А.Г. Воспоминания. — М.: Правда, 1987. — С. 347.

46. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. — Л.: Наука, 1976. — Т. 14. — С. 26—29.

47. Leslie R. F. Reform and Insurrection in Poland, 1856—1865. — London: Athlone Press, 1956.

48. Цит. по: Michnik Adam. 1863: Poland in Russian Eyes // Letters from Prison and Other Essays. — Berkeley: University of California Press, 1985. — P. 249—274; цит.: p. 257.

49. Leslie R. F. Reform and Insurrection... — Chap. 9.

50. Davies Norman. God's Playground: A History of Poland. — Oxford: Clarendon Press, 1981. — Vol. 2. — P. 364—365.

51. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем: 1828—1876 / Ред. Ю.М. Стеклов. — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935. — Т.3. — С. 148; Kelly Aileen. Mikhail Bakunin: A Study in the Psychology and Politics of Utopianism. — Oxford: Clarendon Press, 1982. — P. 52—60.

52. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Бакунин М.А. Избр. соч. — СПб.: Книгоизд-во «Голос труда», 1919. — Т. 1. — С. 105.

53. Kelly Aileen. Mikhail Bakunin... — P. 131.

54. Hosking G. Russia: People and Empire... — P. 281—284.

55. Valentinov Nikolai. The Early Years of Lenin. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969. — P. 135—136.

56. Alpern Engel Barbara. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — Chaps. 2—3.

57. Цит. по: Venturi Franco. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth-Century Russia. — New York: Universal Library, 1966. — P. 345—346.

58. Ibid. — P. 365.

59. Ibid. — Chap. 15.

60. Billington James. Mikhailovsky and Russian Populism. — Oxford: Clarendon Press, 1958. — Chap. 8; о попытке вовлечения староверов в революционную борьбу подробно рассказано в «Исповеди» В.И. Кельсиева (Литературное наследство. — 1941. — Т. 41—42. — С. 297—335).

61. Billington J. Mikhailovsky... — P. 126—127; Николай Васильевич Чайковский: религиозные и общественные искания. — Париж: 1929. — С. 53—55. — Цит.: с. 55.

62. Venturi. *Roots of Revolution*. — Chap. 19.
63. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов: по личным воспоминаниям. — Пгр.: Колос, 1924. — С. 133.
64. Hosking G. *Russia: People and Empire...* — P. 350—353.
65. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля». — С. 152. Обсуждение новейших исследований см.: Field Daniel. *Peasants and Propagandists in the Russian Movement to the People of 1874* // *Journal of Modern History*. — 1987. — Vol. 59. — P. 415—438.
66. Аптекман О.В. Общество «Земля и воля». — С. 168—177; Фигнер Вера. *Запечатленный труд*. — М.: Мысль, 1964. С. 162—165. — Цит.: с. 164—165.
67. Дебагорий-Мокревич В. *Воспоминания*. — СПб., 1904. — С. 277—282.
68. Kucheroov S. *Courts, Lawyers, and Trials*. — P. 217—225. — Цит.: p. 220.
69. Суворин А.С. *Дневник*. — М.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1923. — С. 15—16.
70. Тютчев Ф.И. *Русская география* // Тютчев Ф.И. *Лирика*. М.: Наука, 1965. — Т. 2. — С. 118.
71. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. — Нью-Йорк: Johnson Reprint, 1966. — С. 556—557; Hosking G. *Russia: People and Empire...* — P. 369.
72. Достоевский Ф.М. *Дневник писателя; апрель 1877* // Полн. собр. соч. — Л.: Наука, 1983. — Т. 25. — С. 100.
73. Зайончковский П.А. *Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов*. — М.: Изд-во Московского университета, 1964. — С. 451—460.
74. Kohn Hans. *Panslavism: Its History and Ideology*. — New York: Vintage Books, 1960. — P. 184—186.
75. «Un grand état compact slave»: Sumner V. H. *Russia and the Balkans, 1870—1880*. — Oxford: Clarendon Press, 1937. — P. 601.
76. Аксаков Иван. *Сочинения*. — М., 1886. — Т. 1. — С. 271.
77. Буганов А.В. *Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание*. — М.: Институт этнологии и антропологии, 1992. — С. 179.
78. Kennan George F. *The Fateful Alliance: France, Russia and the Coming of the First World War*. — Manchester: Manchester University Press, 1984.
79. Зайончковский П.А. *Кризис самодержавия...* — С. 217.
80. Ibid. — P. 287—290; Orlovsky Daniel. *The Limits of Reform: The Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802—1881*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. — Chap. 6.

81. Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца: 1880—1883. — М.: Госиздат, 1927. — С. 38—39.

82. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... — С. 451—460; Письма К.П. Победоносцева к Александру III. — М., 1925. — С. 381.

83. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия... — С. 400—410.

84. Pearson Thomas S. Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government, 1861—1900. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — Chap. 5; Новиков А.Л. Записки земского начальника. — С. 38—39.

85. Pearson T.S. Russian Officialdom... — Chap. 6; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. — М.: Изд-во Московского университета, 1968; McKenzie Kermit E. Zemstvo Organisation and Role within the Administrative Structure // The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government / Ed. by Terence Emmons and Wayne S. Vucinich. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982. — P. 31—78.

8. ПОДЪЕМ НАЦИОНАЛИЗМА

1. Manz Beatrice F. Historical Background // Central Asia in Historical Perspective / Ed. by B. Manz. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1994. — P. 4—22; Subtelny Maria Eva. The Symbiosis of Turk and Tajik // Ibid. — P. 45—61; Adshad S. A. M. Central Asia in World History. — London: Macmillan, 1993. В XIX в. и киргизов, и казахов называли киргизами.

2. Akiner Shirin. Islam, the State, and Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective // Religion, State, and Society. — 1996. — № 2 (24). — P. 91—94.

3. Ibid. — P. 94—99.

4. Цит. по: Gillard David. The Struggle for Asia, 1828—1914: A Study in British and Russian Imperialism. — London: Methuen, 1977. — P. 72—73.

5. Татищев С.С. Император Александр II: его жизнь и царствование. — М., 1996. — С.109.

6. Rieber A. J. The Politics of Autocracy: Letters of Alexander II to Prince A. I. Variatinskii, 1857—1864. — Paris: Mouton, 1966. — P. 72.

7. Mackenzie David. Expansion in Central Asia: St. Petersburg vs. the Turkestan Generals, 1863—1866 // Canadian Slavic Studies. — 1969. — Vol. 3. — P. 286—311. — Цит.: p. 303.

8. Ibid. — P. 305.

9. Цит. по: Akiner. Islam. — P. 100.

10. Kappeler Andreas. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. — Munich: C.H. Beck Verlag, 1992. — P. 160—168.

11. Pierce Richard A. Russian Central Asia, 1867—1917: A Study in Colonial Rule. — Berkeley: University of California Press, 1960. — P. 147—149, 156—162.

12. Manz Beatrice F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century Fergana under the Russians // Russian Review. — 1987. — Vol. 46. — P. 267—281.

13. Zenkovsky Serge A Panturkism and Islam in Russia. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. — Chap. 3, Ланда Р.Г. Ислам в истории России. — М.: Изд-во Восточной литературы, 1995. — С. 142—145; Dudoignon S.A. Djadidisme, mirasisme, islamisme // Cahiers du monde Russe et Sovietique. — 1996. — Vol. 37. — P. 13—40.

14. Seton-Watson Hugh. The Russian Empire, 1801—1917. — Oxford: Clarendon Press, 1967. — P. 612; Zenkovsky S. Panturkism and Islam. — Chap. 4.

15. Ланда Р.Г. Ислам... — С. 145—150.

16. Pierce. Russian Central Asia. — Chaps. 7 and 14.

17. Stephan John J. The Russian Far East A History. — Stanford: Stanford University Press, 1994. — P. 40—50; Bassin Mark. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — Chaps. 2—4.

18. Цит. по: Семенников В.П. За кулисами исламизма: архив тибетского врача Бадмаева. — Л., 1925. — С. 80.

19. Nish Ian. The Origins of the Russo-Japanese War. — London: Longman, 1985.

20. Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия. — М.: Наука, 1978. — С. 26; Katz Martin. Mikhail Katkov: A Political Biography, 1818—1887. — The Hague: Mouton, 1966. — P. 83; Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей»: 1867 г. — М., 1897. — С. 266—267.

21. Катков М.Н. 1863 год: собрание статей по польскому вопросу. — М., 1887. — Т. 1. — С. 100.

22. Saunders David. Russia's Ukrainian Policy (1847—1905): A Demographic Approach // European History Quarterly. — 1995. — Vol. 25. — P. 181—205.

23. Subtelny Orest. Ukraine. A History. — Toronto: University of Toronto Press, 1988. — P. 234.

24. Ibid. — Chaps. 13,16,17.

25. Saunders. Russia's Ukrainian Policy. — P. 187; см. его же: Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // International History Review. — 1995. — Vol. 57. — P. 23—50.

26. Bihl Wolfdieter. Die Ruthenen // Die Hapsburger Monarchie, 1848—1918 / Ed. by Adam Wandruszka and Peter Urbanitsch. — Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie, 1980. — P. 555—584. Об униатской церкви см.: Chapter 2.

27. Alapuro Risto. State and Revolution in Finland. — Berkeley: University of California Press, 1988. — P. 19—40.

28. Ibid. — P. 92—98; о значении литературной деятельности в Финляндии см.: Hroch Miroslav. Social Conditions of National Revival in Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — P. 62—75.

29. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855—1914 / Ed. by Edward C. Thaden. — Princeton. Princeton University Press, 1981. — P. 76—83; Kirby D.G. Russia and Finland, 1808—1920: From Autonomy to Independence. — London: Macmillan, 1975. — P. 76—81; Singleton Fred. A Short History of Finland. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — P. 96—99.

30. Haltzel Michael H. The Baltic Germans // Thaden E. Russification. — P. 134—178; Pistohlkors Gert von. Deutsche Geschichte im Osten Europas: Baltische Länder. — Siedler Verlag, 1994. — S. 397—416.

31. Plakans A. Peasants, Intellectuals, and Nationalism in the Russian Baltic Provinces // Journal of Modern History. — 1974. — Vol. 46. — P. 445—475.

32. Ascher A. The Russian Revolution of 1905: Russia in Disarray. — Stanford: Stanford University Press, 1988. — P. 94, 159—160, Raun Toivo O. The Revolution of 1905 in the Baltic Provinces and Finland // Slavic Review. — 1984. — Vol. 43. — P. 453—467.

33. Lundin C. Leonard. The Road from Tsar to Kaiser: Changing Loyalties of the Baltic Germans, 1905—1914 // Journal of Central European Affairs. 1950. Vol. 10. P. 222—254.

34. Suny R G. The Emergence of Political Society in Georgia // Transcaucasia: Nationalism and Social Change / Ed. by R.G. Suny; rev. ed. — Ann Arbor. University of Michigan Press, 1996. — P. 109—140.

35. Hovanissian Richard G. The Armenian Question in the Ottoman Empire, 1876—1914 // The Armenian People from Ancient to Modern Times / Ed. by Hovanissian. — London: Macmillan, 1997. — P. 203—238.

36. См. донесение наместника князя Воронцова-Дашкова премьер-министру Столыпину: Борьба с революционным движением на Кавказе // Красный архив. — 1920. — № 34. — С. 202—218.

37. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich... — S. 225.
38. Программная статья И.С. Аксакова из газеты «Русь» от 10.10. 1881 опубликована в его Сочинениях (М., 1886. — Т. 3. — С. 751).
39. Lukashovich Stephen. Ivan Aksakov, 1823—1886. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965. — P. 167—168; Hosking Geoffrey. Russia People and Empire, 1552—1917. — P. 390—392.
40. Greenberg Louis. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. — New York: Schocken, 1976. — Vol. 2. — P. 30—47.
41. Нилус С. Близ грядущий Антихрист. — М., 1911; Cohn Norman. Warrant for Genocide The Myth of the Jewish World Conspiracy and the «Protocols of the Elders of Zion». — London: Eyre & Spottiswoode, 1967.
42. Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красный архив. — 1927. — № 22. — С. 169.
43. Löwe Heinz-Dietrich. The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772—1917. — Chur: Harwood Academic Publishers, 1993. — P. 221—228.
44. Lambroza Shlomo. The Pogroms of 1903—1906 // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / Ed. by John Klier and Shlomo Lambroza. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — P. 195—207; цит.: р. 205.
45. «Знаменный» означает «записанный знаками».
46. Swan Alfred J. Russian Music and Its Sources in Chant and Folksong. — London: John Baker, 1973. — P. 60.
47. Rimskii-Korsakov Nikolai. My Musical Life. — London: Eulenburg Books, 1974. — P. 117.
48. История создания оперы «Борис Годунов» изложена, в частности, в работе: Emerson Caryl and Oldani Robert William. Modest Musorgskii and Boris Godunov: Myths, Realities, Reconsiderations. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — Chap. 2.
49. Цит. по: Taruskin Richard. Musorgsky: Eight Essays and an Epilogue. — Princeton: Princeton University Press, 1993. — P. 314.
50. Социально-политическая подоплека этих музыкальных достижений рассматривается в работе: Ridenour Robert C. Nationalism, Modernism, and Personal Rivalry in Nineteenth-Century Russian Music. — Ann Arbor: UMI Research Press, 1981.
51. Kelly Catriona. Petrushka: The Russian Carnival Puppet Theatre. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — P. 167—172.
52. Taruskin Richard. Stravinsky and the Subhuman // Defining Russia Musically: Historical and Hermeneutical Essays. — Princeton: Princeton University Press, 1997. — P. 360—388.

53. Valkenier Elizabeth. Russian Realist Art: The Peredvizhniki and Their Tradition. — Ann Arbor: Ardis, 1977; Norman John O. Pavel Tretiakov and Merchant Art Patronage, 1850—1900 // *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia* / Ed. by E. W. Clowes, S. D. Kassow, and J. L. West. — Princeton: Princeton University Press, 1991. — P. 93—101.

54. Gray Camilla. *The Russian Experiment in Art, 1863—1922*: 2d ed. — London: Thames & Hudson, 1986. — Chap. 2; Боханов А.Н. Савва Мамонтов // *Вопросы истории*. — 1990. — № 11. — С. 48—67.

55. Slonim Marc. *Russian Theater from Empire to Soviets*. — Cleveland: World Publishing, 1961. — P. 102—118; Senelick Laurence. *Theatre* // *The Cambridge Companion to Modern Russian Culture* / Ed. by Nicholas Rzhevsky. — Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — P. 268—271.

56. Ruckman Jo Ann. *The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840—1915*. — De Kalb: Northern Illinois University Press, 1984. — P. 88—108.

57. Князь Соллогуб цитируется по: Fanger Donald. *The Creation of Nikolai Gogol*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. — P. 225.

58. Толстой Л.Н. *Война и мир*. — Т. 2. — Ч. 2. — Гл. 39.

59. Достоевский Ф.М. *Полн. собр. соч.* — Л.: Наука, 1978. — Т. 14. — С. 285.

60. Блок А.А. *Собр. соч.* — М.: Художественная литература, 1962. — Т. 5. — С. 327—328; Руман Avril. *The Life of Aleksandr Blok*. — New York: Oxford University Press, 1980. — Vol. 2: *The Release of Harmony*. — P. 26.

Содержание

Предисловие	5
Введение: геополитическое положение, природа и национальный характер	8
I. РУСЬ ДО СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ И В НАЧАЛЕ ЕЕ ЗАРОЖДЕНИЯ	
1. Киевская Русь, татаро-монголы и возвышение Московии	40
2. Иван IV и расширение Московии	103
II. БЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ	
3. Бурный XVII в.	158
4. Петр Великий и европеизация	214
III. РОССИЯ КАК ЕВРОПЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ	
5. Государственные и общественные институты в XVIII в.	258
6. Россия в период правления Павла, Александра I и Николая I	302
IV. КРИЗИС ИМПЕРИИ	
7. Нерешительные реформы Александра II	356
8. Подъем национализма	406
ПРИМЕЧАНИЯ	446

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Хоскинг Джеффри
РОССИЯ И РУССКИЕ

В 2 книгах
Книга 1

Редакторы Е.М. Кострова, Б.Б. Кузнецова
Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: С.Е. Власов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77 99 02.953 Д.008286.12 02 от 09 12 2002 г

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва
г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

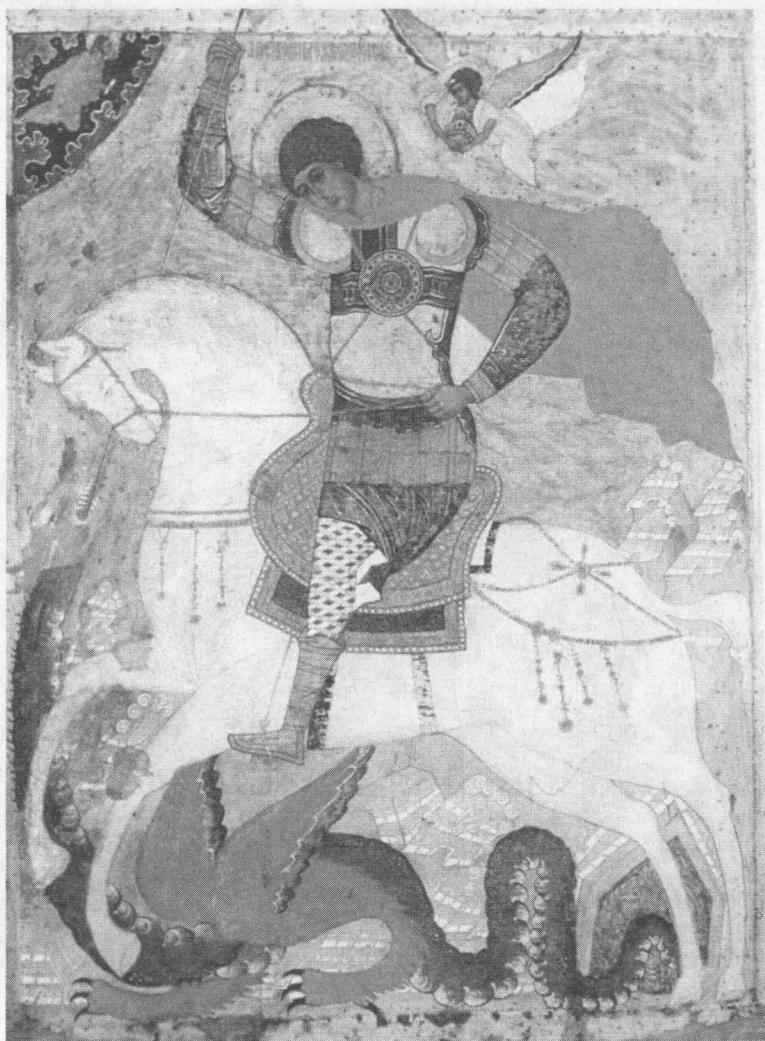
Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14



Собор Св. Софии. Новгород



Троица. Икона. Андрей Рублев. Конец XIV в.



Святой Георгий, поражающий змея. Икона. Новгород, XVI в.



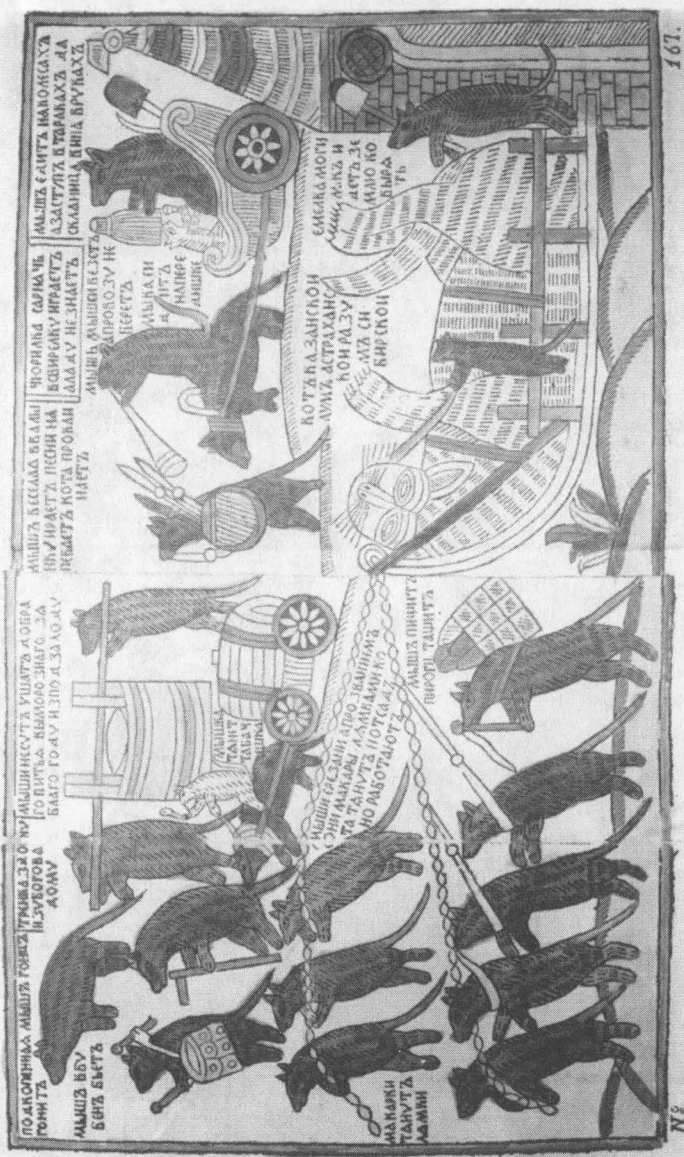
Иван IV. Немецкая гравюра. Конец XVI в.



Московская улица в XVI в. Из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию». 1663 г.



Петр I. Гравюра с портрета Карла Мура. 1717 г.



ПОДОЛЖИНА МЫШЬ ГОБИТЪ ПУКОВЪ ЗДО ПУ
 ГО ВРЪЩА ВЪЛНОЮ ЗЫНО ЗА
 БЛАГО ГОЛУ И ЗЛО А ЗЛО АЛУ

МАШЪ ВЪ
 ВЪЩА БЪЩА

МАШЪ ВЪЩА
 ВЪЩА БЪЩА

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША
 ТАМУТА
 МАШИ

МАША ВЪЩА ВЪЩА
 ПЪ ПРАТЪ ПСИ НА
 ПЪЩА ПЪЩА ПЪЩА

ЧОРНА ДЪВКА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

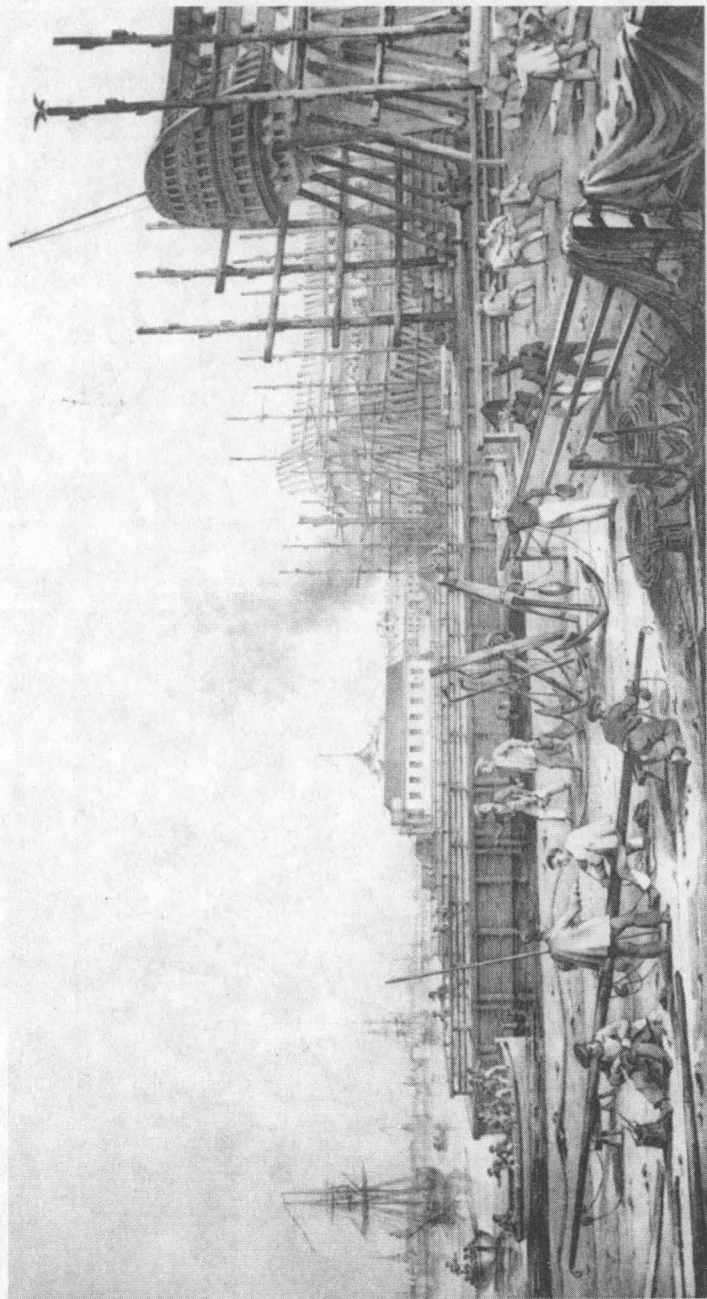
МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

МАША ВЪЩА
 ВЪЩА ВЪЩА
 МАША ВЪЩА

Как мыши kota хоронили. Лубок



Адмиралтейская верфь: создание русского военно-морского флота



Невский проспект зимой (Санкт-Петербург)



Нижегородские купцы. Чаепитие. 1850 г.



Староверы Семеновского уезда Нижегородской губернии.
Конец XIX в.



Крестьянин с плугом на своем поле. Конец XIX в.



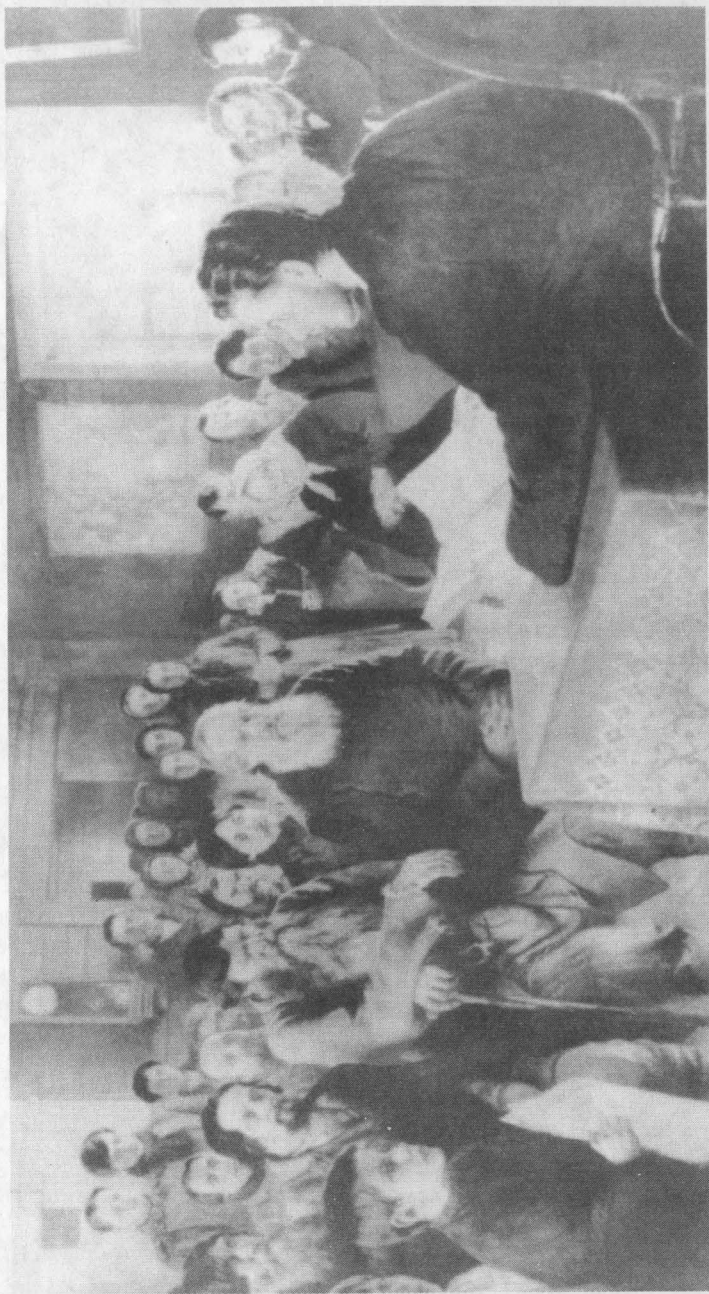
Сельские старшины у земского начальника. Конец XIX в.



Памятник генералу М. Д. Скобелеву. Москва, 1890 г.



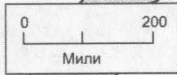
Татарские скотоводы на временной стоянке. 1900 г.



Жители деревни слушают агитатора во время революции 1905 г.

КАРТЫ

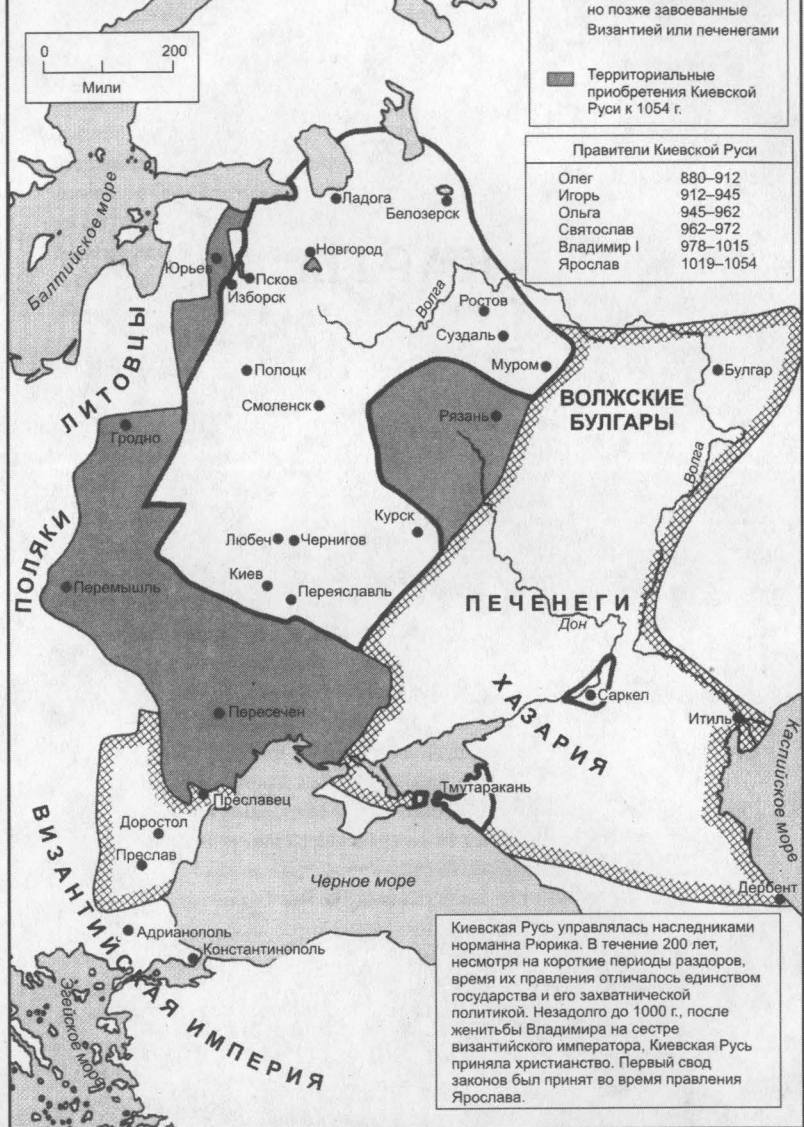
Киевская Русь, 880–1054 гг.



Киевская Русь до 900 г.
 Земли, выплачивавшие дань Святославу до 970 г., но позже завоеванные Византией или печенегами
 Территориальные приобретения Киевской Руси к 1054 г.

Правители Киевской Руси

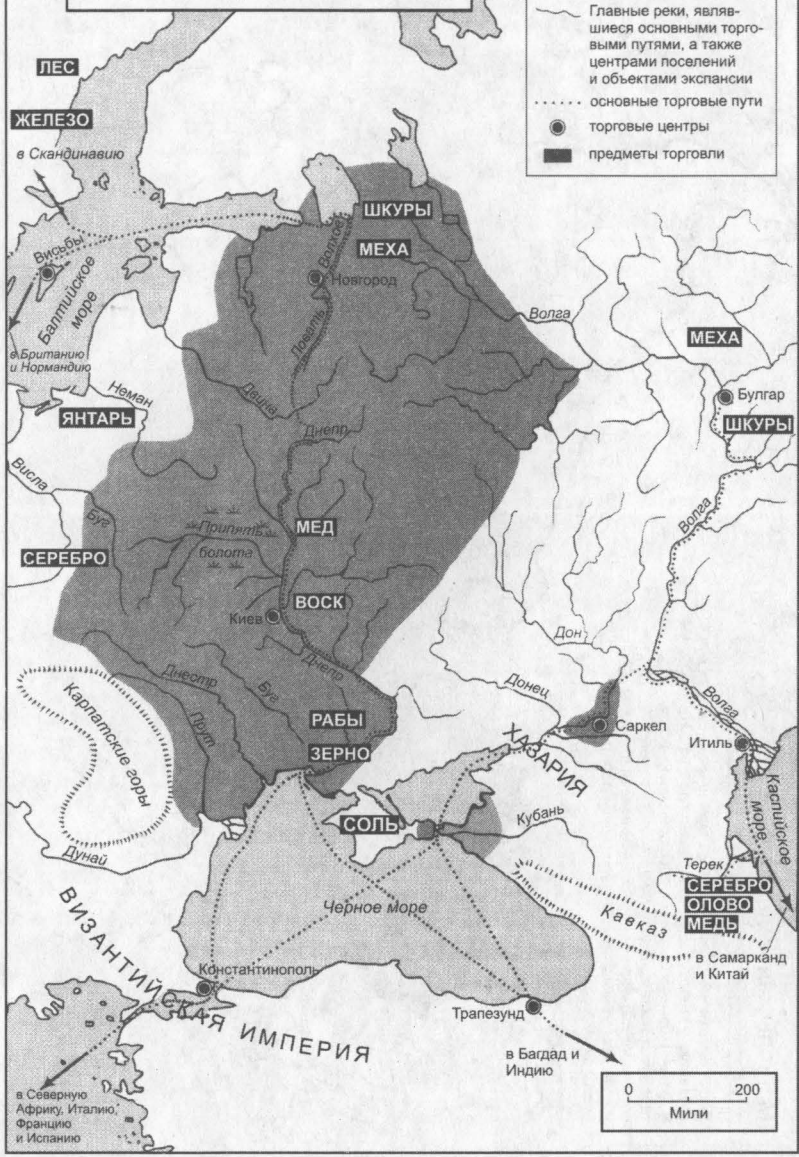
Олег	880–912
Игорь	912–945
Ольга	945–962
Святослав	962–972
Владимир I	978–1015
Ярослав	1019–1054



Киевская Русь управлялась наследниками норманна Рюрика. В течение 200 лет, несмотря на короткие периоды раздоров, время их правления отличалось единством государства и его захватнической политикой. Незадолго до 1000 г., после женитьбы Владимира на сестре византийского императора, Киевская Русь приняла христианство. Первый свод законов был принят во время правления Ярослава.

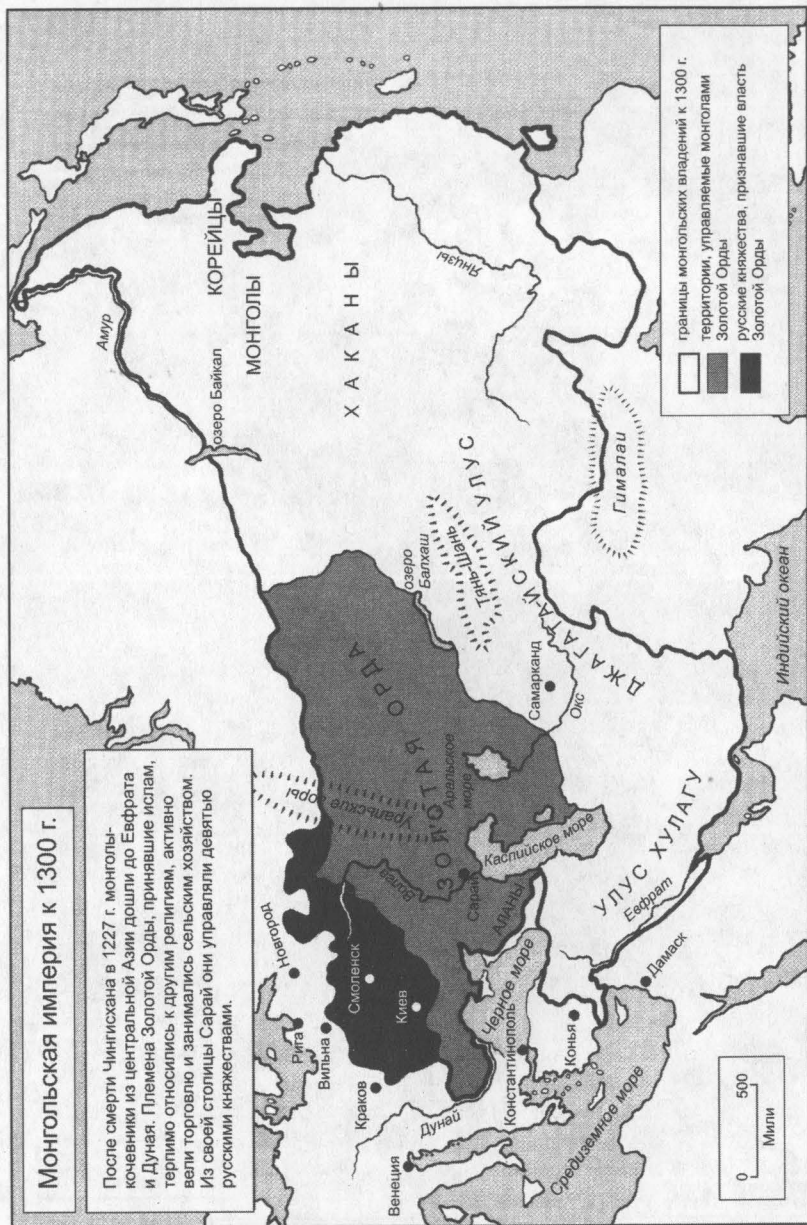
Реки и торговля в 1000 г.

- Киевская Русь в 1050 г.
- Главные реки, являвшиеся основными торговыми путями, а также центрами поселений и объектами экспансии
- основные торговые пути
- торговые центры
- предметы торговли



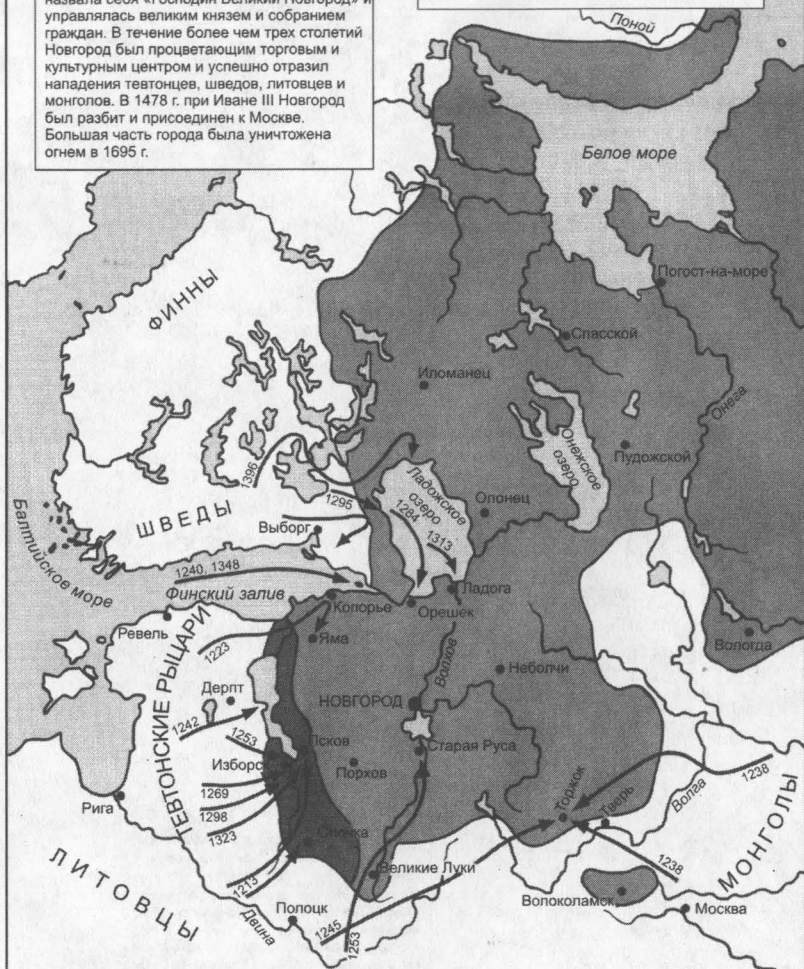
Монгольская империя к 1300 г.

После смерти Чингисхана в 1227 г. монгольско-кочевники из центральной Азии дошли до Евфрата и Дуная. Племена Золотой Орды, принявшие ислам, терпимо относились к другим религиям, активно вели торговлю и занимались сельским хозяйством. Из своей столицы Сарай они управляли девятью русскими княжествами.

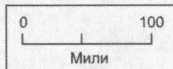


Новгородская республика получила право на самоуправление от Киевской Руси в 997 г. и полную независимость в 1136 г. Республика назвала себя «Господин Великий Новгород» и управлялась великим князем и собранием граждан. В течение более чем трех столетий Новгород был процветающим торговым и культурным центром и успешно отразил нападения тевтонцев, шведов, литовцев и монголов. В 1478 г. при Иване III Новгород был разбит и присоединен к Москве. Большая часть города была уничтожена огнем в 1695 г.

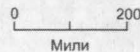
Новгородская республика, 1136–1478 гг.



- Территория Новгородской республики, 1136—1478 гг.
- Псковская область, получившая независимость от Новгорода в 1348 г.
- Главные военные нападения на республику со стороны шведов, тевтонских рыцарей, литовцев и монголов, с датами

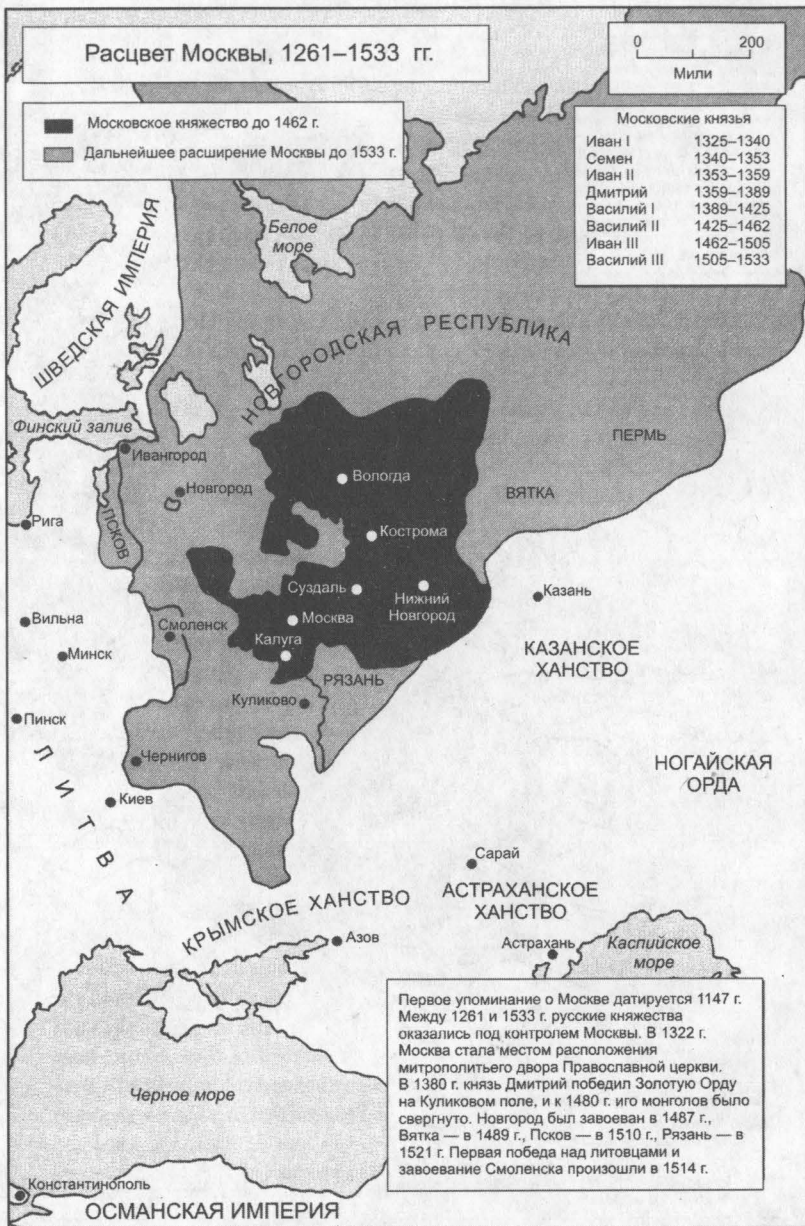


Расцвет Москвы, 1261–1533 г.



- Московское княжество до 1462 г.
- Дальнейшее расширение Москвы до 1533 г.

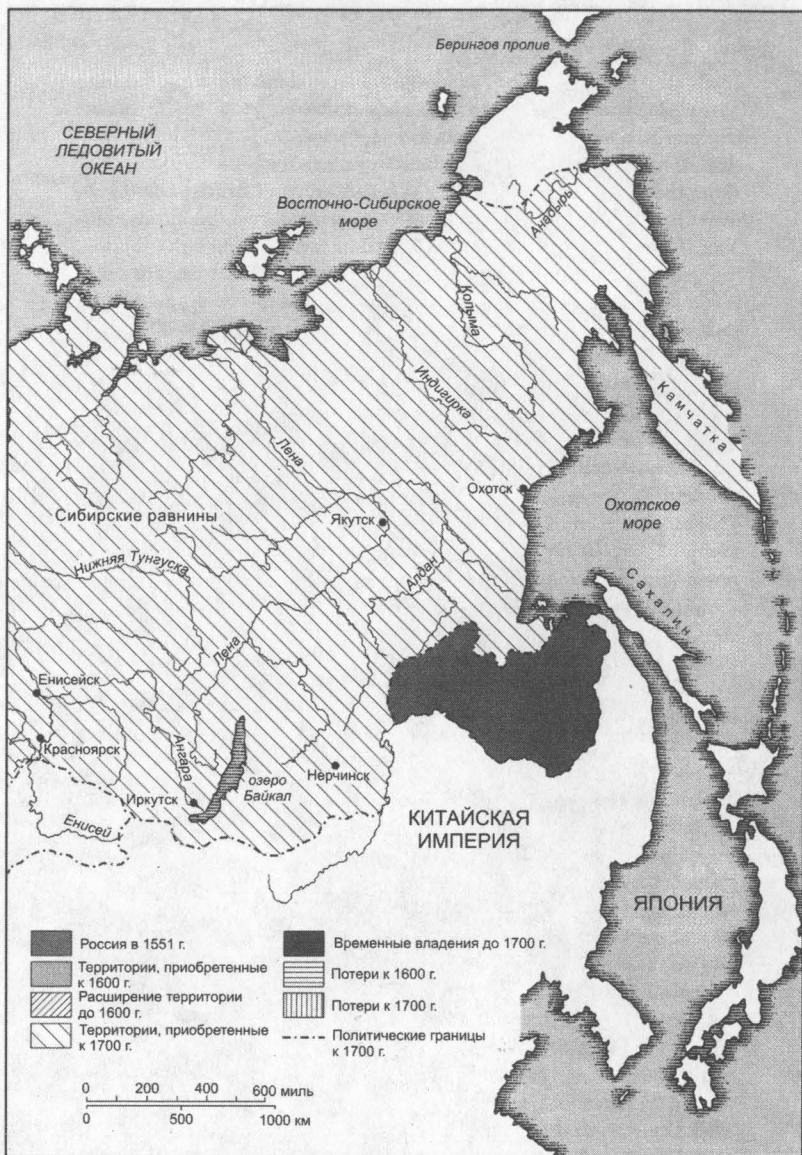
Московские князья	
Иван I	1325–1340
Семен	1340–1353
Иван II	1353–1359
Дмитрий	1359–1389
Василий I	1389–1425
Василий II	1425–1462
Иван III	1462–1505
Василий III	1505–1533



Первое упоминание о Москве датируется 1147 г. Между 1261 и 1533 г. русские княжества оказались под контролем Москвы. В 1322 г. Москва стала местом расположения митрополитского двора Православной церкви. В 1380 г. князь Дмитрий победил Золотую Орду на Куликовом поле, и к 1480 г. иго монголов было свергнуто. Новгород был завоеван в 1487 г., Вятка — в 1489 г., Псков — в 1510 г., Рязань — в 1521 г. Первая победа над литовцами и завоевание Смоленска произошли в 1514 г.

Территория Московии, 1550–1700 гг.





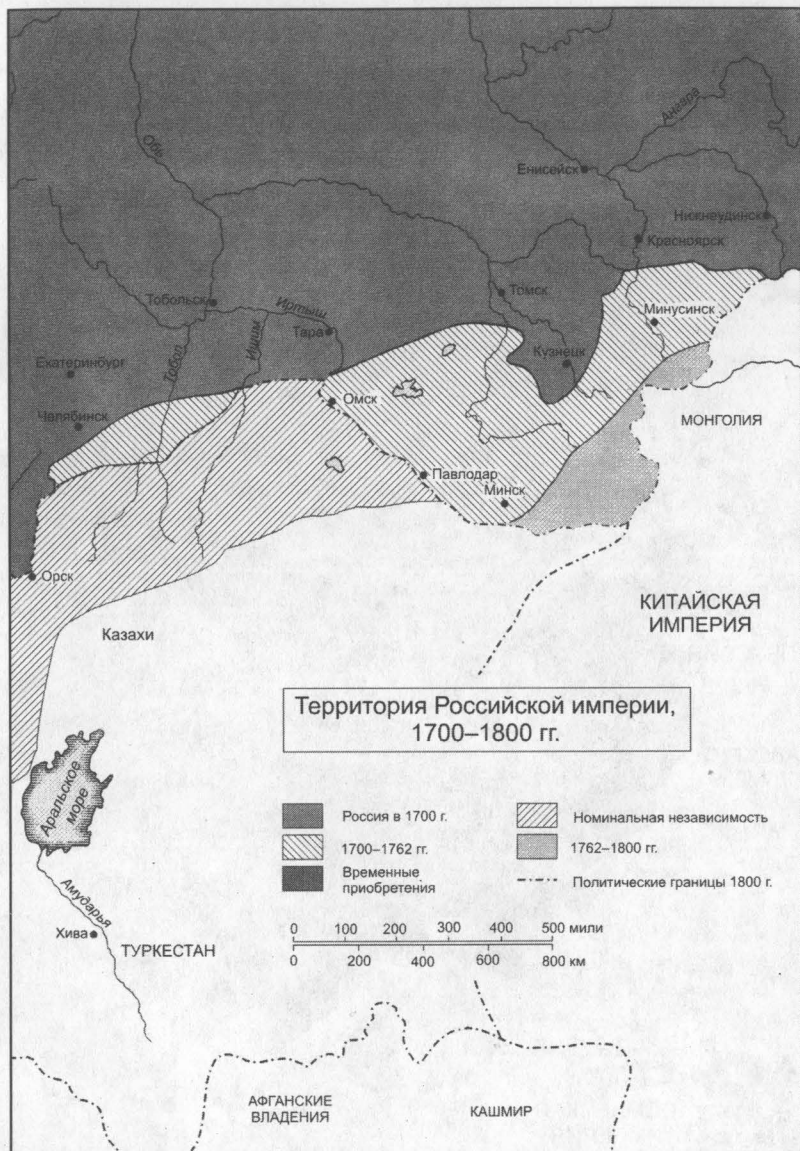
Московия, 1533–1598 гг.

- Московия в 1533 г.
- Неудачная военная экспедиция против крымских татар, 1556–1559 гг.
- Московские завоевания к 1598 г.
- Города, образовавшиеся в 1584–1594 гг. с датами



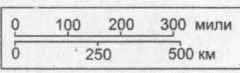
Иван IV стал великим Московским князем в 1533 г. В 1547 г. он был коронован и стал «царем всея Руси». Он завоевал Казанское ханство в 1552 г., Астраханское — в 1556 г. и монголов к востоку от Урала — в 1584 г. В 1583 г. шведы завоевали Ингрию, и Россия потеряла выход к Балтийскому морю, но вновь приобрела его во время правления царя Федора (1584–1598).





ЗАПАДНАЯ РОССИЯ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Русские провинции в 1750 г.
 Территория, аннексированная Россией в 1762–1796 гг., с присоединением которой Россия получила выход к Черному морю и общую границу с Пруссией и Австрией.

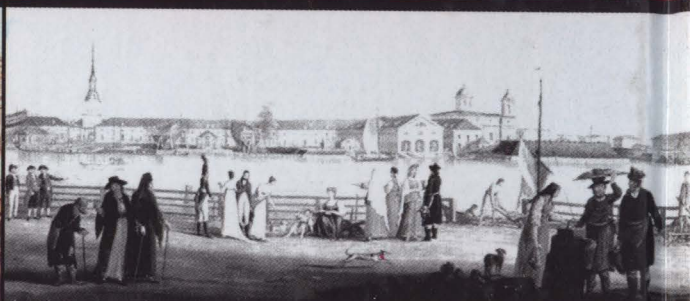


ПЕРСИЯ

РОССИЯ И РУССКИЕ

Джеффри Хоскинг

ВЗГЛЯД ЗАПАДА НА РОССИЮ



Как ни парадоксально это звучит, наиболее интересные — в смысле оригинальности и нетрадиционности взгляда — исследования истории НАШЕЙ СТРАНЫ всегда, с древнейших времен, создавали ИНОСТРАНЦЫ. Почему?

Возможно, здесь сказывается суровая непредвзятость ОБЪЕКТИВНОГО НАУЧНОГО КРИТИЦИЗМА? Возможно, нам любопытна сама попытка «понять Россию умом»? Возможно...

Впрочем, прочитайте в чем-то явно спорную и неоднозначную, но в чем-то — бесконечно точную книгу специалиста по истории России, профессора Лондонского университета Джеффри Хоскинга «Россия и русские» — и решайте сами! ...Спорьте. Не соглашайтесь. Размышляйте!

ISBN 5-17-020088-9



9 785170 200887